

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
Theoretical and Applied Law

Законы должны идти рука об руку
с прогрессом человеческой души.

Томас Джефферсон

Волос А. А.

**Основание построения системы
принципов гражданского права:
концепции социального назначения
права и экономического анализа права**

Образцова А. И.

**Правила въезда иностранных граждан
в Российскую Федерацию**

Рыбин А. И.

**Легитимация этических стандартов
правового регулирования искусственного
интеллекта в практике отечественного
правотворчества и правоприменения**

Глухов Е. А.

**Пробелы правового регулирования
процесса лишения ученой степени**

№ **1 (27)**

ISSN 3034-2813

2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

РАЗУБАЕВ Николай Викторович, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АВЕРЬЯНОВА Наталья Николаевна, доктор юридических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов; профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов

ГРИШКОВЕЦ Алексей Алексеевич, профессор, доктор юридических наук, Институт государства и права Российской академии наук, Москва

ЕСКИНА Людмила Борисовна, профессор, доктор юридических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор, доктор юридических наук, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, судья Конституционного Суда РФ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЛУКОВСКАЯ Дженевера Игоревна, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

МАНИН Ярослав Валерьевич, кандидат юридических наук, федеральный судья в отставке, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва; представитель Science Publishing Group (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии; Соединенные Штаты Америки) в Российской Федерации

МОГИЛЕВСКИЙ Станислав Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института права и национальной безопасности, заслуженный юрист РФ, Москва

МОЛОТНИКОВ Александр Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

ПОВОРОВА Елена Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва

ПОЛЯКОВ Андрей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПОПОНДОПУЛО Владимир Федорович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

СЕРГЕВНИИ Сергей Львович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

ХОХЛОВ Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Феликс Вакас ФЕРНАНДЕС, доктор философии в области права (специализация в области прав человека), доцент публичного международного права и международных отношений, Университет им. Карлоса III, Мадрид, Испания

Кармен Перес ГОНСАЛЕС, доктор философии в области права, профессор публичного международного права и международных отношений, заместитель декана по международному сотрудничеству и академическим обменам, Университет им. Карлоса III, Мадрид, Испания

Киммо НУОТИО, профессор уголовного права, Университет, Хельсинки, Финляндия

Бъярн МЕЛКЕВИК, профессор Университета Лавала, Квебек, Канада

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оформление, 2026

© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оформление, 2026

CHIEF EDITOR

Nikolay V. Razuvaev, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint Petersburg

EDITORIAL COUNCIL

Natalya N. Averyanova, Doctor of Science, Associate Professor, Saratov State Law Academy, Saratov; Professor, Saratov State University, Saratov

Aleksey A. Grishkovets, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Institute of State and Law of Russian Academy of Science, Moscow

Lyudmila B. Eskina, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint Petersburg

Valentina V. Komarova, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Sergey D. Knyazev, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Dzhenevra I. Lukovskaya, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honorary Professor of Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Iaroslav V. Manin, PhD in Jurisprudence, federal judge in retirement, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow; publisher representative of the Science Publishing Group

Stanislav D. Mogilevsky, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Institute of Law and National Safety, Moscow

Alexander E. Molotnikov, PhD in Jurisprudence, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Elena A. Povorova, PhD in Jurisprudence, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

Andrey V. Polyakov, Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Vladimir F. Popondopulo, Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Sergey L. Sergevnin, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (Jurisprudence), North-West Institute of management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg

Evgeniy B. Khokhlov (Hohlov), Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Bjarne Melkevik, Professor, Faculty of Law, University Laval, Quebec, Canada

Felix Vacas Fernandez, PhD in Jurisprudence (specialization in human rights), Associate Professor of Public International Law and International Relations, University Charles III of Madrid, Madrid, Spain

Maria Carmen Pérez González, PhD in Jurisprudence, Professor of Public International Law and International Relations, University Charles III of Madrid, Madrid, Spain

Kimmo Nuotio, Professor of criminal law, University of Helsinki, Helsinki, Finland

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Разуваев Н. В.

Периодические научные издания и правовая коммуникация 6

СТАТЬИ

Чащухин Е. О.

Права человека в учении Карла Маркса и их интерпретация 11

Рыбин А. И.

Легитимация этических стандартов правового регулирования искусственного интеллекта
в практике отечественного правотворчества и правоприменения 26

Образцова А. И.

Правила въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию 43

Глухов Е. А.

Пробелы правового регулирования процесса лишения ученой степени 54

Берзинь О. А., Бабинцев И. И.

Регулирование использования радиочастотного спектра и радиоконтроль
в Российской Федерации 67

Тихалева Е. Ю.

Развитие института конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации:
правовые и организационные аспекты 81

Боголюбов Е. А., Дидикова М. В.

Реформирование экзаменационных комиссий по приему экзамена на должность судьи:
цели, результаты, перспективы. 94

Мануков А. С.

Взаимодействие представительного и исполнительного органов местного самоуправления 107

Елаев А. А.

Правопреемственность государственных наград
Тувинской Народной Республики после вхождения ее в состав СССР 117

Демкин В. О.

Персональные данные как вид конфиденциальной информации в условиях формирования
электронного государства 126

Сухов С. А.

Отдельные аспекты защиты внешнеэкономической деятельности прокуратурой 139

Волос А. А.

Основание построения системы принципов гражданского права: концепции социального
назначения права и экономического анализа права 150

Рашидова А. И., Шубников Ю. Б., Кузин Н. Н.

Особенности гражданско-правового регулирования договора поставки: актуальные вопросы
и проблемы 161

Майборода В. А.

Зонирование и вещные права на земельные участки: поиск баланса публичного
и частного интересов 173

Хусаинов Г. Э.

Влияние судебной практики на правовое регулирование криптовалют и майнинга в Российской
Федерации и Великобритании 184

ОБЗОР

Тонков Е. Н., Ложкин М. А.

«Взаимодействие публичного и частного в современном правопорядке»:
обзор Международной научной конференции «Седьмые Баскинские чтения»
(Санкт-Петербург, 29 октября 2025 г.) 198

Content

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Razuvaev N. V.

Academic Periodicals and Legal Communication 6

ARTICLES

Egor O. Chashchukhin

Human Rights in the Doctrine of Karl Marx and Their Interpretation. 11

Aleksandr I. Rybin

Legitimization of Ethical Standards of Legal Regulation of Artificial Intelligence
in the Practice of Russian Law-making and Law Enforcement Processes 26

Anastasia I. Obraztsova

Rules of Entry of Foreign Citizens to the Russian Federation 43

Evgeny A. Glukhov

Gaps in the Legal Regulation of the Academic Degree Deprivation Process 54

Olga A. Berzin, Ivan I. Babintsev

Radio frequency regulation and radio monitoring in the Russian Federation 67

Elena Yu. Tikhaleva

Development of the Institute of Constitutional (Charter) Councils of the Subjects
of the Russian Federation: Legal and Organizational Aspects 81

Egor A. Bogolyubov, Marina V. Didikova

Reform of the Examination Boards for Admission to the Position of Judge:
Goals, Results, Prospects 94

Aleksandr S. Manukov

Interaction Between Representative and Executive Bodies of Local Self-Government 107

Alexey A. Elaev

Continuity of State Awards of the Republic of Tuva after its Incorporation into the USSR. 117

Vladislav O. Demkin

Personal Data as a Type of Confidential Information in the Context
of Developing an Electronic State 126

Sergei A. Sukhov

Certain Aspects of the Protection of Foreign Economic Activity by the Prosecutor's Office. 139

Aleksei A. Volos

The Basis for Building a System of Principles of Civil Law:
Concepts of Social Purpose of Law and Economic Analysis of Law 150

Asel I. Rashidova, Yuriy B. Shubnikov, Nikolay N. Kuzin

Features of Civil Law Regulation of Supply Contracts: Current Issues and Problems. 161

Viktor A. Mayboroda

Zoning and Proprietary Rights to Land Plots: Finding a Balance of Public and Private Interests 173

Grigory E. Khusainov

The Impact of Judicial Practice on the Legal Framework of Cryptocurrencies
and Mining in the Russian Federation and the United Kingdom 184

OVERVIEW

Evgenii N. Tonkov, Mikhail A. Lozhkin

"Interaction of the public and private in the modern legal order":
review of the International Scientific Conference "Seventh Baskin Readings"
(St. Petersburg, October 29, 2025) 198

Николай Викторович Разуваев,
главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Academic Periodicals and Legal Communication

Одной из важных задач, стоящих перед любым периодическим изданием (и журнал «Теоретическая и прикладная юриспруденция» здесь исключения не составляет), является участие в формировании исследовательской повестки и тем самым определение путей развития отечественной науки, как на ближайшее время, так и в более отдаленной перспективе. В самом деле, если мы задумаемся над тем, какую миссию выполняли журналы в нашей стране начиная с XIX столетия, с полным на то основанием получившего признание в качестве «золотого века» русской журналистики, то поймем, что данный социокультурный феномен изначально имел своей целью не только доведение до широкой читательской аудитории произведений художественного творчества и результатов научно-исследовательской деятельности.

Хотя тиражирование научных и литературных текстов являлось бесспорным и осязаемым достижением «эпохи Гутенберга», сделавшей доступным любому грамотному человеку то, что на протяжении многих столетий составляло сакральную тайну, тщательно скрываемую в тишине монастырских скрипториев, научных лабораторий и университетских библиотек, в этом всё более массовом тиражировании не следует видеть единственное предназначение журнала как социокультурного и исторического феномена. Примечательно, что, по мере того как получают распространение журналы и иные печатные издания, утрачивает свое значение индивидуальная корреспонденция, являвшаяся важным жанром научной литературы в античности, в Средние века и даже в XVI–XVII вв., когда печатный станок начинает всё активнее влиять на процессы культурной, в том числе правовой, коммуникации.

Характерно, что в это время практически не издавались научные статьи как произведения малого жанра, посвященные обсуждению конкретных вопросов и частных результатов исследований, в этом качестве выступали письма, имевшие одного или нескольких адресатов и (по крайней мере, изначально) не предназначенные для широкого опубликования¹. Такая переписка заметно сокращала объем общедоступной научной информации, содержащейся в основном в развернутых сочинениях монографического характера². Ситуация кардинально меняется с появлением периодических печатных изданий, не

© Разуваев Н. В., 2026

© Razuvaev N. V., 2026

¹ См. подробнее: Калашников С. Г. Переписка как форма научной коммуникации раннего Нового времени // Язык: категории, функции, речевое действие. В 3 ч. Ч. I. М.: МГПУ; Коломна: ГСГУ, 2022. С. 47.

² С учетом сказанного представляются совершенно фантастическими творческие возможности некоторых античных и средневековых мыслителей и ученых, создававших сотни текстов, каждый из которых являлся полноценной «монографией», в современном значении данного слова. В этом отношении весьма показателен пример древнегреческого философа-стоика Хрисиппа (III в. до н. э.), который, по словам Диогена Лаэртского, «трудолюбием... превзошел всех и каждого — это видно из его сочинений, число которых свыше 705». (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 300). Приведенный пример свидетельствует об уникальной даже по современным меркам плодovitости авторов догутенберговской эпохи, чья способность к текстопорождению ограничивалась лишь спецификой письменного материала, т. е. его дороговизной и необщедоступностью. См.: Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М.: Высшая школа, 1979.

только давших авторам возможность оперативно и своевременно размещать на их страницах свои работы, имевшие относительно небольшой размер и узкий предмет обсуждения, но и активизировавшие процесс осмысления тех явлений, которые возникали в окружающей социальной реальности.

Так, уже в Российской империи влиятельные журналы (такие, например, как «Отечественные записки», «Современник», «Москвитянин», «Вестник Европы» и др.) играли ведущую роль в обсуждении злободневных проблем общественной жизни, выступая центрами притяжения для культурных и политических деятелей, разделявших программу соответствующих журналов, что позволяло этим последним воздействовать на свою аудиторию, устанавливая цели и перспективные направления научного поиска, а также практической деятельности. Стоит отметить, что на раннем этапе своего развития «толстые» журналы (в том числе журналы юридические) занимали промежуточное положение между современным специализированным периодическим изданием и альманахами, где публиковались поистине безразмерные произведения, ярким примером чему служит хрестоматийная статья Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве», объем которой составлял почти 10 авторских листов, не разделенных на какие-либо смысловые структурные единицы³.

Подобное смешение форматов, вызывавшее критику уже в ту эпоху (вспомним иронические замечания Ф. М. Достоевского, вложенные писателем в уста одного из своих персонажей)⁴, отнюдь не покажется странным с учетом того обстоятельства, что и многие современники Добролюбова, в том числе Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, М. А. Антонович и др., рассматривали жанровые требования, предъявляемые к журнальным статьям, в качестве ни к чему не обязывающей условности. Эта традиция получила свое развитие и в советский период, примерами чему могут служить «Новый мир», «Октябрь», «Звезда» и другие «толстые» журналы, на страницах которых соседствовали литературные произведения, научные исследования, публицистические статьи, а порой информация о наиболее важных политических событиях, технических достижениях, художественных выставках и иных значимых явлениях, формировавших тот необходимый контекст, в котором журнальные публикации приобретали многомерность, наполняясь новыми смыслами. Неслучайно в наши дни ученые старшего и среднего поколения, к числу которых я отношу и самого себя, воспитанные на советских толстых журналах, воспринимают жесткие ограничения объема журнальных статей (равно как и сами по себе малые жанры, к которым тяготеют эти последние) в качестве ничем не оправданной меры, препятствующей полноценному раскрытию научной мысли и ее всестороннему обоснованию.

Бесспорно, универсальные издания, о которых шла речь, сейчас утрачивают присущее им значение, сама их необходимость ставится под сомнение в цифровом пространстве, где любой желающий может получить разнообразную информацию, отвечающую его потребностям и вкусам. Примечательно, что одной из немногих областей культурной коммуникации, где и сегодня сохраняют свое значение периодические издания, является коммуникация правовая, в самом широком смысле включающая в себя, наряду с доктринальным творчеством и юридическим консультированием, порождение законодательных и иных текстов, выполняющих регулятивную функцию. Это обусловлено спецификой правовой коммуникации, которая, по словам А. В. Полякова, «связана как с познанием, так и с отношением к познанному, а также и с действием в соответствии с познанным. Поэтому социальная коммуникация включает в себя информационный (рациональный), эмоционально-ценностный (иррациональный) и праксеологический (деятельный) уровни»⁵.

Одним из необходимых условий правовой регуляции, трактуемой в качестве коммуникативного взаимодействия между адресантом и адресатами правовых предписаний, является, как известно, формальная определенность последних, достигаемая посредством опубликования нормативных актов (законов и подзаконных актов) в официальных источниках с целью доведения указанных актов до сведения адресатов в аутентичном виде. Очевидно, что официальный характер в данном случае будет выступать

³ См.: Добролюбов Н. А. Луч света в темном царстве // Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. VI / Под ред. В. П. Кранихфельда. СПб.: Типо-литография АО «Самообразование», 1911. С. 15–141.

⁴ См.: Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 30 т. Т. 3. М.: Наука, 1973. С. 135–136.

⁵ Поляков А. В. Право и коммуникация // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 25.

своеобразной гарантией соответствия содержания коммуникативным задачам сторон, исключающей различного рода конфликты интерпретации, затрудняющие его практическое применение. С учетом же того обстоятельства, что в любой нормативный правовой акт в течение всего периода его действия вносятся неоднократные изменения, подчас значительно трансформирующие содержание соответствующего акта, важной практической задачей становится своевременное опубликование данных изменений, делающее необходимой юридическую периодику.

Что касается эпистемологического (научно-рационального) аспекта правовой коммуникации, здесь также возникает проблема, аналогичная той, которая была отмечена выше, применительно к нормативным юридическим актам. Речь идет о необходимости доведения результатов научных исследований до сведения широкой читательской аудитории. Причем, подобно тому, как условный «законодатель», выступающий автором и адресантом нормативных правовых предписаний, вносит систематические изменения в нормативный акт, стремясь достичь его наиболее полного соответствия эволюционирующей социальной действительности, точно так же и автор научной работы свободен вносить в нее любые изменения до тех пор, пока она не будет опубликована на страницах журнала или иного издания.

Попутно следует уточнить, что в сфере нормативной коммуникации законодатель является хотя и ведущим, но далеко не единственным создателем юридических текстов. В самом деле, в различных культурно-исторических условиях и в рамках различных правовых традиций регулятивная функция может реализовываться различными субъектами, обладающими авторитетом, достаточным для того, чтобы устанавливать правила поведения. К вопросу о неоднозначности данного термина в диахронной ретроспективе мне уже неоднократно приходилось обращаться, в том числе на страницах журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», поэтому здесь под «правилом» я понимаю не только норму общего характера, рассчитанную на неоднократное применение и неограниченно широкий круг лиц, но и в принципе любое предписание, исполнение которого обязательно для адресата.

Заслуживают особого внимания ситуации неофициального нормотворчества, прежде всего доктринального, в котором регулятивная функция оказывается неотделимой от эпистемологической⁶. В пределе юридическую коммуникацию уместно рассматривать в качестве своеобразной автокоммуникации, осуществляемой человеческим сообществом как органической целостностью, имеющей своей конечной целью конструирование правовой реальности разнообразными знаково-символическими средствами⁷. Поэтому можно сделать вывод, что в юридической коммуникации на всех ее уровнях тексты (будь то тексты нормативные или научно-эпистемологические) существуют лишь постольку, поскольку они доведены до сведения адресатов, то есть условием их бытия в качестве смыслового единства, обладающего завершенной семиотической формой, выступает вовлечение в процессы общения между автором и аудиторией.

Таким образом, периодические издания (в том числе научные журналы) играют роль необходимого средства правовой коммуникации, в отсутствие которого сама эта последняя становится затруднительной, если вообще возможной. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, вспомним проблемы, возникавшие в дожурнальную (вообще в «догутенберговскую» эпоху), когда для обнародования юридических текстов приходилось использовать различного рода «эрзацы», более или менее успешно замещавшие собой официальные источники опубликования. Например, в Римской империи III–V вв. в этой роли выступали своеобразные «справочники» (кодексы), составленные юристами для использования в работе должностных лиц и принятия решений в судах.

В дальнейшем эту традицию, у истоков которой стояли *Codex Gregorianus*, *Codex Hermogenianus*, а также *Collatio Legum Romanorum et Mosaicarum*, продолжили уже официальные кодификации, самой известной из которых являлся Свод гражданского права (*Corpus Iuris Civilis*) императора Юстиниана. В каждой из таких кодификаций их составители стремились достичь высокой степени формальной определенности правовой информации, устранив разночтения, порождаемые несовершенством источников

⁶ См.: Новиков П. Д. Доктринальный фактор правовой коммуникации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 15–23. DOI: 10.5922/vestnikhum-2025-1-2

⁷ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 163 и след.

и каналов связи, в том числе существованием многочисленных и зачастую конкурирующих между собой рукописей, содержащих различные неточности, а также ошибки в воспроизведении соответствующего материала⁸. С переходом от графической к печатно-графической коммуникации повышается, с одной стороны, уровень формальной определенности научных и иных юридических текстов, с другой стороны, степень ответственности их адресатов, на которых самой культурой налагается обязательство исключать произвольные интерпретации, лежащие в основе противоправного, а также иных видов девиантного поведения.

В условиях смысловой неопределенности, присущей «ситуации постмодерна»⁹, происходит проблематизация тех принципов, включая принципы аксиологические, на которых зиждилась правовая коммуникация в «Галактике Гутенберга». Одним из наиболее тревожных проявлений указанной тенденции являются попытки переосмыслить, с позиции тотального релятивизма, многие устоявшиеся юридические ценности и категории, в частности, категорий преступления, девиации и т. п., поддержанные, к сожалению, отдельными криминологами (в том числе такими влиятельными учеными, как Я. И. Гилинский), излишне, на мой взгляд, буквально воспринявшими интеллектуальную программу постмодернизма. В этой связи возникает проблема, требующая особо пристального внимания и обсуждения на страницах юридической периодики, в том числе и нашего журнала, а именно проблема аксиологической природы правовой коммуникации и соотношения универсальных и партикулярных аспектов основных юридических ценностей.

На мой взгляд, специфика правовых ценностей, прежде всего таких, как гуманизм, справедливость, ответственность, юридическое равенство и т. п., определяется следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, основываясь на принципе взаимного признания, выступающем необходимой онтологической предпосылкой правового общения¹⁰, эти ценности изменяются во времени, причем данные изменения во многом имеют поступательный характер, поскольку в них с течением времени получает всё более глубокую и всестороннюю реализацию взаимное признание индивидов. Соответственно этому совершенствуются формально-логические, знаково-символические, а также иные средства правового общения.

Как следствие, эволюция правовой коммуникации может быть представлена как стадийный процесс, на каждом последующем этапе которого возникают новые, более совершенные способы конструирования правовой реальности, категоризирующие ее аксиологическую основу, а именно юридические факты, субъективные права и обязанности, а в дальнейшем — юридические нормы и нормативные комплексы, в которых правовые ценности приобретают общезначимость для неограниченного круга субъектов коммуникации¹¹. Во-вторых, по своей природе правовые ценности принадлежат (в отличие от рассматриваемых ранее) уже не к одной только материи социального мира, но и к его духовному бытию, и в этом своем качестве они непосредственно связаны с духовными ценностями более высокого порядка, а именно с ценностями моральными, выступающими аксиологическими коррелятами юридических ценностей, эстетическими и религиозными.

Характерной чертой правовых ценностей следует считать их тесную связь с культурными традициями, каждая из которых имеет уникальный характер и контекстуально обусловлена социально-психологическими, культурно-историческими и цивилизационными особенностями народа, являющегося носителем соответствующей традиции. Традиционность правовых ценностей означает их неизменяемость в перспективе «долгого времени», позволяющую таким ценностям выполнять интегративную функцию, обеспечивая историческую преемственность, способствующую передаче социального и культурного опыта от поколения к поколению. Именно обусловленность историческими традициями выступает предпосылкой известной смысловой амбивалентности большинства духовных ценностей, включая ценности

⁸ См. подробнее: *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетея, 2001. С. 167 и след.

⁹ См. об этом: *Люотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.

¹⁰ См.: *Поляков А. В.* Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 6. С. 55 и след.

¹¹ См.: *Хофельд У.* Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3 (302). С. 212.

правовые, которые, с одной стороны, обладают наивысшей степенью релевантности для всех носителей традиции, воспринимающих укорененные в ней ценности как нечто естественное и самоочевидное, причем самоочевидное не только рефлексивно, но и интуитивно.

С другой стороны, множественность культурных традиций, каждой из которых присущи собственные языковые универсалии и основанная на них ментальность, а также специфическая для данной традиции картина мира, предопределяет известную множественность, плюралистичность в интерпретации духовных ценностей как в синхронии, так и в диахронном измерении. Необходимым (и неизбежным) моментом ценностного плюрализма служат конфликты интерпретаций, выступающие водоразделами для различных традиций, в том числе исторически восходящих к одному и тому же истоку¹².

Плюрализм культурных традиций, от которых неотделимы духовные ценности, в том числе ценности правовые, создает предпосылки не только для конфликтов интерпретаций юридических текстов, но и для диалога культур и цивилизаций, направленного на достижение, пусть и в отдаленной исторической перспективе, общечеловеческого единства, проявляющегося в том числе и в многообразии ценностей. Полагаю, что важная миссия любого периодического научного издания состоит в том, чтобы обеспечить это единство в многообразии, обеспечивающего взаимопонимание и взаимное признание участников правовой коммуникации на основе общих для них ценностей.

¹² См.: Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. С. 100.

Права человека в учении Карла Маркса и их интерпретация

Чашухин Е. О.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

E-mail: eochaschukhin@hse.ru

Аннотация

Введение: статья анализирует взгляды Карла Маркса на права человека и основные линии их интерпретации в философии и теории права. Цель — систематизировать подходы к чтению марксовой критики прав и уточнить, в каком смысле она направлена против «прав человека» модерна.

Методы и материалы: использованы сравнительный, структурный и герменевтический методы, а также инструментарий критической теории. Интерпретаторы Маркса типологизируются с учетом контекста их высказываний и исследовательских задач.

Результаты исследования и обсуждение: обосновано разделение интерпретаторов на «практиков» и «теоретиков»: первые чаще ангажированы политической конъюнктурой и поэтому дают непоследовательные трактовки, ограниченно пригодные для научного анализа. Теоретические интерпретации сведены к трем типам: 1) «объединительный» (марксизм расширяет либеральные идеи, усиливая акцент на позитивных свободах), 2) «примирительный» (марксизм совместим с правами человека при отказе от их буржуазной трактовки), 3) «ортодоксальный» (права человека — продукт капитализма и инструмент идеологии). Показано, что Маркс критиковал прежде всего буржуазно-формальные права, но не отрицал саму идею прав; в ряде текстов он апеллирует к «естественному закону».

Выводы: позиция Маркса по правам человека требует чтения через его критический метод и общую философскую программу (преодоление отчуждения, проект бесклассового общества). Это делает наиболее продуктивной «примирительную» интерпретацию как объясняющую критику буржуазных форм права без приписывания Марксу простого отрицания прав как таковых.

Ключевые слова: права человека; Карл Маркс; марксизм; критика прав человека; критическая теория; естественное право.

Для цитирования: Чашухин Е. О. Права человека в учении Карла Маркса и их интерпретация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 11–25. EDN: ZTJMOG

Финансирование: работа выполнена в рамках научного проекта «Сравнительно-историческое правоведение».

The article was submitted: 12.04.2025

Last review received: 12.08.2025

The article accepted for publication: 09.09.2025

Human Rights in the Doctrine of Karl Marx and Their Interpretation

Egor O. Chashchukhin

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

E-mail: eochaschukhin@hse.ru

Abstract

Introduction: The article examines Karl Marx's views on human rights and the main approaches to interpreting them in philosophy and legal theory. It aims to systematize interpretive strategies and clarify what exactly Marx's critique targets.

Materials and methods: The study employs comparative, structural, and hermeneutic methods, as well as approaches characteristic of critical theory. Interpreters are classified with attention to the context of their claims and the purposes of their readings.

Results: The article argues for distinguishing Marx's interpreters into "practitioners" and "theorists". Practitioners' readings are often shaped by political circumstances and may be inconsistent, limiting their analytical value. Theorists' interpretations are grouped into three types: 1) unifying (Marxism extends liberal ideas by emphasizing positive freedoms), 2) reconciliatory (Marxism can be compatible with human rights, though not in their bourgeois form), and 3) orthodox (human rights are a capitalist product and an ideological instrument). Marx's position is shown to be complex: he criticizes bourgeois rights as formal and interest-serving, yet does not reject the idea of rights as such; in several texts he appeals to "natural law."

Conclusion: Marx's stance on human rights should be read through his critical method and broader philosophical program (overcoming alienation and envisioning a classless society). This supports the explanatory power of the reconciliatory interpretation which captures Marx's critique of bourgeois legal forms without reducing it to a wholesale denial of rights.

Keywords: human rights; Karl Marx; Marxism; criticism of human rights; critical theory; natural law.

For citation: Chashchukhin, E. O. (2026) Human Rights in the doctrine of Karl Marx and their Interpretation. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 11–25. (In Russ.)

Funding: The work was carried out within the framework of the scientific project "Comparative Historical Law".

Введение

Учение о правах человека, восходящее к эпохе Возрождения и Реформации, является одной из наиболее устойчивых и наиболее влиятельных концепций во всей западноевропейской философии. Тем не менее в последние десятилетия в публичном пространстве всё чаще ведутся дискуссии насчет необходимости отказа от данной доктрины или, по крайней мере, насчет необходимости ее существенного пересмотра. С наибольшей ясностью подобные предложения присутствуют в работах философов-постмодернистов М. Фуко, С. Жижека, Д. Агамбена и многих других. Воззрения этих философов в части критики прав человека во многом отсылают к богатому интеллектуальному наследию Карла Маркса.

В этой связи никого не должен удивлять тот факт, что в последние годы философами и теоретиками права, в том числе российскими¹, многократно подчеркивалась потребность в ревизии правового наследия Карла Маркса, причем не с позиций, характерных ранней советской политико-правовой мысли, или через призму критической теории. Вместе с тем до настоящего времени сколько-нибудь значительных работ, обобщающих правовое достояние великого немецкого философа, опубликовано не было. Цель данной работы — восполнить этот пробел, сконцентрировавшись на конкретном аспекте: воззрениях Карла Маркса на проблему прав человека.

Методология и материалы

Для достижения поставленной цели использованы сравнительный, структурный и герменевтический методы, подходы, характерные для критической теории, а также сравнительный анализ вторичной литературы и аргументационных стратегий интерпретаторов. Процедура исследования включает

¹ См. напр.: Лазарев В. В. Интегративное видение государственности в ранних работах Маркса // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 30–36.

типологизацию интерпретаций по их целевой установке и контексту: выделяются прочтения, ориентированные на практико-политические задачи, и прочтения, направленные на теоретическую реконструкцию. Для теоретических интерпретаций применяется трехчленная классификация («объединительная», «примирительная», «ортодоксальная»), позволяющая сопоставлять исходные предпосылки и различия в трактовке марксовской критики прав.

Эмпирическую (текстовую) базу исследования составили работы К. Маркса, затрагивающие проблематику прав и государства, а также корпус философско-правовых интерпретаций его взглядов. Анализ строится на типологизации интерпретаторов: выделяются тексты авторов, связанных с практической политикой, и тексты теоретиков, в большей степени ориентированных на концептуальную реконструкцию. Для теоретических интерпретаций применяется трехчленная классификация («объединительная», «примирительная», «ортодоксальная»), позволяющая сопоставлять аргументы и выявлять основания расхождений.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие прав человека

Предваряя дальнейшее обсуждение, следует обратить внимание читателя на достаточно важный терминологический аспект, связанный с определением понятия «права человека».

В юридической доктрине наличествует великое многообразие подходов к определению данного понятия. Эти определения во многом обуславливаются типом правопонимания, который исповедует тот или иной исследователь. В рамках данной работы предлагается остановиться на дефинициях, господствующих в двух наиболее влиятельных политико-правовых направлениях — юридическом натурализме и юридическом позитивизме.

Сторонники теории естественного права провозглашают преемственность прав человека с самой природой человека, существа разумного и наделенного свободной волей. В частности, классик современного юснатурализма Дж. Финнис пишет, что «„права человека“ — это современное выражение, обозначающее „естественные права“»². Сходное определение в духе естественно-правовых концепций мы можем найти и в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»³.

Позитивистские же концепции, отсылающие к командной теории права Дж. Остина, провозглашают права человека как нечто исходящее от высшей суверенной власти⁴. «Человек не имеет прав вне общества и государства, он может их получить в государстве лишь благодаря признанию концепции прав человека, но это признание всегда останется ненадежным, ибо оно зависит от воли и гарантий государства»⁵.

Учитывая вышеуказанные определения, необходимо отметить, что во избежание терминологической путаницы в рамках данной работы под «правами человека», если не указано иное, будет пониматься то, что под ними понимают сторонники естественного права, то есть базовые естественные права, присущие человеку от рождения.

Интерпретации воззрений Карла Маркса на права человека

Предопределяя дальнейшее обсуждение, следует акцентировать внимание читателя на том обстоятельстве, что при систематизации интерпретаций интеллектуального наследия Карла Маркса исследователям необходимо учитывать личность интерпретатора. В частности, не лишено смысла развести

² Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Панихиной. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. С. 251.

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 217 А (III)). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.04.2025).

⁴ Варламова Н. В. Юридический позитивизм и права человека // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 156–166.

⁵ Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 20.

в отдельные блоки взгляды «практиков» и «теоретиков» марксизма. Подобное деление уместно по той причине, что комментаторы-практики во многом ангажированы политическими и социальными условиями, под влиянием которых они находились во время написания того или иного текста. Иными словами, из-за специфики обстоятельств написания, воззрения практиков по определению не могут являться объективными (независимыми) в том смысле, в котором являются объективными (независимыми) взгляды ученых. В то же время нельзя не отметить и того факта, что провести четкую грань между теоретическими и практическими интерпретациями едва ли возможно, поскольку воззрения любого человека в той или иной мере обуславливаются социальным и политическим контекстом. Тем не менее к практикам марксизма имеет смысл относить тех, кто принимал непосредственное участие в политической деятельности во главе политических объединений (в частности, политических партий) и государства.

Интерпретации воззрений Карла Маркса «практиками»

Если говорить в целом, интерпретации практиков марксизма являются достаточно непоследовательными, а порой и противоречивыми. Следует оговориться, что речь о непоследовательности и противоречивости здесь идет именно в плоскости принятия либо отторжения концепции прав человека, а не в непоследовательности политической позиции в рамках заданных политических условий.

В силу невозможности объять необъятное, представляется целесообразным в рамках данной работы при обсуждении практических интерпретаций Карла Маркса сосредоточиться на текстах, принадлежащих перу видных отечественных практиков марксизма — лидеров РСДРП(б) В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого

Наиболее наглядно непоследовательность практических интерпретаций марксизма обнажается в плоскости одного из базовых прав человека — права на жизнь. Несколько забегаая вперед, следует отметить, что в произведениях самого Маркса встречаются отрывки, в которых осуждаются казни и насилие, а потому косвенно декларируется право на жизнь. «Скажем прямо, без всяких длинных повторений: наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия. Но хорошо же то общество, которое не знает лучшего средства самозащиты, чем палач, и которое через „ведущую газету мира“ провозглашает свою собственную жестокость вечным законом»⁶, — пишет Карл Маркс.

В то же время в одном из писем В. И. Ленина мы находим призывы следующего содержания: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы ... удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя... Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает. Привет! Ленин...»⁷ Однако после стабилизации обстановки на фронтах Гражданской войны, когда для руководства партии большевиков стало очевидным, что власть удержать удалось, а победа в Гражданской войне не за горами, Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 г. «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)» смертная казнь была отменена. «Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. <...> И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали», — пишет Ленин⁸. Тем не менее в приказе Реввоенсовета Республики от 4 мая 1920 г. «О революционных военных трибуналах», изданном в связи с активизацией Советско-Польской войны, смертная казнь вводилась вновь.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Смертная казнь. Памфлет г-на Кобдена. Мероприятия Английского банка // К. Маркс. Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 531.

⁷ Ленин В. И. Письмо № 196 Г. Е. Зиновьеву от 26/VI. 1918 // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 50. С. 106.

⁸ Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 40. С. 101.

Подобная практичность воззрений достаточно иллюстративно представлена и в текстах Л. Д. Троцкого: «Едва навеки сомкнул глаза свои тот, кто бросил в лицо торжествующей контрреволюции незабвенное „не могу молчать!“, как пробуждается от сна революционная демократия, <...> тяжелая масса пролетариата, которая медленнее приходит в движение, готовится завтра протест против смертной казни растворить в славных лозунгах революции, непобедимой — как правда»⁹, — пишет Троцкий, косвенно указывая на сопутность революции и отмены смертной казни. Вместе с тем уже в послереволюционный период в работе «Терроризм и коммунизм» Лев Троцкий, полемизируя с Карлом Каутским, видным представителем немецкой социал-демократии, являвшимся также редактором II и III томов «Капитала», пишет: «Или же Каутский хочет сказать, что расстрел вообще нецелесообразен, что „классы нельзя устроить“? Это неверно. Террор бессилён — и то лишь в „последнем счете“, — если он применяется реакцией против исторически поднимающегося класса. Но террор может быть очень действителен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены. <...> Наши чрезвычайки расстреливают помещиков, капиталистов, генералов, стремящихся восстановить капиталистический строй. Вы улавливаете этот... оттенок? Да? Для нас, коммунистов, его вполне достаточно»¹⁰.

Дабы продемонстрировать еще большую непоследовательность практических интерпретаций Маркса лидерами РСДРП, следует особо упомянуть тот факт, что во время VIII Конгресса Второго интернационала в Копенгагене представители РСДРП единодушно выступили против смертной казни¹¹.

Основываясь на вышесказанном, следует подчеркнуть, что позиции интерпретаторов-практиков не всегда до конца последовательны, поскольку они могут видоизменяться или же видоизменялись под влиянием политической обстановки. В силу этого при обращении к текстам практиков марксизма мы обязаны учитывать социальный и политический контекст написания того или иного текста. Динамичность данных контекстов, если не лишает нас возможности производить сколько-нибудь серьезный анализ интерпретаций, то по крайней мере значительно его затрудняет, а потому говорить о какой-либо системности подобных интерпретаций наследия Карла Маркса в контексте проблемы прав человека не представляется возможным.

Интерпретации воззрений Карла Маркса «теоретиками»

В свою очередь, обобщая теоретические интерпретации, можно выделить три основных типа позиций, концептуализирующих взгляды Карла Маркса на проблему прав человека. Следует вновь оговориться, что, в силу колоссального объема исследований, в рамках данной работы будут рассматриваться те авторские позиции, которые являются наиболее полными и выверенными.

Первый, «объединительный» тип, сторонниками которого являются, например, Д. Бакстер¹², Дж. Сомервилл¹³ или С. Гессен, понимает социализм в качестве логического продолжения и расширения либерализма, имеющих, однако, ряд отличий. В частности, социализм фокусируется на продвижении позитивных свобод, а либерализм — на продвижении негативных. Соответственно, подобная марксистская теория прав человека включает в себя два различных аспекта: во-первых, позитивные свободы, такие как право на труд или на образование; во-вторых, «экономические права», например, право быть свободным от эксплуатации¹⁴. Данный подход достаточно сильно напоминает доктрину прав человека, отраженную в поздних советских конституциях, например, в Конституции СССР 1977 года¹⁵.

⁹ Троцкий Л. Д. Толстой // Сочинения. Проблемы культуры. Культура старого мира. М.-Л.: Государственное издательство. 1926. Т. 20. С. 263. С. 260–264.

¹⁰ Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм / 2-е изд. М.-Л.: Государственное издательство. 1925. С. 57.

¹¹ Плеханов Г. В. Международный социалистический съезд в Копенгагене // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 16. М.-Л.: Государственное издательство. 1926. С. 355.

¹² Baxter, D. (1989) Marx, Lukes, and Human Rights. Source: *Social Theory and Practice*, vol. 15, no. 3, pp. 355–373.

¹³ Somerville, J. (1949) Comparison of Soviet and Western Democratic Principles, with Special Reference to Human Rights in UNESCO (ed.) In: *Human Rights: Comments and Interpretations*. Columbia University Press. Pp. 139–144.

¹⁴ Гессен С. И. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 120–138.

¹⁵ Стреммоухов А. В. Эволюция прав человека в советской и постсоветской России // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3 (49). С. 9–19.

Второй, «примирительный» подход, которого, в частности, придерживаются Б. Гильберт, П. Блэкледж и М. ван Херпен¹⁶, состоит в том, что между марксизмом и моралью вообще¹⁷ не содержится прямых противоречий. Основная задача Карла Маркса — это критика буржуазной морали, основанной на контрактной и утилитарной теориях этики. Блэкледж полагает, что марксизм совместим с некоторыми аспектами кантианской этики, на которой, во многом, основаны современные концепции прав человека. Иными словами, марксизм призван освободить права человека от либеральной, капиталистической повестки или же освободить чистое понимание прав человека от его специфического буржуазного варианта¹⁸. Сходную точку зрения отстаивает Э. Бартоломью. Она указывает на тот факт, что враждебность Маркса к праву частной собственности, на котором, как считал Маркс, были основаны и другие права в современных ему декларациях и конституциях, не делает его противником концепции прав человека в целом¹⁹. Отдельного внимания заслуживает позиция Б. Гильберта, который утверждает, что XX век привнес существенные изменения в систему отношений между трудом и капиталом, а потому права человека, в соответствии с принципами марксистской диалектики, следует рассматривать в качестве инструмента признания и автономии трудящихся. На нынешнем этапе права человека являются орудием в социальной борьбе, а не формой капиталистической эксплуатации²⁰.

Третий, «ортодоксальный» тип, сторонником которого является, например, Ст. Лукас, отвергает возможность объединения марксизма и прав человека. В частности, права человека, по Лукасу, следует рассматривать исключительно в качестве реакции на внутренние противоречия капитализма, а потому направленные на смягчение классового конфликта. В ту минуту, когда капитализм падет, отпадет необходимость и в правах человека²¹. Схожей позиции придерживались также И. П. Разумовский²², отчасти Е. Б. Пашуканис²³ и некоторые другие ранние советские юристы.

Наряду с этим к сторонникам «ортодоксального» подхода следует отнести группу авторов, работающих в рамках так называемой критической теории (постмарксистов). Критическая теория — это достаточно разнородное течение, вбирающее в себя такие направления, как критическая феминистская теория, критическая расовая теория, квир-теория, постколониальная теория и многие другие, объединяющие философов на основе методологических принципов построения рассуждения. Сущность критической теории сводится к указанию на господствующие в обществе противоречия и их последующий анализ. Краеугольным недостатком данного философского направления в рамках рассматриваемой проблематики является смещение акцента с высказывания на прием. Иными словами, критическая теория не столько предлагает альтернативы (задает новую онтологию), сколько порицает существующий status quo без предъявления возможной альтернативы.

Современные критические теории указывают на внутреннюю противоречивость права вообще, на его принципиальную ангажированность и репрессивность. Всё это в полной мере относится и к правам человека. Типичный представитель критической теории К. Дузинас подчеркивает то обстоятельство, что в настоящее время права человека стали частью идеологии, при помощи которой оправдываются гуманитарные интервенции и другие действия мировых гегемонов, легитимируют действия государств и укрепляют существующий порядок. Например, Дузинас со ссылкой на Маркса пишет, что свобода мнения и его свободное выражение являются духовным эквивалентом частной собственности. Формальное

¹⁶ Van Herpen, M. H. (2012) Marx and Human Rights. Analysis of an ambivalent relationship. CICERO Foundation great debate paper. No. 12/07. Рр. 1–26.

¹⁷ Следует заметить, что в работе Блэкледжа речь идет не о правах человека, а об общей теории этики. Тем не менее данные темы довольно тесно перемежаются.

¹⁸ Blackledge, P. (2012) Marxism and ethics: freedom, desire, and revolution. *New York Press*. 249 p.

¹⁹ Bartholomew, A. (1990) Should a Marxist Believe in Marx on Rights? *Socialist Register*, vol. 26, pp. 244–264.

²⁰ Gilbert, B. (2021) Marxism and human rights: history, exploitation and the labour-capital compromise. *Revista da Faculdade da Direito da UFG. Goiânia*, vol. 44, no. 3. 23 p. DOI: <https://doi.org/10.5216/rfd.v44i3.66284>

²¹ Lukes, S. (1981) Can a Marxist Believe in Human Rights? *PRAXIS International (PRAXIS International)*, issue: 4, pp. 334–345. Более подробно см.: Lukes, S. *Marxism and morality*. New York: Oxford University Press. 180 p.

²² Наиболее наглядно: Разумовский И. П. Понятие права у К. Маркса и Фр. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97; Разумовский И. П. Проблемы марксистской теории права. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1925. 136 с.

²³ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 144–158.

равенство, таким образом, способствует реальному неравенству, подрывает реальные и прямые отношения между людьми²⁴.

Сходную точку зрения, правда, с несколько иной аргументацией высказывает и Ж. Бодрийяр. По Бодрийяру, права человека являются симулякром, порожденным западной идеологией, которой свойственно игнорирование и отрицание зла. Провозглашая права человека, мы отказываем им в самоочевидности, а потому дезавуируем их интуитивную ценность²⁵. Похожие воззрения со сходной аргументацией мы можем найти и у других авторов-постмарксистов: С. Жижека²⁶, Дж. Агамбена²⁷ и многих других. Тем не менее, если до конца следовать этой логике, марксизм несовместим с правами человека не только на уровне доктрины, но и на уровне практики, причем даже в том случае, когда права человека используются для защиты самых уязвимых членов общества, за которых марксизм, по существу, и радеет.

В связи с различиями в интерпретациях необходимо сделать важное замечание, сущность которого практически всегда упускается исследователями и продолжателями дела Карла Маркса. Фундаментальная проблема подобных работ кроется в том, что интеллектуальное наследие Маркса в значительной мере представлено критическими и полемическими текстами. Во многом таковыми являются его работы, так или иначе затрагивающие проблематику прав человека. Комментаторы и интерпретаторы Маркса, в том числе указанные выше, как правило, отсылая к конкретным работам, в частности, к «Критике Готской программы» (политической декларации, критическому разбору проекта программы будущей объединенной германской рабочей партии), «Манифесту коммунистической партии» (еще одной политической декларации, критическому обзору различных немарксистских теорий социализма), «К еврейскому вопросу» (полемика с Бруно Бауэром), «К критике гегелевской философии права» (полемика с Георгом Фридрихом Вильгельмом Гегелем) и некоторым другим, упускают из виду то обстоятельство, что цель написания этих текстов — политическая декларация, критика наличествующего положения дел или же полемика с носителем тех или иных взглядов. Иначе говоря, замысел данных работ — не создание цельной политико-правовой онтологии, а критический анализ господствующих в определенный исторический момент политических режимов и программ, либо указание на несостоятельность взглядов оппонента.

Данное обстоятельство накладывает существенный отпечаток на понимание воззрений самого Маркса. Несмотря на то что и в критических, и в полемических работах могут быть найдены нормативные ценностные суждения в отношении прав человека, они, как правило, отсылают не к правам человека вообще, а к современным Марксу концепциям прав, в том числе формализованным в виде деклараций и конституций. В то же время прямых указаний на необходимость ограничения вышеуказанных прав в работах Маркса не содержится. В частности, в работах Карла Маркса не содержится указаний на необходимость казней, пыток, ограничения свободы слова и тому подобное. В критических и полемических работах Маркс выступает не столько против или за права человека, сколько критикует существовавшие концепции прав человека в том виде, в котором они представлены в конкретный исторический момент. В то же время его критику нельзя отождествлять с критикой, наличествующей в рамках современной критической теории, поскольку его философский проект предполагал некоторое завершение в форме бесклассового коммунистического общества. Философы, по Марксу, все-таки должны изменять мир. На основании вышесказанного следует сделать закономерный вывод, что для лучшего понимания воззрений Маркса имеет смысл расширять круг рассматриваемых источников, а также не сбрасывать со счетов общую парадигму философской программы, выстраиваемой Карлом Марксом.

Завершая эту часть, еще раз следует подчеркнуть, что интерпретации воззрений Карла Маркса на права человека могут быть разделены на три типа: «объединительный», укладывающий марксистский проект в рамки эмансипаторной повестки, характерной для либеральной западноевропейской философии нового

²⁴ Douzinas, C. (2000) *The End of Human rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century*. Oxford and Portland, England USA: Hart Publishing. Pp. 158–165.

²⁵ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / 3-е изд. М.: «Добросвет»: КДУ, 2009. С. 120–131.

²⁶ Жижек С. Против прав человека / пер. с англ. Д. Колесника под ред. А. Репы. М.: Свободное марксистское издательство, 2010. 36 с.

²⁷ Agamben, G. (2000) *Beyond Human Rights. Means without End: Notes on Politics*, NED-New edition, vol. 20, *University of Minnesota Press*. Pp. 15–27.

времени; «примирительный», предполагающей возможность совмещения марксистских политэкономических доктрин и концепции прав человека; «ортодоксальный», постулирующий полную несовместимость марксизма и прав человека.

Позиция Карла Маркса по проблеме прав человека

В контексте обсуждаемого в работе вопроса отдельно следует акцентировать внимание на том, что традиционное для исследований Карла Маркса деление его творчества на раннее и позднее представляется не вполне корректным. Данный акцент важен по той причине, что достаточно часто авторами является дихотомия между ранним Марксом, которому свойственна вера в свободу и людей, а потому солидарность с гуманистическими теориями и концепциями, в том числе концепцией прав человека, и умудренным опытом поздним Марксом, лишенным гуманистической наивности, а потому права человека, по сути, отвергающим²⁸. Указание на некорректность подобной дихотомии нашло отражение во множестве исследований, в частности, хотелось бы упомянуть статью О. А. Устинова, который отмечает, что существенных изменений в воззрениях Карла Маркса не происходило, с течением времени изменялся лишь предмет его исследований, смещаясь с антропологического на политэкономический²⁹. Однако нельзя не упомянуть, что в рамках данной статьи будут рассмотрены тексты, в основном написанные ранним Марксом, однако, о чем уже было заявлено выше, это связано не с изменениями в воззрениях, а с тематикой исследований, ибо в поздний период Карл Маркс был сосредоточен на другой проблематике.

В качестве доказательства неприятия концепции прав человека Карлом Марксом, сторонники «ортодоксальной» интерпретации приводят широко известный, почти хрестоматийный отрывок из работы «К еврейскому вопросу». В этом тексте Маркс пишет: «<...> так называемые права человека, *droits de l'homme* [права человека], <...> суть не что иное, как права члена гражданского общества, т.е. эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности»³⁰. Несомненно, в рамках рассматриваемой темы указанная работа представляет огромный интерес, однако приводимая здесь цитата является неполной вне контекста и ряда замечаний, поскольку в ней упускаются две достаточно важные новеллы: во-первых, о благотворности эмансипации вообще и, во-вторых, об особенностях субъекта закрепления вышеуказанных прав.

Касательно первого. В цитируемой выше работе Маркс замечает, что эмансипация, то есть наделение кого бы то ни было правами, являет собой значительный прогресс, однако она [эмансипация евреев, наделение их политическими правами] «не является последней формой человеческой эмансипации вообще, но она является последней формой человеческой эмансипации в пределах существовавшего до сих пор миропорядка»³¹. Иными словами, Маркс вполне благосклонно относится к эмансипации, замечая, однако, что в пределах тогдашней системы социальных отношений она не может являться полной, это же относится и к правам человека, закрепленным в тогдашних декларациях и конституциях.

Вторая новелла, которую упускают интерпретаторы и комментаторы цитируемого выше текста Карла Маркса, связана со смешением понятий человека как члена гражданского общества и человека «действительного индивидуального»³². По Марксу, человек как член гражданского общества — это элемент правового и политического устройства современного ему государства, это «эгоист по преимуществу, раб потребностей, делец, как частный собственник»³³. Однако человек в представлениях Маркса не сводится

²⁸ См., напр.: *Kamenka, E.* (1962) *The Ethical Foundations of Marxism*. New York: *Frederick A. Praeger*. Pp. 224.

²⁹ Устинов О. А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4. С. 14–21.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. К еврейскому вопросу // К. Маркс. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 400.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. К еврейскому вопросу. С. 392.

³² В этой работе Маркс разводит три понятия: *droits du citoyen* — человек как гражданин (политический субъект), *droits de l'homme* — человек как член гражданского общества (субъект буржуазного общества) и действительный индивидуальный человек (человек вообще).

³³ Баллаев А. Б. Карл Маркс о «Философии права» Гегеля // Политико-философский ежегодник. 2011. Вып. 4. С. 87.

к члену гражданского общества или к особой социальной функции, за ним стоит нечто большее. «Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни <...> станет родовым существом; лишь тогда, когда человек познает и организует свои „собственные силы“ как общественные силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде политической силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация»³⁴. Еще более четко этого «действительного индивидуального» человека можно отследить в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.». В них Карл Маркс, анализируя феномен «отчуждения», пишет: «Родовая сущность человека — как природа, так и его духовное родовое достояние [в результате отчуждения] — превращается в чуждую ему сущность, в средство для поддержания его индивидуального существования. Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его человеческую сущность»³⁵. Таким образом, в цитируемом выше отрывке из статьи «К еврейскому вопросу» в некотором смысле происходит подмена понятий: Маркс критикует права не вполне «человека». Современные теории этих прав определяют непосредственно человека не в качестве субъекта некоторой экономической формации, а как человека вообще. Поэтому представляется, что данный отрывок, по существу, нельзя интерпретировать в качестве возражения на эти теории.

В подтверждение выше заявленного тезиса имеет смысл привести еще несколько отрывков. В работе «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» Карл Маркс обращает внимание на тот факт, что «Признание прав человека современным государством имеет такой же смысл, как признание рабства античным государством. <...> Современное государство имеет своей естественной основой гражданское общество, равно как и человека гражданского общества, т. е. независимого человека, связанного с другим человеком только узами частного интереса и бессознательной естественной необходимости, раба своего промысла и своей собственной, а равно и чужой своекорыстной потребности. Современное государство признало эту свою естественную основу как таковую во всеобщих правах человека. <...> Современное государство, со своей стороны, признало путем провозглашения прав человека свое собственное материнское лоно и свою собственную основу»³⁶. Данный фрагмент, также часто цитируемый сторонниками «ортодоксального» типа интерпретации, является еще одним свидетельством того, что Карл Маркс, выступая в качестве критика концепции прав человека, в первую очередь критикует субъект, закрепляющий эти права, то есть государство во взаимосвязи с политическим режимом в рамках конкретной экономической формации³⁷.

Права человека американской и французских конституций, наиболее важных правовых документов того периода, закреплялись в рамках либеральных теорий и доктрин, а потому, по Марксу, являются правами того самого человека как члена гражданского общества, «буржуазного» человека. В то же время требование политических прав в деспотическом государстве, по Карлу Марксу, следует рассматривать не как претензию на деспотизм, а как часть борьбы против него. Именно поэтому использование политических прав рабочими в целях продвижения собственных классовых интересов может быть интегрировано в борьбу за свержение буржуазного общества и подчинено ей³⁸.

В рамки критики буржуазных доктрин укладывается также и классическое для марксизма определение права в качестве возведенной в закон воли господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса³⁹.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. К еврейскому вопросу. С. 406.

³⁵ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 94.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // К. Маркс. Соч. 2-е изд. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 125.

³⁷ Подобную интерпретацию предлагает, например, Раймон Арон. Подробнее см.: Арон Р. Эссе о свободах / Пер. с франц. Н. А. Рудкевич. М.: Практика, 2005. 208 с.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Критика Готской программы // К. Маркс. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 9–32.

³⁹ Оригинальное высказывание: «Но не спорьте с нами, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных представлений о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений

Тем не менее марксистская критика не сводится к критике существующего в тот момент политического строя. Карл Маркс не щадит позитивистское понимание права, и в том числе позитивистское прочтение прав человека. В пользу этого можно привести несколько отрывков, отсылающих к фундаментальной критике любых эгалитаризирующих нормативных регуляторов. В частности, в «Критике Готской программы» Маркс пишет: «По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды <...> могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной определенной стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают только как рабочих и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным»⁴⁰. Иначе говоря, Карл Маркс указывает на то обстоятельство, что *де юре* формальное уравнивание в правах *де факто* приводит к формальному закреплению неравенства, а потому является пагубным. Тем не менее Маркс, критикуя концепцию формального равенства, вновь делает акцент не на равенстве и других общечеловеческих ценностях из него вытекающих, а на сопутствующих формальному закреплению внешних признаках.

На основании вышесказанного следует заключить, что позиция Маркса в отношении прав человека в целом близка к их естественно-правовому прочтению. В то же время говорить о Марксе как о стороннике классического юснатурализма также представляется несколько натянутым. В частности, права человека традиционно коррелируют с представлениями о негативной свободе⁴¹, которую Маркс отвергал по той причине, что она определяет человека в качестве атомизированного существа, умаляет ценность социальных отношений и общества в целом⁴². В то же время права, производные от позитивных свобод (например, право на образование), Маркс оценивал положительно⁴³.

Представляется, что для более четкого понимания воззрений Карла Маркса на права человека их следует рассматривать через призму всего марксистского философского проекта. Проект Маркса в первую очередь критический, недаром главная его работа озаглавлена «Капитал. Критика политической экономии». В этой связи нельзя не согласиться с П. Н. Кондрашевым в той части, что марксистская онтология — это не учение об общих принципах бытия, а онтология социальной практики⁴⁴. Иными словами, цель Карла Маркса — не в создании единой всеобъемлющей непротиворечивой картины мира, а во вскрытии бенефициаров существующей. Критикуя господствующие в тот момент концепции прав человека, Маркс критикует не сами права, лежащие в основе этих концепций, а выгодоприобретателей текущего положения дел, чья деятельность провоцирует социальное неравенство и, как следствие, отчуждение человека. Иными словами, Маркс как бы занимает метапозицию по отношению к социуму и преобладающим в нем теориям, концепциям и учениям. Свобода человека, всеобщее равенство и благо каждого для Маркса — само собой разумеющиеся ценности, разъяснять которые он не видит никакого смысла. Краеугольным для понимания позиции Карла Маркса является феномен отчуждения, преодоление которого, то есть возвращение человека к его естеству, и является задачей философской программы Маркса.

В подтверждение вышеуказанных тезисов имеет смысл привести отрывки из некоторых его малоизвестных работ, опубликованных в «Рейнской газете», а именно из статей «Дебаты по поводу зако-

и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса». Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 443.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Критика Готской программы. С. 19.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Берлин И. Философия свободы. Европа. 2-е изд. // Исайя Берлин; предисловие А. Этгинда. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 122–185.

⁴² Sichel, B. A. (1972) Karl Marx and the Rights of Man. *Philosophy and Phenomenological Research* 32, no. 3, p. 356.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Критика Готской программы. С. 9–32.

⁴⁴ Кондрашов П. Н. Онтология историчности в философии Маркса // Философско-литературный журнал «Логос». 2011. № 2 (81). С. 81–96.

на о краже леса», «Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания» и «Проект закона о разводе».

Весьма характерен отрывок из «Дебатов по поводу закона о краже леса». Маркс, указывая на тот факт, что сбор валежника не может являться кражей, потому что подобное деяние не может содержать умысла на хищение, замечает, что закон (в форме позитивного установления) не может переопределять текущее положение дел. «Закон не свободен от общей для всех обязанности говорить правду. Он вдвойне обязан это делать, так как он является всеобщим и подлинным выразителем правовой природы вещей. Правовая природа вещей не может поэтому приспособляться к закону — закон, напротив, должен приспособляться к ней. Но если закон называет кражей леса такое действие, которое едва ли можно назвать даже нарушением лесных правил, то закон лжет...»⁴⁵.

Иными словами, Маркс говорит о том, что закон должен определяться некоторой предшествующей ему правовой природой вещей. Данная правовая природа находит свое отражение уже в другом отрывке. «Закон о печати есть, следовательно, законодательное признание свободы печати <...> есть положительное бытие свободы. <...> Не существует действующих предупредительных законов. Закон предупреждает только как повеление. Действенным законом он становится лишь тогда, когда его нарушают, так как в роли подлинного закона он выступает тогда лишь, когда в его лице бессознательный естественный закон свободы становится сознательным государственным законом. <...> Закон, следовательно, отступает перед жизнью человека, как жизнью свободы, и только когда действительный поступок человека показал, что человек перестал подчиняться естественному закону свободы, последний в форме государственного закона принуждает человека быть свободным <...>»⁴⁶ Маркс, таким образом, напрямую отсылает к понятию естественной свободы, к естественному закону, который должен предшествовать законам государственным.

Однако наиболее характерно позиция Маркса проступает в отрывке, затрагивающем проблематику брака. Маркс, рассуждая в том ключе, что законодательное закрепление правил, регулирующих развод, является абсурдным, поскольку любое формально властное действие в этой сфере может являться лишь протоколированием внутреннего, нравственного распада брака, замечает: «Это [законодательный запрет на расторжение брака] является непосредственным результатом таких законов, которые не продиктованы уважением к человеку. Недостаток, присущий этим законам, не устраняется тем, что от презрения к материальной природе человека переходят к презрению к его идеальной природе, требуя от человека слепого повиновения сверхнравственному и сверхъестественному авторитету вместо сознательного подчинения нравственно-естественным силам»⁴⁷. Иными словами, по Марксу, государственному закону предшествует некоторый нравственно-естественный закон, которому и должен следовать каждый человек.

Подводя итог сказанному в данной части, следует сделать вывод о том, что Маркс, несомненно, являлся противником прав человека как члена гражданского общества, по существу, буржуа. Он также критиковал концепции прав человека, нашедшие свое отражение в декларациях и конституциях того периода. Карл Маркс выступал, в принципе, против формального закрепления прав в рамках государственного закона. В то же время нельзя отрицать и тот факт, что представления Маркса о правах человека не столь радикально отличаются от представлений, которых придерживаются сторонники теорий естественного права. Ряд его работ напрямую отсылает к естественному закону, который должен предшествовать нормативным регуляторам и которому должен следовать человек. Всё это, в свою очередь, свидетельствует в пользу актуальности «примирительной» интерпретации его воззрений.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса // К. Маркс. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 142.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // К. Маркс. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 63.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Проект закона о разводе // К. Маркс. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 164.

Выводы

Завершая данную работу, хотелось бы еще раз остановиться на ключевых ее положениях.

Первое: интерпретации марксистов-практиков (в работе рассматриваются тексты Ленина и Троцкого) демонстрируют непоследовательность в отношении прав человека в силу того, что их позиции носят отпечаток политической конъюнктуры. В частности, это заметно по их меняющемуся отношению к смертной казни.

Второе: интерпретации марксистов-теоретиков можно разделить на три основных типа: «объединительный», который стремится вписать марксизм в традицию либеральных прав, расширяя их за счет социально-экономических гарантий; «примирительный», рассматривающий марксизм в качестве критики буржуазных концепций прав человека, но не отрицающий саму идею этих прав; «ортодоксальный», отвергающий права человека как пережиток капитализма и инструмент идеологического господства.

Третье: позиция самого Маркса была не столько отрицанием прав человека, сколько их критикой в условиях капиталистического общества. Тем не менее он выступал не против свободы и равенства как таковых, а против их оформления в буржуазном государстве. Его философский проект был направлен на преодоление отчуждения и создание общества, в котором подлинная свобода станет возможной без формальных юридических гарантий. Таким образом, марксистская теория не отвергает права человека в принципе, но требует их переосмысления в контексте классовой борьбы и социальной эмансипации. Всё это подчеркивает актуальность «примирительной» интерпретации взглядов Карла Маркса.

Список источников / References

1. Арон Р. Эссе о свободах / Пер. с франц. Н. А. Рудкевич. М.: Праксис, 2005. 208 с. EDN: QODLXR / Aron, R. (2005) *Essay on Freedoms*. Trans. from French by N. A. Rudkevich. Moscow: Praxis. 208 p.
2. Баллаев А. Б. Карл Маркс о «Философии права» Гегеля // Политико-философский ежегодник. 2011. Вып. 4. 70–93 с. / Ballaev, A. B. (2011) Karl Marx on Hegel's "Philosophy of Right". *Political and Philosophical Yearbook*, Iss. 4, pp. 70–93 (In Russ.).
3. Берлин И. Философия свободы. Европа. 2-е изд. // Исайя Берлин; пер. с англ. А. Эткінда и др. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 122–185 / Berlin, I. (2014) *Philosophy of Freedom. Europe*. 2nd ed. In: Isaiah Berlin; trans. from English by A. Etkind. Moscow: *New Literary Review*, pp. 122–185.
4. Варламова Н. В. Юридический позитивизм и права человека // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 156–166. EDN: IPKPSD / Varlamova, N. V. (2008) Legal Positivism and Human Rights. *Social Sciences and Modernity*, no. 1, pp. 156–166. (In Russ.)
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла // 3-е изд. М.: «Добросвет»: КДУ, 2009. 387 с. EDN: QWUYDJ / Baudrillard, J. (2009) *Transparency of Evil*. 3rd ed. Moscow: „Dobrosvet”: KDU, 387 p.
6. Гессен С. И. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 120–138 / Hessen, S. I. (2010) *Selected*. Moscow: *Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)*, pp. 120–138. (In Russ.)
7. Жижек С. Против прав человека / пер. с англ. Д. Колесника под ред. А. Репы. М.: Свободное марксистское издательство, 2010. 36 с. / Zizek, S. (2010) *Against Human Rights*. Trans. from English by D. Kolesnik, edited by A. Repa. Moscow: *Free Marxist Publishing House*, 36 p.
8. Кондрашов П. Н. Онтология историчности в философии Маркса // Философско-литературный журнал «Логос». 2011. № 2 (81). С. 81–96 / Kondrashov, P. N. (2011) Ontology of Historicity in Marx's Philosophy. *Philosophical and Literary Journal "Logos"*, no. 2 (81), pp. 81–96. (In Russ.)
9. Лазарев В. В. Интегративное видение государственности в ранних работах Маркса // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 30–36. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.030-036 EDN: RTOTSH / Lazarev, V. V. (2018) Integrative Vision of Statehood in Marx's Early Works. *Bulletin of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 4, pp. 30–36. (In Russ.)

10. Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 40. С. 87–110 / Lenin, V. I. (1974) Report on the Work of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars at the First Session of the All-Russian Central Executive Committee of the 7th Convocation on February 2, 1920. Complete Collected Works. 5th ed. Moscow: *Publishing House of Political Literature*, vol. 40, pp. 87–110. (In Russ.)
11. Ленин В. И. Письмо № 196 Г. Е. Зиновьеву от 26/VI. 1918 // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 50. С. 106 / Lenin, V. I. (1970) Letter No. 196 to G. E. Zinoviev dated 26/VI. 1918. Collected Works. 5th ed. Moscow: *Publishing House of Political Literature*, vol. 50, p. 106. (In Russ.)
12. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. Политиздат. 1974. С. 42–174 / Marx, K. (1974) Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. In: Marx, K., Engels, F. Collected Works. Vol. 42. *Politizdat*, pp. 42–174.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 30–84 / Marx, K., Engels, F. (1955) Debates of the Sixth Rhenish Landtag (Article 1). Debates on Freedom of the Press and on the Publication of the Minutes of the Estates Assembly. In: K. Marx. Works. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: *State Publishing House of Political Literature*, pp. 30–84.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 119–160 / Marx, K., Engels, F. (1955) Debates of the Sixth Rhenish Landtag (Article 3). Debates on the Law on Timber Theft. In: Marx, K. Works. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: *State Publishing House of Political Literature*, pp. 119–160.
15. Маркс К., Энгельс Ф. К еврейскому вопросу // Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 382–413 / Marx, K., Engels, F. (1955) On the Jewish Question. In: Marx, K. Works. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: *State Publishing House of Political Literature*, pp. 382–413.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Критика Готской программы // Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 9–32 / Marx, K., Engels, F. (1961) Critique of the Gotha Program. In: Marx, K. Works. 2nd ed. *State Publishing House of Political Literature*, vol. 19, pp. 9–32.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459 / Marx, K., Engels, F. (1955) The Manifesto of the Communist Party. In: Marx, K., Engels, F. Works. 2nd ed. *State Publishing House of Political Literature*, vol. 4, pp. 419–459.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Проект закона о разводе // Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 160–164 / Marx, K., Engels, F. (1955) The Draft Law on Divorce. In: Marx, K. Works. 2nd ed. *State Publishing House of Political Literature*, vol. 1, pp. 160–164.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 3–230 / Marx, K., Engels, F. (1955) The Holy Family, or Critique of Critical Criticism. Against Bruno Bauer and Company. In: Marx, K. Works. 2nd ed. *State Publishing House of Political Literature*, vol. 2, pp. 3–230.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Смертная казнь. Pamфлет г-на Кобдена. Мероприятия Английского банка // Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 529–536 / Marx, K., Engels, F. (1957) The Death Penalty. Mr. Cobden's Pamphlet. Activities of the Bank of England. In: Marx, K. Works. 2nd ed. *State Publishing House of Political Literature*, vol. 8, pp. 529–536.
21. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13–21. EDN: OWFOQD / Martyshin, O. V. (2003) Are the Basic Types of Understanding Law Compatible? *State and Law*, no. 6, pp. 13–21. (In Russ.)

22. Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. 271 с. / Pashukanis, E. B. (1980) Selected Works on the General Theory of Law and State. *Science*. 271 p. (In Russ.)
23. Плеханов Г. В. Международный социалистический съезд в Копенгагене // Соч. Т. 16. М.-Л.: Государственное издательство. 1926. 384 с. / Plekhanov, G. V. (1926) International Socialist Congress in Copenhagen. In: Plekhanov G. V. Works. *State Publishing House*, vol. 16. 384 p. (In Russ.)
24. Разумовский И. П. Понятие права у К. Маркса и Фр. Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2-3. С. 68–97 / Razumovsky, I. P. (1923) The Concept of Law in K. Marx and Fr. Engels. *Under the Banner of Marxism*, no. 2-3, pp. 68–97 (In Russ.).
25. Разумовский И. П. Проблемы марксистской теории права. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1925. 136 с. / Razumovsky, I. P. (1925) Problems of the Marxist Theory of Law. *Publishing House of the Communist Academy*. 136 p. (In Russ.)
26. Стремоухов А. В. Эволюция прав человека в советской и постсоветской России // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3 (49). С. 9–19. EDN: ZWHFSH / Stremoukhov, A. V. (2017) Evolution of Human Rights in Soviet and Post-Soviet Russia. *Leningrad Law Journal*, no. 3 (49), pp. 9–19. (In Russ.)
27. Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм // Л. Троцкий. 2-е изд. М.-Л.: Государственное издательство. 178 с. / Trotsky, L. D. *Terrorism and Communism*. *State Publishing House*. 178 p. (In Russ.)
28. Троцкий Л. Д. Толстой // Сочинения. Проблемы культуры. Культура старого мира. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 20. С. 260–264 / Trotsky, L. D. (1926) Tolstoy. In: Works. Problems of Culture. The Culture of the Old World. *State Publishing House*, vol. 20, pp. 260–264. (In Russ.)
29. Устинов О. А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4. С. 14–21. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-14-21 EDN: ХЕКУУТ / Ustinov, O. A. (2016) The Concept of Man in the Philosophy of K. Marx: An Attempt at Reconstruction. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 4, pp. 14–21. (In Russ.)
30. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / Пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Панихиной. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 554 с. EDN: QSREWH / Finnis, J. (2012) Natural Law and Natural Rights. John Finnis; trans. from English by V. P. Gaidamak and A. V. Panikhina. *IRISEN, Mysl*. 554 p.
31. Agamben, G. (2000) Beyond Human Rights. In: Means without End: Notes on Politics. *University of Minnesota Press*. Pp. 15–27.
32. Bartholomew, A. (1990) Should a Marxist Believe in Marx on Rights? *Socialist Register*, vol. 26, pp. 244–264.
33. Baxter, D. (1989) Marx, Lukes, and Human Rights. *Social Theory and Practice*, vol. 15, no. 3, pp. 355–373.
34. Blackledge, P. (2012) Marxism and ethics: freedom, desire, and revolution. *New York Press*. 249 p.
35. Douzinas, C. (2000) The End of Human rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century. *Hart Publishing*. 410 p.
36. Gilbert, B. (2021) Marxism and human rights: history, exploitation and the labour-capital compromise. *Revista da Faculdade da Direito da UFG. Goiânia*, vol. 44, no. 3, 23 p. DOI: <https://doi.org/10.5216/rfd.v44i3.66284>
37. Kamenka, E. (1972) The Ethical Foundations of Marxism. *Frederick A. Praeger*. 224 p. DOI: 10.1086/291554
38. Lukes, S. (1981) Can a Marxist Believe in Human Rights? *PRAXIS International (PRAXIS International)*, iss. 4, pp. 334–345.
39. Lukes, S. (1985) Marxism and morality. *Oxford University Press*. 180 p. DOI: 10.1086/292902
40. Sichel, B. (1972) Karl Marx and the Rights of Man. *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 32, no. 3, pp. 355–360. DOI: 10.2307/2105566
41. Somerville, J. (1973) Comparison of Soviet and Western Democratic Principles, with Special Reference to Human Rights. In: UNESCO (ed.) Human Rights: Comments and Interpretations. *Columbia University Press*, pp. 139–144.

42. Van Herpen, M. H. (2012) Marx and Human Rights. Analysis of an ambivalent relationship. *CICERO Foundation great debate paper*, no. 12/07. 26 p.

Об авторе:

Чашухин Егор Олегович, аспирант департамента теории права и сравнительного правоведения, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0009-0002-7595-0409, e-mail: eochaschukhin@hse.ru

About the author:

Egor O. Chashchukhin, postgraduate student of the Department of Theory of Law and Comparative, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0009-0002-7595-0409; e-mail: eochaschukhin@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Легитимация этических стандартов правового регулирования искусственного интеллекта в практике отечественного правотворчества и правоприменения

Рыбин А. И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

E-mail: al.rybin1@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются механизмы легитимации этических стандартов, установленных в актах «мягкого права», политико-программных документах, международных рекомендациях в процессе правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в российской правотворческой и правоприменительной практике. Цель исследования — выявить роль и степень влияния этических стандартов на легитимацию правовых норм в сфере ИИ в Российской Федерации.

Методология и материалы: в ходе исследования автор обращается к анализу судебной практики арбитражных судов по вопросу применения ИИ и обширному набору нормативного материала, в том числе зарубежным актам «мягкого права». Автор использует как общенаучные методы, так и частно-юридические методы: формально-юридический, использовавшийся при обращении к текстам нормативных актов, актов «мягкого права» и судебной практики, выявления их смысла, их интерпретации, а также сравнительно-правовой метод, применявшийся при оценке рассматриваемых источников «мягкого права», регулирующих взаимоотношения человека с ИИ.

Результаты исследования и их обсуждение: на конкретных примерах показано, как положения этических кодексов и стратегических документов находят отражение в судебной практике и какие проблемы существуют в этом контексте в правотворчестве. Анализируются ситуации аксиологического конфликта и аксиологической когерентности между выражаемой законодателем ценностью эффективности и этическими стандартами, предполагающими приоритет прав человека.

Выводы: автор приходит к выводу о существовании ценностного плюрализма в стратегии легитимации норм, регулирующих ИИ. В заключение подчеркивается, что составление аксиологически согласованной нормативной базы необходимо в той же мере, что и выработка правовых конструкций и оригинальных концепций регулирования ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, легитимация, этика, «мягкое право», правовое регулирование, аксиологический конфликт, ценностный плюрализм.

Для цитирования: Рыбин А. И. Легитимация этических стандартов правового регулирования искусственного интеллекта в практике отечественного правотворчества и правоприменения // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 26–42. EDN: ZTOTVO

Legitimization of Ethical Standards of Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Practice of Russian Law-making and Law Enforcement Processes

Aleksandr I. Rybin

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation

E-mail: al.rybin1@mail.ru

Abstract

Introduction: The article examines the mechanisms of legitimization of ethical standards established in the acts of “soft law”, policy and policy documents, international recommendations in the legal regulation of artificial intelligence (AI) in Russian law-making and law enforcement practice. The purpose of the study is to identify the role and degree of influence of ethical standards on the legitimization of legal norms in the field of AI in the Russian Federation.

Methodology and materials: In the course of the research, the author refers to the analysis of the judicial practice of arbitration courts on the use of AI and an extensive set of regulatory material, including foreign acts of “soft law”. The author uses both general scientific methods and private legal methods: formal legal, used when referring to the texts of normative acts, acts of soft law and judicial practice, identifying their meaning, interpreting them; as well as the comparative legal method used in evaluating the sources of soft law under consideration, regulating human relations with AI.

Results and discussion: Specific examples show how the provisions of ethical codes and strategic documents are reflected in judicial practice and what problems exist in this context in law-making. The situations of axiological conflict and axiological coherence between the value of effectiveness expressed by the legislator and ethical standards that presuppose the priority of human rights are analyzed.

Conclusions: The author comes to the conclusion about the existence of value pluralism in the strategy of legitimizing the norms governing AI. In conclusion, it is emphasized that the compilation of an axiologically consistent regulatory framework is necessary to the same extent as the development of legal structures and original concepts of AI regulation.

Keywords: artificial intelligence, legitimation, ethics, “soft law”, legal regulation, axiological conflict, value pluralism.

For citation: Rybin, A. I. (2026) Legitimization of Ethical Standards of Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Practice of Russian Law-making and Law Enforcement Processes. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 26–42. (In Russ.)

Введение

Тема искусственного интеллекта (далее также — ИИ) в сфере юриспруденции представлена в настоящее время в различных аспектах, и представляется, что основные вопросы, связанные с правовым регулированием ИИ, либо уже разрешены, либо оставлены без ответа в силу невозможности их разрешения. Однако такое представление может сложиться лишь на первый взгляд, а в действительности в юридической науке продолжается поиск оптимальных решений в целях устранения правовой неопределенности в сфере регулирования искусственного интеллекта.

Стоит отметить, что в настоящее время в отечественном правовом регулировании сферы ИИ принимаются лишь первые шаги для выстраивания комплексной и полноценной системы норм, посвященных ИИ. Но даже на этом этапе возникают противоречия между концепцией регулирования, с одной

стороны, и правоприменением — с другой. Для снятия этих противоречий, а также нахождения оптимальных стратегий правового регулирования следует обратить внимание на общую теоретико-правовую концепцию легитимности и ее процессуального аспекта — легитимации. Под легитимацией в настоящей работе понимается процесс признания за нормами права (в том числе «мягкого права») качества действительности. Такое понимание легитимации исследователи формулируют, опираясь на коммуникативное правопонимание, разрабатываемое в отечественной юриспруденции А. В. Поляковым, И. Л. Честновым, В. В. Денисенко и другими авторами. Не углубляясь в полный перечень представителей указанного подхода к пониманию права, кратко отметим, что наиболее известные и цитируемые в отечественной юриспруденции зарубежные представители этого типа правопонимания — это М. ван Хук, Н. Луман, Ю. Хабермас. Причина, по которой в качестве исследовательской рамки была избрана концепция легитимации, состоит в том, что обращение к указанной концепции позволяет оценить эффективность (действенность) устанавливаемых правовых норм, рассмотрев их в контексте правоприменения, а также сделать вывод об их действительности¹.

Методология и материалы

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, интегрирующий общенаучные специальные юридические методы. В частности, формально-юридический метод используется для анализа содержания и логики действующих нормативных актов, регулирующих ИИ, а также актов «мягкого права». Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления подходов законодателей и правоприменителей в части легитимации этических стандартов ИИ в отечественном праве. Эмпирическую базу исследования формирует широкий спектр источников.

Теоретические источники: фундаментальные и актуальные научные публикации по правовому регулированию и этике ИИ, информационному праву и теории легитимации.

Нормативные источники: отечественное законодательство, проекты нормативных и правовых актов, а также зарубежные и отечественные акты «мягкого права».

Правоприменительная практика: анализ решений арбитражных судов Российской Федерации, затрагивающих вопросы применения технологий искусственного интеллекта.

Результаты исследования и их обсуждение. Подходы к правовому регулированию ИИ

В настоящее время существует несколько моделей правового регулирования ИИ². Это множество вслед за И. А. Филиповой корректно редуцировать к двум основным стратегиям правового регулирования данной сферы: во-первых, техническое регулирование технологий ИИ, а во-вторых, юридическое регулирование, при котором выносятся «за скобки» вопросы функционирования самих технологий, а регулируются вопросы взаимодействия человека с ИИ³.

Большинство трудностей в правовом регулировании возникают именно в свете первой стратегии технического регулирования, поскольку она требует учета специфики как юридической, так и технической сферы, что не всегда оказывается возможным. Созданные при таком подходе нормы либо уже на этапе правотворчества оказываются излишне детализированными, либо оказываются непригодными для потенциального правоприменения лицами, не обладающими техническими компетенциями в этой сфере⁴.

¹ Денисенко В. В., Малышкин С. П. Легитимация правоприменительной деятельности: аксиологический аспект // Российская юстиция. 2024. № 8. С. 16. DOI: 10.52433/01316761_2024_08_14. EDN: AJOOJF

² Матюк Ю. С. Правовое регулирование искусственного интеллекта: зарубежный опыт // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 2. С. 115.

³ Филипова И. А. Искусственный интеллект: европейский подход к регулированию // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 2. С. 63.

⁴ Харитонова Ю. С., Савина В. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 538–539.

В связи с этим, например, И. Н. Тарасов указывает, что существенным недостатком таких норм является «сугубо неюридический (технический)» характер. Это приводит к тому, что такие нормы и теоретические модели не отражают природы и сущности ИИ с точки зрения науки права⁵. Социальное же регулирование не затрагивает, как правило, технические аспекты и поэтому оказывается менее противоречивым. Однако такая непротиворечивость подтверждается лишь до тех пор, пока не происходит ее проверка на практике. Поэтому и у этой стратегии в настоящее время также имеются свои слабые стороны.

Если правотворчество является процессом более-менее планомерным, не ограниченным в той же мере строго по времени, как и правоприменение, то в случае разрешения споров существуют более строгие ограничения, которые обуславливают более оперативный поиск приемлемого распределения прав, обязанностей и ответственности. Правоприменительная практика в Российской Федерации в части применения средств, работающих на основе ИИ, также начинает складываться. При этом часто судам приходится выносить решения в контексте правовой неопределенности, что может приводить к неоднозначным решениям. В таких условиях актуализируется обращение к этическим стандартам правового регулирования, которые обеспечивают корректные и непротиворечивые решения даже в рамках правовой неопределенности. Обычно такие стандарты принимаются в формате «мягкого права», в форме политико-программных документов, рекомендательных актов международного права.

Правовое регулирование средствами «мягкого права»

Мягкое право (“soft law”), также известное под рядом других обозначений⁶, представляет собой совокупность норм и стандартов, с одной стороны, не обеспеченных государственным принуждением, но, с другой стороны, оказывающих значительное влияние на формирование юридических практик и политики за счет добровольного их принятия и исполнения их адресатами⁷.

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на необязательность таких закрепленных этических принципов, предполагается, что «мягкое право» будет соблюдаться в практике правотворчества и правоприменения. В данном случае будет верно и обратное суждение: если такие этические принципы не будут соблюдаться или будут искажаться в юридической практике, то это будет свидетельствовать о делегитимации таких этических оснований правовых норм, связанных с ИИ. Поэтому если фактически такое «мягкое право» не будет действовать, то возникнет вопрос, во-первых, о существовании аксиологической системы, на которую опирается законодатель, а во-вторых, — в случае положительного ответа на первый вопрос — о выявлении таких ценностей, на которые законодатель опирается. Тем не менее отметим, что отчасти такие ценности могут быть обнаружены не только в актах «мягкого» права. В соответствии с ч. 3 ст. 80 Конституции Российской Федерации, Президент РФ определяет направления внутренней и внешней политики страны, в том числе направления правотворчества. Помимо этого, Правительство РФ, некоторые федеральные органы исполнительной власти на подзаконном уровне создают нормативно-правовую базу, определяющую основные направления правового регулирования, в том числе в сфере ИИ (концепции, стратегии и другие документы). В литературе такие акты называются политико-программными документами⁸. Применительно к ИИ такие документы будут рассмотрены ниже.

Некоторые авторы указывают на большую привлекательность такого мягко-правового регулирования в сравнении с «жестким» правом. В частности, Ж. Нолан указывает, что использование «мягкого права» может быть более привлекательным для заинтересованных лиц (например, государственных органов и бизнеса), поскольку при создании таких актов с большей степенью вероятности могут быть закреплены желаемые цели сторон, направленные к наилучшему из возможных сценариев с некоторыми ограничениями, в отличие от жесткого регулирования, предусматривающего юридическую ответственность

⁵ Тарасов И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 125.

⁶ Демин А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования. М., 2017. С. 73.

⁷ Фогельсон Ю. Б. Мягкое право и верховенство права // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 22–23.

⁸ См.: Пляхивович И. И. Мониторинг законодательства: организационно-правовая модель // Законодательство. 2011. № 2. С. 78–87.

и не всегда отвечающего потребностям адресатов таких норм⁹. Кроме того, К. Эббот и Д. Снайдел к преимуществам мягко-правового регулирования относят, во-первых, большую гибкость в вопросах принятия новых норм в сравнении с жестким правом, требующим прохождения проектом нормативного акта особой, более сложной и продолжительной процедуры законотворчества, а во-вторых, за счет большей оперативности позволяет более эффективно преодолеть правовую неопределенность, присутствующую в их правоотношениях¹⁰. Другое преимущество подчеркивают А. Гузман и Т. Мейер, отмечающие неочевидную полезность «мягкого права» для национального уровня правового регулирования: в условиях отсутствия жестко-правового регулирования государства могут согласиться с устанавливаемым мягко-правовым регулированием, а по прошествии времени, если «мягкое право» покажет свою результативность, такой мягко-правовой режим может быть легализован в качестве диспозитивных норм на уровне закона¹¹.

В отечественной литературе перспективность развития «мягкого права» поддерживает Ю. А. Тихомиров. Он пишет: «Речь идет об усилении начал саморегулирования в праве за счет широкого применения норм-целей, норм-принципов, норм-стимулов и норм-поощрений<...> Можно прогнозировать сближение принципов, институтов и норм национального, регионального и международного права»¹².

«Мягкое право» и конвенционное регулирование на глобальном уровне

Наряду с «мягким правом» можно выделить также конвенционное регулирование на глобальном (надгосударственном) уровне. Несмотря на то что понятие «конвенционное регулирование» как самостоятельное не выделяется в теории права, оно всё же употребляется в некоторых отечественных юридических статьях¹³. В этих публикациях оно раскрывается как правовое регулирование на основе отправных норм (норм-принципов, норм-деклараций, норм-дефиниций), осуществляемое, как правило, на надгосударственном уровне. Таким образом, отличием конвенционного регулирования является уровень обязательности и легитимности таких актов: если неисполнение предписаний «мягкого права» может обернуться главным образом репутационными издержками для такого субъекта права, то неисполнение конвенции, если она была ратифицирована, может подразумевать иные средства принуждения и меры ответственности. Хотя есть и некоторое сходство с «мягким правом», свойственное для деклараций и конвенций надгосударственного характера, состоящее в отсутствии строгой императивности таких актов.

Примером конвенционного регулирования является Рамочная конвенция Совета Европы «Об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права» № 225 от 17 мая 2024 года. Цель Конвенции состоит в приведении деятельности, связанной с жизненным циклом систем ИИ (разработка, администрирование, использование и т. д.), осуществляемой на территории стран-участниц, в совместимость с правами человека, демократией и верховенством права. По состоянию на май 2025 года ее подписали 11 государств — членов Совета Европы. К числу подписантов присоединились также Канада, Израиль, Япония, США, Уругвай и Европейский Союз как самостоятельная организация¹⁴.

Конвенция устанавливает обязанности для сторон, в соответствии с которыми они должны представлять регулярные отчеты о мерах, принятых для исполнения Конвенции. Согласно ст. 23

⁹ Nolan J. The Corporate Responsibility to Respect Human Rights: Soft Law or Not Law. University of New South Wales Faculty of Law Research Series. 2013. Working Paper 73. URL: <http://law.bepress.com/unswwps-flrps13/73>. P. 142.

¹⁰ Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54. No. 3. Pp. 421–456.

¹¹ Guzman A. T., Meyer T. (2016) Soft Law. Economic Analysis of International Law. Cheltenham, UK; Edward Elgar Publishing. P. 134.

¹² Тихомиров Ю. А. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие. М., 2018. С. 80.

¹³ См., напр.: Стригунова Д. П. Подрядные договоры в сфере международного строительства // Гражданское право. 2025. № 1. С. 10–13; Антонович Е. К. Пятка и другие формы жестокого обращения в решениях по уголовным делам Европейского суда по правам человека // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 172–180; Ловцов Д. А., Терентьева Л. В. Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи // Lex Russica. 2020. № 7. С. 115–126.

¹⁴ Chart of Signatures and Ratifications of Treaty 225: Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Council of Europe Website. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treaty=225> (дата обращения: 10.09.2025).

Конвенции, эти отчеты направляются в Конференцию Сторон, которая и является механизмом последующего контроля. Кроме того, в соответствии со статьями 8 и 26, каждая сторона создает или назначает один или несколько эффективных механизмов (органов или должностных лиц) для контроля за соблюдением обязательств по Конвенции¹⁵. Таким образом, в рамках конвенционного регулирования устанавливаются обеспечительные и контрольные механизмы для устанавливаемых правовых норм. Что касается содержания норм Конвенции, помимо уже рассмотренных технических положений, устанавливающих особенности отчетности и контроля, корректно было бы сказать, что устанавливается общая концепция правового регулирования ИИ, основанная на признании главенства прав и свобод, демократическом строе и верховенстве права. В Конвенции устанавливаются соответствующие принципы правового регулирования, средства правовой защиты в случае нарушений прав человека, возникших вследствие эксплуатации ИИ, а также нормы, посвященные управлению рисками. Лишь с долей условности можно квалифицировать Конвенцию как документ, устанавливающий этические стандарты правового регулирования. Конвенция опирается на некоторую ценностную матрицу либерально-демократических ценностей, которые отчасти закреплены в ее названии. Однако о том, как исполняются нормы данной Конвенции (и исполняются ли), как воплощаются этические стандарты, вести речь пока преждевременно в силу новизны данного акта.

Актами «мягкого права» глобального уровня некоторые исследователи признают акты Генеральной Ассамблеи ООН, а также аналогичные акты других международных организаций, которые имеют рекомендательный характер¹⁶. Примером акта «мягкого права» глобального уровня, посвященного регулированию ИИ, является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 марта 2024 года «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития». В отличие от рассмотренной Конвенции этот акт не устанавливает обязанностей сторон по предоставлению отчетности и учреждению контрольных органов по обеспечению исполнения установленных норм. Также установленная Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН отличается сугубо рекомендательным характером. В частности, в п. 6 этой Резолюции рекомендуется странам-участникам: «<...> Содействовать развитию безопасных, защищенных и надежных систем ИИ на инклюзивной и равноправной основе и на благо всех и создавать благоприятные условия для таких систем в целях решения наиболее серьезных мировых проблем, включая обеспечение устойчивого развития<...>»¹⁷. Аналогичные рекомендации по достижению тех же целей указаны и для коммерческих и государственных организаций стран-участниц.

Этическая составляющая данного акта «мягкого права» также остается не вполне определенной. С одной стороны, акт основывается на определенной ценностной матрице, несколько отличающейся от ценностной матрицы Конвенции: в данном случае речь идет, в большей мере, про устойчивое развитие. С другой стороны, сам по себе рекомендательный характер не устраняет некоторой обязывающей силы Резолюции для тех сторон, которые подписали ее.

«Мягкое право» регионального уровня

Схожая с рассмотренной Резолюцией Генассамблеи ООН структура обнаруживается в актах «мягкого права» регионального уровня. Однако на региональном уровне может наблюдаться более выраженная этическая составляющая таких актов. Особенно обстоятельно мягко-правовое регулирование представлено на территории Европейского Союза. К таким документам можно отнести: Европейскую этическую хартию «Об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях», принятую на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности

¹⁵ Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS № 225) // Council of Europe Website. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁶ *Кашлач О. В.* Нормы «мягкого» права: понятие и признаки // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 2. С. 28–29.

¹⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/78/L.49 от 11 марта 2024 г. «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития». Нью-Йорк: ООН, 2024. 10 с. С. 6–8.

правосудия¹⁸, Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту от 22.05.2019¹⁹, Этические принципы для надежного ИИ, разработанные экспертной группой высокого уровня по искусственному интеллекту в рамках работы Европейской Комиссии²⁰. Перечисленными актами, безусловно, не ограничивается круг актов, регламентирующих сферу ИИ на территории ЕС, однако перечисленные выше акты представляются наиболее репрезентативными для описания актов «мягкого права».

Анализ трех документов показывает, что все они не устанавливают жестких правовых императивов, а носят рекомендательный характер. Документ ОЭСР (OECD Recommendation on Artificial Intelligence, OECD-LEGAL-0449) закрепляет принципы ответственного управления ИИ и формирует рамку для национальной политики, не являясь юридически обязательным актом²¹. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении также имеет характер «мягкого права» и ориентирует государства на добровольное следование принципам прозрачности, недискриминации, уважения прав человека и сохранения контроля человека над алгоритмами²².

Документ Европейской комиссии “Ethics Guidelines for Trustworthy AI” 2019 года подготовлен Группой высокого уровня по ИИ и определяет три составные элемента «достоверного ИИ»: законность, этичность и техническая/социальная надежность. Основное внимание уделено именно этическим и устойчивым аспектам, а не юридически обязательным нормам. Руководство выделяет четыре принципа: уважение человеческой автономии, предотвращение вреда, справедливость и объяснимость. Они конкретизированы через семь требований (прозрачность, подотчетность, недискриминация, защита данных и пр.), применимых к полному жизненному циклу систем ИИ.

Помимо самого ИИ, документы затрагивают более широкий круг вопросов: защиту фундаментальных прав, влияние на демократию, рынок труда, социальное доверие и устойчивое развитие. Этические ценности, на которых они основываются, включают человеческое достоинство, свободу, равенство, недискриминацию, прозрачность, справедливость и ответственность перед обществом и будущими поколениями. Таким образом, все три акта ориентированы на формирование общих рамок доверия и ответственного использования технологий ИИ.

Иной подход отражен в «Модельном законе о технологиях искусственного интеллекта», утвержденном Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 18.04.2025 № 58-8. Он охватывает весь жизненный цикл технологий ИИ и закрепляет не только принципы этики (антропоцентричность или приоритет прав и свобод человека, прозрачность, предосторожность, недискриминацию), но и императивные правовые нормы. Среди них — обязательное страхование ответственности при высокорисковой деятельности, система оценки и категоризации рисков, запрет на использование технологий с неприемлемым уровнем угрозы, а также установление солидарной ответственности разработчиков, операторов и собственников²³. Поэтому модельный закон формирует нормативную основу с конкретными обязанностями и мерами ответственности, опираясь при этом на ценности защиты прав человека, безопасности, справедливости и устойчивости, что уже не вполне укладывается в специфику регулирования «мягкого права».

Проанализированные документы демонстрируют два подхода: акты, действующие на уровне Европейского Союза, в большей мере относятся к сфере «мягкого права», формулируя лишь принципы ответственного и этичного использования ИИ без установления юридической ответственности за их невыполнение. В них акцент сделан на правах человека, прозрачности, недискриминации и справедли-

¹⁸ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях № СЕРЕJ(2018)14, принятая ЕКЭП 3 декабря 2018 г. Страсбург, 2018. 64 с.

¹⁹ OECD Recommendation on Artificial Intelligence (2019) // OECD Legal Instruments website. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 20.09.2025).

²⁰ High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. Brussels: European Commission, 2019. 41 p.

²¹ OECD Recommendation on Artificial Intelligence (2019) // OECD Legal Instruments website. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 20.09.2025).

²² Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях №. СЕРЕJ(2018)14, принятая ЕКЭП 3 декабря 2018 г. Страсбург, 2018. 64 с.

²³ Модельный закон о технологиях искусственного интеллекта: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 58-8 от 18 апр. 2025 г. // Сайт МПА государств-участников СНГ. URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1292 (дата обращения: 23.09.2025).

ности. В отличие от них, Модельный закон МПА государств-участников СНГ, хотя и является примерным ориентиром для национальных законодателей и не может быть применен напрямую, содержит императивные нормы и закрепляет механизмы ответственности, сохраняя при этом на уровне установления принципов правового регулирования этическую составляющую.

«Мягкое право» на корпоративном уровне на примере «этических кодексов»

Потенциал «мягкого права» особенно раскрывается в контексте правотворческой деятельности корпораций, которые, с одной стороны, не уполномочены на участие в правотворческом процессе, а с другой стороны, оказывают сильное влияние на динамику правовых и экономических отношений, связанных с ИИ. Поэтому «мягкое право» в этой ситуации оказывается инструментом своего рода опережающего нормотворчества, влияющим на формирование внутренней политики и практики корпораций. К числу таких актов относятся корпоративные кодексы этики, стандарты, рекомендации. Их цель — закрепление ценностей ответственности, прозрачности и устойчивости, что должно способствовать укреплению доверия акционеров, партнеров и общества.

Примером подобного мягко-правового подхода выступают Азиломарские принципы, принятые 11 августа 2017 года по результатам конференции в Азиломаре в США, в которых выделяются тематические разделы, охватывающие вопросы проведения исследований, этики, ценностей и долгосрочных перспектив развития ИИ. Указанные принципы структурированы по нескольким направлениям, включая проведение исследований, этико-ценностные ориентиры и вопросы долгосрочного развития. Документ имеет форму «открытого письма», доступного для присоединения широкого круга заинтересованных лиц. По состоянию на сентябрь 2025 года его поддержали 5720 подписантов²⁴.

Кроме того, значимым актом «мягкого права» корпоративного уровня является документ, подготовленный в 2017 году Институтом инженеров электротехники и электроники (IEEE), под названием «Искусственный интеллект: исследования, разработки и регулирование», в котором формулируются рекомендации для исследователей и разработчиков ИИ-систем²⁵.

Соответствующее правовое регулирование осуществляется также отдельными коммерческими корпорациями. Например, принципы ИИ от Google. Эти принципы подразумевают семь ориентиров для разработчиков ИИ, а также четыре запрета, которых обязуется придерживаться данная корпорация²⁶.

Подобные акты оказывают существенное влияние на формирование этико-правового дискурса в области ИИ в силу их популярности и международной поддержки.

Таким образом, особенностью «мягкого права» на корпоративном уровне является его самообязывающий характер: обязательность норм формируется посредством внутреннего самоограничения для акторов, признавших его в качестве обязательного. Адресатами таких положений выступают сами субъекты, их разработавшие, что придает корпоративным актам особую специфику: сочетание добровольности с фактической обязательностью внутри организации.

«Мягкое право» на национальном уровне на примере России

В Российской Федерации на настоящий момент могут быть выделены два основных источника «мягкого права». Первым и основным актом «мягкого права», действующим в Российской Федерации, является «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» (далее также — Кодекс)²⁷. Правовой харак-

²⁴ Asilomar AI Principles // Future of Life Institute. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁵ Institute of Electrical and Electronics Engineers // IEEE Global Public Policy. URL: <https://globalpolicy.ieee.org/wp-content/uploads/2017/10/IEEE17003.pdf> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁶ AI at Google: our principles // URL: <https://blog.google/technology/ai/ai-principles/> (дата обращения: 23.07.2024).

²⁷ Кодекс этики в сфере ИИ // Сайт Альянса в сфере ИИ. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 20.01.2025).

тер этого документа можно обосновать через устанавливаемые для применения положений данного Кодекса специальные процедуры, возможность присоединения к реализации этого документа, а также установление специального органа, способствующего ее реализации, — Комиссии по реализации Кодекса в сфере этики ИИ.

Второй акт «мягкого права» в Российской Федерации появился после создания Кодекса — Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта²⁸. Белая книга была разработана Национальной комиссией по реализации Кодекса этики в сфере ИИ на базе Альянса в сфере ИИ. Как указывается в самой Белой книге, назначением этого акта при его создании было сведение в один акт всех самых актуальных вопросов, касающихся регулирования жизненного цикла деятельности, связанной с ИИ, и предложение ответов на них. В сравнении с Кодексом этики Белая книга является более обширной по своему содержанию, однако в ней не устанавливаются конкретных обязанностей, а, скорее, указываются подходы к разрешению этических дилемм.

Обратимся к Кодексу этики в сфере ИИ. Некоторые положения первого раздела, устанавливающего этические принципы обращения с ИИ, перекликаются с рядом источников «жесткого» права. Следует отметить, что такие источники относятся к подзаконному уровню регулирования, а также могут быть охарактеризованы как политико-программные документы²⁹. К таким относятся, например, Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года (далее — Концепция)³⁰ и Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее — Национальная стратегия)³¹. Как видно, помимо регулирования посредством норм «мягкого права» такие этические рекомендации устанавливаются и на уровне подзаконных актов (концепций и стратегий). И в Концепции, и в Национальной стратегии, и в Кодексе встречается требование идентификации ИИ при взаимодействии с человеком. В Кодексе указывается, что разработчикам рекомендуется осуществлять добросовестное информирование пользователей об их взаимодействии с системой искусственного интеллекта (СИИ), когда это затрагивает вопросы прав человека и критических сфер его жизни. Более того, этот принцип идентификации объясняется необходимостью предоставления пользователю возможности прекращать такое взаимодействие по своему желанию³². Это положение будет рассмотрено в контексте судебной практики и законопроектной деятельности в качестве индикатора следования таким установленным этическим стандартам на практике.

Несмотря на непосредственную функцию «мягкого права» по ориентированию законодателя в отношении стратегии правового регулирования, также следует отметить исследовательский потенциал «мягкого права» в контексте легитимации норм об ИИ. Так, легитимация правовой нормы предполагает три основных этапа: когнитивный, аксиологический и коммуникативный³³. Иными словами, для того чтобы норма была признанной, ее необходимо сначала идентифицировать как правовое предписание, соотнести ее с существующими ценностями и в действии выразить свое согласие или несогласие с ней.

«Мягкое право», устанавливающее этические стандарты правового регулирования взаимодействия человека с ИИ, таким образом, оказывается тем ценностным ориентиром, который может задавать направление правового регулирования. Соотнесение конкретной правовой нормы с этическими стандартами, установленными источниками «мягкого права», открывает возможность оценки принимаемых правовых норм на предмет легитимации таких ценностей. Например, если норма закона или правоприменительное решение не соответствует тем этическим ценностям, которые государство само же и обя-

²⁸ См.: Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Nova Creative Group, 2024. 200 с.

²⁹ Плехимович И. И. Мониторинг законодательства: организационно-правовая модель // Законодательство. 2011. № 2. С. 81.

³⁰ Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 35, ст. 5593.

³¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

³² Кодекс этики в сфере ИИ // Сайт Альянса в сфере ИИ. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 20.01.2025).

³³ Ветютнев Ю. Ю. Коммуникативные формы правового признания // Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография. М., 2016. С. 94–95.

залось соблюдать, значит имеет место аксиологический конфликт³⁴. Он может свидетельствовать о риске постепенной утраты легитимности такой нормы.

Для разъяснения представленной теоретической модели обратимся к конкретному примеру обнаруженного аксиологического конфликта между такими этическими стандартами и правотворческой практикой, а также отражением таких ценностей в практике правоприменения и законопроектной работы.

Легитимация этических стандартов регулирования ИИ в судебной практике и законопроектной деятельности

Для иллюстрации представленных утверждений обратимся к практике применения Федерального закона от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности...» (далее — Закон), который вызвал споры вокруг использования средств, работающих на основе ИИ. Дело в том, что в статье 4 Закона установлен закрытый перечень способов взаимодействия с должником. И в соответствии с частью 2 статьи 4 упомянутого Закона дополнительные формы взаимодействия должны предусматриваться письменным соглашением между должником и кредитором (представителем кредитора)³⁵. В августе 2023 года п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона был дополнен новым способом взаимодействия — посредством автоматизированного интеллектуального агента³⁶, а иными словами — телефонного бота на искусственном интеллекте, умеющего поддерживать разговор. Однако до момента вступления в силу предложенных изменений (февраль 2024 года) в практике правоприменения обсуждалось, соответствует ли использование такого робота-коллектора положениям рассматриваемого Закона.

Например, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23 января 2024 г. по делу № А58-4021/2023 установлено, что банком допущены нарушения требований Закона № 230-ФЗ в связи с «использованием метода взаимодействия с применением искусственного интеллекта (робота-коллектора), при котором *должник или третье лицо не подозревают* (курсив — авт.), что диалог происходит не с человеком — сотрудником банка, а с компьютерной программой, имеющей признаки искусственного интеллекта, которая при этом выдает себя собеседнику за человека, задает вопросы, на которые получает ответы, а также воспринимает произносимую в ответ речь, то есть ведет себя как человек, не относится ни к одному из способов, установленных частью 1 статьи 4 Закона № 230-ФЗ, а является иным способом взаимодействия, для использования которого необходимо письменное соглашение»³⁷. Аналогичная аргументация встречается и в иных судебных постановлениях, в которых признается неправомерность использования таких роботов-коллекторов в связи с тем, что должник должен иметь информацию о том, с кем он ведет беседу³⁸.

В описанных случаях суды занимают именно ту позицию, которая описывается в рассмотренном Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта и Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года. Так, в п. 2.5 Кодекса указывается требование идентификации ИИ при взаимодействии с человеком. Суды, формально не ссылаясь на перечисленные акты, устанавливающие этические стандарты правового регулирования ИИ, приходили, однако, к тем же выводам. Таким образом, посредством деятельности су-

³⁴ Кожокар И. П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 167–168.

³⁵ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон „О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях“» // Российская газета. 2016. № 146.

³⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности“ и о внесении изменений в Федеральный закон „О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях“» от 04.08.2023 № 467-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6199.

³⁷ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23 января 2024 г. по делу № А58-4021/2023 // Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/72a14511-cb42-4df5-ba3c-9fb5b248a8f5> (дата обращения: 20.03.2025).

³⁸ См., например: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2023 г. по делу № А33-24168/2023; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2023 г. по делу № А58-6729/2023; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 21 декабря 2023 г. по делу № А33-18544/2023; Решение Арбитражного суда Амурской области от 15 ноября 2023 г. по делу № А04-8500/2023.

дов происходила легитимация и утверждение на практике таких этических стандартов взаимодействия человека с ИИ.

Вероятно, в связи с формированием правоприменительной практики, которая могла рассматриваться как произвольное восполнение правового пробела, в Государственную Думу РФ поступил законопроект, расширяющий перечень допустимых способов взаимодействия коллекторов с должниками без получения их письменного согласия. Рассматриваемый перечень был дополнен взаимодействием с автоматизированным интеллектуальным агентом.

Еще на этапе подготовки текста законодательных изменений стороны, задействованные в законодательном процессе, предлагали оригинальные этические аргументы, представляющие ситуацию иначе, чем это было сделано в судебной практике. Например, представители Общественной палаты Российской Федерации в заключении на законопроект указывали: «Законопроект <...> накладывает обязанность по раскрытию должнику информации о том, что с ним взаимодействует искусственный интеллект, что не позволит осуществлять его широкое использование, так как зачастую граждане, не слушая информацию, предоставляемую интеллектуальным помощником, заканчивают взаимодействие». Позиция Общественной палаты РФ в этом контексте апеллировала к иным ценностным основаниям: «Нормы, уточняющие порядок использования современных информационных технологий в ходе внесудебного взыскания задолженности, препятствуют их развитию»³⁹. Таким образом, на этапе изменения законодательства можно увидеть прямо противоположные аргументы, которые обосновывают допустимость такого введения в заблуждение граждан-должников по иному основанию — основанию эффективности права. Эти доводы, повлиявшие на финальную редакцию норм о таком интеллектуальном агенте (роботе-коллекторе), образуют аксиологическое противоречие с приведенным предписанием Концепции, поскольку при взаимодействии с должниками, очевидно, затрагиваются их права, и поэтому они, с позиции этики, должны быть уведомлены.

Вследствие вступления в силу рассмотренных изменений законодательства кардинально изменилась и судебная практика. Так, уже в Постановление Седьмого ААС от 11 июня 2024 г. № 07АП-2790/24⁴⁰ Апелляционная инстанция, не найдя оснований для изменения решения суда первой инстанции, указывает со ссылкой на изменения законодательства, что «взаимодействие с использованием робота-коллектора, имитирующего телефонный разговор в форме диалога, по существу является непосредственным взаимодействием с должником» и не требует дополнительных уведомлений должника или его представителя.

Если в контексте судебной практики разрешения споров в отношении ИИ был сделан вывод о легитимации установленных в актах «мягкого права» этических принципов, то закономерно было бы предположить, что рассмотренный случай правового регулирования, который вступает с ними в противоречие, следует квалифицировать как обратный процесс — делегитимации этических принципов, а также актов «мягкого права» и нормативных актов стратегического планирования. Тем не менее в данном случае возможна и другая интерпретация в контексте теории легитимации права.

Дело в том, что и в ходе законотворчества, и в ходе правоприменения приводились ценностные основания. Ни в одном случае не просматривались произвольные или случайные решения. Кроме того, сами по себе ценности эффективности правового регулирования и защиты прав человека не противоречат друг другу. Однако если для правоприменителя важно было установить баланс интересов и защитить «слабую» сторону — должника, то для законодателя закономерным оказался интерес в развитии системы норм об ИИ, а также увеличении их эффективности. Поэтому мы можем констатировать, во-первых, зависимость ценностей от вида юридической деятельности (правотворчества, правоприменения, толкования и т. д.), а во-вторых, ситуацию ценностного плюрализма, которая предполагает как минимум две стратегии легитимации норм об ИИ: легитимацию через эффективность норм и легитимацию через приоритет прав человека (защиты интересов слабой стороны).

³⁹ Страница законопроекта № 190070-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/190070-8> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴⁰ Постановление Седьмого ААС от 11 июня 2024 г. № 07АП-2790/24 // Картотека арбитражных дел. <https://kad.arbitr.ru/Card/e279cd78-7c69-4d2a-8f88-3ce6385e3c63> (дата обращения: 20.09.2025).

Тем не менее не во всех случаях законопроектной работы, связанной с ИИ, происходит делегитимация этических норм. В качестве положительного примера можно привести рассмотрение законопроекта № 467977-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части использования технологий искусственного интеллекта в период избирательных кампаний)». В пояснительной записке к законопроекту указывалось: «Законопроект позволит существенно снизить расходы политических партий в период предвыборной агитации, поскольку использование таких технических решений облегчает процесс получения соответствующих услуг, делает их оперативными и в значительной степени удешевляет их»⁴¹. Из приведенной формулировки следует, что основной ценностью, которой руководствуются авторы законопроекта, является ценность экономии, в частности, экономии средств при проведении избирательных компаний. Однако использование ИИ в обстоятельствах избирательной кампании также является вопросом этического характера, поскольку в условиях использования продуктов деятельности ИИ, которые в настоящее время оказываются трудноотличимыми от обычных фото- и видеосъемки, избиратели могут быть легко введены в заблуждение в значимом выборе, хотя обязанность их уведомления всё же предусматривается законопроектом. Приведенный пример использования ИИ подпадает под принципы, установленные в отечественном Кодексе этики в сфере ИИ. В частности, принцип уважения автономии и свободы воли человека (п. 1.2. Кодекса), заключающийся в необходимости использования ИИ с учетом «сохранения автономии и свободы воли человека в принятии им решений, права выбора».

Законопроект был отклонен после первого чтения по двум основным аргументам. Во-первых, причина технико-юридического характера: законопроект не предполагает конкретных требований к содержанию результатов использования ИИ, поэтому не представляется возможным определить объем регулирования порядка использования ИИ на подзаконном уровне.

Во-вторых, как отметил в своем Заключении Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона, «допустимость использования изображений любых физических лиц без их письменного согласия в агитационных материалах в случае, если такое изображение создано с помощью технологий ИИ, не только не учитывает конституционные установления, гарантирующие право на неприкосновенность частной жизни, но и не исключает возможности искажения истинных слов и жестов кандидатов, что может повлиять на волеизъявление избирателей»⁴².

И в-третьих, и Правовое управление, и Комитет по государственному строительству ссылаются на акты Конституционного Суда РФ, посвященные правовому регулированию избирательного процесса. И если Правовое управление делает акцент на «несоразмерность избранных законодателем средств преследуемым целям», то есть снятия запретов для снижения расходов на избирательную кампанию⁴³, то Комитет, ссылаясь на позиции КС РФ, делает акцент в большей мере на этические аргументы: недопустимость формирования у избирателей искаженного представления об участвующем в избирательном процессе кандидате, а также на обеспечение равенства прав кандидатов и защиту прав и интересов граждан, не являющихся кандидатами, за счет установления запретов, которые законопроект предполагает снять.

Таким образом, в рамках законопроектной работы обнаруживаются также две противоположные тенденции: с одной стороны, игнорирование этического стандарта уведомления человека о взаимодействии с ИИ при регулировании т.н. «роботов-коллекторов» в угоду повышения эффективности норм о взыскании просроченной задолженности, а с другой стороны, принципиальное отклонение законопроекта, предлагающего снижение затрат кандидатов в рамках избирательной кампании (по сути, то же повышение эффективности, но в экономическом ключе) на основании тех аргументов, которые были

⁴¹ Страница Законопроекта № 467977-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части использования технологий искусственного интеллекта в период избирательных кампаний) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/467977-8> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴² Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 467977-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/467977-8> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴³ Заключение Правового управления на проект федерального закона № 467977-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/467977-8> (дата обращения: 20.09.2025).

проигнорированы в первом случае, — недопущения введения граждан в заблуждение при взаимодействии с ИИ. Представленная ситуация позволяет сделать вывод, касающийся этических принципов взаимодействия ИИ с человеком: аксиологические противоречия присутствуют не только между правотворчеством и правоприменением, но и внутри самого правотворческого процесса.

Еще одним примером аксиологического противоречия внутри самого правотворческого процесса является рассмотрение в Государственной Думе РФ законопроекта № 950900-7. Законопроектом предлагалось ввести мораторий на действие Федерального закона от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“». В пояснительной записке к законопроекту указывается, что внедрение технологии ИИ содержит в себе риск посягательства на неприкосновенность частной жизни в силу отсутствия гарантий защиты персональных данных граждан от утечки, а также отсутствия гарантий их использования исключительно для обеспечения правопорядка. Кроме того, как указывали авторы законопроекта, за время действия моратория будут ликвидированы правовые пробелы, связанные с ответственностью должностных лиц за возможные нарушения в ненадлежащем использовании результатов технологий искусственного интеллекта⁴⁴.

Причина отклонения проекта оказалась в большей мере технической. В частности, в Заключении Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству (далее — Заключение) дается негативный отзыв на законопроект в силу того, что мораторий предлагается ввести на весь срок действия закона (5 лет). Также в Заключении указывается, что предлагаемое проектом изменение «не согласуется с целью формирования комплексной системы регулирования общественных отношений», связанных с ИИ, которая должна произойти по результатам установления экспериментального правового режима. Судя по тексту Заключения, приведенные авторами законопроекта этические аргументы были, если не проигнорированы, то, во всяком случае, оценены как второстепенные по сравнению с уже встречаемой нами целью эффективности законодательных норм. В данном случае эффективность законодательных норм проявляется в скорейшем и беспрепятственном достижении целей правового регулирования, которое, исходя из текста Заключения, оказывается выше учета интереса граждан. Такой вывод также основывается на безальтернативном негативном отзыве, а не предложении доработки законопроекта, например, в части изменения сроков моратория или изменения сроков проводимого эксперимента⁴⁵.

И в данном случае мы также можем обнаружить не только противоречие между аргументацией авторов законопроекта и авторами отзывов на него, но и противоречие в самой аргументации. Так, авторы Заключения в своем негативном отзыве указывали, что введение моратория не согласуется с целью формирования комплексной системы регулирования общественных отношений, связанных с ИИ. Этот термин авторами Заключения использован неслучайно.

Задача создания комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий ИИ, была впервые установлена и в настоящее время закреплена в упоминаемой Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. И противоречие заключается в том, что в Национальной стратегии защита прав и свобод человека, к которым апеллировали авторы законопроекта, являются основным принципом развития и использования ИИ (пп. «а» п. 19 Национальной стратегии). Кроме того, согласно п. 51(9) Национальной стратегии, задачу создания упоминаемой комплексной системы нормативно-правового регулирования необходимо решать с учетом обеспечения защиты прав и свобод человека. Аналогичные

⁴⁴ Пояснительная записка к законопроекту № 950900-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/950900-7> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴⁵ Заключение Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству на законопроект № 950900-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/950900-7> (дата обращения: 20.09.2025).

принципы закрепляются в законе, устанавливающем общие нормы для экспериментальных правовых режимов, — Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Так, в п. 1 ст. 4 этого закона указывается, что принципом установления экспериментальных правовых режимов является недопустимость ограничения конституционных прав и свобод граждан. Таким образом, аргументация, представленная в Заклучении, внутренне противоречива. Аргумент создания системы нормативного регулирования ИИ несмотря на риски правам и свободам человека делегитимирует сам замысел создания такой системы, а также не соответствует принципам, установленным в Национальной стратегии.

Однако было бы ошибочным квалифицировать любое правовое регулирование этически значимым. Даже в исследованиях, касающихся этической оценки правовых норм, подчеркивается, что с позиций этики нормы могут быть оценены и как этически окрашенные, и как не имеющие этической окраски⁴⁶. Поэтому часть законопроектов и принятых нормативных актов не могут быть оценены с позиций этики, поскольку не затрагивают соответствующих вопросов. Например, в ходе законопроектной работы при внесении законопроекта № 896438-7, который стал впоследствии уже обсуждавшимся в тексте настоящей статьи Федеральным законом от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования...», в пояснительной записке практически не приводилось аргументов этического характера, кроме аргументов о необходимости выстраивания технологического суверенитета государства в соответствии с политико-программными документами Президента РФ⁴⁷. В этом ряду оказываются также иные нормативные акты, касающиеся регулирования ИИ. Например, Приказ Росстандарта от 25 июля 2019 года № 1732 «О создании технического комитета по стандартизации „Искусственный интеллект“» содержит нормы сугубо организационного характера, не затрагивающие никаких этических ценностных оснований⁴⁸.

На основе приведенного исследования реализации этических стандартов в практике законопроектной работы в порядке некоторых выводов можно было бы вывести рекомендации, на которые мог бы опираться законодатель в дальнейшей работе по правовому регулированию ИИ. Представляется, что наиболее предпочтительная ситуация состоит в учете тех ценностных установок, которые закреплены в актах «мягкого права» или в уже имеющихся законодательных актах или подзаконных политико-программных документах по тому же самому предмету правового регулирования. И если этические стандарты, установленные источниками «мягкого права», не являются обязательными для отечественного законодателя, то, во всяком случае, нормы не должны противоречить ни по смыслу, ни по этическому содержанию уже существующим нормативным актам, если такие акты выступают общей нормой по отношению к принимаемой специальной норме.

Подводя итог рассмотрения вопроса легитимации (и делегитимации) этических стандартов правового регулирования ИИ, отметим три возможных варианта складывающегося правового регулирования ИИ, используя терминологию аксиологии права (исследование ценностей в праве). Во-первых, для объяснения ситуации соответствия смысла правовых норм этическим стандартам, установленным в любых источниках «жесткого» или «мягкого» права, относящихся к тому же самому предмету правового регулирования, предлагается понятие «аксиологическая (ценностная) когерентность». Во-вторых, ситуацию противоречия смысла правовых норм этическим стандартам предлагается обозначить понятием «аксиологическое противоречие». В-третьих, для ситуаций, когда в ходе правового регулирования затрагиваются лишь вопросы организационного, технического или иного этически нейтрального характера, предлагается понятие «аксиологическая нейтральность». Наиболее предпочтительным исходом из представленных трех стратегий, когда норма может быть этически оценена, представляется ситуация аксиологической когерентности.

⁴⁶ Виноградов В. А., Ларичев А. А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 16. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.4.23. EDN: JKTOM

⁴⁷ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/896438-7> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴⁸ Приказ Росстандарта от 25 июля 2019 года № 1732 «О создании технического комитета по стандартизации „Искусственный интеллект“» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=735452#RMdfcxUqkreUzNA21> (дата обращения: 20.09.2025).

Выводы

Проведенное исследование показывает, что «мягкое право» в сфере регулирования технологий ИИ выполняет определяющую функцию формирования этических стандартов последующего правового регулирования, опережающих развитие жестких правовых институтов. На международном и региональном уровнях оно закрепляет ориентиры прав человека, прозрачности, справедливости и ответственности, позволяя согласовать позиции государств. На корпоративном уровне такие акты приобретают особое значение за счет самообязывающего характера: нормы создаются и исполняются одними и теми же субъектами, что обеспечивает их фактическую обязательность в пределах организаций. В национальных правовых системах «мягкое право» позволяет гибко адаптировать стратегические документы и кодексы к быстро меняющимся технологическим реалиям, выступая промежуточным звеном между этическими стандартами и законодательными предписаниями. Таким образом, «мягкое право» формирует ценностные основания и задает направления для последующего правового регулирования таких отношений, сохраняя баланс между гибкостью и необходимостью нормативной определенности.

В отношении выводов, касающихся легитимации таких этических стандартов регулирования ИИ в судебной практике и законопроектной деятельности, отметим, что основным объектом рассмотрения стала ситуация аксиологического конфликта. Такая ситуация складывается в данном случае в силу «поспевающего» характера правотворчества и отсутствия системности в отношении правового регулирования ИИ. Внеплановый характер таких законодательных кампаний, отсутствие обязательности норм «мягкого права» и осторожность законодателя по фундаментальным вопросам регулирования ИИ создают проблемы для стабилизации общей стратегии правового регулирования, объединенной устоявшейся и непротиворечивой системой ценностей, которая могла бы легитимировать уже существующие этические стандарты правового регулирования взаимодействия человека с ИИ. Поэтому представляется, что одной из первоочередных проблем в сфере правового регулирования является не только форма выражения правовых предписаний и концептуальная определенность вводимых положений об ИИ, но также и необходимость представлений о приоритетных ценностях, которые должны артикулироваться в целостной стратегии правового регулирования.

Были предложены три основные модели дальнейшего развития законодательства об ИИ: аксиологическая когерентность, аксиологическое противоречие и аксиологическая нейтральность. При этом наиболее предпочтительной представляется ситуация аксиологической когерентности, при которой этические стандарты, установленные в «жестком» или «мягком» праве, учитываются законодателем для создания специальных норм об ИИ.

Список источников

1. Антонович Е. К. Пытка и другие формы жестокого обращения в решениях по уголовным делам Европейского суда по правам человека // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 172–180. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.109>
2. Ветютнев Ю. Ю. Коммуникативные формы правового признания // Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / Под общ. ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 94–103. EDN: VWHZKJ
3. Виноградов В. А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали / В. А. Виноградов, А. А. Ларичев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.4.23. EDN: JKTТОМ
4. Демин А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования: монография. М.: Проспект, 2017. 240 с. EDN: XTETXL
5. Денисенко В. В. Легитимация правоприменительной деятельности: аксиологический аспект / В. В. Денисенко, С. П. Малышкин // Российская юстиция. 2024. № 8. С. 14–22. DOI: 10.52433/01316761_2024_08_14. EDN: AJOOJF

6. Кашлач О. В. Нормы «мягкого» права: понятие и признаки // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 2. С. 26–32.
7. Кожокарь И. П. Техно-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Кожокарь И. П. Москва, 2020. С. 167–177.
8. Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Nova Creative Group, 2024. 200 с.
9. Ловцов Д. А. Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи / Д. А. Ловцов, Л. В. Терентьева // Lex Russica. 2020. № 7. С. 115–126. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.115-126>
10. Матюк Ю. С. Правовое регулирование искусственного интеллекта: зарубежный опыт // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9, № 2. С. 107–115. DOI: 10.17816/RJLS91009
11. Пляхимович И. И. Мониторинг законодательства: организационно-правовая модель // Законодательство. 2011. № 2. С. 78–87. EDN: SZFRVN
12. Стригунова Д. П. Подрядные договоры в сфере международного строительства // Гражданское право. 2025. № 1. С. 10–13. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-1-10-13. EDN: MUOVZV
13. Тарасов И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 1 (182). С. 122–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.122-130. EDN: TULLZI
14. Тихомиров Ю. А. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2018. 168 с.
15. Филипова И. А. Искусственный интеллект: европейский подход к регулированию // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 2. С. 54–65. DOI: 10.12737/jzsp.2023.022. EDN: EXKKRP
16. Фогельсон Ю. Б. Мягкое право и верховенство права // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 22–33. DOI: 10.12737/6210. EDN: SZFPVF
17. Харитонова Ю. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности / Ю. С. Харитонова, В. С. Савина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 524–549. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549. EDN: YDGFTN
18. Abbott, K. W., Snidal, D. (2000) Hard and Soft Law in International Governance. *International Organization*, vol. 54, no. 3, pp. 421–456.
19. Guzman, A. T., Meyer, T. (2016) *Soft Law. Economic Analysis of International Law*. Cheltenham, UK; Edward Elgar Publishing. Pp. 123–154.
20. Nolan, J. (2013) The Corporate Responsibility to Respect Human Rights: Soft Law or Not Law. *University of New South Wales Faculty of Law Research Series. Working Paper 73*. URL: <http://law.bepress.com/unswmps-flrps13/73P>. Pp. 138–161.

Об авторе:

Рыбин Александр Игоревич, аспирант департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0009-0007-4735-9087; e-mail: airybin@hse.ru

References

1. Antonovich, E. K. (2019). Torture and other forms of ill-treatment in criminal cases of the European Court of Human Rights. *Pravovedenie*, no. 63 (1), pp. 172–180. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.109> (In Russ.)
2. Vetyutnev, Yu. Y. (2016) Communicative forms of legal recognition // The principle of formal equality and mutual recognition of law: a collective monograph. Pp. 94–104. (In Russ.)

3. Vinogradov, V. A., Larichev, A. A. (2022) The Index of Ethicality of The Law as an Applied Tool for Assessing the Correlation Between Law and Morality. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 5, pp. 4–23. (In Russ.).
4. Demin, A. V. (2017) “Soft law” in the era of change: the experience of comparative research: a monograph. Moscow: *Prospekt*. 240 p. (In Russ.).
5. Denisenko, V. V., Malyshkin, S. P. (2024) Legitimation of law enforcement activity: axiological aspect. *Russian justice*, no. 8, pp. 14–22. (In Russ.) DOI: 10.52433/01316761_2024_08_14
6. Kashlach, O. V. (2006) Norms of “Soft” Law: Concept and Features. *International Law*, no. 2, pp. 26–32. (In Russ.).
7. Kozhokar, I. P. (2020) Technical and legal defects in Russian law. Pp. 167–177. (In Russ.).
8. Neznamova, A. V. (eds) (2024) *Belaia kniga etiki v sfere iskusstvennogo intellekta. Nova Creative Group*. 200 p. (In Russ.).
9. Lovtsov, D. A., Terentjeva, L. V. (2020) Legal Regulation of International Commercial Electronic Contracts. Technological and Legal Aspects of Electronic Signature. *Lex Russica*, no. 7, pp. 115–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.115-126>
10. Matyuk, Y. S. (2022) Legal Regulation of Artificial Intelligence: Foreign Practices. *Russian Journal of Legal Studies (Moscow)*, vol. 9, no. 2, pp. 107–115. (In Russ.). DOI: 10.17816/RJLS91009
11. Pliakhimovich, I. I. (2011) Monitoring of Legislation: Legal Structural Pattern. *Zakonodatelstvo*, no. 2, pp. 78–87. (In Russ.).
12. Strigunova, D. P. (2025) Owner-Contractor Agreements in International Construction. *Grazhdanskoe pravo*, no. 1, pp. 10–13. (In Russ.). DOI: 10.18572/2070-2140-2025-1-10-13
13. Tarasov, I. N. (2022) Problems of Legal Regulation as in The Case of The Concept of “Artificial Intelligence”. *Lex Russica*, vol. 75, no. 1, pp. 122–130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.122-130
14. Tikhomirov, Yu. A. (2018) Legal Prognostication: Scientific and practical guide. *Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation*. 168 p. (In Russ.).
15. Filipova, I. A. (2023) Artificial intelligence: A European approach to regulation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, vol. 19, no. 2, pp. 54–65. (In Russ.). DOI: 10.12737/jzsp.2023.022
16. Fogel'son, Yu. B. (2014) Soft law and the rule of law. *Journal of Russian Law*, no. 11 (215), pp. 22–33. (In Russ.). DOI: 10.12737/6210
17. Kharitonova, Y. S., Savina, V. S. (2020) Artificial intelligence technology and law: challenges of our time. *Vestnik permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 49, pp. 524–549. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549
18. Abbott, K. W., Snidal, D. (2000) Hard and Soft Law in International Governance. *International Organization*, vol. 54, no. 3, pp. 421–456.
19. Guzman, A. T., Meyer, T. (2016) *Soft Law. Economic Analysis of International Law*. Cheltenham, UK; *Edward Elgar Publishing*. Pp. 123–154.
20. Nolan, J. (2013) The Corporate Responsibility to Respect Human Rights: Soft Law or Not Law. *University of New South Wales Faculty of Law Research Series 2013. Working Paper 73*. URL: <http://law.bepress.com/unswwps-flrps13/73P>. Pp. 138–161.

About the author:

Aleksandr I. Rybin, postgraduate student of the Department of Theory of Law and Comparative of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0009-0007-4735-9087; e-mail: airybin@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Правила въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию

Образцова А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: obratzsova-ai@ranepa.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются правила въезда иностранных граждан на территорию Российской Федерации с учетом динамично развивающегося миграционного законодательства и растущего интереса иностранных граждан к посещению России с различными целями: туризм, работа, учеба и другие. Данный факт делает сферу миграционной политики интересной для изучения с точки зрения правового поля.

Материалы и методы: исследование базируется на практической деятельности с опорой на действующее законодательство, с применением консультационных разъяснений экспертов. Проанализирована статистика по въезду в Россию иностранных граждан. При исследовании использовались общенаучные методы и сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования и их обсуждение: в исследовании были проанализированы основные правовые акты, регулирующие порядок пересечения границы, включая требования к визовому и безвизовому въезду, необходимые документы, а также сроки пребывания и ограничения. Особое внимание было уделено изменениям в миграционной политике ввиду сложившейся международной обстановки. Также были изучены изменения, направленные на усиление контроля и перевод процедур в электронный формат, а именно: биометризация и цифровизация.

Выводы: правила въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию к 2025 году представляют собой сочетание традиционных требований (паспорт, виза, регистрация) и новых элементов, связанных с цифровизацией контроля и безопасностью. В целом российская миграционная политика стремится поддерживать баланс между открытостью для гостей и обеспечением порядка. Соблюдение установленных правил — от своевременного оформления визы до регистрации по месту пребывания — позволит иностранным гражданам избежать неприятностей и максимально эффективно использовать время пребывания в РФ, будь то туристическая поездка, деловая командировка или долгосрочное пребывание с целью работы или учебы.

Ключевые слова: миграционное законодательство, въезд в РФ, визовый режим, иностранные граждане, биометризация.

Для цитирования: Образцова А. И. Правила въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 43–53. EDN: ZVRMSM

Rules of Entry of Foreign Citizens to the Russian Federation

Anastasia I. Obratsova

Russian Presidential Academy of National and Public Administration, North-West Institute of Management,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: obratsova-ai@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The article discusses the rules of entry of foreign citizens to the territory of the Russian Federation, considering the dynamically developing migration legislation and the growing interest of foreign citizens in visiting Russia for various purposes: tourism, work, study, and others. This fact makes the field of migration policy interesting to study from the legal field's perspective.

Materials and methods: The research is based on practical activities of the current legislation and the use of expert advice. The statistics on the entry of foreign citizens into Russia are analyzed. The research used general scientific methods and the comparative legal method.

The results of the study and their discussion: The study analyzed the main legal acts regulating the border crossing procedure, including visa and visa-free entry requirements, necessary documents, as well as length of stay and restrictions. Particular attention was paid to changes in migration policy due to the prevailing international situation. Changes aimed at strengthening control and converting procedures to electronic format, namely biometrization and digitalization, were also studied.

Conclusions: The rules for entry of foreign citizens into the Russian Federation by 2025 are a combination of traditional requirements (passport, visa, registration) and new elements related to digitalization of control and security. In general, Russian migration policy strives to maintain a balance between openness to visitors and ensuring order. Compliance with the established rules — from timely visa processing to registration at the place of stay — will allow foreign citizens to avoid trouble and make the most of their time in the Russian Federation, whether it is a tourist trip, a business trip, or a long-term stay for work or study.

Keywords: migration legislation, entry into the Russian Federation, visa regime, foreign citizens, biometrization.

For citation: Obratsova, A. I. (2026) Rules of Entry of Foreign Citizens to the Russian Federation. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 43–53. (In Russ.)

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что за последние несколько лет визовые требования существенно ужесточились, что связано с цифровизацией миграционного контроля и усилением мер безопасности. В частности, в крупнейших аэропортах страны был введен обязательный сбор биометрических данных для всех иностранных граждан при въезде, а также изменения коснулись сроков временного пребывания. Кроме этого, был введен миграционный режим высылки и меры контроля для лиц, которые нарушили миграционные правила. Среди главных нормативно-законодательных актов, претерпевших изменения, стоит выделить такие, как Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 31.07.2025)¹; Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О порядке выезда

¹ Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 31.07.2025).

из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 23.07.2025)². Было также разработано Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»³, издан Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 342⁴.

Миграционная политика любого государства — это сложное и многогранное явление, которое подвержено систематическим изменениям⁵. Въезд иностранных граждан в РФ регулируется системой миграционных правил, которые также изменяются из-за геополитических ситуаций в мире. За последние годы появились новые ограничения, но при этом сохранены льготы для отдельных категорий иностранцев. Ограничения связаны с сокращением срока безвизового пребывания до 90 суток в течение календарного года, кроме этого, иностранные граждане, которые въезжают без визы, обязаны за 72 часа до въезда подать электронное уведомление о поездке с помощью специального мобильного приложения. Также ужесточены ограничения, касающиеся определенных видов деятельности и профессий, доступных для иностранных граждан.

В данной работе были проанализированы актуальные правила въезда, включая визовый и безвизовый режим, необходимые документы и сроки пребывания. Особое внимание уделено новым направлениям в области миграционного контроля — биометризации и цифровизации⁶. Они приобрели особую актуальность в 2024–2025 годах в связи с принятым Постановлением Правительства от 7 ноября 2024 года № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в РФ и выезда из РФ иностранных граждан» и в целях повышения прозрачности и предсказуемости правил въезда.

В теоретическом плане вопросами миграционной политики занимались различные исследователи и эксперты. Так, например, Е. Ю. Комлев и У. В. Костылева проанализировали ключевые аспекты миграционной политики России в свете стратегических целей обеспечения национальной безопасности, определенных в актуальных документах государственного планирования⁷.

Исследователи Д. А. Надин и Е. Л. Шапошников предложили модернизировать законодательство, чтобы установить более четкую терминологию: это поможет обеспечить защиту прав как мигрантов, так и гражданского общества⁸.

Также исследователем П. О. Дутовым был проведен анализ правового регулирования пребывания в Российской Федерации членов семьи иностранных граждан, реализующих право на трудовую деятельность⁹. Автор обосновал влияние цифровых технологий на трудовую миграцию¹⁰.

Итак, мнения экспертов характеризуются с точки зрения положительных направлений в цифровизации и усиления контроля за миграцией.

² Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 23.07.2025).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 7.11.2024 № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 342.

⁵ См.: Волох В. А. Конституционные основы миграционной политики и необходимость перехода от Концепции к Стратегии государственной миграционной политики Российской Федерации // Правовой вектор конституционного развития России (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации): Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 14 декабря 2023 г.). М.: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2024. С. 20–24.

⁶ См.: Казановская Ю. А., Автомонова М. В., Сердюкова Е. В., Чуниха А. А. Миграционная политика и безопасность государства: современные аспекты совершенствования миграционного законодательства России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 274–277.

⁷ См.: Комлев Е. Ю., Костылева У. В. Миграционная политика в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 3. С. 61–65. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2025-3-61-65>.

⁸ См.: Надин Д. А., Шапошников Е. Л. Особенности правового регулирования миграционной политики // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 383–385. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_383.

⁹ См.: Дутов П. О. О некоторых вопросах пребывания членов семьи иностранных граждан, реализующих право на трудовую деятельность в Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 2 (74). С. 101–105. <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-2-101-105>.

¹⁰ См.: Дутов П. О. Влияние современных цифровых технологий на правовое регулирование вопросов осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами // Актуальные вопросы применения норм административного права (Корневские чтения): VIII Международная науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. (Москва, 27 марта 2024 г.). М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2024.

Методология и материалы

В качестве методов исследования выбраны общенаучные методы: синтез, анализ, системный подход к изучению особенностей въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию и миграционной политики в целом. Статья написана на основе практического опыта работы многофункционального центра (далее — МФЦ), с опорой на законодательство, справочные материалы МИД России, новостные обзоры изменений миграционного режима, а также с применением консультационных разъяснений экспертов по состоянию на 2025 год.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Общие положения законодательства о въезде иностранных граждан

Въезд иностранных граждан на территорию РФ регламентируется федеральным законодательством и международными соглашениями. Основные требования сводятся к тому, что иностранец должен пересекать границу через официальные пункты пропуска, имея при себе действительные документы. К таким документам относятся паспорт (или иной документ, удостоверяющий личность и признаваемый РФ) и, при необходимости, въездная виза. Наличие визы требуется для граждан тех государств, с которыми у РФ установлен визовый режим. Если между РФ и страной гражданства иностранцев действует соглашение о безвизовых поездках, въезд возможен без оформления визы на условиях, оговоренных в этом соглашении. Российское законодательство также определяет основания для отказа во въезде: так, въезд может быть запрещен, если иностранный гражданин ранее нарушал миграционные правила, представил недействительные документы, имеет не снятую судимость за тяжкие преступления или внесен в перечень лиц, которым въезд не разрешен по соображениям безопасности¹¹.

2. Визовый и безвизовый въезд: отличия

С точки зрения законодательства РФ существует два режима въезда: визовый и безвизовый. **Визовый въезд** означает, что гражданин должен предварительно получить российскую визу в консульстве или посольстве РФ. Виза выдается под определенную цель поездки (туризм, работа, учеба и др.) и строго ограничивает срок пребывания иностранца в стране в рамках ее действия. Также визы могут быть оформлены при пересечении границы РФ в пункте пропуска. Виза оформляется дипломатическим представительством, консульским учреждением, федеральным органом исполнительной власти, ведающим вопросами иностранных дел, или его представительством (находящимся в том числе в пункте пропуска через госграницу), а также ОВД.

Безвизовый въезд возможен для граждан стран, с которыми заключены соглашения о взаимных безвизовых поездках. В этом случае для краткосрочного посещения России достаточно иметь действующий загранпаспорт (иногда также рекомендуется иметь полис медицинского страхования). Однако безвизовый режим, как правило, предусматривает ограниченный срок пребывания — обычно не более 30, 60 или 90 суток за определенный период. Например, граждане Аргентины, Израиля и Казахстана могут находиться в России до 90 дней без визы, тогда как для граждан Республики Корея установлен лимит 60 дней, а для туристов из некоторых других стран — 30 дней. Важно отметить, что начиная с 2025 года условия безвизового пребывания были ужесточены: теперь общий срок нахождения в РФ для безвизовых иностранцев ограничен **90 днями в течение календарного года**¹². Ранее действовало правило «90 дней в каждом полугодии» (90/180), фактически позволявшее проводить до 180 дней в год, но с 1 января 2025 года суммарный годовой лимит сокращен до 90 суток. Если иностранец желает остаться дольше допустимого безвизового

¹¹ Статья 24 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

¹² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 260-ФЗ (последняя редакция).

срока или сменить цель пребывания (например, начать работать или учиться), ему необходимо оформить соответствующую визу или разрешение в соответствии с миграционным законодательством РФ.

Статистика сайта МВД России такова, что к 2024 году численность мигрантов сократилась до 209 тыс. человек (рис. 1).

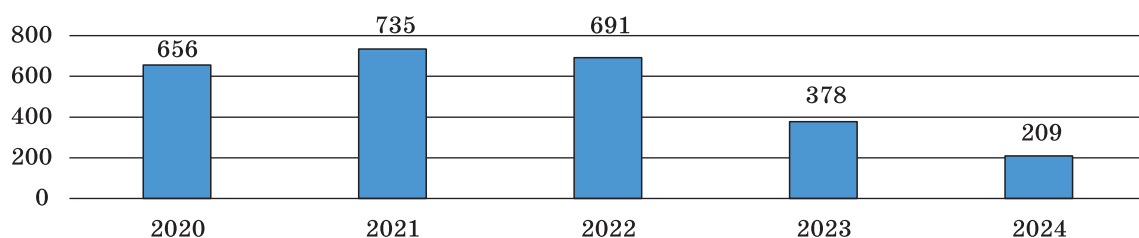

Рис. 1. Миграционная статистика, 2020–2024 гг., тыс. чел.¹³

Такое резкое снижение количества «новых россиян» министерство связывает с тем, что большинство жителей новых регионов получили паспорта в упрощенном режиме в 2022–2023 годах. Кроме того, тенденция обусловлена «ужесточением контроля» в сфере миграции.

3. Документы, необходимые при въезде в РФ

При пересечении границы РФ иностранный гражданин предъявляет ряд документов и проходит пограничный контроль. Во-первых, обязателен паспорт иностранного гражданина или иной документ, удостоверяющий личность, срок действия которого должен покрывать время пребывания (а для визовых иностранцев — обычно превышать срок визы на несколько месяцев). Во-вторых, при визовом режиме требуется действующая **русская виза** соответствующей категории, вклеенная в паспорт. В-третьих, **миграционная карта** — специальный бланк, который каждый иностранец заполняет при въезде. В миграционной карте указываются персональные данные, гражданство, цель визита и предполагаемый срок временного пребывания в России. Этот документ предоставляется бесплатно на пограничном контроле и состоит из двух частей, одна из которых остается у пограничников, а вторая возвращается иностранному гражданину.

Миграционную карту следует сохранять до выезда из страны, она потребуется при регистрации по месту пребывания и обратном выезде из РФ. Если иностранец въезжает по визе, в миграционной карте дополнительно фиксируются сведения о выданной визе¹⁴. Помимо перечисленных документов, пограничные органы могут запросить подтверждение цели визита (например, приглашение или ваучер туроператора), наличие достаточных денежных средств либо обратного билета — особенно если этого требуют условия соглашения с конкретной страной.

Отдельное внимание уделяется **биометрическим данным**. В рамках повышения уровня миграционного контроля с 1 декабря 2024 года в РФ началось внедрение процедуры обязательной дактилоскопии (снятия отпечатков пальцев) и фотографирования иностранных граждан прямо при въезде¹⁵.

Собираемые биометрические данные должны включать изображение лица и отпечатки пальцев. Такая процедура существенно усиливает идентификацию личности, а также ограничивает незаконное пересечение границы, минимизируя тем самым риски, связанные с терроризмом, организованной пре-

¹³ Сервисы по вопросам миграции. URL: <https://мвд.рф/%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%8B-%D0%B3%D1%83%D0%B2%D0%BC?ysclid=mgew44xzw94801922> (дата обращения: 04.10.2025).

¹⁴ См.: Емельянов В. М. Новеллы миграционной политики в свете семейных ценностей Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 2 (72). С. 14–21.

¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 7.11.2024 № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства».

ступностью и нелегальной миграцией¹⁶. Кроме этого, важным условием является то, что такие биометрические данные иностранных граждан в обязательном порядке размещаются ими в единой биометрической системе в течение 10 дней с момента въезда. Процедура дактилоскопии и регистрация в системе ЕБС (Единой биометрической системе) обеспечивают надежную проверку при получении миграционных услуг или сдаче экзаменов по русскому языку, истории и законодательству России.

Стоит сказать, что на начальном этапе данная мера была введена в крупнейших аэропортах Московского авиаузла (Шереметьево, Домодедово, Внуково, Жуковский), а также в тестовом режиме на одном из сухопутных пунктов пропуска. С 30 июня 2025 года сдача биометрических данных при пересечении границы стала обязательной для всех въезжающих иностранцев во всех пунктах пропуска. С помощью мобильного приложения RuID иностранные граждане должны подать заявление о въезде в РФ. Это приложение позволяет проверить ограничения на въезд и сформировать цифровой профиль для получения госуслуг на территории России.

До введения этого правила большинство иностранцев, прибывших в Россию на длительный срок (с целью работы, учебы и т. д.), проходили дактилоскопическую регистрацию и фотографирование в подразделениях МВД в течение 30 дней со дня приезда. Теперь же основные биометрические данные будут вноситься в систему сразу на границе, что является частью стратегии цифровизации миграционного контроля и ужесточения контроля за передвижениями иностранных граждан.

4. Основные категории российских виз

Российские въездные визы разделяются на несколько категорий в зависимости от цели поездки иностранного гражданина. Каждая категория виз имеет свои условия выдачи и ограничения по срокам. Данное разграничение установлено Постановлением Правительства РФ от 9 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы» (с изменениями и дополнениями)¹⁷.

Основные виды виз следующие:

- **Туристическая виза.** Предназначена для краткосрочных поездок с целью туризма или посещения достопримечательностей. Обычно выдается на срок до 30 дней (однократный или двукратный въезд), хотя возможно оформление многократной туристической визы до 6 месяцев. Условием получения является подтверждение брони гостиницы или туристический ваучер от туроператора, зарегистрированного в РФ. Суммарный период пребывания по многократной туристической визе, как правило, не превышает 90 дней в течение каждого 180-дневного интервала.
- **Деловая (бизнес) виза.** Выдается иностранцам, въезжающим в РФ для деловых целей: переговоров, участия в конференциях, поиска партнеров и т. д. Деловая виза может быть однократной или двукратной на срок до 90 дней, либо многократной — обычно на срок до 1 года. Многократные бизнес-визы позволяют совершать неограниченное число въездов, однако суммарно находиться в стране можно не более 90 суток из каждых 180 (таковы стандартные ограничения многократных виз). Основанием для оформления служит **приглашение** от российской организации или решение МВД РФ, при этом иностранец должен подтвердить деловую цель визита.
- **Рабочая виза.** Это виза для въезда с целью трудоустройства в РФ. Обычная рабочая виза выдается, как правило, на **один год** и может продлеваться внутри страны при продолжающихся трудовых отношениях. Для высококвалифицированных специалистов (ВКС) закон предусмотрел особый порядок — для них рабочая виза может быть оформлена сразу на срок до **трех лет**. Получение рабочей визы требует наличия приглашения от работодателя и соответствующего разрешения на работу (или патента для граждан некоторых стран СНГ).

¹⁶ См.: Жубрин Р. В., Ашиткова Т. В. Противодействие созданию в Российской Федерации мест массового проживания иностранных граждан (анклавов) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2 (100). С. 57–60.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 9 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы» (с изменениями и дополнениями).

- **Учебная (студенческая) виза.** Выдается иностранным гражданам, поступившим в российские образовательные организации. Первичная учебная виза обычно имеет срок 90 дней (однократная) и по прибытии в университет продлевается на более длительный период (до одного года) на месте обучения. Продление связано с ежегодным подтверждением зачисления на обучение.
- **Частная (гостевая) виза.** Предназначена для визитов по частным делам: посещение родственников или друзей, личные мероприятия. Как правило, выдается на срок до 90 дней и может быть однократной или двукратной. Основанием служит официальное приглашение, оформленное через МВД РФ принимающей стороной (гражданином РФ или иностранцем-резидентом, приглашающим гостя).
- **Гуманитарная виза.** Подвид обыкновенной визы для посещения РФ с негосударственными целями, связанными с наукой, культурой, спортом, религиозными или благотворительными мероприятиями. Условия аналогичны бизнес-визе: возможна выдача на срок до 90 дней (одно-/двукратная) или до одного года (многократная) в зависимости от характера мероприятий.
- **Транзитная виза.** Требуется, если иностранному гражданину необходимо проехать через территорию РФ в третью страну и при этом он не пользуется безвизовым транзитом. Транзитная виза обычно выдается на срок до **3 суток** при перемещении воздушным транспортом или до **10 суток** при следовании наземным путем (по железной дороге или автомобилем). Если пересадка в аэропорту происходит в транзитной зоне без выхода за ее пределы, виза не нужна, однако при смене аэропорта или выходе в город транзитная виза необходима.
- **Электронная виза.** Относительно новый механизм въезда — **Единая электронная виза**, введенная для граждан ряда государств с 2020 года и вновь запущенная с 1 августа 2023 г. после паузы на период пандемии. Электронная виза оформляется онлайн через специальный портал МИД РФ без необходимости приглашения. Такая виза однократная, действует 60 дней с момента выдачи, а максимальный разрешенный срок пребывания по ней — 16 суток. Е-виза подходит для туристических, деловых, гуманитарных или гостевых краткосрочных поездок. Ее получение занимает около 4 дней, что значительно упрощает процесс приезда для иностранных туристов и предпринимателей.

5. Особенности въезда для граждан ЕАЭС и СНГ

Для граждан стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — а это **Беларусь, Казахстан, Киргизия, Армения** — действуют особые условия въезда и пребывания в РФ. Они освобождены от необходимости получения виз: въезд осуществляется по национальному паспорту (для граждан Беларуси допускается въезд даже по внутреннему паспорту из-за особых союзных отношений). Сроки пребывания граждан ЕАЭС в РФ не ограничены **90 днями**, как для других безвизовых иностранцев: они могут жить и работать в РФ практически без ограничений по времени, при условии соблюдения правил регистрации. Более того, в рамках Договора о ЕАЭС¹⁸ предусмотрена свобода трудоустройства: граждане этих стран вправе работать в РФ **без оформления разрешений на работу** или патентов, на равных правах с россиянами. Это существенно упрощает для них миграционные процедуры.

Что касается стран **Содружества Независимых Государств (СНГ)**, многие из них также имеют с РФ договоренности о безвизовом въезде. Например, граждане **Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Молдовы** и большинства других постсоветских республик могут посещать РФ без визы на срок до 90 дней. С недавнего времени к этой категории присоединились и граждане **Грузии**, для которых в 2023 году Указом Президента РФ был отменен визовый режим: теперь грузинские граждане тоже могут въезжать без виз на краткосрочный период. Однако следует учитывать, что новые ограничения 2025 года (лимит 90 дней в год без визы) распространяются и на граждан большинства этих стран. Исключение составляют в первую очередь государства ЕАЭС и некоторые ближайшие союзники, для которых могут действовать особые двусторонние соглашения. Среди таких стран стоит выделить Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию.

¹⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024).

В целом же, если гражданин страны СНГ планирует находиться в РФ более 90 дней или заниматься трудовой деятельностью, ему потребуется либо оформить соответствующие документы (патент на работу, разрешение), либо получить долгосрочную визу/вид на жительство. Отдельно следует отметить, что с **Туркменистаном** у РФ отсутствует соглашение о безвизовых поездках, они по-прежнему въезжают строго по визам, как и граждане дальнего зарубежья.

6. Новые изменения 2024–2025 годов: цифровизация и биометрия

В 2024–2025 годах миграционное законодательство РФ претерпело ряд существенных изменений, направленных на усиление контроля и перевод процедур в электронный формат. Так, был принят Федеральный закон «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона „О воинской обязанности и военной службе“ и статью 22 Федерального закона „О гражданстве Российской Федерации“» от 08.08.2024 № 281-ФЗ (последняя редакция)¹⁹; Федеральный закон № 260-ФЗ, согласно которому вносятся изменения в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Во-первых, как уже упоминалось, с 2025 г. вступило в силу правило об ограничении суммарного срока пребывания безвизовых иностранцев **90 днями в год**, что заставляет приезжающих тщательнее планировать длительность своих визитов. Во-вторых, развивается система предварительной электронной регистрации въезжающих. Согласно Постановлению Правительства РФ № 1510 от 7 ноября 2024 г. с 30 июня 2025 г. в порядке эксперимента введено требование, что иностранные граждане, въезжающие без визы, должны заранее регистрироваться через приложение «Госуслуги RuID». Этот мобильный сервис (специальный раздел портала госуслуг РФ) позволяет создать личный кабинет иностранца и за 72 часа до поездки заполнить **электронное заявление о въезде**, указав планируемые сроки пребывания. В экстренных случаях (например, срочный приезд на похороны или к больному родственнику) допускается подача заявления за 4 часа до въезда. После подачи заявления генерируется **QR-код**, который привязан к персональным данным иностранца. При прохождении контроля на границе иностранный гражданин предъявляет паспорт, а сведения из заявления могут быть проверены по QR-коду через систему «Госуслуги RuID». Таким образом, все данные (анкета въезда, цели визита, срок) поступают в электронную базу еще до того, как иностранец пересек границу. Нововведение направлено на упрощение и ускорение процедур, а также на повышение безопасности: через личный кабинет иностранца на портале госуслуг ему будут приходить уведомления о рассмотрении заявления, о наличии запрета на въезд (если таковой имеется) и другие важные сведения. Пока что обязательная электронная подача сведений распространяется только на безвизовых приезжих из ряда стран (в основном ЕАЭС, СНГ и некоторых других, всего порядка 10–15 государств) и реализуется как пилотный проект до середины 2026 года. Но в будущем подобная цифровая форма контроля может стать стандартом для всех въезжающих.

Еще одним направлением изменений стала **биометризация миграционного контроля**. Как отмечалось, с 2024 г. иностранцы по прибытии в РФ проходят процедуру сканирования отпечатков пальцев и фотографирования прямо на погранпункте²⁰. Эта мера призвана создать единый реестр биометрических данных всех прибывающих, что упрощает идентификацию нарушителей и повышает общий уровень безопасности. Ранее подобные требования (сдать отпечатки и медицинские справки) предъявлялись лишь к тем иностранцам, кто планировал оставаться в РФ более 90 дней или работать/учиться; теперь же базовая биометрическая регистрация затрагивает и краткосрочных посетителей. По данным МВД, с **30 июня 2025 года** биометрический контроль на границе стал всеобъемлющим для **всех иностранных граждан** вне зависимости от страны происхождения. Полученные отпечатки пальцев и фотографии будут храниться в государственных информационных системах, и при повторных въездах процедура может

¹⁹ Статья 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 08.08.2024 № 281-ФЗ (последняя редакция).

²⁰ См.: Иванов П. И. Противодействие незаконной миграции (оперативно-розыскной аспект) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 509–514. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_509.

проходить быстрее, так как данные уже будут в базе. Переход к цифровым технологиям виден и в других аспектах: расширяется перечень электронных услуг для иностранцев (запись в подразделения МВД онлайн, оформление страховки, цифровые уведомления и пр.). Все эти изменения демонстрируют курс на **цифровизацию миграционного учета**, повышают прозрачность и предсказуемость правил въезда, но одновременно требуют от иностранцев большего внимания к формальностям (своевременная подача электронного заявления, готовность пройти дактилоскопию и т. д.).

7. Правила регистрации и миграционного учета после прибытия

После въезда в РФ иностранный гражданин обязан встать на миграционный учет по месту пребывания (так называемая регистрация). Данное требование содержится в главе 3 «Постановка иностранных граждан на учет по месту пребывания и снятие их с учета» Постановления Правительства РФ от 15.01.2007 № 9 (ред. от 04.12.2024) «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»²¹. Эта процедура заключается в уведомлении МВД о том, где иностранец проживает в период своего визита. Как правило, функцию по регистрации выполняет принимающая сторона: гостиница, арендодатель жилья, работодатель или родственник — владелец жилья. Стандартный срок для постановки на учет составляет **7 рабочих дней** с момента прибытия иностранца на место проживания²². То есть, если иностранец остановился, например, в частной квартире, хозяин жилья должен подать уведомление в органы МВД (через отделение почты или портал Госуслуг) в течение недели. В случае проживания в гостинице процедура упрощена: администрация отеля регистрирует постояльца автоматически в день прибытия.

Федеральный закон от 1 мая 2022 г. № 118-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о порядке пребывания граждан Российской Федерации на территории Республики Узбекистан и граждан Республики Узбекистан на территории Российской Федерации»²³ предусматривает и ряд **исключений** из общего правила семи дней. Благодаря межправительственным соглашениям, для граждан некоторых государств установлены более длительные сроки регистрации. В частности, граждане **Узбекистана и Таджикистана** могут становиться на учет в течение **15 дней** со дня въезда. Для работающих граждан стран **ЕАЭС** (и членов их семей) с 2024 года введен льготный период: они обязаны зарегистрироваться не позднее **30 дней** с момента въезда в РФ. Даже если такой гражданин приезжает без конкретного места работы, он все равно получает право на 30-дневный срок регистрации в РФ (это прямо прописано для граждан Армении и Киргизии). Граждане Беларуси в целом освобождены от необходимости регистрации при пребывании до 30 суток по соглашению между РФ и Республикой Беларусь. Также можно отметить, что высококвалифицированные иностранные специалисты (ВКС) и члены их семей регистрируются по особым правилам: им разрешено становиться на учет лишь по истечении 90 дней пребывания, если они не покинули страну раньше.

Процедура миграционного учета важна для соблюдения российского законодательства. При выезде иностранца из места пребывания (например, смене города или адреса внутри РФ) требуется повторная регистрация по новому адресу, если планируется остаться там более 7 дней. Нарушение правил регистрации (несвоевременная подача уведомления или его отсутствие) может повлечь административную ответственность — штрафы, а в случае злостного уклонения от учета возможен и запрет на дальнейший въезд. Поэтому прибывающим иностранным гражданам рекомендуется сразу по приезду уточнить у принимающей стороны, выполнены ли все формальности постановки на учет, чтобы пребывание в РФ оставалось законным и комфортным.

²¹ Постановление Правительства РФ от 15.01.2007 № 9 (ред. от 04.12.2024) «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

²² См.: *Иванов П. И.* О незаконной миграции (понятие, сущность и содержание) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 135–141. EDN: JQYEKA

²³ Федеральный закон от 1 мая 2022 г. № 118-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о порядке пребывания граждан Российской Федерации на территории Республики Узбекистан и граждан Республики Узбекистан на территории Российской Федерации».

Таким образом, с целью совершенствования процедуры въезда иностранных граждан на территорию Российской Федерации предлагается оптимизировать цифровую регистрацию за счет сокращения дублирования данных с электронными визами и иными системами в приложении RuID. Также целесообразно предоставлять иностранным гражданам понятную и четкую информацию о правилах пребывания, сроках, требованиях и гарантиях. Важным аспектом является разработка механизмов предупреждения и мотивации к уплате штрафов, а не немедленного запрета на въезд при мелких правонарушениях. Стоит также предложить меры, касающиеся возможности продления и корректировки сроков пребывания для законопослушных иностранных граждан без лишних бюрократических процедур.

Выводы

Таким образом, правила въезда иностранных граждан в РФ к 2025 году представляют собой сочетание традиционных требований (паспорт, виза, регистрация) и новых элементов, связанных с цифровизацией контроля и безопасностью. В целом российская миграционная политика стремится поддерживать баланс между открытостью для гостей и обеспечением порядка. Соблюдение установленных правил — от своевременного оформления визы до регистрации по месту пребывания — позволит иностранным гражданам избежать неприятностей и максимально эффективно использовать время пребывания в РФ, будь то туристическая поездка, деловая командировка или долгосрочное пребывание с целью работы или учебы.

Список источников

1. Волох В. А. Конституционные основы миграционной политики и необходимость перехода от Концепции к Стратегии государственной миграционной политики Российской Федерации // Правовой вектор конституционного развития России (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации): Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 14 декабря 2023 г.) М.: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2024. С. 20–24.
2. Дутов П. О. О некоторых вопросах пребывания членов семьи иностранных граждан, реализующих право на трудовую деятельность в Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 2 (74). С. 101–105. <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-2-101-105>.
3. Дутов П. О. Влияние современных цифровых технологий на правовое регулирование вопросов осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами // Актуальные вопросы применения норм административного права (Корневские чтения): VIII Международная науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. (Москва, 27 марта 2024 г.). М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2024.
4. Емельянов В. М. Новеллы миграционной политики в свете семейных ценностей Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 2 (72). С. 14–21.
5. Жубрин Р. В. Противодействие созданию в Российской Федерации мест массового проживания иностранных граждан (анклавов) / Р. В. Жубрин, Т. В. Ашиткова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2 (100). С. 57–60.
6. Иванов П. И. Противодействие незаконной миграции (оперативно-розыскной аспект) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 509–514. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_509.
7. Иванов П. И. О незаконной миграции (понятие, сущность и содержание) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 135–141. EDN: JQYEKA
8. Казановская Ю. А., Миграционная политика и безопасность государства: современные аспекты совершенствования миграционного законодательства России / Ю. А. Казановская, М. В. Автомонова, Е. В. Сердюкова, А. А. Чуниха // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 274–277. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_2_274.
9. Комлев Е. Ю. Миграционная политика в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Е. Ю. Комлев, У. В. Костылева // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 3. С. 61–65. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2025-3-61-65>.

10. Надин Д. А. Особенности правового регулирования миграционной политики / Д. А. Надин, Е. Л. Шапошников // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 383–385. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_383.

Об авторах:

Образцова Анастасия Игоревна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0009-0008-6358-0694, e-mail: obraztsova-ai@ranepa.ru

References

1. Volokh, V. A. (2024) Constitutional foundations of migration policy and the need to move from the Concept to the Strategy of the state migration policy of the Russian Federation. Legal vector of constitutional development of Russia (to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, December 14, 2023). *Moscow University the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot*. Pp. 20–24. (In Russ.)
2. Dutov, P. O. (2025) On some issues of the stay of family members of foreign citizens exercising the right to work in the Russian Federation. *Bulletin of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (74). Pp. 101–105. <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-2-101-105>. (In Russ.)
3. Dutov, P. O. (2024) The influence of modern digital technologies on the legal regulation of labor issues by foreign citizens. Actual issues of the application of administrative law norms (Korenev readings): *VIII International Scientific and Practical Conference: collection of scientific papers* (Moscow, March 27, 2024). *Moscow University the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot*. (In Russ.)
4. Yemelyanov, V. M. (2025) Novelties of migration policy in the light of family values of the Russian Federation. *Legal science and law enforcement practice*. No. 2 (72). Pp. 14–21. (In Russ.)
5. Zhubrin, R. V., Ashitkova, T. V. (2024) Countering the creation of places of mass residence of foreign citizens (enclaves) in the Russian Federation. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. No. 2 (100). Pp. 57–60.
6. Ivanov, P. I. (2025) Countering illegal migration (operational and investigative aspect). *Law and the State: theory and practice*. No. 3. Pp. 509–514. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_3_509/ (In Russ.)
7. Ivanov, P. I. (2024) On illegal migration (concept, essence and content). *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (43). Pp. 135–141. EDN: JQYEKA (In Russ.)
8. Kazanovskaya, Yu. A., Avtomonova, M. V., Serdyukova, E. V., Chunikha, A. A. (2025) Migration policy and state security: modern aspects of improving Russian migration legislation. *Law and State: theory and practice*. No. 2. Pp. 274–277. (In Russ.)
9. Komlev, E. Yu., Kostyleva, U. V. (2025) Migration policy in the context of ensuring national security of the Russian Federation. *Education. Science. Scientific staff*. No. 3. Pp. 61–65. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2025-3-61-65>. (In Russ.)
10. Nadin, D. A., Shaposhnikov, E. L. (2025) Features of legal regulation of migration policy. *Agrarian and land law*. No. 5. Pp. 383–385. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_383 (In Russ.)

About the author:

Anastasia I. Obraztsova, senior lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0009-0008-6358-0694, e-mail: obraztsova-ai@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Пробелы правового регулирования процесса лишения ученой степени

Глухов Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: glukhov-ea@ranepa.ru

Аннотация

Введение: необходимость исследования правовой регламентации процедуры лишения ученых степеней в нашей стране обусловлена ростом количества поданных заявлений о лишении ученых степеней, главным образом, в связи с обнаружением в диссертациях неправомерных заимствований. Одновременно с ростом числа рассмотрения заявлений о лишении ученых степеней увеличился и рост количества жалоб со стороны заинтересованных лиц. На основе материалов судебной практики автором анализируются основания удовлетворения подобных жалоб, выявляются пробелы и коллизии законодательства в сфере проиллюстрированных правоотношений.

Методология и материалы: при подготовке настоящей статьи были использованы разнообразные общелогические методы познания: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, а также общенаучные, частнонаучные и специальные методы. Применение всеобщих принципов научного познания сделало возможным выявить дефекты законодательства, регулирующего процесс лишения ученых степеней, а также проанализировать используемые сторонами доказательства в такого рода судебных процессах. Эмпирической базой исследования послужили нормы законодательства и материалы судебной практики, касающиеся исков об оспаривании лишения ученых степеней.

Результаты исследования и их обсуждение: автором опровергается подход об отнесении процедуры лишения ученой степени к сфере законодательства о предоставлении государственных услуг, выявляется дата начала срока подачи заявления о лишении ученой степени. Исходя из презумпции добросовестности участников правоотношений и принципа правовой определенности установлен набор правомочий, связанных с защитой лица, в отношении которого подано заявление о лишении ученой степени, на защиту и личное изложение своей позиции по данному вопросу. Ценность собственно научной составляющей диссертационного исследования не является предметом судебного контроля.

Выводы: существенным дефектом законодательства о лишении ученых степеней является отсутствие у Минобрнауки России полномочий задействованных структур осуществлять поиск заинтересованных лиц. Кроме того, последующий контроль законности и обоснованности присвоения ученой степени строится на анализе процедурных составляющих, при этом не оценивается научная составляющая анализируемых для проверки диссертаций и последующая после защиты диссертации научная деятельность данного лица. В заключение аргументируется авторская позиция относительно совершенствования правового регулирования процедуры лишения ученых степеней.

Ключевые слова: ученая степень, диссертационный совет, научная ценность, плагиат, надлежащее уведомление, правовое регулирование, право знать и защищаться, оспаривание решений в суде.

Для цитирования: Глухов Е. А. Пробелы правового регулирования процесса лишения ученой степени // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 54–66. EDN: YZFPSF

The article was submitted: 29.08.2025

Last review received: 10.10.2025

The article accepted for publication: 20.01.2026

Gaps in the Legal Regulation of the Academic Degree Deprivation Process

Evgeny A. Glukhov

Russian Presidential Academy of National and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: glukhov-ea@ranepa.ru

Abstract

Introduction: The growing number of applications for the deprivation of academic degrees, mainly due to the discovery of illegal borrowings in dissertations, highlights the need to study the legal regulation of the procedure for the deprivation of academic degrees in our country. At the same time as the number of applications for the deprivation of academic degrees increased, and the number of complaints from interested parties also increased. Based on the materials of judicial practice, the author analyzes the grounds for satisfying such complaints, identifies gaps and conflicts of legislation in the field of illustrated legal relations.

Methodology and materials: In preparing this article, various general logical methods of cognition were used: analysis, synthesis, abstraction, generalization, as well as general scientific, private scientific and special methods. The application of universal principles of scientific knowledge made it possible to identify defects in the legislation governing the process of deprivation of academic degrees, as well as to analyze the evidence used by the parties in such trials. The empirical basis of the study was the norms of legislation and materials of judicial practice concerning lawsuits challenging the deprivation of academic degrees.

Results of the study and their discussion: The author refutes the approach of attributing the procedure of an academic degree to the sphere of legislation on the provision of public services, reveals the date of the beginning of the deadline for submitting an application for revocation of an academic degree. According to the assumption of good faith among participants in legal relations and the principle of legal certainty, a specific set of powers is established concerning the protection of the individual against whom an application for the revocation of an academic degree has been filed, allowing them to defend and personally articulate their stance on this matter. The value of the actual scientific component of the dissertation research is not the subject of judicial control.

Conclusions: A significant defect in the legislation on the deprivation of academic degrees is the lack of authority of the involved structures of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to search for interested parties. Furthermore, the subsequent oversight regarding the legality and validity of conferring an academic degree relies on the examination of procedural elements, without assessing the scientific aspects of the dissertations reviewed for verification, nor the ensuing scholarly activities of the individual following the defense of the dissertation. In conclusion, the author's position on improving the legal regulation of the procedure for the deprivation of academic degrees is argued.

Keywords: academic degree, dissertation council, scientific value, plagiarism, proper notification, legal regulation, the right to know and defend oneself, challenging decisions in court.

For citation: Glukhov, E. A. (2026) Gaps in the Legal Regulation of the Academic Degree Deprivation Process. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 54–66. (In Russ.)

Введение

Как известно, в нашей стране существует двухуровневая система ученых степеней: кандидат и доктор наук¹. Ученая степень присваивается по результатам успешной защиты диссертации, решения научной задачи (для кандидата наук) или научной проблемы (для доктора наук) и отображает квалификацию лица, имеющего ученую степень, в определенной отрасли знаний². По образному выражению В. М. Сырых, чтобы получить государственное благословение на занятие научной деятельностью в специализированных учреждениях науки или на ведение преподавательской деятельности в вузах, специалист должен получить как минимум диплом кандидата наук³. Считается, что готовить лиц с высшим образованием должны преимущественно педагоги, сами занимающиеся научной деятельностью, а потому владеющие знаниями о современных тенденциях и перспективах развития изучаемых учебных дисциплин.

Порядок подготовки диссертационных исследований и их защиты уже довольно подробно исследован в науке⁴. Однако в современных условиях можно констатировать отсутствие комплексных исследований по т.н. «зеркальной процедуре» — проблематике лишения ученых степеней. Автор попытается частично восполнить этот пробел.

Далее мы сфокусируемся на анализе нормативного регулирования деятельности диссертационных советов, рассматривающих вопрос о необходимости лишения или сохранения ранее присужденной лицу ученой степени, а также дефектах юридической техники в исследуемой области правоотношений, порождающих множество судебных споров. Проблема отнюдь не кажется надуманной, поскольку за последние 12 лет в России ученых степеней были лишены более двух тысяч человек, три четверти прошений об этом удовлетворяются.

Присвоение и лишение ученых степеней кандидата наук осуществляется диссертационными советами — экспертными научно-квалификационными органами аттестации научных и научно-педагогических работников для реализации функций *публичного характера* в сфере присуждения ученых степеней. Ученую степень доктора наук присваивает Высшая аттестационная комиссия при Министерстве образования и науки Российской Федерации, а также — в определенных случаях — диссертационные советы, которым предоставлено такое право⁵.

Некоторые ученые относят указанный вид деятельности диссертационных советов к сфере предоставления государственных услуг⁶. Приведенный подход заслуживает одобрения и дальнейшей научной разработки⁷, поскольку диссертанты действительно обладают некоторыми признаками заявителей⁸, которые обращаются в компетентные структуры за документами о подтверждении их научной квалификации.

Вместе с тем процедуру лишения ученой степени вряд ли можно считать предоставлением государственной услуги, поскольку заявитель здесь выступает, скорее, в публичных интересах, нежели в своих, ведь его энергия направлена на проверку обоснованности выдачи официального документа, который он лично считает выданным с нарушением, т. е. незаконно.

¹ П. 2 ст. 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 24 июля 2025 г.) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

² Глухов Е. А. Правовое регулирование стимулирования присуждения ученых званий в военных и правоохранительных структурах // Пролог: журнал о праве. 2024. № 4. С. 62.

³ Сырых В. М. Идеальная диссертация: требования ВАК // Академический юридический журнал. 2014. № 3. С. 8.

⁴ См, например, Аникин В. М., Пойзнер Б. Н. Диссертанту о диссертации: семантический аспект. М., 2024.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 23.08.2017 № 1792-р (ред. от 07.03.2023) «Об утверждении перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами 2-4 пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 35. Ст. 5392.

⁶ Кузнецова О. А. «Диссертационные» споры в судебной практике: к 10-летию действия Положения о присуждении ученых степеней // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. № 6. С. 93.

⁷ Пахомов С. И., Логинова Е. А., Кулямин О. В., Петров М. П. Диссертационный совет в государственной системе научной аттестации: организационные и управленческие механизмы цифровой трансформации // Управленец. 2025. Т. 16, № 3. С. 5.

⁸ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

Методы и материалы

При подготовке настоящей статьи были использованы разнообразные общелогические методы познания: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, а также общенаучные, частнонаучные и специальные методы. Из числа частнонаучных методов использованы формально-юридический метод, применявшийся при анализе норм права о деятельности диссертационных советов. Юридикско-догматический метод и методы толкования права позволили провести комплексный анализ различных отраслей законодательства, регламентирующего специфику рассмотрения судебных споров о лишении ученых степеней.

Результаты исследования

В соответствии с п. 2.1 ст. 4 упомянутого Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ порядок лишения ученых степеней устанавливается Правительством Российской Федерации. Соответственно, 24 сентября 2013 года Правительство России приняло постановление № 842⁹, которым утверждено Положение о порядке присвоения ученых степеней (далее — Положение о ПУС). Раздел 5 этого Положения целиком посвящен описанию процедуры лишения ученых степеней. В частности, пунктом 65 комментируемого Положения предусмотрено, что лица, которым были присуждены ученые степени, могут быть лишены этих степеней по решению Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее — Минобрнауки России). Основаниями для лишения ученых степеней являются существенные нарушения требований, установленных для их присвоения, а именно:

- ученая степень доктора наук была присуждена лицу, не обладающему ученой степенью кандидата наук¹⁰;
- ученая степень кандидата наук присуждена лицу, не имеющему высшего образования, и/или без предварительной успешной сдачи им кандидатских экзаменов;
- диссертант имел меньшее количество опубликованных научных работ, чем это установлено в пункте 13 Положения о ПУС;
- нарушение диссертантом требований к добросовестному цитированию в своей диссертации ранее изданных чужих научных работ, в т. ч. изданных в соавторстве.

Основанием для лишения ученой степени является заявление об этом как самого обладателя ученой степени, так и иных лиц. Согласно пункту 66 Положения о ПУС заявление о лишении ученой степени (далее — ЗоЛУС) может быть подано в Минобрнауки России в течение 10 лет со дня принятия решения о присуждении ученой степени. То есть исходной точкой отсчета десятилетнего срока является дата вынесения решения о присуждении оспариваемой степени диссертационным советом, а не дата выдачи диплома кандидата (доктора) наук и не дата приказа об этом Минобрнауки России.

Как верно замечает А. В. Габов, описанный подход к сроку давности не препятствует предъявлению претензий к обладателю ученой степени со стороны лица, чьи интересы могли быть нарушены (к примеру, нарушением авторских прав), однако реализовать их в форме особой санкции — лишить ученой степени — уже нельзя¹¹.

Согласно п. 66(1) Положения о ПУС, основаниями для подачи заявления о лишении ученой степени являются:

- а) установленные судом или компетентным органом факты, свидетельствующие об использовании соискателями ученых степеней поддельных документов, документов, полученных незаконным путем, или документов, содержащих недостоверные сведения;

⁹ Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 16.10.2024) «О порядке присуждения ученых степеней» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 40 (часть III). Ст. 5074.

¹⁰ В недавнем прошлом диссертанту, не имеющему ученой степени кандидата наук, могла быть сразу присуждена ученая степень доктора наук, если оппоненты и члены диссовета сочтут, что защищаемая диссертация отвечала критериям докторского исследования.

¹¹ Габов А. В. Темпоральные элементы института лишения ученой степени // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 227.

- б) факты, которые могут свидетельствовать о представлении соискателем ученой степени недостоверных сведений об опубликованных им работах в рецензируемых изданиях и о нарушении требований об их количестве;
- в) факты, которые свидетельствуют о нарушении соискателем ученой степени требований о добросовестном указании всех заимствований и цитирований в своей диссертации.

В заявлении о лишении ученой степени могут быть указаны как один, так и сразу несколько из перечисленных выше доводов. Эти доводы на момент подачи ЗоЛУС выражают субъективную позицию автора заявления и могут как найти свое подтверждение при их проверке, так и не найти. То есть аргументация в ЗоЛУС не обязательно должна быть расценена как истина в последней инстанции.

Нетрудно заметить, что Положение о ПУС разделяет основания для лишения ученой степени (п. 65) и основания для подачи заявления о лишении ученой степени (п. 66.1). Это объясняется тем, что какие бы то ни было доводы в ЗоЛУС должны проверяться и устанавливаться именно в ракурсе дискреции относительно пункта 65 Положения о ПУС: либо доводы ЗоЛУС подходят к одному или нескольким изложенным в нем основаниям, либо не подходят. Если подходят, то конкретный кандидат или доктор наук может быть лишен ученой степени, если не подходят — то, какими бы весомыми не были доводы заявителей, ученая степень сохраняется.

Используемая в законодательстве терминология «лишение ученой степени» не тождественна отмене присуждения ученой степени, поскольку правовые последствия лишения наступают в момент издания приказа об этом лишении. Тогда как правовые последствия отмены присвоения ученой степени аналогичны ее отсутствию в принципе, как будто бы ученая степень никогда и не присваивалась. Получается, человек, лишенный ученой степени, некоторое время ею обладал и на законных основаниях пользовался правами, предоставляемыми ее обладателю. В этом плане процедура лишения ученой степени сродни процедуре лишения воинского (специального) звания, достаточно подробно исследуемой в правовой науке, (статья 48 Уголовного Кодекса РФ)¹².

Человек, лишенный ученой степени, например, спустя 10 лет после ее присуждения, вполне мог в этот период времени получать надбавку к заработной плате (денежному довольствию) за наличие у него ученой степени, занимать должность, подразумевающую обязательное наличие ученой степени, и т. п. Этот человек мог быть научным руководителем у других диссертантов, что также подразумевало наличие у него ученой степени в то время¹³. И лишение в последующем его ученой степени вовсе не означает недействительность его предыдущих действий в то время, когда он не был ее лишен. Тем более что и он, и окружающие были уверены в ее наличии и действительности. Использование правомочий не было связано с обманом, подделкой документов и с другими противоправными действиями со стороны кого бы то ни было. Все взаимодействующие лица добросовестно верили в наличие у данного лица ученой степени, и их вера подтверждалась действующими на то время официальными документами.

Примерная процедура рассмотрения заявления о лишении ученой степени включает в себя следующие этапы:

- 1) подача заявления о лишении ученой степени;
- 2) проверка данного заявления в Минобрнауки России на предмет соответствия требованиям, установленным п. 66(1) Положения о ПУС, и набору приложенных документов;
- 3) выбор диссертационного совета, в котором будет происходить рассмотрение заявления о лишении ученой степени, и направление в него комплекта документов по данному делу;
- 4) рассмотрение поступивших документов диссертационным советом и вынесение им заключения о результатах рассмотрения ЗоЛУС (о поддержании доводов заявления о лишении ученой степени либо об отказе в поддержании);

¹² Корякин В. М. Лишение воинского звания и его последствия для пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2012. № 4. С. 35.

¹³ Черкасов К. В. Лишение лица ученой степени: к вопросу о неопределенности некоторых правовых последствий // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 192.

- 5) рассмотрение поступивших из диссертационного совета документов экспертным советом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России¹⁴ и принятие по ним рекомендации (о поддержке доводов заявления о лишении ученой степени либо об отказе в поддержке);
- 6) рассмотрение всех ранее принятых по данному делу решений и документов Президиумом ВАК Минобрнауки России¹⁵ и принятие по ним своей рекомендации (о поддержке доводов ЗоЛУС, об отказе в поддержке такого заявления либо о направлении всего комплекта документов в иной диссертационный совет для получения дополнительного заключения¹⁶);
- 7) издание приказа Минобрнауки России (о лишении ученой степени или об отказе в лишении ученой степени).

Производство по ЗоЛУС может быть прекращено в связи с письменным ходатайством об этом заявителя либо в связи со смертью лица, в отношении которого подано заявление (далее — экс-диссертанта).

Вышеизложенный порядок не является каноническим, поскольку пунктом 3.1 статьи 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» для ряда образовательных организаций высшего образования предусмотрено право самостоятельно устанавливать порядок лишения ученых степеней¹⁷. Для экономии места и концентрации внимания именно на типовых противоречиях законодательства далее мы будем рассматривать процедуру лишения ученой степени на основе Положения о ПУС.

Прежде всего отметим, что в пункте 76 Положения о ПУС установлен 6-месячный срок принятия решения по заявлению о лишении ученой степени со стороны адресата (Минобрнауки России). При перерыве в работе экспертных советов и Комиссии ВАК указанный срок может быть продлен еще на 2 месяца. В случае запроса дополнительных сведений, а также направления заявления о лишении ученой степени и поступивших по нему документов и материалов в другой диссертационный совет для получения дополнительного заключения указанный срок может быть продлен. То есть указанный срок установлен правовым актом Правительства России, он является определенным, не должен быть бесконечно долгим и немотивированно затянутым.

Вместе с тем высшая судебная инстанция, рассматривая спор заявительницы о лишении ее ученой степени за пределами указанного срока¹⁸, не нашла в этом нарушения и оставила в силе оспариваемый приказ Минобрнауки России о лишении ученой степени. Как указал Верховный Суд РФ, законодательство, регламентирующее вопросы лишения ученой степени, не устанавливает последствия несоблюдения срока, предусмотренного пунктом 76 Положения о ПУС, и не содержит указания на то, что он является пресекательным. Указанный срок носит исключительно организационный характер, является процедурным, а его нарушение не является основанием для признания принятых решений незаконными, так как его истечение не исключает принятие решения. Таким образом, фактически лицо, в отношении которого подано ЗоЛУС, может неограниченно долгое время быть под угрозой своего образного наказания — лишения его ученой степени, тем самым принцип правовой определенности здесь не является определяющим.

Если рассматривать процесс лишения ученой степени по аналогии с судебным процессом, где есть сторона обвинения и сторона защиты, прокурор и адвокат, то обвинителем здесь является заявитель (автор ЗоЛУС), а обвиняемым — лицо, в отношении которого подано ЗоЛУС. Именно для последнего

¹⁴ См. Приказ Минобрнауки России от 30.09.2021 № 903 (ред. от 27.04.2024) «Об утверждении Положения об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 10.12.2021.

¹⁵ См. Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 237 (ред. от 19.06.2025) «Об утверждении Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 14. Ст. 1996.

¹⁶ В этом случае после получения дополнительного заключения все документы заново рассматриваются экспертным советом ВАК при Минобрнауки России.

¹⁷ Галицкая Н. В. О проблемах равенства доступа к высшему образованию в России // Роль права в обеспечении благополучия человека: Сб. докладов: XXII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета МГУ. В 5 ч., 23–26 ноября 2021 г. Ч. 2. М.: МГЮА, 2022. С. 145.

¹⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.07.2021 № 78-КАД21-8-КЗ // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2018172 (дата обращения: 26.08.2025).

существует опасность наступления негативных последствий, если заявление о лишении его ученой степени будет удовлетворено. Поэтому, как стороне, защищающейся от обвинений, такому лицу необходимо предоставить презумпцию невиновности и право на защиту.

Стало быть, на этапах рассмотрения и принятия промежуточных решений диссертационным советом, экспертным советом ВАК, Президиумом ВАК Минобрнауки России должна быть предоставлена возможность выступить в поддержку своей позиции, как заявителю, так и лицу, в отношении которого подано заявление о лишении ученой степени (п. 70, 72 и 75 Положения о ПУС).

Одним из проблемных вопросов, судя по материалам судебной практики в указанной сфере правоотношений, является своевременное и надлежащее уведомление лица, в отношении которого рассматривается вопрос о лишении его ученой степени. С одной стороны, его мнение и обоснование возражений на поданное заявление важны для объективного установления истины по защищенной ранее диссертации. С другой стороны, этот человек не является инициатором нового процесса рассмотрения его диссертации, поэтому, что вполне ожидаемо, не знает о поданном ЗоЛУС и о необходимости предоставления своей позиции по данному вопросу.

В отличие от гражданского процесса, где истец должен сам указывать адрес ответчика в своем заявлении, в рамках процесса лишения ученой степени такой обязанности у автора ЗоЛУС нет. Согласно п. 70 Положения о ПУС, Минобрнауки России направляет лицу, в отношении которого подано заявление о лишении ученой степени, извещение о поступлении ЗоЛУС с направлением его копии и приложенных к нему документов и материалов. Однако комментируемая норма содержит важную оговорку, что подобное уведомление осуществляется лишь при наличии возможности. Кто именно определяет наличие этой возможности и по каким критериям она определяется — этого Положение о ПУС не раскрывает. Можно в этом плане даже утверждать, что комментируемое положение содержит коррупциогенный фактор в виде отсутствия или неполноты административных процедур¹⁹.

Похожую нестрогую обязанность содержит и Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук²⁰. В соответствии с пунктом 69 вышеназванного правового акта заседание диссертационного совета по вопросу рассмотрения поступившего ЗоЛУС проводится, по возможности, в присутствии автора этого заявления, лица, в отношении которого подано ЗоЛУС, и других лиц, которые имеют непосредственное отношение к существу вопросов, поставленных в заявлении о лишении ученой степени. Диссертационный совет извещает указанных лиц о проведении заседания не позднее чем за пятнадцать дней до его проведения. Объявление о предстоящем заседании должно быть также опубликовано на сайте организации одновременно с извещением о нем указанных выше лиц.

Затем диссертационный совет создает комиссию из числа членов диссертационного совета для изучения необходимых материалов и подготовки проекта заключения о результатах рассмотрения ЗоЛУС, а впоследствии проводит заседание. На заседании диссертационного совета оглашается заявление о лишении ученой степени, заслушиваются выступления членов указанной выше комиссии. В дальнейшей дискуссии могут принимать участие все присутствующие на заседании, после чего заключительное слово предоставляется лицу, в отношении которого подано заявление о лишении ученой степени. По окончании дискуссии диссертационный совет принимает заключение о результатах рассмотрения заявления о лишении ученой степени открытым голосованием простым большинством голосов членов совета, участвовавших в заседании.

Важно отметить, что диссертационный совет должен рассматривать выполнение экс-диссертантом требований к его диссертационному исследованию не на момент заседания совета по рассмотрению ЗоЛУС, а на момент защиты им диссертации. Ибо та научная новизна, которая доказывалась в диссертации некоторое время назад, к настоящему моменту могла потерять свою актуальность, научная задача (проблема) могла быть уже снята с повестки дня либо решена другими способами и т. п.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

²⁰ Приказ Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201712060038?index=1> (дата обращения: 27.08.2025).

Как правило, большая часть обращений о лишении ученых степеней связана с неправомерными заимствованиями в диссертациях чужого научного материала, без указания авторства этого материала. Конечно, такие действия диссертантов подлежат осуждению и санкциям. Но и лишать ученой степени за пару абзацев чужого текста, не имеющего принципиально важного значения в русле решения поставленной в диссертации научной задачи (проблемы), — тоже вряд ли целесообразно. Феномен научно-квалификационного творчества заключается в одновременном требовании широкого корректного заимствования, опоры на предшествующий опыт и категорической недопустимости некорректных плагиаризмов²¹. Некоторые ученые предлагают в этом плане оценивать научное содержание и ценность заимствованного фрагмента, его взаимосвязь с научным результатом диссертации, а не сам факт его использования²².

Кроме того, возможны ситуации, когда авторство определенного текста практически невозможно установить ввиду его повсеместного распространения в сети Интернет без привязки к конкретному лицу. В этом случае при использовании такого рода чужих мыслей диссертанту, даже при желании показать заимствование, трудно выполнить данную процедуру технически.

С другой стороны, наличие неправомерных заимствований, присваивание чужих мыслей в своей диссертации можно расценить как невыполнение одного из существенных условий выполнения подобного уровня научных работ — написания диссертации единолично.

Поэтому определение границы использования чужого научного текста с нарушением правил цитирования,²³ пересечение которой должно повлечь лишение ученой степени, — дело крайне индивидуальное и должно решаться диссертационным советом с учетом всех остальных характеристик диссертационного исследования и заслуг экс-диссертанта.

Возвращаясь к вопросу права экс-диссертанта участвовать в заседании ученого совета по рассмотрению ЗоЛУС в отношении него, то здесь полагаем применимой позицию Верховного Суда Российской Федерации, который в кассационном определении от 17 августа 2022 года № 5-КАД22-28-К2²⁴ привел следующую аргументацию: нормы законодательства о присуждении и лишении ученых степеней направлены на обеспечение общепризнанного принципа быть выслушанным и услышанным, состоящего в заслушивании и оценке мнения и лица, в отношении которого подано ЗоЛУС.

Бесспорно, что пригласить на заседание диссертационного совета автора той диссертации, которую будут заново рассматривать по ЗоЛУС, необходимо и целесообразно, но проблематично ввиду того, что далеко не всегда известен его фактический адрес. Решать вопрос о правах и обязанностях человека без самого этого человека либо хотя бы его извещения о такого рода процедуре представляется неверным, нарушающим его право на защиту.

На практике диссертационный совет запрашивает адрес этого лица из имеющегося аттестационного дела (сформированного в период защиты диссертации) и именно по тому старому адресу (который был указан при защите диссертации) или тому месту работы направляет уведомление. Но автор оспариваемой имеющейся ученой степени мог защищать диссертацию в другом диссертационном совете в другом регионе, за много лет после защиты поменять несколько адресов и мест работы, вообще уехать после защиты из России. Поэтому довольно часто он не получает никаких уведомлений ввиду того, что они ему просто не доходят.

Здесь же стоит отметить и отсутствие полномочий по розыску лиц у диссертационного совета и той научной (учебной) организации, при которой он создан. Тем более что с момента получения ЗоЛУС до момента принятия диссертационным советом заключения по данному вопросу, его письменного оформления и направления в Минобрнауки России отводится всего 2 месяца (п. 70.2 Положения о ПУС). С учетом обозначенных сроков уведомление экс-диссертанта по старому адресу выглядит не более чем

²¹ Астафичев П. А. Плагиат как основание для лишения присужденной ранее ученой степени: конституционно-правовые пределы и условия // Журнал Конституционного правосудия. 2024. № 2. С. 29.

²² Демидов Д. Д. Проблема плагиата в научных произведениях // Университетская книга. 2017. № 8. С. 68.

²³ В сети Интернет встречается описание случаев лишения ученой степени при наличии в диссертации 10 листов, где имеются некорректные заимствования. URL: <https://dissernet.org/expertise/IsrailovAH2012> (дата обращения: 28.08.2025).

²⁴ Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2152000 (дата обращения: 25.08.2025).

формальностью, а если выразиться более категорично — профанацией: письмо уходит в никуда, а сам экс-диссертант находится в полном неведении, что такая процедура в отношении него вообще проводится, не говоря уже о дате, времени и иных деталях ее реализации²⁵.

Более того, даже если экс-диссертант своевременно уведомлен о наличии заявления о лишении его ученой степени и начале процедуры пересмотра его диссертации, этот срок все равно не позволяет ему качественно подготовиться к выражению своей позиции. Ибо за годы после защиты прошлой диссертации из памяти ушли те моменты, на основании которых можно подтвердить те или иные фразы своей диссертации, а также когда и откуда были взяты определенные в ЗоЛУС цитирования. Не предусмотрено в процессе рассмотрения ЗоЛУС диссертационным советом и получения дополнительных заключений (отзывов) от сторонних организаций.

Анализ судебной практики по данному вопросу позволяет прийти к выводу о повсеместном рассмотрении диссертационными советами заявлений о лишении ученых степеней без самих экс-диссертантов. Так, в одном из судебных споров было установлено, что адрес, по которому направлялись уведомления, был местом прежней работы экс-диссертанта, где он уже давно не работает. Уведомление по бывшему месту работы (соответственно, не уведомление по действующему адресу) не помешало диссертационному совету и всем научным инстанциям Минобрнауки России положительно рассмотреть ЗоЛУС и лишить его ученой степени²⁶.

Интересно отметить, что в судебной практике, как правило, оспаривается уже состоявшееся решение Минобрнауки России по лишению экс-диссертанта ученой степени, оформленное в виде соответствующих приказов. Здесь повсеместно встречается тот же подход, связанный с формальным извещением лица, в отношении которого подано ЗоЛУС. Складывающаяся судебная практика опять-таки относит это к нарушениям установленной процедуры. Так, в одном из дел суд второй инстанции указал, что доводы об отсутствии сведений об адресных данных административного истца, а равно как и отсутствие возможности их получить, не опровергают факт не извещения истца (экс-диссертанта) о рассмотрении в отношении нее заявления о лишении ученой степени доктора экономических наук и свидетельствуют о нарушении установленного порядка рассмотрения данного вопроса²⁷.

В материалах судебных дел встречаются случаи и отдельного оспаривания экс-диссертантами заключения диссертационного совета о пересмотре ранее защищенной диссертации, как влияющего на права и свободы заявителя. Так, кассационный суд пришел к выводу о том, что заключение диссертационного совета как отдельное самостоятельное экспертное мнение рассматривается Минобрнауки при разрешении вопроса о лишении ученой степени наряду с иными документами и заключениями. И хотя оно не носит обязательного характера, но оформляет завершение одного из этапов порядка разрешения вопроса о лишении ученой степени, а потому подлежит отдельному обжалованию. В качестве обоснования приведенного решения суд указал следующее:

«Решение Минобрнауки России по ЗоЛУС не может быть принято без заключения соответствующих диссертационного совета, экспертного совета и рекомендации Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России. При этом различие позиций экспертного совета и диссертационного совета может быть основанием для получения дополнительного заключения в другом диссертационном совете.

Диссертационный совет действует независимо от экспертного совета и Комиссии как коллегиальный орган. Нормативно определенный характер деятельности диссертационного совета, наличие установленных процедуры и порядка рассмотрения им вопроса о лишении ученой степени, правовые последствия заключения диссертационного совета, необходимого для принятия решения Минобрнауки России

²⁵ Бавсун М. В., Бавсун И. Г. Проблемы разрешения споров о лишении ученой степени кандидата, доктора наук (по материалам судебной практики) // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 3 (89). С. 338.

²⁶ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.01.2025 № 88а-2940/2025. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=doc&number=14612890&delo_id=43&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.09.2025).

²⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 09.06.2025 № 33а-3671/2025. Официальный сайт. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-admin/details/9043eed0-29a1-11f0-9d55-7dc0f2b63453?caseNumber=33%D0%B0-3671/2025> (дата обращения: 01.09.2025).

по заявлению о лишении ученой степени, свидетельствуют о том, что диссертационный совет реализует отдельные публичные полномочия по отношению к лицу, которому присуждена ученая степень, вступая с ними в самостоятельные административные правоотношения по вопросу лишения его ученой степени.

Оспариваемое заключение диссертационного совета затрагивает права истца, поскольку содержит вывод о наличии оснований для лишения ее ученой степени кандидата экономических наук, тем самым его законность может быть проверена по требованию административного истца»²⁸.

Естественно, суд не вправе рассматривать научную составляющую спора о наличии или отсутствии научной новизны, решения научной задачи или проблемы, обоснованность выводов и репрезентативность эмпирического материала диссертации. Все эти и подобные вопросы рассматриваются компетентными научными инстанциями (диссертационными советами и структурами Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки). Схожую мысль высказывает О. А. Кузнецова: «Вопрос о проверке научной ценности диссертации не входит в предмет судебного оспаривания»²⁹.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2010 года прямо указано, что при оспаривании решения о лишении ученой степени суд проверяет только процедуру его принятия. Несоблюдение установленного порядка принятия решения может служить основанием для вывода о его незаконности³⁰.

При проверке законности решения суд, в частности, выясняет, была ли в установленных законом случаях обеспечена возможность реализации прав и законных интересов гражданина при принятии оспариваемого решения, в том числе проверяет, было ли обеспечено право лица на ознакомление с доказательствами, право давать пояснения (возражения) по существу выявленных нарушений; исполнена ли наделенными публичными полномочиями органом обязанность изложить в принятом решении основания для применения соответствующих мер в отношении гражданина.

Если конкретные нарушения, связанные с несоблюдением порядка принятия решения, невыполнением требований к форме и содержанию решения, определены законом как существенные (грубые), сам факт наличия этих нарушений является достаточным для вывода о его незаконности.

Вместе с тем признание судами незаконности действий как диссертационных советов, так и структур Минобрнауки России, как правило, не означает прекращение рассмотрения ЗоЛУС и оставление ученой степени истцу. Отменяя незаконные решения, суд не воспрещает продолжить рассмотрение вопроса о лишении ученой степени заново.

Обсуждение

Учитывая приведенные выше материалы судебной практики, полагаем, что нормативная база, регламентирующая лишение ученых степеней, подлежит уточнению и корректировке.

Во-первых, необходимо на нормативном уровне предусмотреть механизм обязательного уведомления лица, в отношении которого подано заявление о лишении его ученой степени, о начале процедуры рассмотрения данного заявления в конкретном диссертационном совете. В настоящее время всё больше и больше в жизнь населения внедряются цифровые сервисы взаимодействия с государственными органами. По аналогии с реестром воинского учета и интеграции его с сервисом Государственных услуг целесообразно предусмотреть подобную систему относительно уведомления лиц, в отношении которых решается вопрос об утрате ими регалий, в том числе ученых степеней.

Во-вторых, в целях единого подхода в вопросах вынесения заключений диссертационными советами относительно лишения ученых степеней целесообразно разработать методические рекомендации, утвержденные Минобрнауки России, где раскрыть типовые ситуации, по которым наиболее часто тре-

²⁸ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.07.2025 № 88а-10598/2025 // Официальный сайт. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9666638&delo_id=43&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.09.2025).

²⁹ Кузнецова О. А. «Диссертационные» споры в судебной практике: к 10-летию действия Положения о присуждении ученых степеней // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. № 6. С. 101.

³⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 5.

буется принимать решения диссертационным советам, в том числе относительно нарушений, связанных с неправомерными заимствованиями.

В-третьих, необходимо определить, стоит ли учитывать последующую научную деятельность экс-диссертанта при лишении его ранее присужденной ученой степени. Вполне возможны ситуации, когда диссертационным советом будут выявлены нарушения, связанные с процедурой присуждения лицу ученой степени. И за эти нарушения вполне возможно лишить экс-диссертанта ученой степени. Однако если этот человек после защиты диссертации активно и плодотворно работал в научной сфере, имеет новые научные достижения, публикует научные статьи, получает патенты на изобретения и т. д., то возникает вопрос, возможно ли каким-то образом зачесть его свежие научные разработки в качестве аргумента для сохранения присужденной ранее с нарушением ученой степени.

Ведь если человек, например, уже 10 лет как обладает статусом кандидата или доктора наук, то он, конечно же, все эти 10 лет уже не прилагает усилий по новой защите диссертации того же уровня, новом подтверждении ученой степени. И таким образом, лишение его присвоенной 10 лет назад ученой степени будет означать, что эти 10 лет он тоже добросовестно заблуждался и не предпринимал новых попыток более качественной защиты диссертации как раз потому, что считал себя уже достигшим этой научной вершины.

В-четвертых, процедура рассмотрения ЗоЛУС не обязывает уведомлять авторов научных произведений, чьи мысли и алгоритмы были некорректно заимствованы экс-диссертантами. Меж тем их мнение по данному вопросу также должно подлежать оценке.

Представляется, что ответы на данные вопросы не однозначны и имеют доводы как в пользу лишения ученых степеней за некорректные заимствования, так и в пользу оставления в силе присужденной ученой степени.

Подводя итог настоящей статьи, можно прийти к **выводу** о наличии пробелов, коллизий и отсутствии единого подхода к критериям лишения ученых степеней и осуществления процедуры лишения ученой степени. Приведенные в статье позиции не снимают всех противоречий в данном вопросе, однако требуют широкого научного обсуждения, результатом которого должно стать совершенствование т.н. «научного законодательства». Автор осознает, что некоторые его выводы небесспорны, и приглашает к дискуссии о выборе оптимальной модели процедуры лишения ученых степеней всех, кого заинтересовала тема настоящего исследования.

Список источников

1. Аникин В. М. Диссертанту о диссертации: семантический аспект / В. М. Аникин, Б. Н. Пойзнер. М.: ИНФРА-М, 2024. 225 с. DOI: 10.12737/1909143. EDN: EPGBGR.
2. Астафичев П. А. Плагиат как основание для лишения присужденной ранее ученой степени: конституционно-правовые пределы и условия // Журнал Конституционного правосудия. 2024. № 2. С. 25–32. DOI: 10.18572/2072-4144-2024-2-25-32. EDN: GCJGEU
3. Бавсун М. В. Проблемы разрешения споров о лишении ученой степени кандидата, доктора наук (по материалам судебной практики) / М. В. Бавсун, И. Г. Бавсун // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 3(89). С. 336–341. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).336-341. EDN: YIENQY
4. Габов А. В. Темпоральные элементы института лишения ученой степени // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 223–234. DOI: 10.17223/15617793/471/26. EDN: POILME
5. Галицкая Н. В. О проблемах равенства доступа к высшему образованию в России // Роль права в обеспечении благополучия человека: Сборник докладов XI Московской юридической недели: XXII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета МГУ. В 5 ч., 23–26 ноября 2021 года. Ч. 2. М.: МГЮА, 2022. С. 143–146. EDN: RZAFKS
6. Глухов Е. А. Правовое регулирование стимулирования присуждения ученых званий в военных и правоохранительных структурах // Пролог: журнал о праве. 2024. № 4 (44). С. 61–71. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.4.6. EDN: AWIEOQ

7. Демидов Д. Д. Проблема плагиата в научных произведениях // Университетская книга. 2017. № 8. С. 66–70. EDN: ZOLJPF
8. Корякин В. М. Лишение воинского звания и его последствия для пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2012. № 4 (178). С. 35–38. EDN: TEXNWD
9. Кузнецова О. А. «Диссертационные» споры в судебной практике: к 10-летию действия Положения о присуждении ученых степеней // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. № 6. С. 92–110. DOI: 10.33397/2619-0559-2024-6-6-92-110. EDN: ZNQXZD
10. Пахомов С. И. Диссертационный совет в государственной системе научной аттестации: организационные и управленческие механизмы цифровой трансформации / С. И. Пахомов, Е. А. Логинова, О. В. Кулямин, М. П. Петров // Управленец. 2025. Т. 16, № 3. С. 2–16. DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-31. EDN: WRHZCK
11. Сырых В. М. Идеальная диссертация: требования ВАК // Академический юридический журнал. 2014. № 3 (11). С. 6–24. EDN: TYNMNN
12. Черкасов К. В. Лишение лица ученой степени: к вопросу о неопределенности некоторых правовых последствий // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 191–194. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-4-191-194. EDN: VILURJ

Об авторе:

Глухов Евгений Александрович, канд. юрид. наук, доцент, полковник юстиции запаса, доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7212-8156, e-mail: glukhov-ea@ranepa.ru

References

1. Anikin, V. M., Poizner, B. N. (2024) To the dissertator about the dissertation: the semantic aspect. Moscow: *INFRA-M*. 225 p. DOI: 10.12737/1909143. (In Russ.)
2. Astafichev, P. A. (2024) Plagiarism as a basis for revoking a previously awarded academic degree: constitutional and legal limits and conditions. *Journal of Constitutional Justice*, no. 2, pp. 25–32. DOI: 10.18572/2072-4144-2024-2-25-32. (In Russ.)
3. Bavsun, M. V., Bavsun, I. G. (2022) Problems of dispute resolution on the deprivation of a candidate's degree, Doctor of Sciences (based on judicial practice) // *Academic Law Journal*, vol. 23, no. 3, pp. 336–341. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).336-341. (In Russ.)
4. Gabov, A.V. (2021) Temporal elements of the institute of academic degree deprivation. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 471, pp. 223–234. DOI: 10.17223/15617793/471/26. (In Russ.)
5. Galitskaya, N. V. (2022) On the problems of equality of access to higher education in Russia. In: The role of law in ensuring human well-being: Collection of reports of the XI Moscow Law Week, November 23–26, 2021. Part 2. Moscow: *MGUA*, pp. 143–146. (In Russ.)
6. Glukhov, E. A. (2024) Legal regulation of incentives for awarding academic titles in military and law enforcement structures. *Prologue: Journal of Law*, no. 4 (44), pp. 61–71. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.4.6. (In Russ.)
7. Demidov, D. D. (2017) The problem of plagiarism in scientific works. *University book*, no. 8, pp. 66–70 (In Russ.)
8. Koryakin, V. M. (2012) Deprivation of military rank and its consequences for the pension provision of persons who served in the military. *Law in the Armed Forces*, no. 4, pp. 35–38. (In Russ.)
9. Kuznetsova, O. A. (2024) “Dissertation” disputes in judicial practice: on the 10th anniversary of the Regulations on awarding academic degrees. *Methodological problems of civil studies*, no. 6, pp. 92–110. DOI: 10.33397/2619-0559-2024-6-6-92-110 (In Russ.)

10. Pakhomov, S. I., Loginova, E. A., Kulyamin, O. V., Petrov, M. P. (2025) Dissertation council in the state scientific certification system: organizational and managerial mechanisms of digital transformation. *Manager*, vol. 16, no. 3, pp. 2–16. DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-31. (In Russ.)
11. Syrykh, V. M. (2014) Ideal dissertation: requirements of the Higher Attestation Commission. *Academic Law Journal*, no. 3 (11), pp. 6–24. (In Russ.)
12. Cherkasov, K. V. (2023) Deprivation of a person's academic degree: on the question of the uncertainty of some legal consequences. *Bulletin of Kostroma State University*, vol. 29, no. 4, pp. 191–194. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-4-191-194. (In Russ.)

About the author:

Evgeny A. Glukhov, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Colonel of Reserve Justice, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7212-8156, e-mail: glukhov-ea@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Регулирование использования радиочастотного спектра и радиоконтроль в Российской Федерации

Берзинь О. А.¹, Бабинцев И. И.^{1,*}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

* E-mail: ibabincev@hse.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена правовым аспектам регулирования радиочастотного спектра в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена зависимостью современного общества и цифровой экономики от стабильности связи, в то время как правовое регулирование этой сферы характеризуется наличием как теоретических, так и правоприменительных проблем. Основные проблемы, рассматриваемые в статье, включают правосубъектность Государственной комиссии по радиочастотам (ГКРЧ), неопределенность правовой природы механизмов регулирования радиочастотного спектра и соотношение радиоконтроля с государственным надзором. Разрешение этих проблем, по мнению авторов, повысит прозрачность и предсказуемость правового регулирования данной сферы и поспособствует ее развитию.

Методология и материалы: цель исследования — анализ указанных правовых проблем и предложение мер по совершенствованию нормативной базы.

Исследование основано на положениях теории административного права, нормативных правовых актов, регулирующих использование радиочастотного спектра, а также правоприменительной практики ГКРЧ и судов. В ходе исследования был осуществлен сбор материалов правоприменительной практики и применены общенаучные и специальные методы исследования: анализ и синтез, системный, логический и формально-юридический методы.

Результаты исследования и их обсуждение: установлено, что выделение полос радиочастот, формально ориентированное на неопределенный круг лиц, на практике всё чаще адресуется конкретным операторам. Выявлен противоречивый статус ГКРЧ: не являясь органом исполнительной власти, она осуществляет нормативно-регулирующие и разрешительные функции, традиционно присущие органам исполнительной власти. Установлено наличие противоречий в квалификации радиоконтроля в правоприменительной практике, что создает неопределенность в применении мер административной ответственности. Обосновано, что радиоконтроль по своим целям, методам и правовым последствиям соответствует признакам государственного надзора, в связи с чем предлагается внести соответствующие изменения в законодательство.

Выводы: предлагаются меры по совершенствованию нормативной базы, включая уточнение статуса ГКРЧ, порядка выделения полос радиочастот и правовой природы радиоконтроля.

Ключевые слова: радиочастотный спектр, радиоконтроль, государственный надзор, правовое регулирование, выделение полос радиочастот.

Для цитирования: Берзинь О. А., Бабинцев И. И. Регулирование использования радиочастотного спектра и радиоконтроль в Российской Федерации // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 67–80. EDN: YLBTWD

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад по сбору и анализу материалов, формулированию основных идей и выводов исследования, подготовке текста статьи.

The article was submitted: 09.02.2025

Last review received: 17.06.2025

The article accepted for publication: 11.08.2025

Radio frequency regulation and radio monitoring in the Russian Federation

Olga A. Berzin¹, Ivan I. Babintsev^{1, *}

¹ National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation

* E-mail: ibabincev@hse.ru

Abstract

Introduction: This work examines the legal aspects of regulating the radio frequency spectrum in the Russian Federation. Dependence of modern society and the digital economy on communication stability, while the legal regulation of this sphere is characterized by both theoretical and law enforcement issues, highlights the relevance of the topic. The main problems addressed in the article include the legal personality of the State Commission on Radio Frequencies (SCRF), the ambiguous legal nature of radio frequency spectrum regulation mechanisms, and the relationship between radio control and state supervision. The resolution of these problems, according to the authors, will enhance the transparency and predictability of legal regulation in this field and contribute to its development.

Methodology and Materials: The aim of the study is to analyze the aforementioned legal problems and propose measures for improving the regulatory framework. The research is based on the provisions of administrative law theory, normative legal acts regulating the use of the radio frequency spectrum, as well as the law enforcement practice of the SCRF and the courts. The study involved collecting materials of law enforcement practice and applying general scientific and special research methods: analysis and synthesis, systematic, logical, and formal-legal methods.

Results and their discussion: The authors established that the allocation of frequency bands, formally intended for an indefinite circle of persons, is increasingly being addressed to specific operators in practice. The contradictory status of the SCRF was revealed: despite not being an executive authority, it exercises normative-regulatory and licensing functions traditionally inherent to executive bodies. Contradictions in the qualification of radio control in law enforcement practice were identified, creating uncertainty in the application of administrative liability measures. It has been established that radio control, concerning its objectives, methodologies, and legal implications, aligns with the characteristics of state oversight, thereby supporting the recommendation for the necessary modifications to the legislation.

Conclusions: The authors proposed the measures for improving the regulatory frameworks, including clarifying the status of the SCRF, the procedure for allocating frequency bands, and the legal nature of radio control.

Keywords: radio frequency spectrum, radio monitoring, state supervision, legal regulation, allocation of radio frequency bands.

For citation: Berzin, O. A., Babintsev, I. I. (2026) Radio frequency regulation and radio monitoring in the Russian Federation. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 67–80. (In Russ.)

Contributions: The authors contributed equally to the collection and analysis of materials, formulation of the core ideas and conclusions of the research, and the preparation of the manuscript.

Введение

В современном мире электросвязь играет ключевую роль в обеспечении функционирования общества, экономики и государственных институтов. При помощи электросвязи человечество получает доступ к информации и возможности быстро ее передавать, что используется как в повседневной жизни людей, так и в образовании, медицине и бизнесе. Так, по данным Международного союза электросвязи (МСЭ), увеличение доступности связи приводит к экономическому росту¹.

В Российской Федерации стремительно развиваются информационные технологии, позволяющие гражданам и организациям дистанционно взаимодействовать как с государством (например, сервис «Госуслуги»), так и между собой при помощи средств электронного документооборота, что в ряде случаев значительно упрощает совершение юридически значимых действий. Использование таких технологий требует наличия доступной и стабильной связи.

Радиосвязь как один из основных способов передачи информации занимает особое место в глобальной коммуникационной инфраструктуре. Она используется в различных сферах, включая телевидение, радиовещание, мобильную связь, спутниковую навигацию, обеспечение обороны и безопасности государства.

При этом передача информации при помощи средств излучения и/или приема радиочастот требует особого регулирования, поскольку каждое излучающее устройство является радиопомехой для другого устройства, работающего на той же радиочастоте. Кроме того, радиочастотный спектр является ограниченным ресурсом, в связи с чем возникает необходимость его рационального использования².

В настоящей работе рассматриваются некоторые правовые проблемы, присущие данной сфере:

- правосубъектность Государственной комиссии по радиочастотам (ГКРЧ) и Главного радиочастотного центра (ФГУП «ГРЧЦ»);
- неопределенность правовой природы механизмов регулирования радиочастотного спектра;
- соотношение радиоконтроля с государственным надзором.

Перечисленные проблемы представляется необходимым рассмотреть с точки зрения общих положений теории административного права с учетом актуальной правоприменительной практики, а их разрешение способствует качеству правового регулирования данной сферы и обеспечению принципа правовой определенности и законности.

Методология и материалы

В ходе исследования авторами осуществлен анализ положений действующего законодательства, регулирующего вопросы использования радиочастотного спектра и осуществления государственного контроля (надзора) в данной сфере. Исследование осуществлено через призму принятых в теории административного права представлений об административно-правовом регулировании и его принципах, правовой природе органов исполнительной власти. Кроме того, авторами осуществлен сбор и анализ материалов правоприменительной практики, иллюстрирующих наличие противоречий между закрепленными законодательством положениями и их интерпретацией правоприменителями.

Для достижения целей исследования использованы общенаучные и специальные методы, а именно: при помощи анализа и системного метода определены основные правовые инструменты, применяемые в регулировании радиочастотного спектра; логический и формально-юридический методы применены для уяснения содержания правовых норм, регулирующих применение радиочастотного спектра, их соотношения между собой и правоприменительной практикой; синтез применен для объединения полученных данных и формирования на их основе предложений по разрешению теоретических и правоприменительных проблем.

¹ International Telecommunication Union Measuring Digital Development — Facts and Figures 2023. URL: https://www.itu.int/hub/publication/d-ind-ict_mdd-2023-1/ (дата обращения: 20.01.2025).

² Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/Pc7fHuejbnvqv17b0RJNv0RIqTo20lUV.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

Результаты исследования и их обсуждение

Основы регулирования радиочастотного спектра

Для исключения радиопомех и обеспечения электромагнитной совместимости при использовании средств связи, а также равного доступа субъектов к радиочастотному спектру используются специальные правовые средства — распределение радиочастотного спектра, выделение и присвоение полос радиочастот или радиочастотных каналов.

Под **распределением радиочастотного спектра** следует понимать установление Правительством РФ определенного назначения для конкретного диапазона радиочастот в соответствии с Таблицей распределения³.

«Назначением», с нашей точки зрения, является цель, для которой используется любое излучающее устройство в том или ином диапазоне радиочастот. Например, любительская служба радиосвязи предназначена для самообучения, переговорной связи и технических исследований, осуществляемых любителями, то есть лицами, которые имеют на это должное разрешение и занимаются радиотехникой исключительно из личного интереса и без извлечения материальной выгоды⁴.

Данная таблица используется в дальнейшем для выделения и присвоения радиочастот: в зависимости от целей, для которых пользователь намеревается использовать излучающие устройства, ему разрешается (в нормативном или индивидуальном порядке) использование конкретной полосы радиочастот, радиочастотного канала или радиочастоты.

Таким образом, распределение радиочастотного спектра следует рассматривать как инструмент нормативно-правового регулирования, поскольку распределение радиочастотного спектра устанавливает правила и ограничения в пользовании данным ресурсом и распространяет свое действие на неограниченный круг лиц.

Выделение полос радиочастот — это разрешение в письменной форме на использование конкретной полосы радиочастот, в том числе для разработки, модернизации, производства в Российской Федерации и (или) ввоза в Российскую Федерацию радиоэлектронных средств или высокочастотных устройств с определенными техническими характеристиками⁵.

В теории российского права выделение полос радиочастот рассматривается в качестве разрешительного инструмента⁶, однако такая точка зрения не является бесспорной.

Разрешение как административно-правовой акт носит индивидуальный характер, предоставляя конкретному субъекту определенный набор прав и обязанностей⁷.

В то же время решения о выделении полос радиочастот могут распространять свое действие как на определенный, так и на неограниченный круг лиц.

Так, согласно действующему Порядку⁸, решения ГРЧ о выделении полос радиочастот принимают в отношении конкретного лица в следующих случаях:

- для разработки, создания, эксплуатации и использования космических систем;
- для проведения научных, исследовательских, опытных, экспериментальных и конструкторских работ;
- для исполнения полномочий федеральными органами исполнительной власти, а также Государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос»⁹.

³ Постановление Правительства РФ от 18.09.2019 № 1203-47 «Об утверждении Таблицы распределения полос радиочастот между радиослужбами Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334308/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁴ Там же.

⁵ Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁶ См.: Терещенко Л. К. Разрешения в телекоммуникационной сфере // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 112–123. EDN: XKOPQL

⁷ См.: Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс. Полный курс. М.: Издание М. Ю. Тихомирова, 2005. С. 401–407.

⁸ Решение ГРЧ при Минкомсвязи России от 20.12.2011 № 11-13-01 (ред. от 01.08.2024) «Об утверждении Порядка рассмотрения материалов и принятия решений о выделении полос радиочастот, переоформления решений и внесения в них изменений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126052/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁹ Там же.

Тот же Порядок содержит норму: «Решения Комиссии, связанные с выделением полосы (полос) радиочастот, принимаются для неопределенного круга лиц, в том числе для лиц, планирующих использование земных станций в рамках космической системы (спутниковой системы), в отношении которой было принято решение Комиссии о выделении полос радиочастот»¹⁰.

Формулировка данной нормы позволяет сделать вывод о том, что решения ГКРЧ по общему правилу принимаются в отношении неопределенного круга лиц, а принятие решения в отношении конкретного лица является исключением и допустимо только в определенных случаях.

При этом анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что в последние годы большинство решений ГКРЧ о выделении полос радиочастот принимаются в отношении конкретных лиц по основаниям. Как правило, это связано с проведением эксперимента по внедрению на территории Российской Федерации радиоэлектронных средств пятого поколения (5G), который был начат в 2019 г. и проводится до сих пор, что является основанием для выделения полос радиочастот конкретным операторам связи.

Таким образом, в последние годы правоприменительная практика хоть формально и не противоречит установленным нормам, но образует ситуацию, где общее правило становится исключением, а специальная норма — общей.

Следует также отметить, что в некоторых случаях полосы радиочастот выделяются определенным лицам даже без предусмотренных Порядком оснований. Так, например, Протокол заседания ГКРЧ № 22-65 от 23 декабря 2022 г. содержит положения о выделении полос радиочастот конкретным операторам связи¹¹, несмотря на то, что действующий Порядок не предусматривает такой возможности (за исключением проведения экспериментов)¹².

Кроме того, Правительство РФ также признает, что в некоторых случаях полосы радиочастот могут выделяться конкретным операторам связи. Так, Правила установления размеров разовой платы и ежегодной платы за использование в Российской Федерации радиочастотного спектра и взимания такой платы, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 02.06.2022 № 1008, содержат норму об освобождении от взимания разовой платы за пользование радиочастотами в случае внесения изменений в решение ГКРЧ о выделении полос радиочастот для применения конкретной радиотехнологии сотовой связи конкретным лицам на территории определенного субъекта Российской Федерации¹³.

Представляется, что с целью соблюдения принципа правовой определенности необходимо совершенствование нормативно-правовой базы в части уточнения порядка выделения полос радиочастот и однозначному определению данного инструмента как разрешительного или нормативно-регуляторного.

Также в целях обеспечения радиоэлектронной совместимости установлен порядок **присвоения радиочастот и радиочастотных каналов**. Отличие данного разрешительного инструмента от выделения радиочастот заключается в том, что радиочастоты и радиоканалы присваиваются конкретному лицу для использования конкретного оборудования.

При анализе порядка присвоения радиочастот и радиоканалов следует обратить внимание на конкуренцию публичных интересов в сфере регулирования радиочастот.

Так, присвоение радиочастот и радиоканалов для радиоэлектронных средств гражданского назначения в большинстве случаев требует проведения экспертизы электромагнитной совместимости, которая проводится Государственной комиссией по радиочастотам во взаимодействии с Министерством

¹⁰ Решение ГКРЧ при Минкомсвязи России от 20.12.2011 № 11-13-01 (ред. от 01.08.2024) «Об утверждении Порядка рассмотрения материалов и принятия решений о выделении полос радиочастот, переоформления решений и внесения в них изменений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126052/ (дата обращения: 20.01.2025).

¹¹ Протокол заседания ГКРЧ от 23.12.2022 № 22-65. URL: <https://digital.gov.ru/documents/zasedanie-gkrch-ot-23-dekabrya-2022-g-protokol-%E2%84%96-22-65> (дата обращения: 20.01.2025).

¹² Решение ГКРЧ при Минкомсвязи России от 20.12.2011 № 11-13-01 (ред. от 01.08.2024) «Об утверждении Порядка рассмотрения материалов и принятия решений о выделении полос радиочастот, переоформления решений и внесения в них изменений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126052/ (дата обращения: 20.01.2025).

¹³ Правила установления размеров разовой платы и ежегодной платы за использование в Российской Федерации радиочастотного спектра и взимания такой платы: утв. Постановлением Правительства РФ от 02.06.2022 № 1008 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418335/d9581a213feed1fd8bb6e60ae55cfaf5ba6f63ab/ (дата обращения: 20.01.2025).

обороны РФ, ФСБ и/или ФСО. Указанные органы также согласовывают места размещения стационарных радиоэлектронных средств¹⁴.

Представляется, что подобный порядок согласования отражает иерархию публичных интересов в сфере связи, в которой радиоэлектронные средства военного и специального назначения имеют приоритет над средствами гражданского назначения, поскольку размещение последних требует согласования с Министерством обороны, ФСБ и/или ФСО, заключения которых содержат вывод о наличии или отсутствии помех для работы радиоэлектронных средств специального назначения.

Тем не менее развитие гражданской радиосвязи требует высвобождения некоторых полос и каналов военного и специального назначения, для чего производится конверсия радиочастотного спектра, что является одной из основных целей согласно Стратегии развития¹⁵.

Правосубъектность ГКРЧ и юридическая сила их решений

Одной из ключевых проблем в данной сфере представляется правосубъектность Государственной комиссии по радиочастотам. Так, ГКРЧ является межведомственным координационным органом, действующим при Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. В состав ГКРЧ входят представители различных министерств и служб Российской Федерации, которые при этом могут быть подчинены как Правительству (например, ФАС, Роскомнадзор, Министерство цифрового развития), так и Президенту (ФСБ, ФСО, СВР, МВД).

ГКРЧ обладает значительными полномочиями в регулировании отношений, связанных с использованием радиочастотного спектра, и осуществляет как нормативное регулирование (распределение радиочастотного спектра, выделение полос радиочастот неопределенному кругу лиц, утверждение норм параметров радиоизлучений (приема) радиоэлектронных средств, установление критериев и методов оценки электромагнитной совместимости радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств, устанавливает перечень радиоэлектронных средств, разрешенных к ввозу на территорию РФ, порядок проведения экспертиз и присвоения радиочастот), так и ненормативное (выделение радиочастот определенным лицам).

При этом ГКРЧ, обладая такими полномочиями, не является органом исполнительной власти в смысле закрепленной Указом Президента структуры¹⁶, а его решения не признаются нормативно-правовыми актами. Такая точка зрения принята как в теории российского права¹⁷, так и в судебной практике¹⁸.

Однако в это же время решения ГКРЧ носят обязательный характер для всех органов исполнительной власти, физических и юридических лиц, что закреплено как в Положении о ГКРЧ¹⁹, так и подтверждается практикой Верховного суда РФ²⁰.

¹⁴ Решение ГКРЧ при Минкомсвязи России от 07.11.2016 № 16-39-01 «Об утверждении Порядка проведения экспертизы возможности использования заявленных радиоэлектронных средств и их электромагнитной совместимости с действующими и планируемыми для использования радиоэлектронными средствами, рассмотрения материалов и принятия решений о присвоении радиочастот или радиочастотных каналов в пределах выделенных полос радиочастот» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207106/ (дата обращения: 20.01.2025).

¹⁵ Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/Pc7fHuejbNvqv17b0RJNv0RIqTo20lUV.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

¹⁶ Указ Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476078/ (дата обращения: 20.01.2025).

¹⁷ См. Терещенко Л. К. Разрешения в телекоммуникационной сфере // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 112–123. EDN: XKOPQL; Савченко Е. А. Правовые аспекты использования радиочастотного спектра // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6 (67). С. 124–132. DOI 10.17803/1994-1471.2016.67.6.124-132. EDN: WLXQOX

¹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2006 № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „О связи“ в связи с запросом Думы Корякского автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58946/ (дата обращения: 20.01.2025).

Постановление Федерального Арбитражного суда Уральского округа от 30.08.2010 № Ф09-6657/10-С1 по делу № А50-1749/2010. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e35e8cd6-50ad-4ccf-b832-605fa39653d9> (дата обращения: 20.01.2025).

Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.02.2015 № 09АП-2312/2015 по делу № А40-157669/1424. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a00a8dc5-6bd2-4113-aab1-dbf60132e49d> (дата обращения: 20.01.2025).

¹⁹ Положение о Государственной комиссии по радиочастотам, утв. Постановлением Правительства РФ от 02.07.2004 № 336 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48300/ (дата обращения: 20.01.2025).

²⁰ Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22.04.2019 № АКПИ19-116 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325169/ (дата обращения: 20.01.2025).

Конституционный Суд, рассматривая данную проблему, указал, что ГКРЧ сама по себе не является органом исполнительной власти, а ее решения не носят нормативно-правового характера и имеют силу лишь постольку, поскольку утверждаются Министерством цифрового развития²¹.

Тем не менее, исходя из анализа правоприменительной практики и Положения о ГКРЧ, можно сделать вывод о том, что его решения зачастую носят именно нормативный характер, например, позволяя радиолюбителям использовать определенные радиочастоты²², а также утверждая порядок проведения экспертиз и присвоения радиочастотных каналов, которым в дальнейшем руководствуется в своей деятельности Роскомнадзор²³.

Кроме того, порядок принятия решения о присвоении (назначении) радиочастот и радиочастотных каналов устанавливается решением ГКРЧ, но в то же время эту государственную услугу оказывает Роскомнадзор на основании данного порядка²⁴. Таким образом, возникает ситуация, при которой орган исполнительной власти — Роскомнадзор — в своей деятельности руководствуется решением ГКРЧ, которая не является органом исполнительной власти, а ее решения не являются нормативными правовыми актами.

Также вызывает вопросы и довод Конституционного Суда о том, что решения ГКРЧ утверждаются Министерством цифрового развития²⁵, в то время как Положение о ГКРЧ не содержит каких-либо требований к утверждению решений ГКРЧ (за исключением распределения полос радиочастот)²⁶ и на практике такие решения имеют силу самостоятельного нормативного или ненормативного акта.

Более того, не ясна как процедура такого утверждения, так и в принципе возможность утверждения каких-либо решений, принятых при участии членов Комиссии, не подчиненных Правительству РФ (ФСБ, ФСО и т. д.).

Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время ГКРЧ хоть и не является федеральным органом исполнительной власти, однако осуществляет присущие такому органу функции.

Представляется, что подобная правовая неопределенность носит комплексный и институциональный характер, в связи с чем разрешение данной проблемы должно осуществляться путем уточнения в законодательстве статуса межведомственных комиссий как органов власти. В качестве одной из возможных мер предлагается дополнение Указа Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» пунктом 2.1. следующего содержания: «Установить, что в случаях, предусмотренных Федеральными законами, могут создаваться межведомственные коллегиальные органы исполнительной власти (комиссии), действующие на основании Федерального закона и Положений, принимаемых Правительством РФ».

Радиоконтроль и правосубъектность Главного радиочастотного центра

Еще одной проблемой в сфере правового регулирования использования радиочастотного спектра является квалификация радиоконтроля как разновидности государственного контроля (надзора). В пра-

Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30.07.2019 № АПЛ19-260 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331220/ (дата обращения: 20.01.2025).

²¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2006 № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „О связи“ в связи с запросом Думы Корякского автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58946/ (дата обращения: 20.01.2025).

²² Решение ГКРЧ при Минкомсвязи России от 15.07.2010 № 10-07-01 «О выделении полос радиочастот для радиоэлектронных средств любительской и любительской спутниковой служб» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=718323#ra3WDcUA73Mid0KI2> (дата обращения: 25.01.2025).

²³ Порядок проведения экспертизы возможности использования заявленных радиоэлектронных средств и их электромагнитной совместимости с действующими и планируемыми для использования радиоэлектронными средствами, рассмотрения материалов и принятия решений о присвоении радиочастот или радиочастотных каналов в пределах выделенных полос радиочастот, утв. Решением ГКРЧ от 07.11.2016 № 16-39-01 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207106/ (дата обращения: 25.01.2025).

²⁴ Там же.

²⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2006 № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „О связи“ в связи с запросом Думы Корякского автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58946/ (дата обращения: 20.01.2025).

²⁶ Положение о Государственной комиссии по радиочастотам, утв. Постановлением Правительства РФ от 02.07.2004 № 336 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48300/ (дата обращения: 20.01.2025).

воприменительной практике надзорных органов и судов вопрос об отнесении радиоконтроля к категории надзорного мероприятия является спорным, что приводит к вполне конкретным проблемам.

Так, согласно части 1.3-3 статьи 32.2 КоАП РФ, в случае привлечения к административной ответственности за нарушение, выявленное в ходе государственного контроля (надзора), поднадзорное лицо вправе в течение двадцати дней оплатить штраф в размере 50 % от наложенного штрафа²⁷.

Некоторые суды указывают, что данная норма также подлежит применению в случае привлечения к ответственности за нарушения, выявленные в ходе радиоконтроля²⁸, другие занимают противоположную позицию и считают данную норму неприменимой в сфере радиоконтроля²⁹.

Основной причиной возникновения таких коллизий является то, что мероприятия по радиоконтролю (замеры излучений и выявление источников излучений) осуществляются не самим надзорным органом, а ФГУП «Главный радиочастотный центр», который органом государственной власти не является. Соответственно, Роскомнадзор, а также некоторые суды указывают, что такие мероприятия не могут рассматриваться в качестве государственного контроля (надзора), и нарушитель не имеет права на уплату штрафа в размере 50 % согласно статье 32.2 КоАП РФ³⁰.

Таким образом, необходимо определить, обладает ли радиоконтроль признаками, присущими государственному надзору, и подлежат ли в данном случае применению нормы статьи 32.2 КоАП РФ.

Прежде всего следует отметить, что единообразный подход к пониманию государственного контроля и надзора в теории российского права не выработан и на данную проблему существуют различные точки зрения. Так, некоторые исследователи используют понятия контроля и надзора как равнозначные³¹, другие — рассматривают надзор как самостоятельную, существующую наряду с другими, форму деятельности органов власти по разрешению конкретных юридических дел на поднадзорных объектах в целях обеспечения режима законности и правопорядка³².

Наиболее распространенным подходом является рассмотрение надзора как части или разновидности контроля. Как указывает Ю. А. Тихомиров, административный надзор является разновидностью государственного контроля, осуществляемый органами исполнительной власти путем наблюдения и проверки соблюдения строго определенных норм и правил юридическими и физическими лицами при осуществлении ими той или иной деятельности³³.

Ю. А. Тихомиров выделяет следующие признаки административного надзора:

- 1) осуществление его уполномоченным органом, зачастую отраслевой компетенции;
- 2) строго определенный предмет, подлежащий проверке;
- 3) неограниченный круг лиц, чья деятельность подлежит проверке;
- 4) принятие предупредительных мер воздействия;
- 5) наложение санкций на правонарушителей;
- 6) юрисдикционные процедуры осуществления надзора;
- 7) непрерывное осуществление административного надзора³⁴.

В Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ законодатель при определении понятий использует формулировку «контроль (надзор)», из чего следует, что в контексте данного закона эти термины следует рассматривать как тождественные. В данном Федеральном законе государственный контроль (над-

²⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.01.2025).

²⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2024 № 09АП-72946/2024 по делу № А40-132102/24. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1aa3c003-1561-49e6-8618-3f6f02c37d61> (дата обращения: 20.01.2025).

²⁹ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.12.2024 № 12АП-7605/2024 по делу № А12-16279/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/bc81621d-0338-458d-b72b-6e32403d0ed8> (дата обращения: 20.01.2025).

³⁰ Там же.

³¹ См.: Зырянов С. М. Обеспечение законности в административно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 27–33. EDN: NDLVXV; Тарасов А. М. Проблемы законодательного обеспечения государственного контроля // Государство и право. 2004. № 10. С. 15–25. EDN: OPIYEST

³² См.: Петров А. В., Елифанов А. Е. Юридическая природа государственного контроля и надзора // Журнал российского права. 2013. № 7 (199). С. 36–49. EDN: QZSBNV

³³ См.: Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс. М.: Издание М. Ю. Тихомирова, 2005. С. 474.

³⁴ Там же.

зор) определен как «деятельность органов государственной (исполнительной) власти, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями обязательных требований, посредством организации и проведения проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, организации и проведения мероприятий по профилактике нарушений обязательных требований, мероприятий по контролю, осуществляемых без взаимодействия с юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, а также деятельность указанных уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований при осуществлении деятельности юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями»³⁵.

В Федеральном законе от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» законодатель также не разделяет понятия контроля и надзора и приводит следующее определение: «под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем в Российской Федерации (далее — государственный контроль (надзор), муниципальный контроль) понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений»³⁶.

Термины «контроль» и «надзор» используются как равнозначные и во многих статьях Кодекса об административных правонарушениях, например, в статье 19.5 КоАП РФ «невыполнение в срок законного предписания органа, осуществляющего государственный надзор (контроль)». Также в Кодексе об административных правонарушениях не разделяются мероприятия, осуществляемые в рамках контроля и надзора: например, в части 6 статьи 4.4 КоАП РФ это именуется «контрольным (надзорным) мероприятием»³⁷.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что законодателем понятия контроля и надзора не разделяются и используются как синонимичные и взаимозаменяемые.

В контексте настоящего исследования под государственным надзором предлагается понимать урегулированную нормами административного права деятельность уполномоченных органов исполнительной власти (надзорных органов) по проверке, наблюдению и оценке соблюдения юридическими и физическими лицами обязательных требований к осуществлению определенной деятельности, при помощи специальных средств и методов (надзорных мероприятий и действий), направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, устранение последствий таких нарушений, в целях охраны и защиты публичных интересов.

Государственный надзор в различных сферах деятельности обладает определенными специфическими признаками, которые, как представляется, связаны прежде всего с особенностями предмета надзора.

Так, государственный надзор в области связи как деятельность государственных органов можно охарактеризовать путем анализа основных элементов данной деятельности:

³⁵ Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/ (дата обращения: 20.01.2025).

³⁶ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 20.01.2025).

³⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.01.2025).

Объектом надзора в области связи является деятельность юридических и физических лиц в области связи³⁸.

Предметом надзора в области связи является соблюдение юридическими и физическими лицами обязательных требований (норм федеральных законов и подзаконных актов) к деятельности в области связи, к обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг, а также лицензионных требований³⁹.

Более детально предмет надзора в области связи раскрывается в подзаконных актах, например, Приказом Роскомнадзора от 10.02.2022 № 34 установлен перечень вопросов, ответы на которые свидетельствуют о соблюдении или несоблюдении поднадзорным лицом обязательных требований⁴⁰.

Субъектом, осуществляющим надзор в области связи, является орган исполнительной власти специальной компетенции — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)⁴¹.

Цель осуществления надзора в области связи действующим законодательством не определена, однако, исходя из общих положений о государственном надзоре в Российской Федерации, цель надзора в области связи можно определить как предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими и физическими лицами обязательных требований в области связи, а также лицензионных требований и тем самым — обеспечение публичных интересов в области связи.

Способами осуществления государственного надзора в области связи, исходя из определения, закрепленного Федеральным законом № 248-ФЗ, являются профилактика нарушений обязательных требований, оценка их соблюдения и выявление нарушений, устранение последствий.

Мероприятия по радиоконтролю в Российской Федерации регулируются Федеральным законом «О связи», а также Правилами осуществления радиоконтроля, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 01.04.2005 № 175, где установлено, что радиоконтроль является составной частью государственного управления использованием радиочастотного спектра и международно-правовой защиты присвоения радиочастот или радиочастотных каналов и представляет собой комплекс организационных и технических мероприятий, осуществляемых путем измерений и инструментальных оценок параметров излучений радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств⁴².

Законом установлено, что радиоконтроль осуществляется радиочастотной службой, то есть специально уполномоченной службой по обеспечению регулирования использования радиочастот и радиоэлектронных средств, действующей при федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи⁴³.

При этом Постановлением Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 прямо предусмотрено, что радиочастотная служба (ФГУП «Главный радиочастотный центр») относится к ведению Роскомнадзора⁴⁴.

³⁸ Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1045 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в области связи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389059/ (дата обращения: 20.01.2025).

³⁹ Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁴⁰ Приказ Роскомнадзора от 10.02.2022 № 34 «Об утверждении формы проверочного листа (списка контрольных вопросов, ответы на которые свидетельствуют о соблюдении или несоблюдении контролируемым лицом обязательных требований), применяемого Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и ее территориальными органами при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области связи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410390/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁴¹ Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1045 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в области связи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389059/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁴² Правила осуществления радиоконтроля в Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 01.04.2005 № 175 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52649/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁴³ Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁴⁴ Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85889/ (дата обращения: 20.01.2025).

Согласно Положению о радиочастотной службе, она осуществляет, среди прочего, экспертизу и мониторинг соблюдения законодательства в установленной сфере деятельности Роскомнадзора⁴⁵.

Задачами радиоконтроля, согласно Правилам, являются:

- 1) оценка параметров излучений радиоэлектронных средств;
- 2) поиск не разрешенных для использования радиоэлектронных средств;
- 3) выявление источников радиопомех;
- 4) контроль за излучениями радиоэлектронных средств⁴⁶.

При этом следует отметить, что, поскольку законодателем понятия контроля и надзора не разделяются, можно сделать вывод о том, что, применяя понятие «контроль» в сфере радиоконтроля, законодатель тем самым относит данную деятельность к категории государственного контроля (надзора).

Кроме того, Правилами установлен перечень мероприятий, которые применяются при его осуществлении:

- 1) измерение параметров излучения;
- 2) проверка соблюдения правил радиообмена;
- 3) проверка выполнения запретов и ограничений на пользование радиочастотами;
- 4) поиск и определение местоположения радиоэлектронных средств, использующих радиочастоты или радиоканалы не по назначению;
- 5) поиск и определение местоположения источников радиопомех;
- 6) инструментальная оценка параметров электромагнитных полей излучения.

Результаты мероприятий по радиоконтролю оформляются в письменном виде с приложением протоколов измерений⁴⁷.

Обобщая указанное, можно сделать вывод о том, что целью радиоконтроля является обеспечение соблюдения установленных правил (требований), выявление и пресечение их нарушений.

Данная цель весьма схожа с целями государственного надзора, то есть обеспечение соблюдения обязательных требований, выявление и пресечение их нарушений, устранение последствий.

Следует также отметить, что измерение параметров функционирования сетей и средств связи, включая измерение параметров излучений радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств, осуществляемое в соответствии с Правилами радиоконтроля, прямо указано в Положении о федеральном государственном контроле (надзоре) в области связи в качестве надзорного мероприятия, осуществляемого без взаимодействия с контролируемым лицом⁴⁸.

Юридическая конструкция части 5 статьи 2 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» также позволяет говорить о том, что радиоконтроль относится к видам государственного контроля. Так, законодатель указывает, что «положения настоящего Федерального закона не применяются к организации и осуществлению следующих видов государственного контроля (надзора)», где в перечне в качестве одного из видов государственного контроля (надзора) также указан и радиоконтроль⁴⁹.

Кроме того, в теории права отмечается, что сущность надзора, среди прочего, состоит во вступлении в «соприкосновение» с поднадзорными субъектами для достижения определенных целей⁵⁰.

Рассматривая радиоконтроль, можно говорить о том, что в данном случае «в соприкосновение» с объектом управления вступает именно Роскомнадзор как надзорный орган, который привле-

⁴⁵ Положение о радиочастотной службе, утв. Постановлением Правительства РФ от 14.05.2014 № 434 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163059/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁴⁶ Правила осуществления радиоконтроля в Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 01.04.2005 № 175 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52649/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1045 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в области связи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389059/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁴⁹ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 20.01.2025).

⁵⁰ См.: Мартынов А. В. Административный надзор в России: теоретические основы построения. М.: Юнити-Дана, 2010. С. 87. EDN: SUREIR

кает к ответственности лицо, допустившее нарушение, которое было выявлено подведомственной Роскомнадзору радиослужбе. Без участия надзорного органа привлечь нарушителя к ответственности и пресечь дальнейшее нарушение невозможно, и, таким образом, управленческая цель не достигается.

Единственное отличие по сравнению с общим порядком осуществления государственного надзора заключается в том, что информацию о нарушениях обязательных требований надзорный орган получает не самостоятельно, а при помощи подведомственного ему субъекта, однако такое отличие, как представляется, не влияет на сущность данной деятельности.

Также следует отметить и то, что при осуществлении надзорных мероприятий Роскомнадзор может привлекать ФГУП «ГРЧЦ» для осуществления отдельных действий и оказания содействия⁵¹, однако такие мероприятия вследствие подобного привлечения не изменяют своей правовой природы и остаются надзорными.

Таким образом, положения действующего законодательства позволяют говорить о том, что радио-контроль следует рассматривать в качестве одного из видов государственного надзора, поскольку цели данной деятельности и способы ее осуществления соответствуют по содержанию целям и способам осуществления государственного надзора, а также в силу прямого указания закона.

В целях соблюдения принципа правовой определенности предлагается закрепить в нормативных правовых актах, регулирующих осуществление радиоконтроля, положение о том, что радиоконтроль как надзорное мероприятие осуществляется Роскомнадзором, а ГРЧЧ осуществляет вспомогательные функции, направленные на выявление нарушений и последующую передачу таких сведений в надзорный орган.

Выводы

Проведенный анализ правового регулирования радиочастотного спектра в Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы:

1. Радиочастотный спектр требует строгого регулирования для обеспечения его рационального использования, предотвращения радиопомех и соблюдения электромагнитной совместимости. Основными инструментами такого регулирования являются распределение, выделение и присвоение полос радиочастот. При этом выделение полос радиочастот следует рассматривать как инструмент одновременно нормативного и разрешительного характера, что связано с тем, что решения ГРЧЧ о выделении полос радиочастот могут быть адресованы как конкретным лицам, так и неопределенному кругу лиц.
2. Правосубъектность ГРЧЧ вызывает вопросы в связи с отсутствием четкого определения ее статуса. Несмотря на то, что ГРЧЧ не является органом исполнительной власти, ее решения имеют обязательный характер и зачастую носят нормативный характер. Это создает правовую неопределенность, требующую уточнения статуса межведомственных комиссий в системе государственного управления. Возможным решением данной проблемы представляется дополнение Указа Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» пунктом 2.1. следующего содержания: «Установить, что в случаях, предусмотренных Федеральными законами, могут создаваться межведомственные коллегиальные органы исполнительной власти (комиссии), действующие на основании Федерального закона и Положений, принимаемых Правительством РФ».
3. Проблемы выделения полос радиочастот связаны с противоречиями между общими правилами и правоприменительной практикой. В последние годы наблюдается тенденция к выделению полос радиочастот конкретным лицам, что формально противоречит установленным нормам. Это указывает на необходимость совершенствования нормативной базы и приведения ее в соответствие с существующей практикой ГРЧЧ, что позволит обеспечить прозрачность и предсказуемость процедур выделения радиочастот. В качестве возможного решения данной проблемы предлагается допол-

⁵¹ Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.03.2022 № 20АП-356/2022 по делу № А09-9346/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b7d86710-5f20-4e94-9bbd-8f9cbf4ac519> (дата обращения: 20.01.2025).

нить пункт 9 Порядка принятия решений о выделении полос радиочастот дополнительным основанием для их предоставления — «по результатам торгов в случаях, предусмотренных Федеральными законами».

4. Радиоконтроль следует рассматривать как разновидность государственного надзора, поскольку его цели и методы соответствуют задачам государственного контроля. Неопределенность правовой природы радиоконтроля приводит к проблемам в правоприменительной практике, включая вопросы применения норм КоАП РФ. Для устранения этих противоречий предлагается закрепить в Постановлении Правительства РФ от 01.04.2005 № 175 «Об утверждении Правил осуществления радиоконтроля в Российской Федерации» следующее определение: «радиоконтроль — разновидность государственного контроля (надзора) и составная часть государственного управления использованием радиочастотного спектра и международно-правовой защиты присвоения радиочастот или радиочастотных каналов в виде комплекса организационных и технических мероприятий, осуществляемых путем измерений и инструментальных оценок параметров излучений радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств».

В целом регулирование радиочастотного спектра в Российской Федерации требует дальнейшего развития и гармонизации с международными стандартами, что будет способствовать устойчивому развитию телекоммуникационной инфраструктуры и обеспечению интересов государства, бизнеса и граждан.

Список источников

1. Зырянов С. М. Обеспечение законности в административно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 27–33. EDN: NDLXVX
2. Мартынов А. В. Административный надзор в России: теоретические основы построения. М.: Юнити-Дана, 2010. 184 с. EDN: SUREIR
3. Петров А. В. Юридическая природа государственного контроля и надзора / А. В. Петров, А. Е. Епифанов // Журнал российского права. 2013. № 7 (199). С. 36–49. EDN: QZSBNV
4. Савченко Е. А. Правовые аспекты использования радиочастотного спектра // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6 (67). С. 124–132. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.124-132. EDN: WLXQX
5. Тарасов А. М. Проблемы законодательного обеспечения государственного контроля // Государство и право. 2004. № 10. С. 15–25. EDN: OPYEST
6. Терещенко Л. К. Разрешения в телекоммуникационной сфере // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 112–123. EDN: ХКОРQL
7. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс / 2-е изд., доп. и перераб. М.: Издание М. Ю. Тихомирова, 2005. 697 с.

Об авторах:

Берзинь Ольга Александровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Российская Федерация), ORCID: 0000-0003-4815-1644

Бабинцев Иван Иваносович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Российская Федерация), ORCID: 0000-0003-1432-8608, e-mail: ibabincev@hse.ru

References

1. Ziryarov, S. M. (2010) Ensuring of the Rule of Law in Administrative-Supervision Activities of Executive Authorities. *Journal of Russian Law*, no. 8 (164), pp. 27–33. (In Russ.)

2. Martynov, A. V. (2010) Administrative Supervision in Russia: Theoretical Foundations of Construction. *YUNITI-DANA: Zakon i pravo*. 184 p. (In Russ.)
3. Petrov, A. V., Epifanov A. E. (2013) The Legal Nature of State Control and Supervision. *Journal of Russian Law*, no. 7 (199), pp. 36–49. (In Russ.)
4. Savchenko, E. A. (2016) Legal Aspects of the Use of the Radio Spectrum. *Actual Problems of Russian Law*, no. 6 (67), pp. 124–132. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.124-132
5. Tarasov, A. M. (2004) Problems of legislative enforcement of state control. *State and Law*, no. 10, pp. 15–25. (In Russ.)
6. Tereschenko, L. K. (2014) Licenses in Telecommunication. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 4, pp. 112–123. (In Russ.)
7. Tikhomirov, Yu. A. (2005) Administrative Law and Procedure. *M. Ju. Tikhomirov Publishing House*. 697 p.

About the author:

Olga A. Berzin, Doctor of Science (Jurisprudence), Associate Professor, Professor of the Department of Law, School of Public Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Nizhny Novgorod, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-4815-1644

Ivan I. Babintsev, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Nizhny Novgorod, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-1432-8608, e-mail: ibabincev@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare that there is no conflict of interest.

Развитие института конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации: правовые и организационные аспекты

Тихалева Е. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления, Орел, Российская Федерация

E-mail: columbijka@mail.ru

Аннотация

Введение: в настоящее время организация конституционного контроля в субъектах Российской Федерации претерпела существенные изменения в связи с реформированием института публичной власти в целом и уровней его организации в частности. Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации — новый институт в системе региональных органов власти. Их создание обусловлено в первую очередь необходимостью обеспечения соответствия региональных нормативных актов конституциям (уставам) субъектов Российской Федерации.

Методология и материалы: цель статьи — исследование вопросов формирования и деятельности конституционных (уставных) советов, созданных в субъектах Российской Федерации, их правового регулирования, а также определение направлений их возможного совершенствования. Методологической основой являются общенаучные и частнонаучные методы, а именно: исторический метод, сравнительно-правовой и системно-структурный подходы, а также формально-юридический анализ. В качестве источников выступили нормативные правовые акты федерального и регионального уровня, относящиеся к предмету исследования.

Результаты исследования: на основе анализа действующего законодательства охарактеризованы причины упразднения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Исследованы правовые основы деятельности конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации, а также особенности формирования и функционирования данных органов в условиях современного регионального законодательства. Обоснована необходимость совершенствования правового статуса конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации для повышения эффективности конституционного контроля на этом уровне.

Выводы: региональный конституционный контроль имеет определенные трудности в реализации, что препятствует поддержанию надлежащего уровня законности в субъектах Российской Федерации. Соответственно, аргументировано внедрение конституционных (уставных) советов в практику деятельности региональных властей с внесением изменений в действующее федеральное законодательство. В дальнейшем необходима гармонизация федерального и регионального законодательства для их согласованного применения на практике.

Ключевые слова: судебная власть, конституционный контроль, квазисудебные органы, конституционные советы, уставные советы.

Для цитирования: Тихалева Е. Ю. Развитие института конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации: правовые и организационные аспекты // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 81–93. EDN: YLZEH0

Development of the Institute of Constitutional (Charter) Councils of the Subjects of the Russian Federation: Legal and Organizational Aspects

Elena Yu. Tikhaleva

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management, Orel, Russian Federation

E-mail: columbijka@mail.ru

Abstract

Introduction: Currently, the organization of constitutional control in the constituent entities of the Russian Federation has undergone significant changes due to the reform of the institution of public authority in general, and the levels of its organization in particular. The constitutional (charter) councils of the subjects of the Russian Federation are a relatively new institution in the system of regional authorities. Their creation was needed to ensure compliance of regional regulations with the constitutions (charters) of the subjects of the Russian Federation.

Methodology and materials: The purpose of the study is to analyze the issues of formation and activity of constitutional (charter) councils established in the subjects of the Russian Federation, their legal regulation, as well as to identify areas for their improvement. The methodological basis was provided by general scientific and private scientific methods, namely the historical method, comparative legal and system-structural approaches, as well as formal legal analysis. The sources were regulatory legal acts of the federal and regional levels.

Research results: Based on the analysis of the current legislation, the author outlined the reasons for the abolition of the constitutional (charter) courts of the subjects of the Russian Federation. The article examines the legal foundations of the activities of the constitutional (charter) councils of the subjects of the Russian Federation, as well as the specifics of the formation and functioning of these bodies in the context of modern legislation. The necessity of improving the legal status of the constitutional (charter) councils of the subjects of the Russian Federation to increase the effectiveness of constitutional control at this level is substantiated.

Conclusions: Regional constitutional control has certain difficulties in implementation, which prevents the maintenance of an appropriate level of legality in the constituent entities of the Russian Federation. Accordingly, the introduction of constitutional (charter) councils into the practice of regional authorities with amendments to the current federal legislation is argued. In the future, it is necessary to align federal and regional legislation for their consistent application in practice.

Keywords: judiciary, constitutional oversight, quasi-judicial bodies, constitutional councils, charter councils.

For citation: Tikhaleva, E. Yu. (2026) Development of the Institute of Constitutional (Charter) Councils of the Subjects of the Russian Federation: legal and organizational aspects. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 81–93. (In Russ.)

Введение

С 1 января 2023 года прекратила свое действие статья 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», устанавливающая основы создания конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Следовательно, эта дата стала итоговой для процессов упразднения действующих региональных судебных органов.

Указанная деятельность стала возможной после внесения соответствующих изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году и издания Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные законы». Данный акт считался вступившим в силу уже с 19 декабря 2020 года, таким образом, с обозначенной даты все конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации прекращали принятие новых дел к своему производству, а имеющиеся дела должны были быть завершены (в частности, решения по ним следовало принять не позднее 1 января 2023 года). Аналогично был установлен запрет на назначение новых судей в указанные судебные органы. Действовавшим судьям, а равно прекратившим исполнение своих обязанностей, обеспечивалась сохранность предоставленных гарантий. Фактически же полномочия данных органов перешли в компетенцию судов общей юрисдикции¹.

На момент принятия поправок в стране насчитывалось пятнадцать конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, в частности, двенадцать конституционных судов имелось в республиках, и три уставных суда было создано в других субъектах Российской Федерации².

В зарубежных государствах рассматриваемый судебный институт в настоящее время также не развит. Если обратиться к практике федеративных государств, то очевидным примером может стать Германия³.

На практике произошедшие изменения часто объясняются как одна из тенденций процесса централизации судебной власти в нашем государстве⁴. Кроме того, среди основных причин упразднения рассматриваемых судов можно выделить следующие:

- Необходимость экономии бюджетных средств. Речь шла о расходовании значительного размера региональных бюджетных средств на содержание судов (к примеру, около шестнадцати миллионов в год уходило на обеспечение деятельности Уставного суда Калининградской области, около тридцати миллионов рублей — на Конституционный суд Республики Тыва⁵). Как известно, более половины российских регионов являются на сегодняшний день дотационными. Следовательно, многие территории не были готовы к такой экономической нагрузке.
- Нераспространенность данных органов. Такие суды не были созданы даже в половине субъектов Российской Федерации, что отчасти обусловлено как пассивным поведением региональных властей, видимо, не желающих «своими руками» создавать дополнительную контролируемую структуру, так и ранее обозначенными финансовыми причинами. За весь период существования было создано девятнадцать указанных судов, хотя региональное законодательство в пятидесяти семи субъектах Российской Федерации содержало такую возможность⁶.
- Сравнительно небольшой объем работы, то есть низкие показатели активности и в связи с этим эффективности своей деятельности⁷. Так, Конституционным Судом Чеченской Республики не было рассмотрено ни одного дела с принятием решения по существу; в свою очередь, Уставной суд Калининградской области в среднем выносил шестьдесят решений в год, правда, большинство так-

¹ См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

² См.: Курятников В. В. Конституционный контроль в субъектах РФ: прошлое, настоящее, будущее // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 6. С. 47–48.

³ См.: Трифонов С. Г. Конституционно-правовой статус Федерального Конституционного Суда ФРГ и земельных конституционных судов и их место в системе органов государственной власти // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 2. С. 92–101.

⁴ См.: Митусова И. А. Региональный конституционный контроль в свете конституционной реформы 2020 года // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23). С. 46.

⁵ Уставная неподсудность, 10.12.2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Режим доступа: <https://fparf.ru/news/media/ustavnaya-nepodsudnost/> (дата обращения: 27.09.2025).

⁶ См.: Зайнутдинов Д. Р., Гатауллин А. Г. Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации: практическая проблема без научного решения // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 50–54.

⁷ См.: Кражков В. А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 68.

же касалось отказа заявителям в рассмотрении дела⁸. Конечно, идеальным объяснением данной ситуации можно было бы назвать отсутствие коллизионных вопросов при принятии региональных актов. Но к реальным мотивам надлежит также отнести приведенную выше незаинтересованность властных структур в излишних проверках своей правотворческой деятельности.

- Неразработанность действующего федерального законодательства в связи с отсутствием как отдельного нормативного правового акта, регламентирующего деятельность конституционных (уставных) судов и определяющего их исключительную компетенцию на федеральном уровне, так и поправок в процессуальное законодательство о разрешении вопросов возможной конкуренции компетенции данных органов с другими судами при принятии своих решений⁹.

Впоследствии положения о региональных конституционных (уставных) судах были исключены из действующего судебного законодательства. Однако потребность в механизме контроля соответствия региональных актов действующим конституциям (уставам) осталась актуальной.

В итоге изменения, внесенные в законодательство, предоставили регионам в качестве альтернативы право создавать конституционные (уставные) советы, но только при своих органах законодательной власти (ч. 7 ст. 5 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные законы»). То есть суды были «реформированы» в так называемые квазисудебные органы. Таким образом, в настоящее время на региональном уровне судебная система представлена только мировыми судьями.

Если говорить о правовом регулировании на федеральном уровне, то статус конституционных (уставных) советов не был оформлен и не получил необходимого развития в Федеральном законе от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 414-ФЗ), что реально предоставило широкие возможности регионам в осуществлении правового регулирования статуса таких советов.

В настоящее время данные органы созданы только в четырех регионах: республиках Саха (Якутия)¹⁰, Башкортостане¹¹, Адыгее¹² и Татарстане¹³. В отношении правового положения этих структур приняты соответствующие законы и регламенты, дополнено действующее региональное законодательство¹⁴.

Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации, по сути, стали «преемниками» ранее действующих судов не в юридическом, а в функциональном плане, поскольку часть полномочий последних перешла к советам.

Методология и материалы

Методология исследования включила как общенаучные, так и частнонаучные методы. Например, исторический подход применялся при анализе предпосылок упразднения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Что касается сравнительно-правового и системно-структурных подходов, а также формально-юридического анализа, то они активно использовались в рамках исследо-

⁸ Уставная неподсудность, 10.12.2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Режим доступа: <https://fparf.ru/news/media/ustavnaya-nepodsudnost/> (дата обращения: 27.09.2025).

⁹ См.: *Евлов И. М.* Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10. С. 142.

¹⁰ Закон Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 № 2356-З № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.05.2021 (далее — Закон Республики Саха (Якутия)).

¹¹ Закон Республики Башкортостан от 21.11.2022 № 625-З «О Конституционном совете Республики Башкортостан» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 22.11.2022 (далее — Закон Республики Башкортостан).

¹² Закон Республики Адыгея от 28.04.2022 № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.05.2022 (далее — Закон Республики Адыгея).

¹³ Закон Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 14.06.2023, № 1600202306140002 (далее — Закон Республики Татарстан).

¹⁴ См., например: Закон Республики Саха (Якутия) от 16.06.2021 № 2363-З № 637-VI «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Саха (Якутия) в связи с созданием Конституционного совета Республики Саха (Якутия)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.06.2021; Постановление Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан от 28.11.2022 № ГС 2430г «О внесении изменений в Регламент Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан <http://www.npa.bashkortostan.ru>, 06.12.2022.

вания имеющегося правового регулирования и организации деятельности созданных конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации.

Обзор существующих научных исследований по развитию института конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации содержал анализ работ отечественных ученых, посвященных правовым основам, организационным моделям и практике функционирования рассматриваемых институтов¹⁵. В российской научной литературе особое внимание уделяется вопросам конституционного контроля, роли советов в обеспечении конституционной законности и системе региональных органов власти.

В целом современные исследования подчеркивают необходимость развития института советов как важного элемента системы конституционного контроля и обеспечения правового порядка на региональном уровне.

Результаты исследования

Как отмечалось ранее, на федеральном уровне определено, что конституционные (уставные) советы формируются исключительно при законодательных органах субъектов Российской Федерации, однако ни из федерального, ни из регионального законодательства не следует ни статус, ни правовая природа данного органа¹⁶. Это уже не судебный орган. Но можно ли его рассматривать как продолжение органа законодательного, как его комиссию или комитет, или как самостоятельный орган конституционного контроля?

Среди основных принципов функционирования российских региональных конституционных (уставных) советов названы принципы законности, объективности, организационной самостоятельности, функциональной независимости, коллегиальности, открытости и гласности. Все эти принципы касаются и осуществления правосудия в целом.

Составы конституционных советов численно значительно различаются, однако по сравнению с составами ранее действующих конституционных (уставных) судов число членов конституционных советов в ряде регионов возросло.

В Республике Адыгея конституционный совет формируется в составе четырнадцати человек (по семь — от законодательных и исполнительных органов), включая председателя, его заместителя и секретаря (ранее — три судьи) (ч. 1 ст. 2 Закона Республики Адыгея); в Якутии — девять конституционных советников (ранее — пять судей) (ч. 1 ст. 4 Закона Республики Саха (Якутия)); в Башкортостане — от трех до пяти (ч. 1 ст. 5 Закона Республики Башкортостан); в Татарстане — это только три человека, включая председателя (ч. 1 ст. 6 Закона Республики Татарстан).

При определении оптимального числа членов конституционных (уставных) советов необходимо учитывать масштаб региона, его финансовые возможности, объем полномочий совета, частоту рассмотрения поступающих дел.

Срок полномочий членов советов в целом соответствует сроку полномочий законодательных органов субъектов Российской Федерации, при которых названный орган формируется, за исключением Республики Саха (Якутия), где срок удваивается до десяти лет (ч. 2 ст. 5 Закона Республики Саха (Якутия)). Также встречается оговорка о недопустимости занимать должность члена совета более двух сроков подряд (ч. 3 ст. 7 Закона Республики Башкортостан, ч. 3 ст. 8 Закона Республики Татарстан). Тем самым прослеживается зависимость советов от органов законодательной власти субъектов Российской Федерации, которые напрямую участвуют в назначении их членов.

¹⁵ См.: Сафина С. Б. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 41–45; Гриценко Е. В. Эволюция российской модели регионального конституционного контроля: от уставных палат к конституционным судам и обратно? // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 2. С. 6–17; Попов В. А. Место новых органов регионального конституционного контроля в единой системе публичной власти: сравнительно-правовой анализ организации и деятельности конституционных уставных советов субъектов РФ // Конституционализм и государствоведение. 2023. № 4. С. 83–92 и др.

¹⁶ См.: Кряжков В. А., Брежнев О. В. Преемственность и новизна в организации и деятельности конституционных советов республик в составе Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 10. С. 108–109.

Обязательные требования к претендентам на должности также сформулированы неоднозначно. В Республике Адыгея в качестве таковых указаны общие основания (ч. 4 ст. 2 Закона Республики Адыгея):

- гражданство Российской Федерации;
- наличие высшего образования;
- опыт работы в области государственного, муниципального управления, юриспруденции, экономики, финансов, в социальной сфере;
- знание регионального законодательства.

В остальных республиках требования сформулированы более жестко, в частности, по сравнению с ранее действовавшими федеральными положениями в отношении региональных судей, едиными для всех субъектов Российской Федерации (возраст — от двадцати пяти лет, стаж работы — от пяти лет по юридической профессии), хотя исследуемые органы не имеют судебного статуса.

В Татарстане кандидат должен быть не моложе тридцати пяти лет, с высшим юридическим образованием и соответствующим опытом работы не менее десяти лет и отсутствием судимости (ст. 7 Закона Республики Татарстан). В Башкортостане дополнительно указано наличие ученой степени кандидата или доктора юридических наук либо почетного звания «Заслуженный юрист», а ранее указанные требования к возрасту и стажу работы распространяются только на председателя, для обычных членов — это тридцать лет и пять лет соответственно (ч. 1-3 ст. 6 Закона Республики Башкортостан). Самые высокие требования установлены в законодательстве Республики Саха (Якутия), так как минимальный возраст кандидата должен быть сорок лет, а опыт работы — десять лет — для любого конституционного советника¹⁷.

Назначение членов конституционных советов по процедуре во многом совпадает с ранее действовавшим порядком назначения региональных конституционных судей. Так, законодательные органы субъектов Российской Федерации реализуют данную процедуру на основании представления высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. В Адыгее представители от законодательной ветви власти назначаются данным органом, от исполнительной — высшим должностным лицом региона (ч. 2 ст. 2 Закона Республики Адыгея). Такой порядок следует из статуса конституционных советов как органов, формируемых при законодательной власти. Однако следует расширить количество субъектов, имеющих право предлагать кандидатуры для назначения на рассматриваемые должности, чтобы обеспечить баланс интересов в регионе (в частности, включить в этот перечень органы местного самоуправления, региональные общественные объединения юристов, научные и образовательные организации).

В Адыгее члены Конституционного совета могут осуществлять свою работу на безвозмездной основе, а в Башкортостане и Татарстане речь идет о профессиональной постоянной основе посредством замещения государственных должностей (ч. 1 ст. 8 Закона Республики Башкортостан, ч. 1 ст. 8 Закона Республики Татарстан). В Республике Саха (Якутия) возможны оба варианта (ч. 1 ст. 5 Закона Республики Саха (Якутия)).

Порядок досрочного прекращения полномочий члена Конституционного совета подробно прописан в законодательстве республик Башкортостан, Саха (Якутия) и во многом совпадает с порядком назначения на должность. Основания имеют тот же характер, что и для большинства государственных служащих¹⁸.

К субъектам, имеющим право на обращение в конституционные (уставные) советы, региональным законодательством отнесены следующие:

- высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации;
- депутаты законодательного органа субъекта Российской Федерации либо имеющиеся в них комитеты (ст. 5 Закона Республики Татарстан);
- члены высшего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации;

¹⁷ Брежнев О. В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 25.

¹⁸ См.: Курятников В. В. Конституционный (уставной) совет как специализированный орган правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Челябинск, 2024. С. 157–159.

- прокурор субъекта Российской Федерации;
- депутаты представительного органа местного самоуправления (не менее одной трети от общей численности) (ч. 2 ст. 3 Закона Республики Саха (Якутия)), главы муниципальных образований, иные органы местного самоуправления (ст. 5 Закона Республики Татарстан);
- уполномоченные по правам человека (так, в Республике Саха (Якутия) это уполномоченные по правам человека, ребенка, коренных малочисленных народов Севера, по защите прав предпринимателей (ч. 2 ст. 3 Закона Республики Саха (Якутия)).

Кроме того, объем полномочий конституционных (уставных) советов может существенно варьироваться в зависимости от региона.

В общем виде Конституционный совет — это постоянно действующий орган, осуществляющий деятельность в целях соблюдения верховенства и прямого действия Конституции Республики, укрепления конституционной законности, сохранения и развития конституционных ценностей. Такая формулировка указана в отношении этого органа в Якутии, Башкортостане и Татарстане. В Законе Республики Саха (Якутия) также подчеркнуто, что данный орган рассматривает исключительно вопросы права (ч. 3 ст. 2 Закона Республики Саха (Якутия))¹⁹.

В Адыгее назначение Конституционного совета определено гораздо более лаконично как выработка заключений по проектам конституционных законов (ч. 3 ст. 1 Закона Республики Адыгея).

Заседания конституционных советов являются правомочными, как правило, при присутствии не менее половины от состава этого органа. Решения принимаются открытым голосованием большинством голосов, а голос председательствующего является решающим при равенстве голосов. То есть процедуры здесь вполне стандартные, как и в других коллегиальных органах.

На основании анализа регионального законодательства компетенцию рассматриваемых органов можно представить следующим образом²⁰:

- дача заключений о соответствии Конституции проектов законов (в Татарстане и Якутии — также законов, нормативных правовых актов региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления (п. 2, 3 ч. 1 ст. 5 Закона Республики Татарстан; п. б, в ч. 2 ст. 3 Закона Республики Саха (Якутия));
- дача заключений о соответствии Конституции региональных или местных нормативных правовых актов в случае жалобы на нарушение конституционных прав и свобод граждан (в Татарстане — и организаций (ч. 2 ст. 5 Закона Республики Татарстан)); очевидно, что данным полномочием должны обладать и другие созданные конституционные советы для обеспечения защиты граждан соответствующего региона;
- выражение мнения о соответствии Конституции проектов договоров (соглашений) с другими субъектами Российской Федерации (ч. 5 ст. 5 Закона Республики Татарстан);
- толкование Конституции в виде подготовки проекта (п. 2 ч. 1 ст. 4 Закона Республики Башкортостан) или как официального источника (ч. 1 ст. 3 Закона Республики Саха (Якутия)), либо разъяснение ее положений по запросам (ч. 4 ст. 5 Закона Республики Татарстан);
- осуществление права законодательной инициативы (ч. 1 ст. 4 Закона Республики Башкортостан);
- пропаганда конституционных ценностей среди населения (п. 5 ч. 1 ст. 4 Закона Республики Башкортостан), взаимодействие с научными и образовательными организациями, организация конституционно-просветительской деятельности, осуществление правовой помощи в соответствии с законодательством (ст. 11 Регламента Конституционного совета Республики Саха (Якутия))²¹;

¹⁹ См.: Бржегнев О. В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 21–22.

²⁰ См.: Иванова Е. Л. К вопросу о компетенции конституционных (уставных) советов при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 1. С. 54–56; Усманов А. К., Алексеева Н. Г. К вопросу о деятельности конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 266.

²¹ Решение Конституционного совета Республики Саха (Якутия) от 28.10.2021 № РКС 2-1 «Об утверждении Регламента Конституционного Совета Республики Саха (Якутия)» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://konsovet.sakha.gov.ru/api/containers/documents/download/5088-filename/> (дата обращения: 25.10.2025).

- составление и направление законодательному органу и высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации доклада о состоянии конституционной законности в регионе и выступление с ним на заседании законодательного органа (ст. 12 Закона Республики Татарстан) или доклада о состоянии и развитии конституционного законодательства (ч. 6 ст. 3 Закона Республики Саха (Якутия));
- утверждение регламента Конституционного совета, внесение в него изменений и дополнений. Некоторые закрепленные полномочия на практике фактически не используются, как, например, право законодательной инициативы в Республике Башкортостан.

Также в ряде конституционных советов созданы вспомогательные органы, такие как Общественно-консультативная коллегия Конституционного совета Республики Саха (Якутия). Коллегия — постоянно действующий консультативный и координационный общественный орган Конституционного совета, призванный разрабатывать рекомендации по актуальным вопросам развития конституционного законодательства, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Исходя из положений регионального законодательства выносимые советами решения фактически не имеют реальной юридической силы. То есть подразумевается консультативный и рекомендательный характер решений, который предполагает совершение последующих действий со стороны уполномоченных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В Республике Саха (Якутия) установлено, что итоговое решение Конституционного совета подлежит обязательному рассмотрению субъектами, которых оно касается, не позднее трех месяцев со дня поступления решения. Указанные субъекты (органы государственной власти субъекта Российской Федерации или органы местного самоуправления) могут (но не обязаны) внести изменения в принятые акты, если установлено их несоответствие Конституции (ч. 1, 2 ст. 39 Регламента Конституционного совета Республики Саха (Якутия)).

В Республике Татарстан также определено, что если нормативный правовой акт признается неконституционным либо если возникает необходимость в устранении пробела в правовом регулировании, орган, издавший акт, должен в обязательном порядке рассмотреть заключение Конституционного совета не позднее трех месяцев после его опубликования²².

В итоге основные полномочия конституционных советов сходны с полномочиями ранее действующих конституционных (уставных) судов. Главное отличие — преимущественно рекомендательный характер принимаемых решений. Следовательно, дополнительно необходимо установить ответственность за неисполнение обязанности уполномоченных органов по рассмотрению актов конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации. В противном случае решения советов будут иметь декларативный характер.

Если говорить о реальной работе исследуемых органов, то в настоящее время ими рассмотрено ограниченное количество дел, объем которых отличается в зависимости от значения и статуса совета в регионе.

Так, наиболее активно принимает участие в мониторинге регионального законодательства Конституционный совет Республики Саха (Якутия), первый среди созданных советов (им принято двенадцать заключений о конституционности актов и четыре постановления о толковании Конституции)²³. Конституционный совет Республики Башкортостан был создан в конце 2022 года, проводит свои заседания по мере необходимости и вынес одно решение об отказе в рассмотрении дела и три заключения о конституционности правовых актов²⁴. По сравнению с ним Конституционный совет Республики Татарстан образован летом 2023 года и принял четыре заключения²⁵. Конечно, такой разброс в реализу-

²² Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р. Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3 (172). С. 181.

²³ См.: Официальный сайт Конституционного совета Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://konsovet.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 25.10.2025).

²⁴ См.: Официальный сайт Конституционного совета Республики Башкортостан [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ksrb.bashkortostan.ru/> (дата обращения: 27.09.2025).

²⁵ См.: Официальный сайт Конституционного совета Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://konsov.tatarstan.ru/> (дата обращения: 27.09.2025).

емой деятельности обусловлен в первую очередь небольшим сроком работы данных органов, а также возможным непониманием содержания работы советов субъектами, которые могут обращаться в них. Это следует как из неопределенности правового статуса советов, их полномочий, ограниченной компетенции, так и рекомендательного характера принимаемых решений.

Если обратиться к практике зарубежных государств, то в так называемой «европейской» модели конституционного контроля предусмотрена возможность его осуществления специализированными органами, не относящимися к судебной ветви власти, — квазисудебными органами, которые создаются, как правило, на высшем уровне²⁶: Франция (Конституционный Совет), Иран (Совет по охране конституции). Очевидно, что в силу своего статуса эти органы обладают более широкими полномочиями, чем рассматриваемые нами региональные советы. К тому же в последние годы в зарубежных государствах наблюдается тенденция к трансформации квазисудебных органов в конституционные суды (Казахстан, Алжир).

Проведя анализ существующих исследований, можно согласиться с мнением авторов, которые считают, что конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации являются органами конституционного контроля, а не надзора²⁷. Дело в том, что соотношение контроля и надзора — весьма противоречивый вопрос, не имеющий единообразия в своей трактовке. Однако, несмотря на то что советы не относятся к органам конституционного правосудия, проанализировав цели и компетенцию советов, их деятельность можно рассматривать как направление конституционного контроля. Если говорить о существующих видах конституционного контроля, представляется, что в отношении конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации можно назвать предварительный (например, в Республике Адыгея) и последующий контроль (Республики Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия)) — по времени осуществления, абстрактный контроль — по характеру.

Таким образом, деятельность существующих конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации отличается по порядку формирования данных органов, имеющимся полномочиям и степени вовлеченности в процессы осуществления конституционного контроля. Основные формы деятельности сводятся к проведению заседаний, подготовке заключений и рекомендаций, осуществлению взаимодействия с другими органами.

В ряде регионов советы активно принимают участие в контроле соблюдения регионального законодательства, что во многом определяется наличием четких правовых механизмов деятельности, а также поддержкой со стороны властей, в других — выполняют только узкие консультативные функции.

С целью дальнейшего развития и возможного совершенствования деятельности конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации представляется необходимым осуществлять мониторинг их деятельности с применением количественных и качественных критериев, в частности, учитывать: количество рассмотренных дел, процент/число выявленных нарушений, уровень и реализацию исполнения принятых решений, удовлетворенность субъектов обращения результатами работы, результативность просветительской деятельности, оперативность рассмотрения поступающих запросов.

В качестве возможных форм мониторинга можно выделить: ежегодные отчеты советов перед законодательными органами субъектов Российской Федерации с оценкой собственной деятельности, экспертные оценки с подготовкой аналитических докладов, общественные слушания с участием представителей советов, региональной власти и общественных деятелей, анализ статистических показателей работы советов, публикацию итогов мониторинга на официальных ресурсах. Это позволит более объективно оценивать работу советов, корректировать ее направления и перспективы развития.

²⁶ См.: Худoley К. М. Конституционный контроль в зарубежных странах СНГ и Балтии // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 2 (98). С. 24.

²⁷ См.: Усманов А. К., Алексеева Н. Г. К вопросу о деятельности конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 265–268; Митусова И. А. Региональный конституционный контроль в свете конституционной реформы 2020 года // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23). С. 40–49.

Выводы

Представляется обоснованным разделить мнение ряда исследователей о том, что проведенная судебная реформа привела к проблемам в организации и реализации современного регионального конституционного контроля²⁸, что в перспективе будет влиять на общий уровень законности в конкретных субъектах Российской Федерации.

Сформированные советы оказались весьма ограничены в своих полномочиях: они могут осуществлять проверку нормативных правовых актов, но не могут каким-либо образом влиять на приостановление действия или отмену противозаконных актов. Кроме того, их статус как органов, создаваемых при законодательной ветви власти, влияет на объективность выносимых решений. В результате может быть подорвано доверие к данному органу, происходит его превращение в формальную структуру.

Существующая в настоящее время практика позволяет увидеть, что общее количество сформированных конституционных (уставных) советов в субъектах Российской Федерации во много раз меньше количества ранее действующих судов. Очевидно, что необходимо внедрение конституционных (уставных) советов в структуру региональных властей как реально действующих органов и важной гарантии защиты нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, как итог, обеспечения и беспрепятственного осуществления прав жителей регионов.

Анализ нормативно-правовой базы в области деятельности советов показал существенные расхождения в требованиях, предъявляемых к их членам (от строгих критериев до формальных), порядке формирования, осуществляемых полномочиях. В действительности это может приводить к неопределенности и правовым коллизиям в работе советов, затруднять их взаимодействие с другими органами. То есть органы с одинаковым названием на самом деле могут выполнять различные функции, что затрудняет понимание их роли в региональной системе органов власти. Когда указанные полномочия нечетко прописаны или имеют рекомендательный характер, другие органы могут игнорировать решения, выносимые советами, или злоупотреблять ими для достижения собственных целей. Также речь идет о неопределенности субъектов ответственности за выносимые решения. Кроме того, различия в требованиях, предъявляемых при назначении на должности в советы, затрудняют оценку квалификации их членов, что может вызывать сомнения в объективности принимаемых решений, так как конкурсный порядок отбора пока не предусмотрен.

Вследствие этого в качестве целесообразного шага необходимо либо принятие отдельного федерального закона, определяющего правовое положение данных органов и задающего ориентиры для законов субъектов Российской Федерации, либо дополнение соответствующими статьями Федерального закона № 414-ФЗ с четким закреплением правового статуса советов с целью унификации нормативно-правовой базы субъектов Российской Федерации при учете региональной специфики. Речь должна идти не о дублировании положений, ранее определяющих статус конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, так как новые органы имеют совсем другую природу. Новый федеральный закон или поправки в действующее федеральное законодательство смогут закрепить минимальные требования к составу, порядку формирования и основным функциям советов, что снизит риск злоупотреблений и политической зависимости, повысит легитимность рассмотренных структур и их авторитет, что важно для создания гарантий конституционной защиты граждан, проживающих в субъектах Российской Федерации, повышения единообразия правоприменительной практики.

Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации не могут заменить или подменить по своему статусу ранее действующие суды, но могут выполнять функции экспертной поддержки, направленной на выявление и предотвращение противоречий в региональном законодательстве, тем самым способствуя его соответствию федеральному законодательству, а также развитию на основе принципов законности и объективности.

²⁸ См.: *Евлов И. М.* Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10. С. 141–150; *Курятников В. В.* Конституционный контроль в субъектах РФ: прошлое, настоящее, будущее // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 6. С. 44–52.

Список источников

1. Брежнев О. В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 21–30. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.149.4.021-030
2. Гатауллин А. Г. Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад / А. Г. Гатауллин, Д. Р. Зайнутдинов // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3 (172). С. 172–188. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.172-188
3. Гриценко Е. В. Эволюция российской модели регионального конституционного контроля: от уставных палат к конституционным судам и обратно? // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 2 (92). С. 6–17. DOI: 10.18572/2072-4144-2023-2-6-17
4. Евлоев И. М. Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10. С. 141–150. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.141-150
5. Зайнутдинов Д. Р. Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации: практическая проблема без научного решения / Д. Р. Зайнутдинов, А. Г. Гатауллин // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 50–54. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-3-50-54
6. Иванова Е. Л. К вопросу о компетенции конституционных (уставных) советов при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 1. С. 50–59. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1)
7. Кряжков В. А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65–74. DOI: 10.31857/S102694520016757-3
8. Кряжков В. А. Преемственность и новизна в организации и деятельности конституционных советов республик в составе советов Российской Федерации // В. А. Кряжков, О. В. Брежнев // Государство и право. 2025. № 10. С. 108–117. DOI: 10.31857/S1026945225100093
9. Курятников В. В. Конституционный контроль в субъектах РФ: прошлое, настоящее, будущее // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 6. С. 44–52. DOI: 10.34076/22196838_2021_6_44
10. Курятников В. В. Конституционный (уставный) совет как специализированный орган правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Челябинск, 2024. 293 с.
11. Митусова И. А. Региональный конституционный контроль в свете конституционной реформы 2020 года // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23). С. 40–49. EDN: HVWGWS
12. Попов В. А. Место новых органов регионального конституционного контроля в единой системе публичной власти: сравнительно-правовой анализ организации и деятельности конституционных уставных советов субъектов РФ // Конституционализм и государственное устройство. 2023. № 4 (32). С. 83–92. EDN: MKYIUM
13. Сафина С. Б. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 41–45. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-5-41-45
14. Трифионов С. Г. Конституционно-правовой статус Федерального Конституционного Суда ФРГ и земельных конституционных судов и их место в системе органов государственной власти // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 2. С. 92–101. DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-2-92-101
15. Усманов А. К. К вопросу о деятельности конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации // А. К. Усманов, Н. Г. Алексеева // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 265–268. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_4_265

16. Худолей К. М. Конституционный контроль в зарубежных странах СНГ и Балтии // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 2 (98). С. 24–33. EDN: VRKFJN

Об авторе:

Тихалева Елена Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и уголовного права, Среднерусский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орел, Российская Федерация; ORCID: 0000-0003-4612-4722; e-mail: columbijka@mail.ru

References

1. Brezhnev, O. V. (2023) Problems of Organization and Competence of Constitutional (Statutory) Councils of Constituent Entities of the Russian Federation (Case Studies of the Republics of Adygea Sakha (Yakutia), Bashkortostan). *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 18, No. 4. Pp. 21–30. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.149.4.021-030
2. Gataullin, A. G., Zainutdinov, D. R. (2025) Constitutional Justice in the Constituent Entities of the Russian Federation: One Step Forward, Two Steps Back. *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 20, No. 3 (172). Pp. 172–188. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.172-188
3. Gritsenko, E. V. (2023) Evolution of the Russian Model of Regional Constitutional Control: from Statutory Chambers to Constitutional Courts and Back. *Journal of Constitutional Justice*. No. 2 (92). Pp. 6–17. (In Russ.). DOI: 10.18572/2072-4144-2023-2-6-17
4. Evloev, I. M. (2020) Liquidation of the Constitutional (Charter) Courts of the Constituent Entities of the Russian Federation: A Pattern or Error? *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 15, No. 10. Pp. 141–150. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.141-150
5. Zainutdinov, D. R., Gataullin, A. G. (2025) Constitutional (statutory) councils of the subjects of the Russian Federation: a practical problem without a scientific solution. *Constitutional and Municipal Law*. No. 3. Pp. 50–54. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3767-2025-3-50-54
6. Ivanova, E. L. (2022) On the competence of constitutional (statutory) councils in legislative bodies of constituent entities of the Russian Federation. *Academic Law Journal*. Vol. 23, No. 1. Pp. 50–59. (In Russ.). DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1)
7. Kryazhkov, V. A. (2021) Constitutional control in the subjects of the Russian Federation: what can it be like after the abolition of constitutional (statutory) courts. *State and Law*. No. 9. Pp. 65–74. (In Russ.). DOI: 10.31857/S102694520016757-3
8. Kryazhkov, V. A., Brezhnev, O. V. (2025) Continuity and Novelty in the organization and Activities of Constitutional Councils of the Republics within the Russian Federation. *State and Law*. No. 10. Pp. 108–117. (In Russ.). DOI: 10.31857/S1026945225100093
9. Kuryatnikov, V. V. (2021) Constitutional control in the constituent entities of the Russian Federation: past, present, and future. *Electronic supplement to the Russian Juridical Journal*. No. 6. Pp. 44–52. (In Russ.). DOI: 10.34076/22196838_2021_6_44
10. Kuryatnikov, V. V. (2024) The Constitutional (Statutory) Council as a specialized body for the legal protection of the Constitution (charter) of a constituent entity of the Russian Federation: Dissertation: 5.1.2. Chelyabinsk. 293 p. (In Russ.)
11. Mitusova, I. A. (2022) Regional constitutional control in the light of the 2020 constitutional reform. *Citizen. Elections. Power*. No. 1 (23). Pp. 40–49. (In Russ.).
12. Popov, V. A. (2023) The Place of the New Bodies of Regional Constitutional Control in the Unified System of Public Authority: Comparative Legal Analysis of the Organization and Activities of the Constitutional (Statutory) Councils of the Subjects of the Russian Federation. *Constitutionalism and Government Studies*. No. 4. Pp. 83–92. (In Russ.).

13. Safina, S. B. (2023) Constitutional (Statutory) Councils in Constituent Entities of the Russian Federation: Approaches to the Definition. *Constitutional and Municipal Law*. No. 5. Pp. 41–45. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3767-2023-5-41-45
14. Trifonov, S. G. (2020) Constitutional and legal status of the federal constitutional court of Germany and land constitutional courts and their place in the system of state authorities. *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science*. Vol. 6 (72), No. 2. Pp. 92–101. (In Russ.). DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-2-92-101
15. Usmanov, A. K., Alekseeva, N. G. (2025) On the issue of the activities of the constitutional (statutory) councils of the subjects of the Russian Federation. *Law and state: theory and practice*. No. 4. Pp. 265–268. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2025_4_265
16. Khudoley, K. M. (2024) Constitutional control in foreign CIS and Baltic countries. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. No. 2 (98). Pp. 24–33. (In Russ.).

About the author:

Elena Yu. Tikhaleva, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law, Central Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National and Public Administration, Orel, Russian Federation; ORCID: 0000-0003-4612-4722; e-mail: columbijka@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Реформирование экзаменационных комиссий по приему экзамена на должность судьи: цели, результаты, перспективы

Боголюбов Е. А.^{1, *}, Дидикова М. В.^{2, **}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

² ООО ФПК «Альтернатива» (Кемерово, Российская Федерация)

* E-mail: bogolubovegor@mail.ru

** E-mail: mv2502@mail.ru

Аннотация

Введение: первым этапом на пути к судейской должности является сдача квалификационного экзамена. Для этого формируются экзаменационные комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи. Они стали самостоятельным органом судейского сообщества с 2011 г., после чего в состав комиссий стали включать представителей от общественных объединений юристов. Депутаты считали, что это позволит сделать комиссии более открытыми обществу, повысит качество правосудия и уменьшит коррупцию. Однако декларируемые цели не были достигнуты. В научной литературе не раз высказывались предложения о реформировании требований к членам комиссий. Такие предложения носили умозрительный характер, поскольку не были основаны на эмпирических данных.

Методология и материалы: в настоящей статье предложения ученых сопоставлены с данными о составах экзаменационных комиссий субъектов РФ по состоянию на 2021 г. Информация о членском составе комиссий была собрана на сайте Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи. Дополнительная информация о стаже и месте работы была найдена в открытых источниках.

Результаты исследования и их обсуждение: некоторые предложения находятся в отрыве от действительности, и в настоящее время их невозможно реализовать. Ученые предлагали установить численный состав комиссий в количестве 13 человек, хотя в реальности средний показатель составляет 12 человек. Звучали предложения включать в состав комиссий представителей от всех уровней судейского сообщества, хотя в состав комиссий чаще всего входят судьи из регионального центра (от областного суда общей юрисдикции и от арбитражного суда). Наиболее близкое к реализации предложение — установить минимальный судейский стаж для включения в состав комиссии (10 лет), поскольку средний стаж судей в составах комиссий составляет 15 лет.

Выводы: предложения о реформировании экзаменационных комиссий должны учитывать существующий состав комиссий.

Ключевые слова: юридические профессии, социология профессий, экзаменационные комиссии, судьи, судейское самоуправление, судейское сообщество.

Для цитирования: Боголюбов Е. А., Дидикова М. В. Реформирование экзаменационных комиссий по приему экзамена на должность судьи: цели, результаты, перспективы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 94–106. EDN: YZWGII

Reform of the Examination Boards for Admission to the Position of Judge: Goals, Results, Prospects

Egor A. Bogolyubov^{1, *}, Marina V. Didikova^{2, **}

¹ National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation)

² LLC FPC "Alternative" (Kemerovo, Russian Federation)

* E-mail: bogolubovegor@mail.ru

** E-mail: mv2502@mail.ru

Abstract

Introduction: The first stage on the way to a judicial position is passing a qualification exam. For this purpose, examination commissions are formed for the admission of the qualification exam for the position of judge. They became an independent body of the judicial community in 2011, after which the commissions began to include representatives from public associations of lawyers. The deputies believed that this would make the commissions more open to society, improve the quality of justice and reduce corruption. However, the declared goals were not achieved. Proposals have been repeatedly made in the scientific literature to reform the requirements for members of commissions. Such proposals were speculative in nature, as they were not based on empirical evidence.

Methodology and materials: In this article, the scientists' proposals are compared with data on the composition of the examination commissions of the subjects of the Russian Federation as of 2021. Information on the membership of the commissions was collected on the website of the Higher Examination Commission for the admission of the qualification exam for the position of judge. Additional information about the length of service and place of work was found in open sources.

Research results and their discussion: Some proposals are in isolation from reality and are impossible to implement at the moment. The scientists proposed to establish the numerical composition of the commissions in the number of 13 people, although in reality their average figure is 12 people. There have been proposals to include representatives from all levels of the judicial community in the commissions, although the commissions most often include judges from the regional center (from the regional court of general jurisdiction and from the arbitration court). The closest proposal to implementation is to establish a minimum judicial length of service for inclusion in the commission (10 years), since the average length of service of judges in the commissions is 15 years.

Conclusions: Proposals to reform the examination boards should take into account the existing composition of the commissions.

Keywords: legal professions, sociology of professions, examination boards, judges, judicial self-government, judicial community.

For citation: Bogolyubov, E. A., Didikova, M. V. (2026) Reform of the Examination Boards for Admission to the Position of Judge: Goals, Results, Prospects. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 94–106. (In Russ.)

Введение

Существующая в России система органов судейского сообщества сложилась далеко не сразу. Сейчас к таким органам относятся Всероссийский съезд судей; конференции судей субъектов РФ; Совет судей

РФ; советы судей субъектов РФ; общие собрания судей судов; Высшая квалификационная коллегия судей РФ; квалификационные коллегии судей субъектов РФ; Высшая экзаменационная комиссия по приему квалификационного экзамена на должность судьи и экзаменационные комиссии субъектов РФ по приему квалификационного экзамена на должность судьи (далее — экзаменационные комиссии, комиссии).

Последние две комиссии стали самостоятельными органами судебного сообщества лишь в конце 2011 г.¹ До этого состав экзаменационных комиссий утверждался квалификационными коллегиями судей. Отделение экзаменационных комиссий от квалификационных комиссий позволило последним оптимизировать свою деятельность и более детально заниматься текущей работой, в частности, разрешением жалоб на действия судей.

Сейчас в законе прямо закреплено, что в состав экзаменационных комиссий субъектов РФ входят: 1) судьи судов общей юрисдикции и судьи арбитражных судов; 2) преподаватели юридических дисциплин образовательных организаций высшего образования, научные работники, имеющие ученую степень по юридической специальности; 3) представители общероссийских общественных объединений юристов.

Как следует из прямого указания закона, экзаменационные комиссии формируются для установления наличия у кандидатов на должность судьи теоретических знаний, практических навыков и умений в области правоприменения. В качестве кандидатов выступают лица, не являющиеся судьями².

Деятельность экзаменационных комиссий активно обсуждалась научным сообществом. Одни авторы изучали место экзаменационных комиссий в системе органов судейского сообщества, правовой статус комиссий³. Другие делали акцент на необходимость усиления требований к кандидатам в судьи и предлагали ввести ограничения, усложняющие пересдачу экзамена⁴. Третьи рассматривали вопросы о процедуре экзамена, формировании билетов, порядке прохождения экзамена, процессе принятия решения, повышении уровня компетенции кандидата и укреплении имиджа деятельности экзаменационных комиссий⁵.

Некоторые исследователи предлагали заменить традиционную сдачу экзамена на должность судьи на комплексное компьютерное тестирование с выставлением оценки по 100-балльной системе, при получении результата в 80 баллов кандидат считался бы сдавшим экзамен. По их мнению, такой подход позволил бы провести оценку знаний по всем отраслям права, а также исключить возможность содействия кандидату при сдаче экзамена и субъективизм экзаменаторов⁶.

Не остался без внимания ученых и членский состав экзаменационных комиссий. В большинстве работ предложения по реформированию членского состава экзаменаторов не основаны на эмпирических данных. Говоря об улучшении деятельности комиссий, авторы редко представляют, как именно устроена работа экзаменационных комиссий на местах. В рамках этой статьи мы рассмотрим высказанные предложения и покажем, возможна ли их реализация.

Для этого мы ответим на следующие вопросы: с какой целью реформировались экзаменационные комиссии в 2011 г.? Удалось ли достичь заявленных целей на практике? Какие требования предъявляются к членам комиссий? Какие существуют мнения о реформировании требований к членам комиссий? Возможно ли воплотить эти предложения в жизнь?

¹ Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

² О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // Российская газета. 1992. № 170.

³ Романовская О. В. Правовой статус экзаменационных комиссий по приему квалификационного экзамена на должность судьи // Гражданин и право. 2012. № 7. С. 12–18.

⁴ Багаутдинов Ф. Н., Хайруллин М. М. Требования к кандидатам на должность судьи в современных условиях // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 37–40.

⁵ Бурдина Е. В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России: специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 537 с.; Волков К. А. Прием квалификационного экзамена на должность судьи и вопросы совершенствования деятельности // Российский судья. 2023. № 12. С. 34–39.

⁶ Кирюченко И. И. Открытость и прозрачность информации о судебной деятельности в аспекте формирования судейского корпуса // Российский судья. 2022. № 7. С. 53–56; Колоколов Н. А. Судебная власть: предложения Совета при Президенте России // Мировой судья. 2017. № 12. С. 11–17.

Методы и материалы

Для ответа на эти вопросы были собраны данные о членах экзаменационных комиссий в субъектах РФ. Информация о них представлена на сайте Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи⁷. Для проведения исследования была собрана информация о фамилиях, именах и отчествах членов комиссий, месте работы судей (арбитражный, областной, районный и другие суды) и преподавателей (название университета, должность), судебском стаже работы, наименовании общественного объединения юристов, представитель которого включен в состав комиссии.

Исследование проводилось на основании информации, актуальной на 31 сентября 2021 г., поэтому мы не можем проследить динамику изменений составов экзаменационных комиссий во времени и утверждать, что в предыдущие годы состав экзаменационных комиссий выглядел аналогичным образом⁸. Приведенные в работе данные позволяют объективно определить реализацию требований закона при формировании экзаменационных комиссий и дать общую характеристику экзаменаторам.

Результаты исследования и их обсуждение

Реформирование экзаменационных комиссий в 2011 г.

До обретения самостоятельного статуса в 2011 г. экзаменационные комиссии создавались при каком-то органе. По Положению 1999 г. комиссии создавались при управлениях (отделах) Судебного департамента при Верховном Суде РФ в субъектах РФ⁹. По Положению 2002 г. комиссии начали состоять при соответствующих квалификационных коллегиях судей¹⁰. Следовательно, утверждением членского состава занимались разные органы. По Положению 1999 г. состав комиссии определял начальник управления (отдела) Судебного департамента при Верховном Суде РФ в субъекте РФ по согласованию с квалификационной коллегией судей. По Положению 2002 г. состав утверждался соответствующей квалификационной коллегией судей.

Членами экзаменационных коллегий по Положению 1999 г. могли быть наиболее опытные судьи, работники правоохранительных органов и управлений (отделов) Судебного департамента при Верховном Суде РФ в субъектах РФ, ученые-правоведы и другие высококвалифицированные специалисты в области права. Положение 2002 г. оставило от этого перечня только судей и ученых-правоведов, а также дополнило список преподавателями юридических дисциплин.

Произошли изменения и в минимальном количестве судей в экзаменационных комиссиях. Если Положение 1999 г. говорило, что не менее половины членов комиссии должны были быть судьями, то Положение 2002 г. повышает их количество до не менее двух третей от общего состава.

Новые изменения в членском составе экзаменационных комиссий произошли в 2011 г. Тогда считали, что создание экзаменационных комиссий в качестве самостоятельного органа, базирующегося на принципах выборности и сменяемости, позволит повысить степень независимости данных комиссий. Оценка уровня знаний кандидатов станет более объективной, будет гарантировано обеспечение прав и законных интересов кандидатов в процессе сдачи экзамена¹¹. Нововведением должно было стать

⁷ Сайт Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vekrf.ru/> (дата обращения: 31.09.2021).

⁸ Некоторые данные о членском составе экзаменационных комиссий ранее уже были опубликованы авторами (Боголюбов Е. А., Дидикова М. В. Экзаменационные комиссии как пространство взаимодействия юридических профессий в России // Закон. 2024. № 7. С. 186–195). В этой статье опубликованы новые данные, ранее не введенные в научный оборот.

⁹ Об объявлении Положения об экзаменационных комиссиях по приему экзамена на должность судьи суда общей юрисдикции: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 31.05.1999 № 54. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Положение об экзаменационных комиссиях по приему квалификационного экзамена на должность судьи (утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 15.05.2002) // Российская юстиция. 2002. № 8.

¹¹ Заключение на проект Федерального закона № 610726-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности экзаменационных комиссий по приему квалификационного экзамена на должность судьи» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/610726-5> (дата обращения: 01.11.2024).

и включение в состав экзаменационных комиссий представителей общественности. При принятии изменений в законодательство депутаты особое внимание уделяли следующим факторам.

Во-первых, депутаты полагали, что независимость экзаменационных комиссий от иных органов судебного сообщества будет способствовать минимизации коррупционных рисков при сдаче экзамена, поскольку при независимости экзаменационных комиссий от иных органов отпадут механизмы давления на принятие решения членами комиссии, а участие представителей общественности повысит независимость экзаменационной комиссии непосредственно при принятии решения во время экзамена.

Во время обсуждения законопроекта у некоторых спикеров возникали сомнения о возможности снижения уровня коррупции в экзаменационных комиссиях из-за участия представителей общественности. Н. А. Останина полагала, что привлечение в состав комиссии представителей общественности, наоборот, расширит институт давления на судей, тем самым коррупционные риски только увеличатся¹².

Депутат В. Н. Плигин, напротив, считал, что общественная оценка в данном случае будет разумна, а контроль за судьями будет осуществляться только в рамках закона. Он отмечал, что появление внешней, внесудебной оценки знаний потенциальных кандидатов в судьи будет абсолютно рациональной и разумной чертой¹³.

Во-вторых, депутаты считали, что реформирование экзаменационных комиссий повысит качество приема экзамена и, как следствие, улучшит отправление правосудия. Такие изменения произойдут из-за тщательного отбора кандидатов. Независимость экзаменационных комиссий и участие в их работе представителей общественности будут этому способствовать.

По мнению В. Н. Плигина, участие представителей общественности при сдаче экзамена на должность судьи будет накладывать на кандидата большую ответственность при подготовке, так как кандидат будет сдавать экзамен в присутствии людей, внешних от судебной системы. Таким образом, оценку знаний кандидата будут давать не только судьи, но и представители гражданского общества¹⁴.

В-третьих, депутаты отмечали, что участие представителей общественности в составе экзаменационной комиссии повысит открытость деятельности органов судебного сообщества, поскольку членами комиссии будут не только судьи, но и общественность: ученые-правоведы и представители общественных объединений юристов.

Отметим, что проблема гласности и открытости судебной системы актуальна и в настоящее время. Глава Совета судей РФ В. В. Момотов считает, что судья должен быть социально активным, демонстрировать высочайший уровень правовой культуры, контактировать со СМИ и стараться грамотно и доступно доносить смысл судебных решений. Он обращает внимание на то, что гласность является гарантией справедливого судебного разбирательства и обеспечивает общественный контроль за функционированием судебной власти¹⁵.

На наш взгляд, судьи осуществляют взаимодействие с общественностью и при приеме экзамена. Между экзаменаторами возможно обсуждение работы юристов, уровня их подготовки, а также вопросов функционирования судебной системы. Возможность взаимодействия преподавателей юридических дисциплин с судьями способствует оптимизации учебного процесса, поскольку осведомленность преподавателей о практическом применении норм права позволяет более детально донести до обучающихся, не имеющих практического опыта, специфику юридической деятельности, особенности судебной практики в регионе и отдельное применение конкретных норм права.

Таким образом, законодатели считали, что реформа экзаменационных комиссий позволит предотвратить коррупцию, улучшить качество правосудия и сделать судебную систему более открытой для общества. Достижению этих целей должны были способствовать представители общественных организаций юристов и преподаватели юридических дисциплин, которые виделись законодателю в качестве независимых и беспристрастных экзаменаторов.

¹² Хроника заседания Государственной Думы 1 ноября 2011 года [Электронный ресурс]. Государственная Дума | Федеральное Собрание Российской Федерации. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2011-11-01#> (дата обращения: 01.11.2024).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Момотов объяснил правила поведения судей в соцсетях [Электронный ресурс]. РАПСИ. URL: https://rapsi-pravo.ru/incident_news/20231006/309280967.html (дата обращения: 01.11.2024).

Экзаменационные комиссии после 2011 г.

Изменилась ли организация работы экзаменационных комиссий после реформы 2011 г.? На наш взгляд, депутатские ожидания от реформирования законодательства не были воплощены в жизнь.

В связи с отсутствием в общем доступе информации о коррупционной деятельности в экзаменационных комиссиях не представляется возможным сделать вывод о снижении уровня коррупции. Формирование экзаменационных комиссий до сих пор проходит закрыто, критерии выбора экзаменаторов не установлены, в общедоступных источниках нет сведений о потенциальных экзаменаторах.

Важную роль при отборе в судьи играет председатель суда, который представляет кандидата для назначения на должность судьи¹⁶, хотя данная процедура законодательно не регламентирована. Председатель может полагаться исключительно на собственные критерии при принятии решения о поддержке кандидата. Результат квалификационного экзамена имеет лишь формальное значение. Дальнейшее назначение кандидата не связано с результатами экзамена. Для получения рекомендации квалификационной коллегии кандидату нужно заручиться поддержкой председателя суда. Только в таком случае он может надеяться, что его документы поступят в Администрацию Президента РФ.

Отсутствие в открытых источниках информации об экзаменаторах также свидетельствует о том, что органы судейского сообщества по-прежнему остаются закрытыми для общественности и осуществляют свою работу в закрытом режиме. Ряд официальных сайтов комиссий содержат только перечень фамилий и инициалов экзаменаторов, тогда как иная информация о членском составе там не публикуется.

Несмотря на введение в состав комиссий представителей общественности, исследование показало, что через «общественность» в состав экзаменационной комиссии входят другие юридические профессии, например, нотариусы, адвокаты, а также депутаты региональных парламентов, представители коммерческих организаций¹⁷.

В таких случаях взаимодействие экзаменаторов-судей и кандидатов в судьи происходит с представителями иных юридических профессий. В этой связи легитимизация отбора в судьи происходит среди профессионального юридического сообщества, а не среди представителей гражданского общества, как предполагалось при принятии закона.

Оценить объективно уровень качества правосудия после реформирования экзаменационных комиссий в 2011 г. не представляется возможным. Данные по пересмотру определений судов первой инстанции, результаты заседаний квалификационных коллегий также не отражают качество работы судей, поскольку незаконные решения и дисциплинарные проступки в настоящее время совершаются судьями, сдавшими экзамен как до, так и после внесения изменений.

Таким образом, реформа 2011 г. не привела к ожидаемым результатам. Влияние изменений в работе экзаменационных комиссий на уровень коррупции и качество отправления правосудия трудно отследить на конкретных данных. Введение в состав комиссий представителей от общественных объединений юристов не привело к открытости комиссий. Информация о работе комиссий плохо отражается на их сайтах, отбор в состав комиссий осуществляется в закрытом режиме, без публичной дискуссии.

Что не учли при реформе 2011 г.?

При принятии закона в 2011 г. не рассматривался вопрос о количественном составе комиссии. Среди условий по этому пункту было положение о том, что число судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов в составах этих экзаменационных комиссий должно быть равным и общее количество судей не должно быть меньше двух третей от общего состава.

Депутат С. Н. Решульский при обсуждении вопроса об улучшении системы отбора и контроля кандидатов утверждал, что «надо иметь вот такую голову и такой объем знаний, чтобы из двадцати одного человека

¹⁶ Дмитриева А. В. Ходатайство председателя суда как фактор успеха отбора в судьи квалификационными коллегиями // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 3. С. 402.

¹⁷ Боголюбов Е. А., Дидикова М. В. Экзаменационные комиссии. С. 190.

убедить хотя бы больше половины в том, что ты соответствуешь этой рекомендации»¹⁸. Отсутствие положения о количественном составе членов экзаменационной комиссии ставит кандидатов разных субъектов в неравное положение, поскольку сдача экзамена с большим количеством экзаменаторов, как правило, более затруднительна, при этом кандидаты наделяются равным статусом, независимо от субъекта РФ, в котором проводился экзамен.

Исследовательница судейского сообщества Е. В. Бурдина считает, что в составе экзаменационных комиссий должно быть 13 человек. По ее мнению, такое количество позволит избрать в члены комиссии представителей от судов всех уровней, а также представителей научного и юридического сообщества¹⁹.

В законе «Об органах судейского сообщества» не указано обязательное участие в экзаменационной комиссии преподавателей и представителей общероссийских общественных объединений юристов. Там только закреплено, что не менее двух третей от состава комиссий должны быть судьями. Закон создает условия к тому, что комиссия может полностью состоять из судей. Считаем, что отсутствие какой-либо из категории членов в составе экзаменационной комиссии не позволит в должной мере оценить теоретические и практические навыки кандидата, поскольку каждой категории членов комиссии присущи определенные профессиональные навыки, которые также необходимы для оценки знаний будущих судей.

Кроме того, при наделении экзаменационных комиссий самостоятельным статусом не поднимался вопрос об участии в качестве членов комиссии представителей правоохранительных органов. Положение 1999 г. прямо закрепляло наличие в составе экзаменационных комиссий работников правоохранительных органов и управлений (отделов) Судебного департамента при Верховном Суде РФ в субъектах РФ.

В. К. Михайлов предлагает увеличить число представителей общественных и правозащитных организаций, а также разбавить состав экзаменационной комиссии иными органами и организациями, заинтересованными в качественном правосудии и обладающими независимым от исполнительной и судебной властей статусом (например, представители адвокатуры, омбудсмены, региональные и муниципальные представительские органы)²⁰. В ряде регионов в составе комиссий уже сейчас встречаются работники государственных органов, адвокаты, нотариусы. Некоторые адвокаты являются членами Ассоциации юристов России²¹.

Наличие в составах экзаменационных комиссий адвокатов, нотариусов и других юристов говорит о необходимости реформирования подхода к формированию экзаменационных комиссий. Вызывает сомнения исключение из состава комиссий представителей правоохранительных органов (следователей, прокуроров) и включение в состав других юристов (адвокатов, нотариусов). Чем обусловлен такой подход? Почему одни юристы могут принимать экзамен у будущих судей, а другие нет? Ведь и те, и другие взаимодействуют с судами на постоянной основе. Возможно, ответ на эти вопросы заключается в том, что адвокаты и нотариусы обладают автономией от государства и имеют свои органы самоуправления, тогда как у прокуроров и следователей нет собственного самоуправляемого сообщества.

Совершенствование требований к членам экзаменационных комиссий от судейского сообщества

Далее мы рассмотрим предложения, высказанные учеными-юристами об изменениях требований к членам экзаменационных комиссий. Поскольку в состав экзаменационных комиссий входят три группы лиц: судьи, преподаватели и представители от общественного объединения юристов, мы рассмотрим предложения о каждой группе в отдельности.

¹⁸ Хроника заседания Государственной Думы 1 ноября 2011 года.

¹⁹ Бурдина Е. В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России. С. 405.

²⁰ Михайлов В. К. Проблемы в процедуре наделения полномочиями судей, угрожающие их независимости // Закон. 2019. № 4. С. 85.

²¹ Боголюбов Е. А., Дидикова М. В. Экзаменационные комиссии. С. 190.

Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» предъявляет к судьям повышенные требования — наличие юридического образования, юридического стажа, достижение определенного возраста. В качестве ограничений вступления в должность судьи в этом законе приведены следующие: наличие судимости, наличие гражданства (подданства) иностранного государства, наличие заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи. Не могут быть судьями лица, признанные недееспособными (ограниченно дееспособными), а также лица, состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств.

Судьи-экзаменаторы, безусловно, отвечают вышеперечисленным требованиям. Однако научное сообщество предлагает ввести дополнительные требования. Например, Е. В. Бурдина предлагает включать в состав комиссий только тех судей, у которых стаж судейской работы составляет не менее 10 лет. По ее мнению, это позволит усилить гарантии компетентности комиссии²².

Наше исследование показало, что по состоянию на 2021 г. средний стаж судей-экзаменаторов составляет 15 лет. Среди субъектов РФ с наибольшим профессиональным стажем судей-экзаменаторов — Иркутская и Свердловская области (21 год), с наименьшим — г. Москва и Республика Крым²³ (9 лет) (см. табл. 1).

Таблица 1

Средний стаж судей-экзаменаторов в экзаменационных комиссиях субъектов РФ

Субъекты РФ (итого)	Средний судейский стаж
Республика Крым, город федерального значения Москва (2)	9
Республика Тыва, Калужская область, Сахалинская область (3)	10
Республика Адыгея, Приморский край, Вологодская область, Кировская область, Самарская область (5)	11
Республика Алтай, Республика Мордовия, Забайкальский край, Краснодарский край, Волгоградская область, Ивановская область, Костромская область, Липецкая область, Тюменская область, город федерального значения Севастополь, Еврейская автономная область (11)	12
Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Хакасия, Пермский край, Хабаровский край, Мурманская область, Омская область, Томская область, Ханты-Мансийский автономный округ (10)	13
Республика Дагестан, Камчатский край, Ставропольский край, Московская область, Рязанская область, Саратовская область, Тульская область, Ульяновская область, Челябинская область, Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ (11)	14
Республика Коми, Алтайский край, Архангельская область, Курганская область, Магаданская область, Нижегородская область, Тамбовская область, Чукотский автономный округ (8)	15
Республика Карелия, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Чеченская Республика, Чувашская Республика, Красноярский край, Амурская область, Владимирская область, Кемеровская область Кузбасс, Курская область, Новгородская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Псковская область, Тверская область, Ярославская область (16)	16
Республика Северная Осетия Алания, Республика Татарстан, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Воронежская область, Ростовская область, Смоленская область, город федерального значения Санкт-Петербург (9)	17
Республика Саха (Якутия), Ленинградская область, Орловская область (3)	18
Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Пензенская область (4)	19
Калининградская область (1)	20
Иркутская область, Свердловская область (2)	21

Источники: составлено авторами.

²² Бурдина Е. В. Организационные гарантии независимости и компетентности экзаменационных комиссий по приему квалификационного экзамена на должность судьи // Российский судья. 2016. № 1. С. 50–54.

²³ Отметим, что достоверно определить профессиональный стаж судей в составах экзаменационных комиссий в г. Севастополь и Республика Крым не представляется возможным, поскольку эти судьи назначены на должность Указом Президента от 2014 года. Информация о трудовой деятельности судей за предыдущий период в общем доступе отсутствует.

Минимальный и максимальный профессиональный стаж судьи варьируется от 1 года до 33 лет (см. диаграмму 1). Максимальное количество судей (7 % от всех судей-экзаменаторов) в составе экзаменационных комиссий имеют стаж 13 лет.

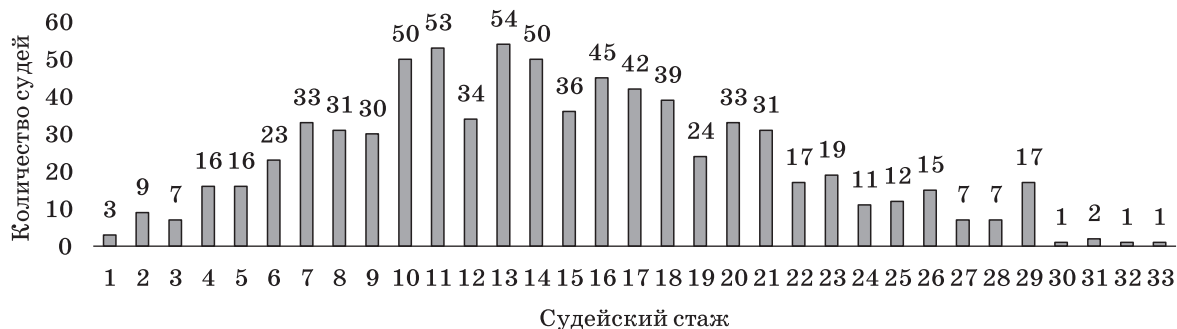

Диаграмма 1. Судейский стаж судей-экзаменаторов

Источники: составлено авторами.

Считаем, что установление профессионального стажа в качестве требования к судьям-экзаменаторам не является показателем профессионализма. В качестве объективных критериев компетентности судьи могут выступать отсутствие жалоб на действие (бездействие) в квалификационную коллегию, квалификационный статус судьи, наличие государственных наград за профессиональную деятельность и ученой степени.

Е. В. Бурдина также предлагает избирать судей в состав комиссий на основе принципа представительства, который предполагает включение в комиссии судей от судов всех уровней и компетенций, а также судебных территорий (территориальное представительство). Она полагает, что такой подход позволит разным группам судей выражать свои интересы в различных судебных органах, в том числе и в экзаменационных комиссиях²⁴.

В составе экзаменационных комиссий по состоянию на 2021 г. доля судей от арбитражных судов составляет 46 %, от судов общей юрисдикции — 54 %. Из числа судей судов общей юрисдикции 67,7 % — судьи от областного суда, 27,5 % — судьи районных судов, 0,7 % — мировые судьи, 1 % — судьи иных судов. В качестве экзаменаторов выступают и судьи в отставке. В целом по России их 12 человек. Правомочность нахождения судей в отставке в составе экзаменационных комиссий не вызывает сомнений, поскольку за лицом, пребывающим в отставке, сохраняется статус судьи.

На основании приведенных данных реализовать предложенный принцип затруднительно. Мы не видим практического значения в осуществлении принципа представительства, поскольку суды представляют собой единую ветвь власти. Считаем, что звено судебной системы не определяет уровень опыта и знаний судей как экзаменаторов. А разграничение по территориальному признаку и вовсе не отражает специфику работы определенного суда.

В настоящее время председатели судов субъектов РФ и арбитражного суда представляют не менее двух кандидатур на каждое место члена экзаменационной комиссии. Для снижения уровня воздействия председателя при отборе в судьи Е. В. Бурдина предлагает исключить такое полномочие и установить порядок избрания судей-экзаменаторов на основе «начал плюрализма»²⁵. Такой подход предполагает выдвижение (выбор) кандидатур в составе комиссий членами судейского сообщества самостоятельно.

Судьи-экзаменаторы занимают ключевые посты в экзаменационных комиссиях. Во всех субъектах РФ председателем комиссии является судья. Лишь в Хабаровском крае председатель комиссии — пре-

²⁴ Бурдина Е. В. Организационные гарантии независимости. С. 50–54.

²⁵ Там же.

подаватель, который еще и судья в отставке. В 80 субъектах РФ судья-председатель представляет суды общей юрисдикции (78 судей от областных судов, 2 судьи от районных судов). В 4 регионах председатель является судьей арбитражного суда.

По всей России насчитывается 113 заместителей председателя экзаменационных комиссий. В 46 регионах председатель имеет одного заместителя, в 32 — двух заместителей, в Республике Карелия — трех заместителей, в 6 регионах нет заместителей.

Заместителями председателя комиссий также являются судьи: 55 заместителей от арбитражного суда и 55 заместителей от судов общей юрисдикции (1 судья апелляционного суда общей юрисдикции, 46 судей областного суда, 8 судей районного суда). Два заместителя представляют Ассоциацию юристов России, один — преподавательское сообщество.

Таким образом, предложение установить требование к стажу для судей-экзаменаторов в 10 лет можно реализовать на практике, поскольку их средний стаж сейчас составляет 15 лет. Однако требование по разнообразному представительству от судейского сообщества сложнее реализовать. По нашим данным, более двух третей членов экзаменационных комиссий от судейского сообщества являлись судьями от областных судов и арбитражных судов. Районные суды слабо представлены в комиссиях, а мировые судьи практически не участвуют в их работе, тогда как именно эти две группы судей составляют большинство судейского сообщества в России. Получается, что судьи, работающие в региональной столице, принимают решение о сдаче квалификационного экзамена и занимают ключевые посты в руководстве экзаменационных комиссий.

Совершенствование требований к членам экзаменационных комиссий от преподавательского сообщества и общественных объединений юристов

Законом не установлены требования к членам комиссий, которые не являются судьями. Единственное условие включения преподавателя в состав комиссии — это наличие у него ученой степени по юридической специальности, однако такое же требование не предъявляется к представителям общественных объединений юристов.

Преподавательской (педагогической) деятельностью имеют право заниматься лица, у которых есть среднее профессиональное или высшее образование и которые отвечают квалификационным требованиям²⁶. В качестве примера приведем квалификационные требования, предъявляемые к начальной должности профессорско-преподавательского состава — ассистенту. Сотрудник обязан иметь высшее профессиональное образование и стаж работы в образовательном учреждении не менее одного года — при наличии послевузовского профессионального образования, а при наличии ученой степени кандидата наук требования к стажу работы не предъявляются²⁷.

Несмотря на прямое закрепление наличия ученой степени по юридической специальности, в составе комиссий встречаются экзаменаторы с иными учеными степенями: кандидаты и доктора исторических, медицинских, философских, экономических, социологических наук. В составах комиссий есть четыре преподавателя, которые вовсе не имеют ученую степень. Не исключено, что эти экзаменаторы являются представителями общероссийских общественных объединений юристов, однако данная информация в общедоступных источниках отсутствует.

В составах комиссий также присутствуют судьи с ученой степенью не по юридической специальности: один кандидат исторических наук и два кандидата филологических наук. В свою очередь, 15 % судей в составе комиссий имеют ученую степень в области юриспруденции, из них 113 кандидатов наук и 4 до-

²⁶ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

²⁷ Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования»: Приказ Минздравсоцразвития России от 11.01.2011 № 1н // Российская газета. 2011. № 101.

ктора наук. Мы поддерживаем позицию, согласно которой наличие ученой степени по юридической специальности свидетельствует о высокой квалификации судьи²⁸.

В составе экзаменационных комиссий в качестве представителей общероссийских общественных объединений юристов выступают члены Ассоциации юристов России. Единственный представитель иного объединения юристов обнаружен в Белгородской области. Это руководитель регионального отделения МПОО «Объединение православных ученых», который по совместительству является преподавателем, доктором юридических наук.

Устав Ассоциации юристов России закрепляет, что ее членом может стать любое физическое лицо, достигшее 18-летнего возраста, имеющее юридическое образование, разделяющее цели и задачи Ассоциации, выполняющее требования Устава, принимающее непосредственное участие в работе Ассоциации. Иностранные граждане, лица без гражданства, лица, признанные судом недееспособными, а также иные лица, чье право быть членом общественного объединения ограничено законом, не вправе быть членами Ассоциации юристов России²⁹.

Таким образом, нормативными правовыми актами закреплено обязательное наличие юридического образования у судей и членов Ассоциации. Преподавателю, как члену экзаменационной комиссии, необходимо иметь ученую степень именно по юридической специальности. Следовательно, отсутствие первоначального юридического образования компенсируется ученой степенью, что позволяет характеризовать такого экзаменатора компетентным и обладающим достаточным уровнем познания в юридической науке.

Выводы

Основными целями формирования экзаменационных комиссий в качестве самостоятельных органов выступали снижение коррупционных рисков при сдаче экзамена, повышение уровня качества приема экзамена, обеспечение открытости и гласности в деятельности органов судейского сообщества. Однако оценить реализацию поставленных целей затруднительно в связи с отсутствием информации в общем доступе.

В среднем количество членов комиссий — 12 человек. Как правило, экзаменационная комиссия на 79 % состоит из судей, 21 % — это преподаватели и представители Ассоциации юристов России. Судьи в составе комиссий представлены от арбитражного суда и областного суда, их соотношение приблизительно равное. Судейский стаж судьи-экзаменатора в среднем составляет 15 лет.

От общего числа иных членов комиссий 72 % представлены преподавателями юридических дисциплин, из которых почти каждый имеет ученую степень по юридической специальности (92 %). Представителями общероссийских общественных объединений юристов во всех субъектах являются члены Ассоциации юристов России.

Список источников

1. Багаутдинов Ф. Н. Требования к кандидатам на должность судьи в современных условиях / Ф. Н. Багаутдинов, М. М. Хайруллин // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 37–40. EDN: NEIZNL
2. Боголюбов Е. А. Экзаменационные комиссии как пространство взаимодействия юридических профессий в России / Е. А. Боголюбов, М. В. Дидикова // Закон. 2024. № 7. С. 186–195. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-7-186-195. EDN: XIXQIE
3. Бурдина Е. В. Организационные гарантии независимости и компетентности экзаменационных комиссий по приему квалификационного экзамена на должность судьи // Российский судья. 2016. № 1. С. 50–54. EDN: VKSLCH

²⁸ Дудко И., Кряжкова О. Судьи Конституционного Суда России: кто они? // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 3 (160). С. 146.

²⁹ Учредительные документы [Электронный ресурс] // Московское отделение Ассоциации юристов России. URL: https://alrf.msk.ru/uchreditelnye_dokumenty (дата обращения: 01.11.2024).

4. Бурдина Е. В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России: специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность: дис. ... д-ра юрид. наук / Бурдина Елена Владимировна. М., 2016. 537 с. EDN: DASOBT
5. Волков К. А. Прием квалификационного экзамена на должность судьи и вопросы совершенствования деятельности // Российский судья. 2023. № 12. С. 34–39. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-12-34-39. EDN: BWJSHM
6. Дмитриева А. В. Ходатайство председателя суда как фактор успеха отбора в судьи квалификационными коллегиями // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 3. С. 391–406. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-3-391-406. EDN: YLOGTL
7. Дудко И. Судьи Конституционного Суда России: кто они? / И. Дудко, О. Кряжкова // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 3 (160). С. 135–160. DOI: 10.21128/1812-7126-2024-3-135-160. EDN: NECWLX
8. Кирущенко И. И. Открытость и прозрачность информации о судебной деятельности в аспекте формирования судейского корпуса // Российский судья. 2022. № 7. С. 53–56. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-53-56. EDN: IJYBBS
9. Колоколов Н. А. Судебная власть: предложения Совета при Президенте России // Мировой судья. 2017. № 12. С. 11–17. EDN: ZTPSNJ
10. Михайлов В. К. Проблемы в процедуре наделения полномочиями судей, угрожающие их независимости // Закон. 2019. № 4. С. 83–91. EDN: HCTTUW
11. Романовская О. В. Правовой статус экзаменационных комиссий по приему квалификационного экзамена на должность судьи // Гражданин и право. 2012. № 7. С. 12–18. EDN: PCIXPL

Об авторах:

Боголюбов Егор Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), ORCID: 0000-0002-9312-7793, e-mail: bogolubovegor@mail.ru

Дидикова Марина Владимировна, юрисконсульт, ООО ФПК «Альтернатива» (Кемерово, Российская Федерация), ORCID 0009-0004-0685-2658, e-mail: mv2502@mail.ru

References

1. Bagautdinov, F. N., Khairullin, M. M (2011) Requirements for candidates for the position of judge in modern conditions. *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 1, pp. 37–40. (In Russ.)
2. Bogolyubov, E. A., Didikova, M.V (2024) Examination commissions as the space for interaction between legal professions in Russia. *Zakon*, no. 7, pp. 186–195. (In Russ.) DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-7-186-195
3. Burdina, E. V. (2016) Organizational guarantees of independence and competence of examination boards conducting examinations for promotion to the judge office. *Russian Judge*, no. 1, pp. 50–54. (In Russ.)
4. Burdina, E. V (2016) The legal nature, organization and activities of the judicial community in the Russian judicial system. Dis. ... PhD of Jurisprudence. 537 p. (In Russ.)
5. Volkov, K. A. (2023) Giving a qualification examination for the judge position and improvement issues. *Russian Judge*, no. 12, pp. 34–39. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-12-34-39. (In Russ.)
6. Dmitrieva, A.V. (2019) The patronage of court presidents a success factor in the selection judges by qualification boards. *The journal of social policy studies*, Vol. 17, no. 3, pp. 391–406. DOI 10.17323/727-0634-2019-17-3-391-406. (In Russ.)

7. Dudko, I., Kryazhkova, O. (2024) Judges of the Constitutional Court of Russia: who are they? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 33, no. 1, pp. 135–160. (In Russ.) DOI: 10.21128/1812-7126-2024-3-135-160
8. Kiryuschenko, I. I. (2022) Openness and transparent nature of the information on court activities in terms of judiciary staff establishment. *Russian Judge*, no. 7, pp. 53–56. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-53-56
9. Kolokolov, N. A. (2017) Judicative authority: proposals of the presidential council of Russia. *Magistrate judge*, no. 12, pp. 11–17. (In Russ.)
10. Mikhailov, V. K. (2019) Some problems in judicial empowerment which threaten judicial independence. *Zakon*, no. 4, pp. 83–91. (In Russ.)
11. Romanovskaya, O. V. (2012) The legal status of the examination commissions for the admission of the qualification exam for the position of judge. *Grazhdanin i pravo*, no. 7, pp. 12–18. (In Russ.)

About the authors:

Egor A. Bogolyubov, PhD in History, senior lecturer of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Saint Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9312-7793, e-mail: bogolubovegor@mail.ru

Marina V. Didikova, legal adviser, LLC FPC “Alternative” (Kemerovo, Russian Federation); ORCID: 0009-0004-0685-2658, e-mail: mv2502@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare that there is no conflict of interest.

Взаимодействие представительного и исполнительного органов местного самоуправления

Мануков А. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: manukov-a@mail.ru

Аннотация

Введение: в работе рассматриваются представительный и исполнительный органы местного самоуправления, описывается процесс формирования этих органов. Анализируется механизм избрания и назначения руководящих лиц этих органов, а также в соответствии с разными способами избрания и назначения приводится типология систем управления. Данные правовые аспекты необходимы для выявления взаимодействия между двумя ветвями власти на уровне местного самоуправления.

Методология и материалы: в работе использован хронологический анализ в рамках сравнения разных концепций, типологий и мнений ученых.

Также проведен системный анализ законодательства, федеральных законов и законов субъекта Российской Федерации — Санкт-Петербурга — с целью определения полномочий главы муниципального образования и главы местной администрации муниципального образования.

Результаты исследования: автор исследует нормативно-правовую базу местного самоуправления, различия и сходства способов назначения и избрания руководящих лиц органов, представляет типологию управления, а также поднимает вопрос о проблемах взаимодействия органов представительного и исполнительного органов власти на местном уровне.

Выводы: местное самоуправление выступает буфером между населением и органами государственной власти, при этом на местном уровне существует разделение властей на представительную и исполнительную. Определено, что на законодательном уровне в Российской Федерации не закреплён механизм взаимодействия между двумя органами местного самоуправления, что приводит к отсутствию целостности работы муниципального образования. Выявлено, что необходимо установить четкие формы взаимодействия муниципального совета и местной администрации, а также ввести контроль исполнения вопросов местного значения от муниципального совета к местной администрации.

Ключевые слова: представительный орган, исполнительно-распорядительный орган, местное самоуправление, типология управления.

Для цитирования: Мануков А. С. Взаимодействие представительного и исполнительного органов местного самоуправления // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 107–116. EDN: YZYHIZ

Interaction Between Representative and Executive Bodies of Local Self-Government

Manukov A. S.

Russian Presidential Academy of National and Public Administration, North-West Institute of Management,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: manukov-a@mail.ru

Abstract

Introduction: In the work, the author examines the representative and executive body at the local level, and provides an understanding of the formation of these bodies. The mechanism of election and appointment of senior officials of these bodies is considered, and the typology of management systems is given in accordance with different methods of election and appointment. These legal aspects are necessary to identify the interaction between the two branches of government in local government.

Methodology and materials: The work carries out a chronological analysis in the framework of comparing different concepts, typologies and opinions of scientists, and a prospective analysis is also carried out to identify the possibility of optimizing the sphere of interaction between local governments in order to achieve goals and objectives more effectively. A systematic analysis of legislation, federal laws and laws of the subject of the Russian Federation was also carried out in order to determine the powers of the head of the municipality and the head of the local administration of the municipality.

The results of the study: The author explores the regulatory framework of local self-government, the differences and similarities in the ways of appointing and electing governing bodies, presents a typology of governance, and also raises the issue of problems of interaction between representative and executive authorities at the local level.

Conclusion: Local self-government acts as a buffer between the population and public authorities, while at the local level there is a separation of powers into representative and executive. It is determined that at the legislative level in the Russian Federation, the mechanism of interaction between the two local governments is not fixed, which leads to a lack of integrity of the work of the municipality. It is revealed that it is necessary to establish clear forms of interaction between the municipal council and the local administration, as well as to introduce control over the execution of issues of local importance from the municipal council to the local administration.

Keywords: representative body, executive and administrative body, local government, management typology.

For citation: Manukov, A. S. (2026) Interaction Between Representative and Executive Bodies of Local Self-Government. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 107–116. (In Russ.)

Введение

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, а именно главой 1, описывающей основы конституционного строя, гражданам дано право участвовать в деятельности органов, реализующих задачи государства, а также осуществлять данную деятельность непосредственно в органах местного самоуправления. Это говорит о том, что органы местного самоуправления являются одной из основ конституционного строя нашей страны. Население может реализовывать свои права через органы местного самоуправления. На практике на уровне местного самоуправления есть органы представительной и законодательной власти. Взаимодействие между ними носит дискуссионный характер и требует деталь-

ного изучения: какова должна быть практическая реализация и как должны разделяться полномочия органов местного самоуправления.

Методология и материалы

Цель исследования — определить оптимальную модель взаимодействия представительного и исполнительного органов местного самоуправления. В работе анализируются нормативные правовые акты, регулирующие полномочия и функции указанных структур, а также порядок избрания (назначения) главы муниципального образования и главы местной администрации. На основе проведенного анализа выделяются возможные подходы к эффективному сотрудничеству муниципального совета и местной администрации.

Результаты исследования

В системе местного самоуправления функционируют два ключевых органа: представительный (муниципальный совет) и исполнительный (местная администрация). Рассмотрим порядок избрания и назначения руководителей указанных структур.

«Глава муниципального образования является высшим должностным лицом и наделяется уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения»¹. «Многие научные деятели в своих исследованиях определяют ключевую функцию главы МО, который занимает главенствующую роль, организует и осуществляет местное самоуправление на территории соответствующего МО»². При этом следует разграничивать статус главы муниципального образования и председателя представительного органа (муниципального совета). Основные различия представлены в табл. 1.

Таблица 1

Отличия главы муниципального образования и председателя муниципального совета муниципального образования
(источник: составлено автором)

Основные отличия	Глава муниципального образования	Председатель муниципального совета
Статус лица	Высшее должностное лицо муниципального образования	Председатель представительного органа, который состоит из депутатов, избираемых местным населением.
Полномочия	- Представляет МО в отношениях с другими органами власти. - Подписывает и обнародует нормативные акты, принятые представительным органом. - Издаёт правовые акты, включая постановления и распоряжения. - Требуёт созыва внеочередных заседаний представительного органа	- Организует работу представительного органа: созывает заседания, ведет протоколы, координирует деятельность комиссий. - Подписывает решения совета, не имеющие нормативного характера

Из таблицы видно, что глава муниципального образования является лицом с большей долей ответственности и функций, чем председатель муниципального совета, и вектор работы главы МО направлен на внешнюю среду, а председателя МО — сугубо на внутреннюю работу совета и комиссий. Отметим, что в соответствии с № 33-ФЗ глава муниципального образования не может совмещать должность председателя общественного совета, также «глава муниципального образования подотчетен и подконтролен населению и представительному органу муниципального образования»³. «Отличительные черты правовой

¹ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023?ysclid=mdebuu2d8b922121874> (дата обращения: 10.05.2025).

² Иванова Д. А. Статус главы муниципального образования // Вестник науки. 2020. № 6 (27). С. 156–159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 26.05.2025). EDN: DSADMT

³ Парахина В. Н., Галеев Е. В., Ганишина Н. Н. Муниципальное управление: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2007. 496 с. EDN: QRUNHJ

регламентации статуса главы муниципального образования определяются регулированием правового статуса главы муниципалитета на нескольких уровнях: на уровне федерального законодательства, на уровне норм регионального права, а также на уровне местных нормативных актов»⁴.

Глава муниципального образования как должностное лицо может быть выбран населением, проживающим на территории данного муниципального образования, может быть выбран из числа депутатов, входящих в представительный орган муниципального образования, нанят на данную должность на конкурсной основе, а также может быть выбран представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Эти подходы равнозначны и учитывают специфику местных органов власти, их сильные, слабые стороны и внешние угрозы, а также социально-экономическое развитие.

Исходя из модели выбора главы муниципального образования появляются разные виды управленческих моделей в органах местного самоуправления. Всего существует шесть методов управления. В рамках избрания главы муниципального образования из состава депутатов, входящих в представительный орган, из состава совета избирается глава муниципального образования, а он, в свою очередь, назначает на должность сотрудников, но с учетом согласия совета. Такая модель называется «совет слабый мэр», это означает, что мэр — глава муниципального образования — работает в связке с советом, который выбрал его, и вопросы назначения и отстранения кого-либо по должности происходит также с согласия совета.

Когда главу муниципального образования избирают на выборах, как и депутатов, то позиция у главы в теоретическом аспекте моделей управления называется «совет сильный мэр», а значит, глава, как отдельно избранное лицо, самостоятельно назначает сотрудников, а перед советом отчитывается лишь о ходе своей работы.

Третья модель управления вытекает из назначения главы по конкурсу. В такой модели управления глава муниципального образования является менеджером-управляющим, который не был избран ни населением, ни из состава депутатов совета и является наемным сотрудником. При этом глава получает определенные полномочия и имеет право свободно в рамках закона нанимать сотрудников, при этом отчитываться перед советом он не обязан. Такая модель называется «совет управляющий».

Также существует смешанная модель, которая включает две модели управления с учетом избрания главы населением и отдельно избрания совета, при этом глава МО назначает главу местной администрации, но совет имеет право согласовывать кандидатуру, а глава МО отчитывается о своей работе. В то же время назначенный глава местной администрации имеет право нанимать сотрудников для работы самостоятельно.

«Согласно законодательству, местной администрацией руководит глава местной администрации на принципах единоначалия. На организационную схему построения местной администрации оказывает влияние численность населения муниципального образования, размер территории муниципального образования, социально-экономическое развитие муниципального образования и т. п.»⁵.

Остановимся подробнее на функциях и полномочиях руководителей представительной и исполнительной ветвей власти на местном уровне. Глава муниципального образования и глава местной администрации обладают различными полномочиями, что обусловлено их принадлежностью к разным ветвям власти. Такое разделение закреплено в № 33-ФЗ.

Функции задают стратегическое направление деятельности, тогда как полномочия представляют собой совокупность прав и обязанностей, необходимых для реализации этих функций.

Представительская функция присуща исключительно главе муниципального образования, который выступает официальным лицом во взаимоотношениях с органами государственной власти, иными муниципальными образованиями и населением.

Нормотворческая функция реализуется обоими руководителями. «Представительскими органами разрабатываются проекты нормативных актов (решений), предварительно рассматриваются и обсужда-

⁴ Матюшенко П. Ю. Правовой статус главы муниципального образования // Вопросы права. 2025. № 1. С. 32–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-2> (дата обращения: 26.05.2025). DOI: 10.24412/2949-0871-2025-1-32-37

⁵ Хазиева Э. М., Бадретдинов И. Р. Порядок формирования местной администрации // StudNet. 2021. Т. 4, № 10. EDN: WOZBBJ

ются на заседаниях комиссий и комитетов, затем принимаются на заседаниях. Однако следует отметить, что в 90 % случаев инициатива разработки и вынесения проекта решения на рассмотрение представительного органа принадлежит исполнительно-распорядительному органу»⁶.

«В формировании местной администрации участвуют два субъекта: представительный орган муниципального образования и глава местной администрации. Представительный орган утверждает структуру местной администрации, а также, в случае определения в уставе муниципального образования именно данного порядка, назначает на должность главу местной администрации из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. Глава местной администрации непосредственно назначает на должность иных должностных лиц в структуре данного органа местного самоуправления. Это позволяет сделать вывод о том, что способ формирования местной администрации является смешанным, так как сочетает в себе как назначение путем избрания, так и назначение в распорядительном порядке»⁷.

В ведении местной администрации находятся распоряжение бюджетом муниципального образования и его формирование, но согласование бюджета проходит с участием депутатов муниципального совета, а также процесс принятия бюджета на будущий год и плановый последующий проходят процедуру публичных слушаний с обязательным участием населения округа. Немаловажным является реализация муниципальных мероприятий, которые строго коррелируются с муниципальными программами и их целями, а также учитывают повестку федерального и регионального уровня.

В рамках данных функций исключительными компетенциями представительного органа являются:

1. Принятие устава муниципального образования и внесение в него изменений и дополнений.
2. Утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении.
3. Установление, изменение и отмена местных налогов и сборов в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах.
4. Принятие планов и программ развития муниципального образования, утверждение отчетов об их исполнении.
5. Право требования созыва внеочередного заседания представительного органа муниципального образования⁸.

Главы местной администрации имеют следующие полномочия:

1. Подотчетность представительному органу, так как априори назначение происходит с участием совета и главы МО.
2. Подготовка ежегодного отчета о своей деятельности.
3. Обеспечение полномочий местной администрации по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, предписанных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации.

«Исходя из вышеизложенного следует, что нельзя не избрать главу самоуправления и не назначить руководителя местной администрации. Они являются обязательными элементами системы местного самоуправления»⁹.

На территории Российской Федерации местное самоуправление реализуется в различных формах территориальной организации, каждая из которых предполагает специфические модели управления и взаимодействия органов власти (рассмотрены ранее). Типы муниципальных образований представлены на рисунке 1.

⁶ Малыгина С. В. Взаимодействие представительных и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления // Приволжский научный вестник. 2016. № 5 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-predstavitelnyh-i-ispolnitelno-rasporyaditelnyh-organov-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 23.05.2025). EDN: TUZTSW

⁷ Полотебнов А. А. Проблемные аспекты определения полномочий местной администрации в РФ // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 6 (75). С. 702–706. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-opredeleniya-polnomochiy-mestnoy-administratsii-v-rf> (дата обращения: 26.05.2025). EDN: AKHMD

⁸ См.: Система муниципального управления: учебник для вузов, 3-е изд. / под ред. В. Б. Зотова. СПб.: Питер, 2007. 560 с.

⁹ Демидов М. В., Степанова В. Л. Глава муниципального образования и глава местной администрации: статус, полномочия и взаимоотношения // Вестник РУК. 2015. № 2 (20). С. 67–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glava-munitsipalnogo-obrazovaniya-i-glava-mestnoy-administratsii-status-polnomochiya-i-vzaimootnosheniya> (дата обращения: 23.05.2025). EDN: UHUAGB

Рис. 1. Типы муниципальных образований на территории Российской Федерации (источник: составлено автором)

Из представленной типологии при изучении вопроса взаимодействия главы представительного и главы исполнительного органа на местном уровне рассмотрим внутригородские территории. Санкт-Петербург обладает уникальностью в рамках территориального деления, а также как город федерального значения образует систему внутригородских территорий. В Санкт-Петербурге имеется 111 муниципальных образований.

Взаимодействие представительных и исполнительных органов местного самоуправления — одна из наиболее обсуждаемых проблем. На законодательном уровне механизм такого взаимодействия не закреплен, равно как и полномочия главы муниципального образования в отношении исполнительной власти. Между тем от слаженности этих двух структур напрямую зависит эффективность работы муниципалитета и качество принимаемых решений. Согласно одной из позиций, оптимальная модель взаимодействия достигается путем совмещения одним лицом должностей главы муниципального образования и главы местной администрации (при условии, что данное лицо не является председателем совета). В этом случае решение вопросов местного значения сосредоточено в руках одного руководителя, что исключает конфликт позиций, способный заблокировать принятие решений или существенно замедлить этот процесс. Учитывая, что компетенция обеих ветвей власти во многом пересекается в силу единства территории и сфер ведения, любое разногласие способно не только затянуть, но и сделать невозможным решение социально значимых вопросов. Принимаемые решения направлены прежде всего на повышение качества жизни населения; их отсутствие или затягивание подрывает репутацию муниципального образования и создает предпосылки для вмешательства вышестоящих органов.

Существует и иная точка зрения, согласно которой унификация всех муниципальных образований и внедрение единой модели, предполагающей совмещение должностей главы муниципального образования и главы местной администрации, невозможны и нецелесообразны. В сложившихся условиях глава муниципального образования зачастую обладает меньшим объемом полномочий в вопросах, непосредственно влияющих на качество жизни граждан (разработка муниципальных программ, планов мероприятий, формирование и исполнение бюджета, благоустройство и др.), нежели глава местной администрации. При этом оба руководителя несут установленную законом ответственность перед населением и государством за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Фактически на уровне одного муниципалитета функционируют два должностных лица, каждое из которых реализует полномочия в установленной сфере ведения, участвует в развитии территории и решении вопросов местного значения, зачастую работая над одними и теми же задачами, но с разных управленческих позиций.

Кроме того, в рамках существующих моделей управления глава местной администрации не подотчетен и не подконтролен главе муниципального образования. Его деятельность подотчетна представительному органу — муниципальному совету. В свою очередь, глава муниципального образования также подотчетен совету и населению. Таким образом, лицо, официально представляющее муниципальное образование во взаимоотношениях с иными органами власти и населением, не обладает достаточным

объемом полномочий и не имеет рычагов воздействия на местную администрацию. Данное обстоятельство представляет собой одну из наиболее острых проблем в условиях динамичного развития института местного самоуправления.

На уровне субъекта Российской Федерации, Санкт-Петербурга, практика взаимодействия представительного органа муниципального образования, то есть муниципального совета, и исполнительно-распорядительного органа, то есть местной администрации, построена на принципе полного разделения полномочий, и лишь в двух муниципальных образованиях города глава муниципального образования совмещает свои полномочия с полномочиями главы местной администрации. Такая модель работы приводит к тому, что муниципальный совет в лице депутатов муниципального образования выполняет лишь функции по принятию нормативных актов и утверждению обязательного перечня документов муниципального образования, а местная администрация полностью забирает на себя решение вопросов местного значения.

В законе Санкт-Петербурга от 23.09.2009 № 420-79 перечислены элементы местного самоуправления, такие как: «муниципальный совет муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация муниципального образования, контрольно-счетный орган муниципального образования, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения»¹⁰. Указываются предметы ведения муниципального совета и местной администрации, а также полномочия главы муниципального образования и главы местной администрации. При этом вопросы взаимодействия представительного и исполнительного элементов местного самоуправления на уровне регионального законодательства в настоящее время не урегулированы.

Для решения данного вопроса нужен определенный разработанный и закреплённый механизм, а именно внесение отдельного пункта в закон Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления» под названием «Взаимодействие представительного и исполнительно-распорядительного органов местного самоуправления». В соответствии с логикой построения регионального законодательства, после внесения указанного изменения в закон субъекта Федерации соответствующая норма подлежит включению в модельный устав муниципального образования, разрабатываемый Главным управлением Минюста России по Санкт-Петербургу. В дальнейшем данное положение закрепляется в уставах всех 111 внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга.

Закрепление соответствующего механизма в региональном законодательстве способно обеспечить ощутимый практический результат, поскольку выстраивает четкую вертикаль координации на местном уровне. Глава муниципального образования как высшее должностное лицо несет ответственность за состояние дел в муниципалитете в целом. При этом в системе местной власти функционирует глава местной администрации, отвечающий за исполнение бюджета, в структуру которого заложены муниципальные программы, охватывающие ключевые сферы жизнедеятельности населения. В то же время именно муниципальный совет (в лице его председателя или главы муниципального образования) рассматривает и утверждает данный бюджет.

В рамках предлагаемого подхода глава муниципального образования — как официальный представитель органа местного самоуправления — получит как минимум возможность осуществлять контрольные функции, а как максимум — право отчитываться перед органами прокуратуры и иными внешними инстанциями в ходе проверочных мероприятий.

Выводы

В условиях динамичного развития института местного самоуправления особую остроту приобретает проблема эффективного функционирования органов муниципальной власти как *de jure*, так и *de facto*. В процессе реализации полномочий двух ветвей власти на местном уровне отчетливо прослеживается

¹⁰ Закон Санкт-Петербурга от 23.09.2009 № 420-79 «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=x07q8+zl7flg7vLu4fDg5uDI8vH/I03lIOlg7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&backlink=1&nd=131037210&page=1&rdk=0&ysclid=mcaixqd61l683623195#I0 (дата обращения: 23.05.2025).

пересечение сфер ведения, что порождает существенные затруднения. Разрешение данного противоречия является необходимым условием для выстраивания конструктивного взаимодействия между органами муниципального образования и обеспечения устойчивого развития местного самоуправления на конкретной территории.

При этом глава муниципального образования, выполняющий преимущественно представительские функции и выступающий официальным лицом во внешних коммуникациях, фактически лишен рычагов воздействия на деятельность местной администрации и возможности корректировать принимаемые ею решения.

Автор полагает, что упорядочения требует не только система взаимодействия между органами внутри муниципального образования, но и механизм контроля деятельности местной администрации и реализации ее полномочий. Принципиально важным представляется положение Федерального закона № 131-ФЗ, согласно которому глава местной администрации подконтролен представительному органу муниципального образования. Однако практика Санкт-Петербурга как города федерального значения демонстрирует, что в реальности между указанными структурами сложилась лишь формальная модель взаимодействия. Подотчетность фактически сводится к ежегодному отчету главы местной администрации перед муниципальным советом и населением, не подкрепленному действенными контрольными механизмами. Подобная модель взаимодействия неизбежно ведет к фактическому ограничению полномочий депутатского корпуса. Жители муниципального образования, реализуя свое конституционное право, вправе обратиться к депутату, избранному по соответствующему округу. В свою очередь, депутат должен обладать возможностью не только аккумулировать наказания и жалобы населения, но и контролировать процесс их исполнения.

«Важно повысить роль и значение представительных органов, развивать принципы коллегиальности и контрольные механизмы с участием граждан»¹¹. В этой связи обоснованным представляется введение на всех уровнях публичной власти обязанности по созданию единой электронной системы приема и учета обращений граждан. На региональном уровне подобные решения уже находят применение: портал «Наш Санкт-Петербург» демонстрирует функциональность и позволяет оперативно реагировать на возникающие проблемы. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время администрирование указанного портала закреплено за местной администрацией, что сводит участие депутатов преимущественно к техническому сопровождению поступивших запросов.

Внедрение унифицированной системы электронных обращений, интегрированной в деятельность депутатов муниципальных образований, позволит обеспечить оперативное и качественное решение вопросов, обозначенных жителями, при непосредственном участии местной администрации как исполнительно-распорядительного органа. Тем самым будет сформирован не просто канал взаимодействия между муниципальным советом и администрацией, но и действенный механизм контроля реализации вопросов местного значения.

Список источников

1. Демидов М. В. Глава муниципального образования и глава местной администрации: статус, полномочия и взаимоотношения / М. В. Демидов, В. Л. Степанова // Вестник РУК. 2015. № 2 (20). С. 67–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glava-munitsipalnogo-obrazovaniya-i-glava-mestnoy-administratsii-status-polnomochiya-i-vzaimootnosheniya>. EDN: UHUAGB
2. Иванова Д. А. Статус главы муниципального образования // Вестник науки. 2020. № 6 (27). С. 156–159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya>. EDN: DSADMT
3. Игнатов В. Г. Государственное и муниципальное управление: Введение в специальность. Основы теории и организации: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Март; Ростов н/Д, 2007. 480 с. EDN: QXLANH

¹¹ Игнатов В. Г. Государственное и муниципальное управление: Введение в специальность. Основы теории и организации: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Март; Ростов н/Д, 2007. 480 с. EDN: QXLANH

4. Малыгина С. В. Взаимодействие представительных и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления // Приволжский научный вестник. 2016. № 5 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-predstavitelnyh-i-ispolnitelno-rasporyaditelnyh-organov-mestnogo-samoupravleniya>. EDN: TUZTSW
5. Матюшенко П. Ю. Правовой статус главы муниципального образования // Вопросы права. 2025. № 1. С. 32–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-2>. DOI: 10.24412/2949-0871-2025-1-32-37
6. Парахина В. Н. Муниципальное управление: учеб. пособие / В. Н. Парахина, Е. В. Галлеев, Н. Н. Ганшина. М.: КНОРУС, 2007. 496 с. EDN: QRUNKJ
7. Полотебнов А. А. Проблемные аспекты определения полномочий местной администрации в РФ // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 6 (75). С. 702–706. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-opredeleniya-polnomochiy-mestnoy-administratsii-v-rf>. EDN: AKHMJD
8. Система муниципального управления: учебник для вузов, 3-е изд. / под ред. В. Б. Зотова. СПб.: Питер, 2007. 560 с.
9. Хазиева Э. М. Порядок формирования местной администрации / Э. М. Хазиева, И. Р. Бадретдинов // StudNet. 2021. Т. 4, № 10. EDN: WOZBBJ

Об авторе:

Мануков Александр Самвелович, аспирант, кафедра конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: manukov-a@mail.ru

References

1. Demidov, M. V., Stepanova, V. L. (2015) Head of the municipality and heads of local administrations: status, powers and relationships. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*, no. 2 (20), pp. 67–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glava-munitsipalnogo-obrazovaniya-i-glava-mestnoy-administratsii-status-polnomochiya-i-vzaimootnosheniya>. (In Russ.)
2. Ivanova D. A. (2020) Status of the head of a municipal formation. *Science Bulletin*, vol. 4, no. 6 (27), pp. 156–159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya>. (In Russ.)
3. Ignatov, V. G. (2007) State and municipal administration: Introduction to the specialty. Fundamentals of theory and organization: textbook. *Mart*. 480 p. (In Russ.)
4. Malygina, S. V. (2016) Interaction representative and executive-administrative bodies local government. *Privolzhskij Nauchnyj Vestnik*, no. 5 (57), pp. 137–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-predstavitelnyh-i-ispolnitelno-rasporyaditelnyh-organov-mestnogo-samoupravleniya>. (In Russ.)
5. Matyushenko, P. Yu. (2025) Legal status of the head of a municipal formation. *Questions of Law*, no. 1, pp. 32–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-glavy-munitsipalnogo-obrazovaniya-2>. DOI: 10.24412/2949-0871-2025-1-32-37. (In Russ.)
6. Parakhina, V. N., Galleev, E. V., Ganshina, N. N. (2007) Municipal administration. *KNORUS*. 496 p. (In Russ.)
7. Polotebnov, A. A., Dzhoraeva, S. V. (2024) Problem aspects of determining the powers of local administration in the Russian Federation. *Science Bulletin*, vol. 1, no. 6 (75), pp. 702–706. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-opredeleniya-polnomochiy-mestnoy-administratsii-v-rf>. (In Russ.)
8. Zotova, V. B. (ed.) (2007) Municipal management system. *Peter*. 560 p. (In Russ.)
9. Khazieva, E. M., Badretdinov, I. R. (2021) The order of formation of the local administration. *StudNet*, vol. 4, no. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-formirovaniya-mestnoy-administratsii>. (In Russ.)

About the author:

Alexander S. Manukov, postgraduate student, Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: manukov-a@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Правопреемственность государственных наград Тувинской Народной Республики после вхождения ее в состав СССР

Елаев А. А.^{1, 2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Западный филиал, Калининград, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления, Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: elaev@yandex.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена рассмотрению вопроса преемственности правового режима наград Тувинской Народной Республики в условиях вхождения ТНР в состав СССР в 1944 г.

Методология и материалы: статья базируется на источниках и литературе СССР, ТНР и Тувинской АССР: нормативных актах, архивных документах, списках и личных делах лиц, награжденных государственными наградами, удостоверениях о награждении государственными наградами, научной литературе о государственных наградах СССР и ТНР. Для рассмотрения вопроса применены формально-догматический, сравнительно-правовой, системно-структурный и исторический методы исследования.

Результаты исследования: выявлены нормативные правовые акты и документы, позволяющие определить вопросы правопреемственности государственных наград ТНР в условиях вхождения ТНР в состав СССР, указания на государственные награды ТНР в нормативных правовых актах СССР и документах лиц, награжденных государственными наградами СССР; государственные награды ТНР соотнесены с государственными наградами СССР.

Выводы: по результатам изучения опровергнут ранее сделанный исследователями вывод о приравнивании государственных наград ТНР к отдельным государственным наградам СССР. Указанный тезис не подтверждается как правовыми актами СССР о преемственности государственных наград, так и другими нормативными правовыми актами СССР, а также документами, которые органы управления Тувинской автономной области РСФСР выдавали лицам, ранее награжденным государственными наградами ТНР.

Ключевые слова: государственные награды СССР, государственные награды ТНР, Тувинская Народная Республика.

Для цитирования: Елаев А. А. Правопреемственность государственных наград Тувинской Народной Республики после вхождения ее в состав СССР // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 117–125. EDN: ZAJZCA

Continuity of State Awards of the Republic of Tuva after its Incorporation into the USSR

Alexey A. Elaeв^{1, 2}

¹ Russian Presidential Academy of National and Public Administration, Western Branch, Kaliningrad, Russian Federation

² Russian Presidential Academy of National and Public Administration, Ural Institute of Management, Ekaterinburg, Russian Federation

E-mail: elaeв@yandex.ru

Abstract

Introduction: The article is devoted to the issue of the continuity of the legal regime of awards of the Tuvan People's Republic in the conditions of the TNR's entry into the USSR in 1944.

Methodology and materials: The article is based on the sources and literature of the USSR, the TNR and the Tuvan ASSR: normative acts, archival documents, lists and personal files of those awarded state awards, certificates of awarding state awards, scientific literature on state awards of the USSR and the Republic of Tuva, as well as persons awarded state awards of the Republic of Tuva. Formal-dogmatic, comparative-legal, systemic-structural and historical research methods are used to consider the issue.

The results of the study: The article outlines the normative legal acts and documents pertaining to state awards, enabling the identification of issues related to the succession of the Republic of Tuva's state awards to those of the USSR, particularly in the context of the Republic of Tuva's integration into the USSR. It also includes references to the Republic of Tuva's state awards within the USSR's normative legal acts and documents concerning individuals who received USSR state awards, and it establishes a correlation between TNR state awards and USSR state awards.

Conclusions: Results refute the conclusion previously made by the researchers about the equating of the Republic of Tuva state awards to separate USSR state awards was refuted. This thesis is not supported by both the legal acts of the USSR on the succession of state awards, as well as other normative legal acts of the USSR, as well as documents issued by the governing bodies of the Tuva Autonomous Region of the RSFSR to persons who had previously been awarded state awards of the Republic of Tuva.

Keywords: USSR state awards, TNR state awards, Tuvan People's Republic, USSR.

For citation: Elaeв, A. A. (2026) Continuity of State Awards of the Republic of Tuva after its Incorporation into the USSR. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 117–125. (In Russ.)

1. Введение

Законодательство о государственных наградах Тувинской Народной Республики¹, принятой в состав СССР на правах автономной области в составе РСФСР 11 октября 1944 г., состояло из небольшого количества правовых актов. Это обусловлено тем, что в систему государственных наград ТНР входили два ордена и одна медаль, а награждение не носило массового характера. Ввиду указанных обстоятельств в научной литературе, кроме литературы по вопросам фалеристики, этому аспекту законодательства ТНР

¹ Наименование Тувинской Народной Республики в разные периоды ее существования в литературе и правовых актах различно: Тувинская Аратская Республика (ТАР), Танну-Туvinская Аратская Республика и Туvinская Народная Республика. В правовых актах СССР, изданных после 1944 г., ТНР указана как «бывшая Туvinская Народная Республика». Автор использовал устоявшееся в литературе, нормативных правовых актах и использовавшееся в переводах актов ТНР на русский язык наименование Туvinская Народная Республика (ТНР).

не уделяется пристального внимания, особенно по вопросам определения правового режима указанных наград и правового статуса награжденных.

Формирование системы государственных наград СССР происходило, как правило, в условиях идеологического противостояния СССР и приграничных государств. Поэтому вхождение приграничных государств в результате тех или иных событий в состав СССР, как правило, не приводило к признанию за лицами, награжденными государственными наградами государств, которые в целом или в рамках отдельных территорий входили в состав СССР, правового статуса лиц, награжденных государственными наградами СССР.

Вопрос правопреемственности государственных наград Тувинской Народной Республики системе государственных наград СССР или системе государственных наград РСФСР до настоящего времени не поднимался в научной литературе. Актуальность темы статьи состоит в рассмотрении вопросов правопреемства правового режима государственных наград ТНР в законодательстве СССР. Для рассмотрения вопроса используются формально-догматический, сравнительно-правовой, системно-структурный и исторический методы исследования, позволяющие соотнести правовой режим государственных наград ТНР с государственными наградами СССР. Изучение преемственности правового режима наград ТНР актуально в условиях вхождения в состав Российской Федерации новых субъектов Российской Федерации, образованных из числа республик со сформировавшимися наградными системами независимых государств.

В литературе распространено мнение о том, что некоторые награды ТНР «приравнялись» к наградам СССР. В частности, в статье М. О. Дыртык-Оол указывается, что орден Труда Тувинской Народной Республики «был включен в комплекс советских наград с момента вхождения в состав СССР», «орден Труда ТНР приравнялся к ордену Трудового Красного Знамени»². Аналогичные указания содержатся также в популярной литературе, при этом не сопровождаются ссылками на нормативные правовые акты.

Вхождение ТНР в состав СССР отличалось от вхождения других государств в состав СССР в период после принятия Конституции СССР 1936 года тем, что ТНР была государством, дружественным к СССР, при этом вошла в состав СССР не на правах союзной республики, а на правах автономной области в составе РСФСР, то есть до последующего образования Тувинской АССР не имея собственной конституции, законодательства и наградной системы.

2. Методы и материалы

Для рассмотрения вопроса применены формально-догматический, сравнительно-правовой, системно-структурный и исторический методы исследования. Формально-догматический метод использован для анализа нормативных-правовых актов СССР, РСФСР, Тувинской АССР, Тувинской Народной Республики. Системно-структурный метод позволил провести анализ правовых норм о государственных наградах ТНР в системе правовых норм СССР, а также определить место государственных наград ТНР в системе государственных наград СССР. Исторический метод исследования позволил проследить постепенную эволюцию наградной системы, проследить изменение целей и задач награждений и правового статуса награжденных в разные периоды.

Изучение личных документов государственных архивов лиц, награжденных государственными наградами ТНР, позволяет выявить, что награжденные указывали в биографических анкетах факты награждения орденами ТНР, приводя их в сведениях о наградах. Таким образом, сами награжденные также воспринимали себя награжденными наградами ТНР в качестве государственных наград СССР³.

² Дыртык-Оол М. О. Значение Ордена Труда Тувинской Народной Республики в истории Тувы (по материалам Национального музея Республики Тыва) // Ермолаевские чтения: Материалы III научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Кызыл, 23–25 мая 2019 года. Кызыл: Кызылский центр образования «Аныяк», 2019. С. 216.

³ См. напр.: Личный фонд Оолак Оюн Коваевича. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1 / Национальный архив Республики Тыва. URL: https://fond.gosarhivrt.ru/doc_179 (дата обращения: 10.03.2025).

Для решения вопроса о преемственности правового режима наград ТНР в наградной системе СССР необходимо обратиться к нормативным правовым актам СССР о государственных наградах СССР, о правовом статусе лиц, награжденных государственными наградами ТНР, а также к документам лиц, награжденных государственными наградами ТНР, выданных органами государственного управления на территории СССР.

Несмотря на то что в настоящее время государственные награды ТНР исполнили свою историческую функцию, вопрос учета символической роли государственных наград ТНР в системе государственных наград Российской Федерации или Республики Тува остается актуальным, если оценивать его с позиции соотношения заслуг лиц, ранее награжденных указанными государственными наградами, с заслугами лиц, награжденных иными государственными наградами. Ввиду этого будет исследовано также современное законодательство Российской Федерации и Республики Тыва о государственных наградах.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Законодательство о государственных наградах Тувинской Народной Республики

В ТНР изначально отсутствовал единый нормативный правовой акт о государственных наградах ТНР. Существовало как Положение об орденах ТНР в редакции 1932 года, так и отдельные нормативные правовые акты об учреждении орденов и медалей ТНР — ордена Республики, ордена Труда⁴ и учрежденной в 1944 г. медали «За боевое отличие». 20 января 1943 года Президиумом Малого Хурала ТНР было принято Положение об орденах ТНР, установившее правовой режим двух орденов ТНР — ордена Республики и ордена Труда и действовавшее на момент вхождения ТНР в состав СССР.

Можно отметить следующие элементы правового режима орденов ТНР: 1) субъектный состав награждаемых: граждане, войсковые соединения и воинские части Народно-Революционной Армии ТНР, предприятия, учреждения, организации; 2) орган государственной власти, принимающий решение о награждении: Президиум Малого Хурала ТНР; 3) порядок вручения: орден и орденская книжка установленного образца; 4) порядок ношения: гражданами — на левой стороне груди, воинские части, учреждения и организации прикрепляют ордена к своим знаменам; 5) порядок лишения награды — Президиумом Малого Хурала ТНР на основании судебного приговора или совершения награждаемым порочащих поступков; 6) льготы награждаемым — денежные выплаты: выплата 20 акша (орден Республики) или 15 акша (орден Труда) в месяц, натуральные льготы (включая льготы по оплате проезда и платы за жилое помещение), налоговые льготы, преимущества при исчислении стажа при выходе на пенсию; 7) обязанности награжденных — служить примером исполнения всех обязанностей, возлагаемых законом на граждан ТНР.

Известно о 195 награждениях орденом Республики (включая 2 воинские части и 4 организации), а также о 200 лицах, награжденных орденом Труда ТНР⁵. Награждение производилось в разное время Указами Президиума Народного Хурала ТНР. Информации о лишении награды не имеется. Воинскими частями, награжденными орденом Республики, являлись Передовой полк Тувинской народно-революционной армии (ТНРА) и 1-й кавалерийский эскадрон (после вхождения ТНР в состав СССР — Отдельный 7-й кавалерийский полк Краснознаменного Сибирского военного округа).

Единственной медалью, входившей в систему государственных наград ТНР, была медаль «За боевое отличие». Медаль и положение о ней были учреждены Указом Президиума Малого Хурала ТНР «Об учреждении медали „За боевое отличие“» от 23.06.1944. Были установлены следующие элементы правового режима этой медали: 1) субъектный состав награждаемых — военнослужащие ТНРА, сотрудники Министерства внутренних дел, а также лица, оказавшие содействие в укреплении обороны страны; 2) орган государственной власти, принимающий решение о награждении, — Президиум Малого Хурала

⁴ В литературе и нормативных правовых актах наблюдается различное написание наименования орденов ТНР — в кавычках («Орден Республики») и без кавычек (орден Республики). В тексте статьи нами было использовано более привычное написание без кавычек.

⁵ Куценко А. Н., Смирнов Ю. Д. Ордена Советских республик. Донецк: Лебедь, 1996. С. 359–390.

ТНР; 3) порядок ношения — на левой стороне груди; обязательность ношения на парадах, революционных праздниках и торжественных заседаниях; 4) порядок лишения награды — Президиумом Малого Хурала ТНР; 5) льготы награждаемым — выплата 5 акаша в месяц.

Указанная медаль является более редкой по числу награжденных, чем ордена ТНР, что вызвано поздним учреждением медали — за несколько месяцев до вхождения ТНР в состав СССР. Известно о 90 лицах, награжденных этой медалью. Награждения производились двумя указами Президиума Малого Хурала ТНР — от 23.06.1944 (военнослужащие 4-го эскадрона 31-го гвардейского кавалерийского Кубано-Черноморского полка 8-й гвардейской кавалерийской дивизии им. Морозова) и от 26.09.1944 (сотрудники милиции, госохраны и погранохраны)⁶.

Таким образом, на момент вхождения ТНР в состав СССР имелось более 300 лиц, награжденных государственными наградами ТНР, которым осуществлялись денежные выплаты и (в случае награждения орденами) предоставлялись натуральные льготы и преимущества.

3.2. Постановление Президиума Верховного Совета СССР 1945 года о наградах бывшей Тувинской Народной Республики и иные правовые акты о правовом режиме государственных наград СССР

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.10.1944 о принятии Тувинской Народной Республики в состав СССР⁷ не содержал каких-либо положений о преемственности правового статуса граждан ТНР, в том числе награжденных государственными наградами ТНР. Какого-либо договора или соглашения о вхождении ТНР в состав СССР также не заключалось.

16 августа 1945 года было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР «Ходатайство областных организаций Тувинской автономной области об обмене орденов бывш. Тувинской Народной Республики — „Ордена Республики“, „Ордена Труда“ и медали „За боевое отличие“ на ордена и медаль СССР».

Статья 49 Конституции СССР 1936 года не предусматривала такую форму нормативного правового акта Президиума Верховного Совета СССР как постановление, пункт «б» статьи 49 определял, что Президиум Верховного Совета СССР издает указы. Известно о 10 постановлениях Президиума Верховного Совета СССР, изданных в 1936–1977 гг., из которых опубликовано три. Названное постановление Президиума Верховного Совета СССР от 16.08.1945 официально опубликовано не было, до настоящего времени нет информации и о его неофициальных публикациях, что позволяет сделать вывод о неизвестности его исследователям, ранее сделавшим вывод о правопреемстве наград ТНР отдельным наградам СССР. При этом иное Постановление Президиума Верховного Совета СССР по вопросам законодательства о государственных наградах СССР — Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1945 года «О распространении льгот, установленных ст. 10–16 „Общего Положения об орденах СССР“, на награжденных орденом Богдана Хмельницкого I, II и III степеней» (протокол № 22, п. 15, заседания Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 29 сентября 1945 г.) было опубликовано в 1946 году⁸.

Текст Постановления от 16.08.1945 ранее был известен по извлечениям из него, приведенным в удостоверениях о награждении орденом ТНР или удостоверении к медали «За боевое отличие», выдававшимся награжденным в 1946 г. властями Тувинской автономной области РСФСР. Также реквизиты указанного Постановления («протокол № 22, п. 84, заседания Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 29 сентября 1945 г.») известны из Указа Президиума ВС СССР от 16.12.1947 «О внесении изменений в законодательство СССР в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года „О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями

⁶ Дуров В., Фатьянов Ю. Медаль «За боевое отличие» Тувинской Народной Республики // Цейхгауз. 2000. № 3 (12). С. 37.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 октября 1944 года «О принятии Тувинской Народной Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к.ю.н. Мандельштам Ю. И. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 46.

⁸ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР за 1945–1946 гг. М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1947. 188 с.

СССР»⁹, в соответствии с которым отменялись ежемесячные выплаты лицам, награжденным государственными наградами. В приложении¹⁰ к настоящей статье мы впервые публикуем полный текст указанного Постановления: сейчас оно хранится в Государственном архиве Российской Федерации.

Исходя из текста Постановления от 16.08.1945, можно предположить, что Президиум Верховного Совета СССР не принял решения о том, что ордена и медаль ТНР становятся частью системы государственных наград СССР. Были установлены следующие элементы правового режима государственных наград ТНР в СССР: 1) распространение на лиц, награжденных орденами бывшей Тувинской Народной Республики, прав и преимуществ, присвоенных награжденным орденами СССР (кроме железнодорожных билетов); 2) установление денежных выплат для награжденных орденами: орденом Республики — в размере 15 рублей в месяц, орденом Труда — в размере 10 рублей в месяц. Также Постановлением было установлено: «Учитывая историческое значение орденов бывшей Тувинской Народной Республики — „Ордена Республики“, „Ордена Труда“ и медали „За боевое отличие“, обмена их на ордена и медаль СССР не производить».

Изучение документов (удостоверений), выданных лицам, награжденным орденами и медалью ТНР, показывает следующее сходство с документами, которые вручались лицам, награжденным орденами и медалями СССР: 1) цвета оформления, материалы и шрифты изготовления; 2) указание в удостоверениях к орденам ТНР на то, что награжденный ими имеет право на получение орденских денежных выдач и на другие льготы и преимущества в соответствии с Общим положением об орденах Союза ССР.

Изучение документов (удостоверений), выданных лицам, награжденным орденами и медалью ТНР, показывает следующее различие с документами, которые вручались лицам, награжденным орденами и медалью СССР: 1) указанные документы не имеют символики СССР, на обложке размещен Государственный герб РСФСР и наименование государства «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика», а не «Союз Советских Социалистических Республик», использовавшегося в документах к государственным наградам СССР; 2) оформление бланков документов на русском и тувинском языках; 3) наименование документов к орденам ТНР не «орденская книжка», как было предусмотрено положением об орденах СССР и использовалось в наградных документах ТНР, а «орденское удостоверение»; 4) размещение на документе не факсимиле подписи секретаря Президиума Верховного Совета СССР и печати Президиума Верховного Совета СССР, а факсимиле подписи Председателя Исполкома Областного Совета депутатов трудящихся Тувинской автономной области и мастичной печати Тувинского облисполкома.

Необходимо провести сопоставление денежных выплат для награжденных орденами СССР с выплатами, предусмотренными для награжденных орденами ТНР, в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16.08.1945. Выплата в размере 15 рублей в соответствии с п. 9 Общего положения об орденах Союза ССР¹¹ предоставлялась к орденам Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, выплата в размере 10 рублей — к ордену «Знак Почета», а также некоторым из медалей СССР. Таким образом, правовой статус лиц, награжденных орденами ТНР, с точки зрения денежных выплат был приравнен к правовому статусу лиц, награжденных орденом Красной Звезды (в отношении ордена Республики) или орденом «Знак Почета» (в отношении ордена Труда).

В отношении льгот и преимуществ лиц, награжденных орденами ТНР, указанный статус был равен (за исключением льгот по железнодорожному проезду) статусу лиц, награжденных орденами СССР. В отношении лиц, награжденных медалью ТНР, элементы правового статуса не устанавливались.

Стоит отметить, что обменный курс тувинского акша к рублю СССР при установлении на территории Тувинской автономной области РСФСР советского денежного обращения с 1 января 1945 года составил 3 рубля 50 копеек за 1 акша¹². Таким образом, ежемесячные выплаты награжденным лицам должны

⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 45.

¹⁰ <https://www.tajournal.ru/jour/manager/files/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf>

¹¹ Общее положение об орденах Союза ССР: Утверждено Постановлением Центрального исполнительного комитета СССР и Совета народных комиссаров СССР от 7 мая 1936 г. № 56/812 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 24, ст. 2206.

¹² Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш. Создание национальной денежной системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 218. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/876>. DOI: 10.25178/nit.2019.3.17

были бы составить: награжденным орденом Республики — 75 руб., награжденным орденом Труда — 52 руб. 50 коп., награжденным медалью «За боевое отличие» — 17 руб. 50 коп. в месяц. Это превышало выплаты лицам, награжденным орденами и медалями СССР, осуществлявшиеся в указанный период в соответствии с законодательством о государственных наградах СССР и значительно превышало выплаты лицам, награжденным государственными наградами ТНР, в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16.08.1945.

3.3. Иные вопросы, относящиеся к правовому режиму государственных наград Туvinской Народной Республики

Законодательство СССР не установило иных элементов правового режима государственных наград ТНР: порядка их ношения, размещения в наименованиях организаций, выдачи дубликатов государственных наград и лишения. Правила ношения формы одежды военнослужащими Вооруженных Сил СССР и иных органов и формирований, в которых устанавливалась форма одежды, не содержат права лиц, награжденных государственными наградами ТНР, на их ношение на форменной одежде, порядка ношения указанных наград на форменной одежде, размещения на боевых знаменах воинских частей, установления и ношения орденских планок.

В 1944 г. награжденный орденом Республики 1-й Кавалерийский эскадрон был преобразован в Отдельный 7-й кавалерийский полк, после вхождения в состав СССР ставший воинской частью Краснознаменного Сибирского военного округа. Поэтому, чтобы проанализировать практику использования ордена Республики в официальном наименовании полка при вручении ему Боевого Знамени СССР, требуется изучить Боевое Знамя указанного полка, а также Грамоту Президиума Верховного Совета СССР к этому знамени.

3.4. Законодательство о государственных наградах Туvinской АССР и Республики Тыва

После преобразования в 1961 году Туvinской автономной области в Туvinскую Автономную Советскую Социалистическую Республику органы государственной власти Туvinской АССР утвердили нормативные правовые акты о наградах Туvinской АССР, к которым были отнесены Почетная грамота Президиума Верховного Совета Туvinской АССР и почетные звания Туvinской АССР¹³. Никакого упоминания о государственных наградах ТНР и правовом статусе лиц, награжденных государственными наградами ТНР, законодательство Туvinской АССР не содержало.

Действующий Закон Республики Тыва от 2 августа 2021 года № 743-ЗРТ «О государственных наградах Республики Тыва» не указывает награды ТНР ни в качестве государственных наград Республики Тыва, ни в качестве наград, награжденные которыми имеют статус, равный со статусом лиц, награжденных государственными наградами Республики Тыва. Вместе с тем указанный закон в качестве высшей награды Республики Тыва определяет орден Республики, не соотнося правовой режим этого ордена с орденом Республики Туvinской Народной Республики.

4. Выводы

На основании вышеизложенного и проведенного анализа законодательства о государственных наградах ТНР, законодательства СССР о государственных наградах ТНР и законодательства Туvinской АССР и Республики Тыва о государственных наградах ТНР можно сделать следующие выводы о преемственности правового режима государственных наград ТНР в наградной системе СССР:

¹³ Сборник законов Туvinской АССР, указов Президиума Верховного Совета Туvinской АССР и постановлений Совета Министров Туvinской АССР: сборник / [сост.: К. Б. Юмбуу]. Кызыл: издание Президиума Верховного Совета Туvinской АССР, 1974. 259 с.

1) Государственные награды Тувинской Народной Республики не были приравнены или иным образом сопоставлены с государственными наградами СССР, не имели и не имеют юридического или символического преемства в системе государственных наград Тувинской АССР или Республики Тыва.

2) Преемство правового режима государственных наград ТНР в системе государственных наград СССР было выражено в следующих элементах правового статуса лиц, награжденных государственными наградами: установление в 1945–1947 годах ежемесячных выплат лицам, награжденных орденами Тувинской Народной Республики, в размере меньшем, чем они осуществлялись до 1944 года; распространение на лиц, награжденных государственными наградами ТНР, прав лиц, награжденных государственными наградами СССР (кроме прав на льготное пользование железнодорожным сообщением).

3) Об отсутствии официально объявленного преемства государственных наград ТНР государственным наградам СССР свидетельствует отсутствие официального опубликования нормативных правовых актов СССР о преемстве льгот лиц, награжденных государственными наградами Тувинской Народной Республики; принятие указанных актов в иной форме, чем для актов, учреждавших государственные награды СССР; выдача награжденным документов о награждении иного образца, с иной государственной символикой и содержащей подписи иных лиц, чем были установлены для государственных наград СССР; отсутствие упоминания о государственных наградах ТНР в правилах ношения формы одежды военнослужащих Вооруженных Сил СССР и иных лиц, для которых установлена форма одежды.

Список источников

1. Ахманаев П. В. Советская наградная система. М.: Фонд «Русские витязи», 2014. 560 с.
2. Дуров В. Медаль «За боевое отличие» Тувинской Народной Республики / В. Дуров, Ю. Фатьянов // Цейхгауз. 2000. № 3 (12). С. 35–37.
3. Дыртык-Оол М. О. Значение Ордена Труда Тувинской Народной Республики в истории Тувы (по материалам Национального музея Республики Тыва) // Ермолаевские чтения: Материалы III научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Кызыл, 23–25 мая 2019 года. Кызыл: Кызылский центр образования «Аныяк», 2019. С. 213–217. EDN: RXOIOC
4. Куценко А. Н. Ордена советских республик / А. Н. Куценко, Ю. Д. Смирнов // Донецк: Лебедь, 1996. 400 с.
5. Романовская О. В. Правовой режим наград в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 1 (25). С. 17–22. EDN: UKDXJO
6. Харунова М. М.-Б. Создание национальной денежной системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) [Электронный ресурс] / М. М.-Б. Харунова, Р. Ш. Харунов // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/876>. DOI: 10.25178/nit.2019.3.17

Об авторе:

Елаев Алексей Александрович, старший преподаватель Центра дополнительного образования, Западный филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Калининград, Российская Федерация); соискатель кафедры теории и истории государства и права, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-9031-3825; e-mail: elaev@yandex.ru

References

1. Akhmanayev, P. V. (2014) Soviet Award System. *Russkie vityazi fund*. 560 p. (In Russ.)
2. Durov, V., Fatyanov, Y. (2000). Medal for Combat Distinction of the Tuvan People's Republic. *Zeughaus*, no. 3 (12), pp. 35–37. (In Russ.)

3. Dyrytko-Ool, M. O. (2019) The Significance of the Labor Order of the Tuvan People's Republic (Based on Materials from the National Museum of the Tyva Republic). *Ermolaev Readings*, no. III, pp. 213–217. (In Russ.)
4. Kutsenko, A. N., Smirnov, Yu. D. (1996) Orders of Soviet Republics. *Lebed'*. (in Russ.)
5. Romanovskaya, O. V. (2019). Legal Regime of Awards in the Russian Federation. *Electronic Scientific Journal Science. Society. State*, vol. 7, Iss. 1. (In Russ.)
6. Kharunova, M. M.-B., Kharunov, R. Sh. (2019) The rise of the national monetary system of the People's Republic of Tuva (1921–1944). *The New Research of Tuva*, no. 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/876>. DOI: 10.25178/nit.2019.3.17

About the author:

Alexey A. Elaev, Senior Lecturer at the Department of the Center for Continuing Education, Western Branch, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (Kaliningrad, Russian Federation); applicant at the Department of Theory and History of State and Law, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (Yekaterinburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9031-3825; e-mail: elaev@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Персональные данные как вид конфиденциальной информации в условиях формирования электронного государства

Демкин В. О.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

E-mail: vodemkin@hse.ru

Аннотация

Введение: актуальность статьи обусловлена развитием систем электронного государства во многих странах мира. Электронное государство работает с большими объемами персональных данных, включая специальные их категории, биометрические. Цель исследования — проанализировать особенности обработки персональных данных в рамках государственных и муниципальных информационных систем, а также в разработке предложений по совершенствованию правового регулирования этой сферы, минимизации рисков информационной безопасности.

Методология и материалы: методологической основой исследования является системный анализ российского и международного законодательства, нормативно-правовых актов.

Результаты исследования и их обсуждение: основные результаты исследования свидетельствуют о том, что персональные данные обладают двойственной правовой природой, совмещая признаки конфиденциальной информации и тайны, условия обеспечения которой установлены не обладателем (владельцем, первоисточником) сведений, а законом императивно. Выявлена двойственная природа персональных данных: с одной стороны, они представляют собой конфиденциальную информацию, доступ к которой возможен с согласия ее владельца, а с другой — могут использоваться и без такого согласия, что делает их схожими с информацией, подпадающей под режим секретности. Установлено, что наибольшие риски для информационной безопасности и обработки данных в рамках электронного государства возникают на этапе создания и интеграции государственных и муниципальных информационных систем. Проанализированы правовые, организационные и технические меры по обеспечению информационной безопасности, подчеркнута важность их комплексного применения для снижения угроз.

Выводы: отмечено, что развитие цифрового государства требует формирования сбалансированной законодательной базы, которая бы одновременно обеспечивала защиту персональных данных и учитывала интересы государства, общества и граждан. Также сделан акцент на необходимости международной унификации норм обработки персональных данных, особенно в контексте Евразийского экономического союза, а также гармонизации соответствующих национальных законодательств.

Ключевые слова: электронное государство, персональные данные, информационная безопасность, конфиденциальная информация, обработка данных, информационные системы, право Евразийского экономического союза.

Для цитирования: Демкин В. О. Персональные данные как вид конфиденциальной информации в условиях формирования электронного государства // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 126–138. EDN: ZAOGYR

Personal Data as a Type of Confidential Information in the Context of Developing an Electronic State

Vladislav O. Demkin

National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Moscow, Russian Federation)

E-mail: vodemkin@hse.ru

Abstract

Introduction: The development of electronic state systems in many countries worldwide determines the relevance of the article. An electronic state processes large volumes of personal data, including special categories, biometric ones. The purpose of the study is to analyze the peculiarities of personal data processing within state and municipal information systems and to develop proposals for improving legal regulation in this area while minimizing information security risks.

Materials and methods: The methodological basis of the study includes a systematic analysis of Russian and international legislation, as well as normative legal acts. The main results indicate that personal data have a dual legal nature, combining features of confidential information and professional secrecy. The study is based on materials from Russian and foreign legislation, as well as legal literature.

The results of the study and their discussion: The dual nature of personal data has been identified: on the one hand, it constitutes confidential information that can be accessed with the owner's consent, while on the other hand, it can be used without such consent, making it similar to information under secrecy regimes. It has been established that the greatest risks to information security and data processing within the framework of an electronic state arise during the creation and integration of state and municipal information systems. Legal, organizational, and technical measures to ensure information security have been analyzed, with an emphasis on the importance of their comprehensive application to mitigate threats.

Conclusions: It has been noted that the development of a digital state requires the formation of a balanced legislative framework that simultaneously ensures the protection of personal data and takes into account the interests of the state, society, and individuals. Additionally, the necessity of international unification of personal data processing rules, particularly within the context of the Eurasian Economic Union, as well as the harmonization of relevant national legislations, has been highlighted.

Keywords: electronic state, personal data, information security, confidential information, data processing, information systems, law of the Eurasian Economic Union.

For citation: Demkin, V. O. (2026) Personal Data as a type of Confidential Information in the Context of Developing an Electronic State. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 126–138. (In Russ.)

Введение

Сегодня активно развиваются институты электронного государства. Под ним можно понимать такой механизм организации институтов власти, при котором преимущественно в цифровой форме могут оказываться государственные и муниципальные услуги, так же как и исполняться обязанности физическими и юридическими лицами. Такая модернизация государственного управления требует создания реестров чувствительных данных, систем электронной идентификации субъектов права, инфраструктур межведомственного взаимодействия, способов обеспечения безопасности информации. При решении каждой из таких задач могут возникать правовые риски. Например, массовая обработка персональных

данных государственными органами лишь на основании закона, но без согласия субъекта нарушает баланс интересов в правоотношениях, особенно учитывая неоднозначное качество нормативных актов. Сбои в обработке данных вместе с ложной идентификацией личности могут привести к неблагоприятным и несправедливым правовым последствиям для человека, задачей которого станет доказать наличие ошибки в действиях органов власти. Эта проблема осложняется также вопросом «черного ящика», при котором никому, кроме владельца технологии, неизвестны причины и основания принятия определенного решения, если оно принималось автоматизированным образом¹.

Система электронного государства всё чаще используется для коммуникации между органами власти и физическими и юридическими лицами. Публичными органами обрабатывается множество чувствительных данных, принимаются автоматизированные решения (либо с минимальным участием человека). В исследованиях ключевыми факторами доверия к органам власти в таких условиях называются способность органов власти обеспечивать безопасность данных; прозрачность их обработки и контроль населения за этим; степень чувствительности обрабатываемых данных; в целом опыт взаимодействия с интернет-сервисами². Отмечается, что надлежащая и соответствующая ожиданиям субъектов защита персональных данных является ключевым фактором повышения доверия населения к электронному государству и имеет решающее значение для его эффективности³.

В статье рассмотрены отдельные аспекты признания персональных данных в качестве одного из видов конфиденциальной информации, а также их обработки в рамках формирования электронного государства.

Методология и материалы

Методологической основой исследования является системный анализ российского и международного законодательства, нормативно-правовых актов. В качестве главного метода исследования используется анализ российской и зарубежной литературы и нормативно-правовой практики, в том числе исследование терминов и их определений, категоризация явлений. Основное внимание в работе уделяется российской правовой системе.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Персональные данные как один из видов конфиденциальной информации

Конфиденциальность — правовой режим информации, который выражает ограниченность доступа к ней. Он является специальным и направлен на охрану сведений, свободное распространение которых нарушает права и законные интересы общества, государства, личности⁴. В этом режиме особое место занимает обладатель информации — субъект, который определяет режим доступа к ней и средства обеспечения ее конфиденциальности, перечень имеющих доступ к информации лиц. Принятые им решения обязательны для исполнения лицами, которым предоставляется такая информация.

Это утверждение относится в первую очередь к информации о ее обладателе, относящейся к нему. Однако некоторые виды тайн, которые включаются в область режима конфиденциальности, этому условию не соответствуют: сведения, составляющие профессиональную, служебную, государственную тайну,

¹ См.: Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд. М.: Статут, 2021. 468 с.; Pasquale F. (2015) *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Harvard University Press. 304 p.

² Beldad A., Jong M. de, Steehouder M. (2011) I trust not therefore it must be risky: Determinants of the perceived risks of disclosing personal data for e-government transactions. *Computers in Human Behavior*, vol. 27, no. 6, pp. 2233–2242. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.07.002>

³ Beldad A., Geest T. van der, Jong M. de, Steehouder M. A cue or two and I'll trust you: Determinants of trust in government organizations in terms of their processing and usage of citizens' personal information disclosed online // *Government Information Quarterly*, 2012. Vol. 29, no. 1, pp. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2011.05.003>

⁴ Тереженко Л. К. Правовой режим информации: дис. ... д-ра. юрид. наук. М.: ИЗИСП, 2011. 415 с.

охраняются на основании закона, а не решений ее обладателя. Законом же определяются пределы использования, раскрытия такой информации.

Персональные данные являются одним из видов конфиденциальной информации, относящихся к их (первоначальному) обладателю, то есть к личности. В российском праве они определяются как любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)⁵. Такое понимание принято и в правовых актах Европейского союза⁶.

Существует множество оснований для законной обработки персональных данных, в том числе их сбора. В частности, Федеральный закон «О персональных данных» упоминает в качестве таковых как исходящие от самого субъекта (его согласие или его участие в частно-правовых отношениях по заключению и исполнению договора), так и «навязываемые» ему извне (в частности, обработка по причине «необходимости» для достижения целей закона или международного договора, для обеспечения деятельности органов публичной власти, для достижения общественно значимых целей). При обработке персональных данных по основаниям, не связанным с волеизъявлением (непосредственным или подразумеваемым) субъекта, он утрачивает над ними контроль. Более того, он и не начинает обладать таковым: у субъекта нет права дозволить кому-либо обработку данных о нем, устраняя остальных от этого, устанавливать условия обработки. Таким образом, персональные данные как целостная категория обладает признаками как информации, субъект которых определяет пределы ее использования (и границы сохранения их конфиденциальности), так и тайны, условия обеспечения которой установлены законом императивно.

Такие их особенности проявляются наиболее ярко при обработке органами публичной власти в рамках систем электронного государства. Большинство сведений предоставляются органам публичной власти постольку, поскольку такое предоставление является обязательным для владельцев данных. Это может быть необходимо для целей получения различных льгот, субсидий, привилегий — таких, которые могут быть предоставлены только органами власти, поскольку не существует некоего «рынка льгот», других «поставщиков субсидий». В иностранной литературе также высказываются опасения о том, что судебные органы как представители власти могут чаще занимать сторону органов власти исполнительной в их спорах с физическими лицами. Так, например, это может выражаться в определении ответственности, которую административные органы и должностные лица понесут за инциденты с персональными данными; при определении самого факта наличия инцидента; при установлении размера ущерба, который понесли субъекты, и, соответственно, финансовой ответственности оператора в лице представителей власти⁷.

Российская судебная практика привлечения органов исполнительной власти и даже отдельных должностных лиц крайне немногочисленна, а размер налагаемых штрафов можно оценить как низкий. Так, в мае 2023 г. ФГУП «ГРЧЦ» (Главный радиочастотный центр) было привлечено к административной ответственности в виде административного штрафа в 30 000 руб. за необеспечение конфиденциальности персональных данных, из-за чего третьи лица получили неправомерный доступ к базе данных сотрудников ФГУП⁸. В другом деле фельдшер была привлечена к уголовной ответственности в виде судебного штрафа в размере 25 000 руб. за незаконное предоставление третьему лицу сведений пациентки, составляющих врачебную тайну⁹. В начале 2025 года был также опубликован большой массив данных,

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

⁶ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. *EUR-Lex European Union Law*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R0679-20160504> (дата обращения: 21.11.2024).

⁷ См.: Froomkin M. A. (2009) Government Data Breaches. *Berkeley Technology Law Journal*, vol. 24, no. 3, pp. 1019–1059. URL: <https://www.jstor.org/stable/24118272>

⁸ «Главный Радиочастотный центр» оштрафован за утечку базы данных сотрудников. URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/moscow/news/glavnyy-radiochastotnyy-centr-oshtrafovan-za-utechku-bazy-dannyh-sotrudnikov> (дата обращения: 12.07.2025).

⁹ Постановление Оренбургского районного суда Оренбургской области от 08.07.2024 по делу № 1-243/2024, УИД 56MS0070-01-2024-002134-41. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.02.2025).

предположительно, из единого государственного реестра недвижимости, однако Росреестр отрицает такую утечку и проводит проверку, результаты которой пока неизвестны¹⁰.

В системе электронного государства персональные данные обрабатываются на основании закона и для целей исполнения функций органов публичной власти. Субъекты персональных данных уязвимы при обработке последних органами власти, не могут полноценным образом контролировать начало и процесс такой обработки. Вопросы обеспечения информационной безопасности, прозрачности обработки данных в условиях электронного государства поднимаются всё чаще в правовой, социологической и технической литературе.

2. Электронное государство. Обработка персональных данных органами власти

Термин «электронное государство» обладает комплексным политико-правовым значением, выражая происходящие в обществе процессы цифровизации властных отношений. Феномен электронного государства выражается в использовании современных цифровых технологий органами публичной власти для взаимодействия друг с другом, с населением и юридическими лицами. Таким взаимодействием может быть оказание дистанционных онлайн-услуг в автоматическом режиме (в том числе без участия человека), проведение онлайн-опросов (голосований), осуществление дистанционного правосудия, использование систем межведомственного взаимодействия (в том числе для оказания услуг в режиме «одного окна») и электронного документооборота.

Различаются широкий и узкий подходы к электронному государству. Узкий относится к выражению экономической выгоды от внедрения информационных технологий в деятельность органов публичной власти; широкий — к структурной социальной перестройке, способствующей эффективному общественному участию в демократических процессах¹¹.

Количество операций, осуществляемых с персональными данными, и категория рисков при их обработке в рамках электронного государства определяются степенью развития последнего. В литературе выделяют несколько стадий его развития, при этом на третьей и четвертой персональные данные обрабатываются наиболее активно и интерактивно. Третья стадия предполагает создание единого портала оказания государственных и муниципальных услуг, возможность лиц заполнять необходимые заявления и получать услуги в интерактивной форме, использование электронного документооборота, электронных подписей. На четвертой стадии выделяется возможность двустороннего влияния органов власти и физических и юридических лиц друг на друга с использованием цифровых технологий. Так, население способно участвовать в принятии решений органами публичной власти онлайн, направлять жалобы и подавать обращения¹².

При этом, согласно социологическим исследованиям, прозрачность при обработке данных и оказании государственных услуг с использованием информационных систем электронного государства повышает уровень доверия органам власти в целом¹³.

Отличительной особенностью электронного государства третьей и четвертой стадий можно назвать накопление объемных массивов сведений о физических лицах, их сбор из различных источников (в том числе от частных субъектов), объединение в базы данных.

Россия на современном этапе развития стремится расширить использование технологий электронного государства. Указами Президента РФ в качестве целей развития страны до 2030 г. предусматри-

¹⁰ В Росреестре опровергли утечку данных из ЕГРН. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/01/2025/677d7dd09a7947c25c825bf4> (дата обращения: 12.02.2025).

¹¹ См.: Богдановская И. Ю. Понятие «электронного государства»: правовые аспекты // В сб. «Информационное общество и социальное государство». М.: Юрист. 2011. С. 45–55; Данилов Н. А. Правовое регулирование электронного правительства в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 158 с. EDN: SUVYPB

¹² Данилов Н. А. Правовое регулирование электронного правительства в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 158 с. EDN: SUVYPB

¹³ Tolbert C. J., Mossberger K. (2006) The Effects of E-Government on Trust and Confidence in Government // Public Administration Review, vol. 6, no. 3, pp. 354–369. URL: <https://www.jstor.org/stable/3843917>

ваются: развитие инфраструктуры электронного правительства для оказания государственных, коммерческих и некоммерческих услуг; поэтапный переход органов власти к использованию инфраструктуры электронного правительства¹⁴; формирование рынка данных¹⁵.

Для достижения этих задач формируются государственные информационные системы. В частности, уже создана и успешно действует Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА). Эта система позволяет физическим и юридическим лицам пройти процедуру регистрации и подтвердить сведения о них. После этого результаты идентификации в этой системе могут использоваться для аутентификации в других системах. ЕСИА также позволяет должностным лицам «связывать» сведения с конкретными лицами и обмениваться такими сведениями в рамках межведомственного взаимодействия.

Развитие обработки персональных данных в электронном государстве связано с созданием Единого регистра населения. В соответствии с принятым Федеральным законом «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» в единую информационную систему будут включены разнообразные сведения о гражданах России, об иностранцах, об апатридах, собранные из различных министерств, ведомств и организаций, для целей реализации государственных полномочий. Так, каждому человеку будет присвоен номер, который станет своего рода учетной карточкой, хранилищем персональных данных о нем, цифровым профилем. Достоверность таких данных будет презюмироваться, а иные лица могут (а некоторые — должны, например, нотариусы) обращаться к регистру для верификации представленных сведений.

Система также позволит более эффективно и даже проактивно оказывать государственные и муниципальные услуги. Уже сейчас в соответствии с Федеральным законом № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» на основании лишь наступления событий, являющихся основанием для предоставления услуги, соответствующий орган власти осуществляет подготовку результатов услуги и сообщает заявителю о возможности подать запрос о немедленном предоставлении результата услуги¹⁶. В таком порядке предлагается, например, присваивать номер СНИЛС автоматически, по факту регистрации рождения человека¹⁷.

Ценность работы с персональными данными видна также и в принятии Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ о праве Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры России) требовать предоставления обезличенных персональных данных у любого оператора. Такие данные будут храниться в специальной государственной информационной системе, и их обработка будет доступна любому желающему оператору (подпадающему под определенные критерии, в частности, о наличии только российского гражданства для физических лиц / месте регистрации в России для юридических лиц)¹⁸.

Похожие тенденции наблюдаются не только в России. В частности, в Великобритании рассматривается законопроект под названием Data (Use and Access) Bill (Акт о данных (об их обработке и доступе к ним)). Так, в нем предполагается унификация данных о состоянии здоровья пациентов и обмен ими среди медицинских учреждений; создание инфраструктуры цифровой идентификации личности (и ве-

¹⁴ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

¹⁵ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

¹⁶ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

¹⁷ Проект Приказа Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации «Об утверждении Административного регламента Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги „Прием от граждан анкет в целях регистрации в системе индивидуального (персонифицированного) учета, в том числе прием от зарегистрированных лиц заявлений об изменении анкетных данных, содержащихся в индивидуальном лицевом счете, или о выдаче документа, подтверждающего регистрацию в системе индивидуального (персонифицированного) учета“». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56873741/#review> (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁸ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“ и Федеральный закон „О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» // СЗ РФ. 2024. № 33. Ст. 4929.

рификации сервисов с таким функционалом) и совершения ряда сделок с ее использованием, а также инфраструктуры электронной регистрации рождения и смерти¹⁹.

Власти Европейского союза намерены создать «Единую цифровую идентичность»²⁰. Так, в 2014 г. был принят Регламент «Об электронной идентификации и доверительных услугах для электронных транзакций на внутреннем рынке и отмене Директивы 1999/93/ЕС»²¹. Он обязывает государства-члены унифицировать и взаимно признавать национальные системы идентификации личностей и правила применения электронных подписей. Это позволит обеспечить доступ к цифровым услугам на всей территории Европейского союза любому человеку, имеющему европейское электронное удостоверение личности.

Таким образом, наиболее последовательное и урегулированное нормами права формирование цифровой личности происходит совместно с развитием электронного государства и сопровождающих это информационных систем. Создание Единого регистра населения, содержащего обширные данные о каждом гражданине, требует выработки четких стандартов их защиты. Презумпция достоверности данных усиливает ответственность государственных органов за поддержание их актуальности и полноты, но также увеличивает риски нарушения прав на неприкосновенность частной жизни в случае утечки данных или их использования не по назначению.

Развитие электронного государства также связано с развитием юридических фактов, под которыми понимаются конкретные жизненные обстоятельства, вызывающие в соответствии с нормами права наступление тех или иных правовых последствий — возникновение, изменение или прекращение правового отношения²². Например, среди таковых можно назвать регистрацию личности в системе для получения государственных услуг, присвоения идентификатора для получения пособий. Отличительной чертой таких юридических фактов является их автоматическая фиксация и использование в информационных системах, изменение правового статуса личности в автоматическом режиме, что является одной из основ проактивного оказания публичных услуг и что упрощает процесс управления и взаимодействия граждан с государством.

Обеспечение защиты прав и интересов субъектов персональных данных при развитии электронного государства заключается в том числе в создании платформы управления согласиями на обработку данных. Она подразумевает возможность физических лиц иметь доступ к своим данным, отозвать согласия, а также контролировать, каким образом их данные используются и передаются. Но, конечно, такой метод не поможет субъектам в контроле над обработкой данных в целях соблюдения требований закона, полномочий органов публичной власти; в отзыве согласия на такую обработку (поскольку оно и не требуется).

Рассмотрев персональные данные как один из видов конфиденциальной информации и основные элементы формирования электронного государства, перейдем к основным положениям и проблемам обработки персональных данных в государственных и муниципальных информационных системах.

3. Обработка персональных данных в государственных и муниципальных информационных системах

Г. Г. Камалова называет два вида субъективной (относительной) тайны, противопоставляя ее объективной (абсолютной) тайне. Первая характеризуется наличием введенного законом или правомерно установленного их обладателем правового ограничения возможности сбора, получения и обработки сведений; вторая охватывает сведения, полностью скрываемые человеком (не доверяемые даже узко-

¹⁹ Data (Use and Access) Bill [HL]. Government Bill. URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3825> (дата обращения: 11.11.2024).

²⁰ Digital Identity for all Europeans. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-digital-identity_en (дата обращения: 16.12.2024).

²¹ Regulation (EU) No 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2014.257.01.0073.01.ENG (дата обращения: 16.12.2024).

²² Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 124 с. EDN: YMWNNK

му кругу родных и близких)²³. Представляется, что в современных электронных государствах сведений, составляющих объективную тайну, становится всё меньше: из нее исключаются персональные данные, обработка которых основана на требовании закона, например, подробности личной жизни людей, если они образуют состав преступлений и иных правонарушений.

Не любые сведения, идентифицирующие физическое лицо, подпадают под регулирование российского закона «О персональных данных». Так, согласно его ст. 1, им регулируется обработка персональных данных лишь с использованием средств автоматизации, а также без таких средств, но с «автоматизированным» характером (т.е. если имеется возможность осуществлять в соответствии с заданным алгоритмом поиск персональных данных, зафиксированных на материальном носителе и содержащихся в систематизированных собраниях персональных данных). Закон также не применяется, в частности, к отношениям по обработке персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд²⁴.

В современном электронном государстве множество сведений о личности выбывают из-под ее контроля и «доверяются» органам государственной власти. Они объединяются в общие базы данных, информационные системы, формируются реестры, используются инструменты для их связывания друг с другом. Особую роль играет обеспечение информационной безопасности систем электронного государства, поскольку «повышение открытости электронного правительства в условиях использования информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением уровня уязвимости государства: злоумышленники получают доступ к базам данных, содержащим персональные данные индивидов, а также получают возможность дестабилизировать работу обеспечивающих функционирование государства информационных систем»²⁵. Информационную безопасность можно определить как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере, состоящих из совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства, от внутренних и внешних угроз²⁶.

Можно выделить множество угроз информационной безопасности в области обработки персональных данных в электронном государстве, например:

1. Угроза компрометации данных, так называемых «утечек» — ситуаций, при которых злоумышленник получает доступ к информационным системам, базам данных, содержащим персональные данные, в результате целенаправленного несанкционированного доступа и использует их для своих целей (как правило, распространяет среди неопределенного круга лиц или предоставляет определенным лицам).
2. Разглашение сведений о себе самим субъектом персональных данных в результате использования злоумышленником методов социальной инженерии.
3. Нарушение конфиденциальности из-за некорректной интеграции различных государственных информационных систем, при которой ведомства получают доступ к данным о физических лицах, которые не относятся к их компетенции.
4. Формирование неактуальных сведений на основе недостоверных данных.

Ряд угроз также влечет за собой ошибки в идентификации личности, то есть совершение действий «от имени» одного лица неуполномоченным лицом. Российским Федеральным законом «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных...» идентификация определяется в качестве совокупности мероприятий по установлению сведений о лице и их проверке, осуществляемых в соответствии с федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами, и сопоставлению данных

²³ См.: Камалова Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ИГП РАН, 2020. 472 с. EDN: IHXJF

²⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

²⁵ Данилов Н. А. Правовое регулирование электронного правительства в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 158 с.

²⁶ См.: Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская правовая академия Министерства Юстиции РФ, 2008. 438 с.

сведений с идентификатором — уникальным обозначением сведений о лице, необходимом для определения такого лица²⁷. В результате компрометации учетных данных лица злоумышленником, пока не доказано иное, будет считаться, что действия совершаются от имени того лица, сведения для процесса идентификации которого были предоставлены

Противостояние угрозам информационной безопасности в электронном государстве осуществляется с помощью комплекса мер: правовых, организационных и технических.

Правовые меры защиты информации включают в себя развитие норм права персональных данных, которые определяют принципы обработки данных, основные права субъектов, ответственность за их нарушение, формируют отраслевые стандарты и нормативы.

Использование организационных мер особенно важно для защиты информационных систем электронного государства: они включают в себя, среди прочего, разграничение доступа (принцип, согласно которому доступ к данным предоставляется только тем сотрудникам, которым он необходим для выполнения обязанностей, с учетом принципа минимальной достаточности), регламентирование процессов обработки данных, назначение ответственных за обработку персональных данных лиц, внедрение процедур внутреннего контроля и аудита.

Технические меры направлены на использование, собственно, технологий и инфраструктуры для обеспечения безопасности данных. Наиболее подробным образом меры защиты массивов данных были описаны в европейском Мнении 05/2014 по техникам анонимизации Рабочей группы статьи 29 (Opinion 05/2014 on Anonymization Techniques, Article 29 Data Protection Working Party), принятом еще до вступления в силу европейского Регламента по защите данных (General Data Protection Regulation, далее — GDPR). В этом документе выделяются: добавление шума (случайных числовых значений в данные, чтобы исказить точные значения и скрыть детали); генерализация (снижение точности данных путем объединения их в более крупные категории); псевдонимизация и маскирование (использование псевдонимов или иных переменных, заменяющих реальные значения, которые «открываются» с использованием ключа расшифровки); квантование (округление); перемешивание (изменение порядка записей в системе, изменение связей между субъектами и данными)²⁸.

Ярким примером интеграции юридических и технологических решений является организация защиты российских веб-ресурсов от несанкционированного использования с применением государственной системы идентификации личности. Поскольку государственные информационные системы содержат множество чувствительной информации, позволяют совершать юридически значимые действия онлайн, то к ним предъявляются особые требования. Так, например, Постановлением Правительства РФ от 19.10.2023 № 1739 установлено, что доступ к ЕСИА осуществляется только при условии использования усиленной квалифицированной электронной подписи либо прохождения двухфакторной идентификации с помощью логина и пароля (простая электронная подпись) совместно с идентификацией в ЕБС, вводом одноразового кода подтверждения, получаемого на другом авторизованном устройстве или по СМС²⁹. Помимо этого, используется функция так называемого «тайм-аута» — прекращение сессии пользователя по прошествии определенного времени. Обязательность прохождения двухфакторной идентификации (и ее повторное прохождение в случае длительного отсутствия) серьезным образом нивелирует риски при использовании простой электронной подписи — логина и пароля, которые пользователь может использовать и на других порталах, с менее чувствительной информацией. В таких условиях злоумышленникам сложнее получить доступ к аккаунту пользователя: одних только логина и пароля будет недостаточно.

Сведения, содержащиеся в государственных информационных системах, могут быть неактуальными, но при этом влиять на права и обязанности населения. Российский Федеральный закон «О персо-

²⁷ Федеральный закон «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29.12.2022 № 572-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 1. Ст. 19.

²⁸ Opinion 05/2014 on Anonymisation Techniques, 0829/14/EN WP216. URL: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2014/wp216_en.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

²⁹ Постановление Правительства РФ от 19.10.2023 № 1739 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 43. Ст. 7738.

нальных данных» (ст. 14) и GDPR (ст. 16) устанавливают право субъекта на уточнение персональных данных, которые являются неверными, неполными или неактуальными. Однако российское право и право стран Европейского союза не содержат норм о приоритете сведений, предоставленных самим субъектом при обращении за получением государственной услуги. Презюмируется, что корректными являются те сведения, что содержатся в государственных и муниципальных информационных системах. При их неактуальности требуется уточнить сначала их, а лишь затем обращаться за получением иных услуг, связанных с такими данными.

При этом в российской судебной практике можно обнаружить сразу несколько сходных дел, где истцы (граждане) выступали против органов власти с требованием исключить из базы данных МВД России сведения об их уголовном или административно-правовом преследовании, которое было прекращено по решению уполномоченных должностных лиц. Такие лица ссылались на необходимость предоставить при устройстве на работу справки об отсутствии судимости и уголовного преследования, однако такие сведения в базах сохранялись. Суды кассационной инстанции отказывают в требовании удалить или изменить (актуализировать) такие сведения, поскольку ведомственные и межведомственные положения органов власти не предусматривают такого основания для уничтожения данных, как прекращение уголовного и административно-правового преследования по нереабилитирующим основаниям³⁰. Таким образом, в любом случае действует презумпция корректности данных, указанных в государственных и муниципальных информационных системах.

В рамках Евразийского экономического союза (далее также — ЕАЭС) тоже важно создание общего информационного пространства, обмен персональными данными населения между органами власти государств-членов, развитие инфраструктуры оказания государственных услуг на региональном уровне. Решениями Высшего Евразийского экономического совета обозначены направления и основные сферы цифровой трансформации государств-членов ЕАЭС³¹. В частности, предполагается сопряжение национальных информационных систем государств-членов (создание общей цифровой инфраструктуры и цифровых платформ), развитие их интероперабельности (технологической открытости), укрепление «аналоговых» основ цифровой трансформации³².

Можно предположить, что указанные направления развития ЕАЭС подвергают обработку персональных данных в рамках электронных государств дополнительным существенным рискам. Евразийский экономический союз действует на основании договоров между государствами-участниками, которые входят в национальные правовые системы стран. Соответственно, обработка персональных данных основана на необходимости для достижения целей, предусмотренных международным договором Российской Федерации или законом. Кроме того, обработка по этому основанию освобождена от требования о «приземлении» обработки персональных данных граждан РФ в базах данных, находящихся на территории России (ч. 5 ст. 18 Федерального закона «О персональных данных»).

Страны-участницы ЕАЭС предъявляют различные требования к обработке персональных данных. Национальные законы в этой сфере наделяют субъектов различными правами, а органы власти — разными обязанностями. Это создает риски при обработке персональных данных, ведь подавляющая часть населения даже не в состоянии оценить условия обработки данных в другой стране в рамках цифровой интеграции и оказания «межрегиональных» услуг. Конечно, повышается и риск инцидентов с данными.

³⁰ См., напр.: Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2024 № 88а-19209/2024 по делу № 2а-1486/2023. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.02.2025); Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.10.2024 № 88А-21560/2024 по делу № 2а-2311/2024. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.02.2025); Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2024 № 88а-37666/2024 по делу № 2а-1032/2024. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.02.2025).

³¹ См.: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71708158/> (дата обращения: 16.11.2024); Общие подходы к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года. Цифровая повестка ЕАЭС. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/inftech/kk_wg/workgroup/materials/docs.php (дата обращения: 16.11.2024).

³² Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации. Обзор совместного исследования Всемирного банка и Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/833/Vsemirnyy-bank-Perspektivy-i-Rekomendatsii.pdf> (дата обращения: 16.11.2024).

В свою очередь, обработка персональных данных на межрегиональном уровне уже несколько десятков лет успешно работает на территории Европейского союза: общие условия об обработке данных содержатся в директивах и регламентах этого объединения государств. Полагаем, что прежде чем создавать общую цифровую платформу обработки данных о населении в масштабе ЕАЭС, требуется принять международный договор об унификации правил такой деятельности, гармонизировать национальное законодательство в этой сфере. Помимо этого, не последнюю роль в гармонизации правил обработки персональных данных на территории Европейского союза играют специальные консультативные органы содружества — European Data Protection Board (Европейский совет по защите данных), а до принятия GDPR — Article 29 Data Protection Working Party (Рабочая группа по статье 29).

Схожего органа не существует в ЕАЭС. Его создание позволило бы унифицировать правила обработки персональных данных лиц, находящихся в странах содружества, определить правила обмена данными между органами государственной власти стран союза, в частности, таможенными, правоохранительными, налоговыми. В компетенцию такого органа могла бы входить разработка единых стандартов обработки персональных данных; обеспечение их соблюдения не только странами-участницами, но и физическими и юридическими лицами; рассмотрение жалоб и разрешение споров в сфере защиты данных; предоставление консультаций органам власти, а также частным и юридическим лицам по вопросам защиты информации, регулирования обработки данных и разработки политик конфиденциальности; участие представителей органа в качестве экспертов в судебных разбирательствах стран ЕАЭС, а также в структурах законодательной и исполнительной власти.

Выводы

Цифровизация публичных услуг улучшает их прозрачность, но требует адаптации законодательства в сфере персональных данных. Комплексный подход к защите персональных данных и их обработке должен учитывать не только национальные, но и международные стандарты, способствуя формированию доверия граждан к электронным системам. Гармонизация законодательства в странах ЕАЭС и внедрение передовых технологий безопасности представляют собой перспективное направление дальнейших исследований и практической реализации.

Современные информационно-коммуникационные технологии открывают широкие перспективы для улучшения уровня оказываемых государственных услуг в рамках цифрового государства. Персональные данные как вид конфиденциальной информации обладают некоторыми особенностями: их обработка возможна (в некоторых случаях, и особенно часто — в электронном государстве) без желания субъекта.

Электронное государство в процессе своего становления проходит несколько этапов, но главным из них является тот, при котором формируется множество связанных друг с другом информационных систем. Чем более открытым становится государство, тем больше рисков информационной безопасности несет обработка данных в таких условиях. При этом ее обеспечение осуществляется с использованием правовых, организационных и технических мер, а также их совокупности. Помимо этого, следует уделять особое внимание актуальности сведений о населении.

Стремление создать «электронное межгосударственное объединение» (по аналогии с «электронным государством») прослеживается также и в ЕАЭС. Представляется, что прежде чем создавать общую цифровую платформу обработки данных, требуется принять международный договор об унификации правил такой деятельности и гармонизировать национальное законодательство в этой сфере. Унификация подходов к обработке персональных данных позволит минимизировать риски такой обработки при трансграничном взаимодействии. В частности, возможна разработка единого стандарта защиты данных, принятие актов ЕАЭС наподобие специализированных мнений и разъяснений, которые издаются специальными органами в Европейском союзе.

Анализ современных правовых аспектов обработки персональных данных в процессе становления электронного государства акцентирует внимание на обеспечении соблюдения баланса интересов участ-

ников такого процесса, в особенности в случае такой обработки, которая не требует согласия или иного волеизъявления субъекта.

Список источников

1. Богдановская И. Ю. Понятие «электронного государства»: правовые аспекты // В сб. «Информационное общество и социальное государство». М.: Юрист. 2011. С. 45–55.
2. Данилов Н. А. Правовое регулирование электронного правительства в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 158 с. EDN: SUVYPB
3. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 124 с. EDN: YMWNNK
4. Камалова Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ИГП РАН, 2020. 472 с. EDN: IHXJF
5. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд. М.: Статут, 2021. 468 с.
6. Терещенко Л. К. Правовой режим информации: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ИЗиСП, 2011. 415 с.
7. Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская правовая академия Министерства Юстиции РФ, 2008. 438 с.
8. Beldad A., Geest T. van der, Jong M. de, Steehouder M. (2012) A cue or two and I'll trust you: Determinants of trust in government organizations in terms of their processing and usage of citizens' personal information disclosed online. *Government Information Quarterly*, vol. 29, no. 1, pp. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2011.05.003>
9. Beldad A., Jong M. de, Steehouder M. (2011) I trust not therefore it must be risky: Determinants of the perceived risks of disclosing personal data for e-government transactions. *Computers in Human Behavior*, vol. 27, no. 6, pp. 2233–2242. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.07.002>
10. Froomkin M. A. (2009) Government Data Breaches. *Berkeley Technology Law Journal*. Vol. 24, no. 3, pp. 1019–1059. URL: <https://www.jstor.org/stable/24118272>
11. Tolbert C. J., Mossberger K. (2006) The Effects of E-Government on Trust and Confidence in Government. *Public Administration Review*, vol. 6, no. 3, pp. 354–369. URL: <https://www.jstor.org/stable/3843917>
12. Pasquale F. (2015) The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. *Harvard University Press*. 304 p.

Об авторе:

Демкин Владислав Олегович, аспирант Аспирантской школы по праву, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; ORCID: 0000-0002-1079-425X, e-mail: vodemkin@hse.ru

References

1. Bogdanovskaya, I. Yu. (2011) The concept of 'e-State': legal aspects. In: *Informatsionnoe obshchestvo i sotsial'noe gosudarstvo*. Lawyer, pp. 45–56. (In Russ.)
2. Danilov, N. A. (2013) Legal regulation of e-government in foreign countries: Candidate of Legal Sciences dissertation. *HSE University*, 158 p. (In Russ.)
3. Isakov, V. B. (1984) Legal facts in Soviet law. *Legal literature Publ.* 124 p. (In Russ.)
4. Kamalova, G. G. (2020) Legal Support for Information Confidentiality in the Context of Information Society Development: Candidate of Legal Sciences dissertation. *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 472 p. (In Russ.)

5. Savelyev, A. I. (2021) Scientific-practical article-by-article commentary to the Federal Law "On Personal Data". 2-nd ed. *Statut*, 468 p. (In Russ.)
6. Tereshchenko, L. K. (2011) Legal regime of information: Doctor of Legal Sciences dissertation. *Institute of Legislation and Comparative Law*, 415 p. (In Russ.)
7. Polyakova, T. A. (2008) Legal support of information security in building an information society in Russia: Candidate of Legal Sciences dissertation. *Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation*, 438 p. (In Russ.)
8. Beldad, A., Geest, T. van der, Jong, M. de, Steehouder, M. (2012) A cue or two and I'll trust you: Determinants of trust in government organizations in terms of their processing and usage of citizens' personal information disclosed online. *Government Information Quarterly*, vol. 29, no. 1, pp. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2011.05.003>
9. Beldad, A., Jong, M. de, Steehouder, M. (2011) I trust not therefore it must be risky: Determinants of the perceived risks of disclosing personal data for e-government transactions. *Computers in Human Behavior*, vol. 27, no. 6, pp. 2233–2242. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.07.002>
10. Froomkin, M. A. (2009) Government Data Breaches. *Berkeley Technology Law Journal*, vol. 24, no. 3, pp. 1019–1059. URL: <https://www.jstor.org/stable/24118272>
11. Tolbert, C. J., Mossberger, K. (2006) The Effects of E-Government on Trust and Confidence in Government. *Public Administration Review*, vol. 6, no. 3, pp. 354–369. URL: <https://www.jstor.org/stable/3843917>
12. Pasquale, F. (2015) *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. *Harvard University Press*. 304 p.

About the author:

Vladislav O. Demkin, postgraduate student of the Postgraduate School of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation; ORCID: 0000-0002-1079-425X, e-mail: vodemkin@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Отдельные аспекты защиты внешнеэкономической деятельности прокуратурой

Сухов С. А.^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

² Прокуратура Нижегородской области (Нижний Новгород, Российская Федерация)

E-mail: ssukhov@hse.ru

Аннотация

Введение: в статье исследованы отдельные аспекты защиты прокуратурой сферы внешнеэкономической деятельности с целью выявления проблематики правоприменения и предложения путей изменения действующего законодательства.

Методология и материалы: при написании работы автором использовались статистический, формально-юридический и иные методы исследования, при помощи которых были изучены массивы результатов практической работы органов прокуратуры в сфере ВЭД, ее правовая основа и правоприменительная практика.

Результаты исследования и их обсуждение: автор с помощью статистического метода, на основе актуальных данных о результатах работы органов прокуратуры в сфере ВЭД обосновал тенденцию на усиление роли государства в лице прокуратуры по защите отечественной внешнеэкономической деятельности. Анализируя разные теоретические подходы понимания деятельности органов прокуратуры, применительно к ней автор сделал вывод о возможности использования термина «государственный контроль», специфика которого в полной мере раскрывает эту деятельность именно в сфере ВЭД. Кроме того, формально-юридический подход к изучению правовой основы деятельности прокуратуры в сфере ВЭД позволил сделать вывод о необходимости дополнения ФЗ «О прокуратуре» нормами, регламентирующими деятельность специализированных транспортных прокуратур, осуществляющих непосредственный контроль в сфере ВЭД, в том числе в целях приоритизации указанной деятельности и дальнейшей проработки научно-теоретической и методологической основы. Отдельное внимание уделено необходимости дальнейшей либерализации норм КоАП РФ, посвященных таможенной сфере, что позволило бы ослабить административное давление на субъектов ВЭД со стороны ФТС, а также снизить нагрузку на органы прокуратуры ввиду снижения конфликтного потенциала обозначенных правоотношений.

Выводы: в исследовании обоснована значимость изучаемой темы и ее актуальность в настоящее время, предложены пути совершенствования действующего законодательства, а также заложены основы для дальнейшей разработки конструкции «государственный контроль прокуратуры» применительно к сфере ВЭД.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, прокуратура, государственный контроль, административное законодательство, законодательство в сфере ВЭД.

Для цитирования: Сухов С. А. Отдельные аспекты защиты внешнеэкономической деятельности прокуратурой // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 139–149. EDN: ZBWNMS

Certain Aspects of the Protection of Foreign Economic Activity by the Prosecutor's Office

Sergei A. Sukhov^{1, 2}

¹ National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

² Prosecutor's Office of the Nizhny Novgorod Region (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

E-mail: ssukhov@hse.ru

Abstract

Introduction: This article examines specific aspects of prosecutorial oversight in the sphere of foreign economic activity (FEA). The aim is to identify problems in law enforcement and propose avenues for amending the current legislation.

Methodology and materials: In writing this work, the author employed statistical, formal legal, and other research methods. These methods were used to analyze extensive data on the practical outcomes of prosecutorial bodies in the FEA sphere, its legal framework, and relevant law enforcement practices.

Results and discussion: Using the statistical method and based on current data regarding the performance of prosecutorial bodies in the FEA sphere, the author substantiates a trend towards strengthening the role of the state, represented by the prosecutor's office, in protecting domestic foreign economic activity. By analyzing various theoretical approaches to understanding the functions of prosecutorial bodies, the author concludes that the term "state control" is applicable, as its specific nature fully captures this activity within the FEA sphere. Furthermore, the formal legal approach to studying the legal basis of prosecutorial activity in the FEA sphere led to the conclusion that the Federal Law "On the Prosecutor's Office" should be supplemented with provisions regulating the activities of specialized transport prosecutor's offices. These offices exercise direct control in the FEA sphere, aiming to prioritize this activity and further develop its scientific-theoretical and methodological foundation. Special attention is paid to the necessity of further liberalizing the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation pertaining to the customs sphere. This would help reduce administrative pressure on FEA entities by the Federal Customs Service, as well as lessen the burden on prosecutorial bodies by decreasing the conflict potential inherent in these legal relations.

Conclusions: The study substantiates the significance and current relevance of the topic. It proposes ways to improve the existing legislation and lays the groundwork for further development of the concept of "state control by the prosecutor's office" as applied to the sphere of foreign economic activity.

Keywords: foreign economic activity, prosecution authorities, state control, administrative law, foreign trade legislation.

For citation: Sukhov, S. A. (2026) Certain Aspects of the Protection of Foreign Economic Activity by the Prosecutor's Office. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 139–149. (In Russ.)

Введение

В настоящее время, претерпевая существенные трудности в период обострения международной политической и экономической обстановки, отечественное государство стоит перед необходимостью защиты национальных интересов, наиболее приоритетными из которых следует признать интересы российской экономики как основной движущей и жизненно важной сферы любого государства. Значимой составляющей отечественной экономики является внешнеэкономическая деятельность (сокращенно —

ВЭД)¹, подвергаясь беспрецедентным испытаниям в последние годы: в короткие сроки введение большого числа внешних санкций², разрушение отлаженных логистических цепочек, трудности с проведением оплаты за приобретенные товары и т. п.

Кризисная ситуация в указанной сфере способствует как интенсификации нормотворческого процесса³, так и деятельности контрольно-надзорных органов⁴, в том числе обладающих административно-юрисдикционными полномочиями, что не может не сказаться на состоянии законности и правопорядка в сфере внешнеэкономической деятельности. Обращают на себя внимание и озвученные президентом⁵ перспективы сотрудничества ЕАЭС с инициативой КНР «Один пояс — один путь» с интеграцией таможенных зон, привлечением новых участников ВЭД и построением Большого Евразийского партнерства. Сказанное обуславливает повышение роли участия государства и налаживание системы государственного контроля в этой области. На наш взгляд, в этой связи повышается роль прокурора и прокуратуры как органа государственного контроля в сфере ВЭД, обладающих соответствующими полномочиями и реальным инструментарием мер реагирования, направленных на защиту ВЭД.

Методология и материалы

Осознавая обширность сферы ВЭД как предмета исследования, оговоримся, что защита внешнеэкономической деятельности органами прокуратуры в рамках настоящей работы сводится к обеспечению законности в таможенной сфере, поскольку ее содержание включает в себя нормативную и юрисдикционную системы регулирования внешнеэкономической деятельности, определяя степень вмешательства государства в лице уполномоченных органов, а также их «противовеса» — органов прокуратуры, уполномоченных на осуществление «надведомственного»⁶ контроля.

В этой связи в основу работы будут положены статистический и формально-юридический методы, оперируя которыми, автор проведет исследование статистики о результатах работы органов прокуратуры в сфере ВЭД, а также выявит ее текущие тенденции. С помощью второго метода необходимо проанализировать действующую правовую основу прокурорской деятельности в сфере ВЭД и предложить пути ее совершенствования, в том числе путем обоснования особой специфики именно этой прокурорской деятельности, которую можно интерпретировать как контрольную.

Результаты исследования и их обсуждение

Приведем и проанализируем сводные данные о результатах работы подразделений органов прокуратуры Российской Федерации на транспорте (далее — прокуратура, органы прокуратуры⁷) в сфере таможенного дела за последние шесть лет (с 2018 по 2024 г.; см. рис. 1)⁸.

¹ До 35 % неналоговых доходов. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации: электронный бюджет [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://budget.gov.ru/> (дата обращения: 02.02.2025).

² Санкции против Российской Федерации: актуальная статистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://x-compliance.ru/statistics> (дата обращения: 03.02.2025).

³ Так, мониторинг изменений законодательства показывает, что в Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» с 2022 г. по н. в. внесено 7 изменений, то есть столько же, сколько за период с 2011 по 2021 г.

⁴ Так, по данным статистики Федеральной таможенной службы, где по результатам 2022 и 2023 гг. при одинаковом количестве проведенных мероприятий таможенного контроля практически на треть возросла сумма дополнительно начисленных платежей, умышленно занижаемых участниками ВЭД в нарушение обязательных требований законодательства о ВЭД (<https://customs.gov.ru/activity/results/itogovoye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti>).

⁵ Послание президента Федеральному Собранию Российской Федерации // Официальный сетевой ресурс Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news> (дата обращения: 02.02.2025).

⁶ Рубцова М. В. Деятельность прокуратуры России в системе обеспечения экономической безопасности при осуществлении внешней торговли товарами // Правосудие и правоохранительная деятельность. 2021. № 2. С. 358–367.

⁷ Надзорная деятельность в таможенной сфере возложена на транспортные прокуратуры в составе органов прокуратуры России. Здесь и далее под органами прокуратуры в контексте правовой охраны ВЭД понимаются транспортные прокуратуры.

⁸ Данные взяты из опубликованной ведомственной отчетности с сайтов транспортных прокуратур, формирующих указанные на рисунках 1 и 2 показатели, путем их сложения по каждому году (например, Приволжская транспортная прокуратура). URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/ptp/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 31.05.2025).

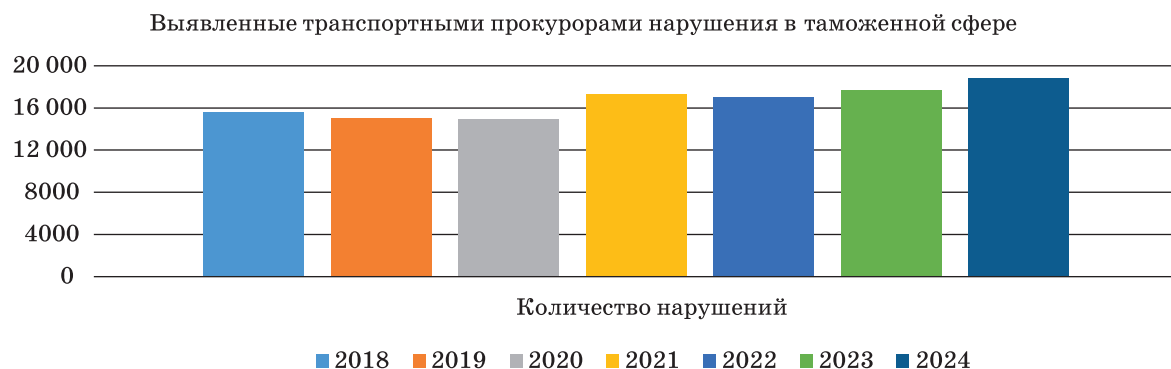

Рис. 1. Выявленные транспортными прокурорами нарушения в таможенной сфере (источник: составлено автором)

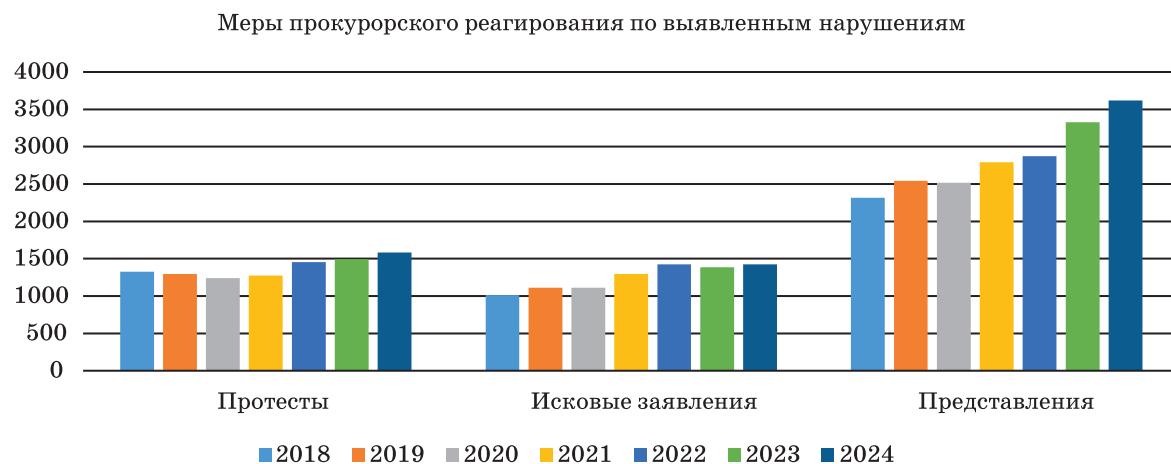

Рис. 2. Меры прокурорского реагирования по выявленным нарушениям (источник: составлено автором)

Исходя из приведенной статистики, обратим внимание на тенденции роста как количества выявленных прокурорами нарушений законодательства в области таможенного дела, так и выносимых для их устранения мер прокурорского реагирования, в особенности представлений прокурора — основной меры реагирования. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает тот факт, что представленные показатели за 12 месяцев 2024 года являются наивысшими за весь исследуемый период (см. рис. 2).

Кроме того, приоритетность охраны ВЭД и ее участников прокуратурой как органом государственного контроля подчеркнута Генеральным прокурором РФ в приказе от 31.08.2023 № 581, в соответствии с которым прокурорам надлежит усилить работу по обеспечению защиты прав добросовестных предпринимателей и инвесторов в сфере ВЭД. На наш взгляд, указанный распорядительный акт особенно важен в контексте структуры субъектов ВЭД, 1/5 часть которой составляют⁹ субъекты микро-, малого и среднего предпринимательства, являющиеся, в силу своего небольшого размера и зачастую не имея собственного штата квалифицированных специалистов в области права, наиболее уязвимыми и нуждающимися в защите со стороны прокуратуры элементами внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, кризисные условия в значимом секторе отечественной экономики повлекли за собой усиление роли прокуратуры как органа государственного контроля по защите внешнеэкономической деятельности, то есть по обеспечению ее законности и интересов государства в части нормализации условий делового оборота и инвестиционного климата отечественной экономики.

⁹ Центральный банк Российской Федерации: статистика внешнего сектора [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ets/ (дата обращения: 02.02.2025).

Не затрагивая общетеоретические вопросы правового статуса прокурорской деятельности в сфере ВЭД, в рамках настоящего исследования сосредоточимся на проблемах, возникающих на пути решения задачи, возложенной государством на прокуратуру, — защиту внешнеэкономической деятельности, а также предложим пути их решения.

Во-первых, в настоящем исследовании автором в отношении деятельности прокуратуры в сфере ВЭД неоднократно давалась характеристика «как органа государственного контроля», что может вносить путаницу, поскольку общеупотребимо выражение «прокурорский надзор».

Так, в ст. 129 Конституции Российской Федерации, Законе о прокуратуре, а также в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора РФ выражена единая позиция: прокуратура осуществляет надзорные функции за соблюдением норм федерального и иного законодательства. Раскрывая положения Конституции, В. Д. Зорькин¹⁰ и В. Д. Ломовский¹¹ также не отходят от «надзорного» взгляда на прокуратуру, отмечая, что надзор как основная функция прокуратуры возникает в момент оформления урегулированных государством правоотношений и направлен на обеспечение законности.

Вместе с тем в отдельных федеральных законах (например, ФЗ от 21.12.2021 № 414-ФЗ, ФЗ от 26.12.2008 № 294-ФЗ, ФЗ от 31.07.2020 № 248-ФЗ) законодателем не проводится терминологического различия между контрольной и надзорной деятельностью, понятия смешиваются до синонимичности. В этой связи не согласимся с М. Н. Кудилинским¹², утверждающим, что разделение этих понятий лишено практического смысла, а термин «надзор» и вовсе употребим лишь в качестве традиционного наименования определенных разновидностей контроля. Справедливо подвергшаяся критике В. П. Беляевым¹³ за «безапелляционность» и «резкость», на наш взгляд, эта точка зрения содержит одно интересное положение — об отнесении надзора к контролю, как подвида к виду.

Сказанное вводит автора в поле дискуссии о соотношении надзора и контроля, где одна сторона против смешения понятий¹⁴, другая же употребляет эти понятия как синонимичные, сводя их практически к единому содержанию¹⁵. На наш взгляд, сама природа исследуемой сферы правоотношений (ВЭД) подсказывает нам согласиться с В. Г. Бессарабовым¹⁶, относящим прокурорский надзор к видам государственного контроля в силу пересечения их функциональных особенностей. На наш взгляд, применительно к исследуемой сфере:

- Надзор прокуратуры в сфере ВЭД не является «всеобъемлющим», как «общий надзор», обширный предмет которого заключен в ст. 129 Конституции и ст. 1 Закона о прокуратуре, а представляет собой узко-специализированный контроль за решениями должностных лиц таможенных органов, а также за деятельностью участников ВЭД и соблюдению ими таможенного законодательства.
- Характер деятельности прокуратуры в сфере ВЭД обладает особой спецификой «надведомственности» в отношениях с таможенными органами. Не ошибемся, если назовем их отношениями, с определенной точки зрения, «подчиненности» (прокурор координирует деятельность таможенных органов, при санкционировании ареста имущества таможенными органами, а также вынесения ими постановлений по делам об административных правонарушениях, помимо прочего, проверяет обоснованность (читай — целесообразность) этих решений (ст. 78 «Арест имущества...» ФЗ от 03.08.2018 № 289-ФЗ, п. 2.6. указания от 27.04.2018 № 254/23). При этом обращения, поступившие из органов прокуратуры, являются основанием для проведения ведомственного контроля в таможенных органах (ст. 263 ФЗ от 03.08.2018 № 289-ФЗ) и др.).

¹⁰ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М.: Эксмо. 2009. С. 882.

¹¹ Ломовский В. Д. Прокурорско-надзорные правоотношения. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета. 1987. 159 с.

¹² Кудилинский М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности: к соотношению понятий «контроль» и «надзор» // Социология и прав. 2015. № 1 (27). С. 38–46.

¹³ Беляев В. П. Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 199–207.

¹⁴ Ерицян А. В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности // Государство и право. 2002. № 2. С. 103–108.

¹⁵ Кудилинский М. Н. Там же; Винокуров В. А. Законодательство о публичной власти в России: проблемы понятия и содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 34–37.

¹⁶ Бессарабов В. Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 48.

- Таможенные органы в соответствии со ст. 280 ФЗ от 03.08.2018 № 289-ФЗ обеспечивают предоставление статистических данных в органы прокуратуры для их последующего сбора, обработки, анализа и, по его результатам, корректировки направлений деятельности таможенных органов в рамках межведомственных рабочих групп и координационных совещаний председательствующим в них прокурором, что, на наш взгляд, не отличает таможенные органы от иных «курируемых» органов следствия и дознания.
- Прокуратура может, опротестовывая НПА таможенных органов, напрямую влиять на их деятельность, а также инициировать привлечение должностных лиц к ответственности: по ст. 5.59¹⁷ и 17.7¹⁸ КоАП РФ к административной, а по представлениям об устранении нарушений — к дисциплинарной¹⁹.

Таким образом, на наш взгляд, деятельность прокуратуры применительно к сфере ВЭД может обладать двоякой спецификой: формально являясь надзорной, на практике она обладает рядом признаков контрольной. В связи с этим полагаем возможным рассматривать деятельность прокуратуры по защите ВЭД и как деятельность органа государственного контроля, не лишенного признаков «надзорности».

Во-вторых, в настоящий момент существует необходимость принятия ряда новелл для обновления правовой основы деятельности прокуратуры в сфере ВЭД с целью повышения ее эффективности и функциональности.

Так, требует актуализации предмет прокурорского надзора, заключенный в ст. 1 Закона о прокуратуре. В доктринальной среде²⁰ неоднократно поднималась проблема нормативно-правового обеспечения деятельности прокуратуры в условиях вхождения России в ЕАЭС (сокращенно — Союз), принятия в 2018 г. Таможенного кодекса Союза, образования его высших органов управления (например, ЕЭК) и самостоятельного судебного института (Суд ЕАЭС), принимающего значимые для унификации практики и обеспечения законности решения²¹. Указанное привело к переоценке объема правового регулирования таможенного дела, включившего значительные объемы международных источников. Вместе с тем установленный в п. 1 ст. 1 Закона о прокуратуре предмет надзора представляется неоднозначным, поскольку фактически регулируемая область международных источников не имеет нормативного закрепления. Данная юрико-техническая особенность стала результатом новеллы от 09.11.2020 № 367-ФЗ, исключившей упоминание «действующих на территории Российской Федерации» (бывшее неизменным в Законе о прокуратуре с редакции 1999 г.) применительно к законам, надзор за исполнением которых осуществляет прокуратура. На наш взгляд, исключение указанной формулировки размывает ту область надзорной деятельности, которую осуществляют транспортные прокуроры — по защите ВЭД. В силу сказанного предлагаем вернуть исключенное уточнение либо включить наднациональное законодательство в предмет надзора.

Вместе с этим автор полагает, что отдельное место в Законе о прокуратуре заслуживает система транспортных прокуратур, правовую основу которых в настоящее время составляют организационно-распорядительные документы Генерального прокурора (например, приказ от 15.07.2011 № 211 и указание от 27.04.2018 № 254/23). Такое внимание именно к этому виду специализированных прокуратур обусловлено крайней специфичностью предмета надзорной деятельности, значительную часть содержания которого составляют наднациональные источники — ТК ЕАЭС, обязательные для субъектов ВЭД акты ЕЭК, Суда ЕАЭС и иных высших органов управления ЕАЭС. Именно поскольку таможенное регулирование всё больше переходит на наднациональный уровень в связи с углублением интеграции стран

¹⁷ Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан.

¹⁸ Невыполнение законных требований прокурора.

¹⁹ Отметим, что привлечение работников к дисциплинарной ответственности является правом, а не обязанностью работодателя. Однако предполагается, что в случае объективного и существенного нарушения трудовой дисциплины, выявленного прокуратурой, работодатель привлекает виновное должностное лицо к такой ответственности.

²⁰ Субанова Н. В. Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2023. 400 с.; Александрова Л. И., Диканова Т. А., Изгагина Т. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов о таможенном регулировании в условиях функционирования ЕАЭС: монография. М.: Проспект, 2022. 240 с.; Росляков А. А. Проблема осуществления прокурорского надзора за соблюдением таможенного законодательства органами Федеральной таможенной службы Российской Федерации // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 1 (2). С. 421–424; Коршунова О. Н., Лавров В. В., Никитин Е. Л. и др. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 268 с.

²¹ Изгагина Т. Ю. Роль решений суда для оценки состояния законности прокурорами в таможенной сфере // Современная наука. 2021. № 5. С. 12–16.

участниц ЕАЭС и гармонизацией национальных законодательств, постольку транспортные прокуратуры обладают всё большей «самодостаточностью», выделяясь в системе органов прокуратуры. А именно: работники таких прокуратур в правоприменительной деятельности всё больше апеллируют к наднациональному законодательству, в связи с чем повышается требовательность к их знаниям закона, умению разграничивать применение национальных и наднациональных норм. Предмет их надзора — обеспечение законности во внешнеэкономической деятельности — отличается особой значимостью для отечественного государства, решающего задачи по повышению инвестиционной привлекательности и делового климата экономики. Деятельность таких прокуратур, по мнению автора, можно называть государственным контролем в силу ряда особенностей, о которых шла речь ранее.

Сказанное приводит нас к мысли о необходимости выведения транспортных прокуратур за рамки организационно-распорядительных документов Генерального прокурора РФ с возможностью придания им больших сил и средств для усиления воздействия на сферу ВЭД, а также углубления научно-теоретической и методологической основы. При этом такие изменения не повлияют на полномочия Генерального прокурора РФ оперативно реагировать на изменения в динамике общественных отношений в сфере ВЭД путем издания обязательных к исполнению транспортными прокурорами распорядительных документов.

На наш взгляд, система транспортных прокуратур может быть закреплена в Законе о прокуратуре, путем дополнения его Разделом «II.1. Система и организация транспортных прокуратур Российской Федерации». Предмет деятельности транспортных прокуратур предлагаем закрепить в ст. 1 нового раздела в следующей редакции:

«Статья 1. Транспортные прокуратуры в системе органов прокуратуры.

1. Транспортные прокуратуры Российской Федерации — специализированные прокуратуры на правах прокуратур субъектов Российской Федерации (районных прокуратур), организующих и осуществляющих надзор за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров в области таможенного дела и на транспорте, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в таможенной сфере и на транспорте, соблюдением прав юридических и физических лиц, осуществляющих деятельность в таможенной сфере и на транспорте».

Такой подход не создаст противоречий с основными положениями Федерального закона о прокуратуре, поскольку указание на природу транспортных прокуратур как специализированных прямо отсылает нас к статье 1 Раздела II, где такие прокуратуры отнесены к системе органов прокуратуры. Таким образом, настоящий раздел будет конкретизировать деятельность именно транспортных прокуратур, входящих в систему органов прокуратуры Российской Федерации, но при этом обладающих собственным, специфическим предметом деятельности, значимость которого и позволяет выделить эти прокуратуры среди других.

В-третьих, переходя в практическое поле правовой охраны ВЭД прокуратурой как органа государственного контроля, следует отметить, что, на наш взгляд, наибольшей проблемой в этой сфере остается необоснованное привлечение участников ВЭД к административной ответственности. Усиление роли административной ответственности в борьбе с таможенными правонарушениями и расширение административно-юрисдикционных полномочий таможенных органов, компетенция по возбуждению административных дел которыми нашла свое отражение в гл. 16 КоАП, представляет собой значительный административный барьер и возможность существенного ограничения уполномоченными органами прав добросовестных субъектов ВЭД²².

При этом проблему подсвечивают не столько громкие материалы прокурорских проверок по жалобам субъектов ВЭД на личном приеме Генерального прокурора РФ²³, сколько практика прокурорской работы транспортных прокуратур «на земле».

²² Дудин Н. П. Актуальные проблемы исполнения законов о таможенном контроле // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала РТА. 2022. № 2 (82). С. 76–80.

²³ По поручению Игоря Краснова восстановлены права участника внешнеэкономической деятельности из Челябинской области, необоснованно привлеченного к административной ответственности по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=99996212> (дата обращения: 02.02.2025).

Так, за первое полугодие 2024 года на поднадзорной Южной транспортной прокуратуре²⁴ территории в целях снижения административного давления на бизнес в ходе надзорной деятельности транспортными прокурорами принципиальная оценка давалась вопросам соблюдения прав субъектов предпринимательской деятельности при привлечении к административной ответственности. По требованию прокуроров признаны незаконными либо изменены путем замены штрафа на предупреждение более 80 постановлений таможенных органов о привлечении к административной ответственности. При этом 18 постановлений по делам об административных правонарушениях признаны незаконными в связи с несоблюдением таможенным органом положений ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ, когда за несколько аналогичных фактов нарушений (по ч. 1 ст. 16.2) в отношении субъектов ВЭД выносилось множество постановлений о привлечении к административной ответственности.

Аналогичные нарушения выявлялись работниками Приволжской транспортной прокуратуры²⁵. Так, за 12 месяцев 2023 года выявлены факты вынесения постановлений по делам об административных правонарушениях в сфере таможенного дела в отсутствие достаточных доказательств. Например, Приволжской электронной таможней организация привлечена к административной ответственности по ч. 3 ст. 16.12 КоАП РФ необоснованно, что установлено прокурорской проверкой по жалобе организации и в связи с чем начальнику таможни внесено представление. В целом в транспортной прокуратуре отмечается рост протестов, принесенных на незаконные постановления о привлечении к административной ответственности (55 за 2022-й и 73 за 2023 год, + 32,7 %).

Приведенные факты, на наш взгляд, заставляют задуматься о необходимости либерализации административных составов в сфере таможенного дела, что позволило бы снизить нагрузку на транспортные прокуратуры в целом, поскольку указанный процесс уменьшает конфликтный потенциал во взаимодействии участников ВЭД с государственным аппаратом, а также расширяет возможности прокуроров при опротестовании постановлений об административных правонарушениях в сфере ВЭД, например, с целью назначения низшей из возможных санкционных мер — предупреждения, либо упрощенного ввиду либерализации составов применения положений ст. 2.9 КоАП о малозначительности. Положительным примером видится реализация в 2022 г. Генеральной прокуратурой РФ ряда инициатив, направленных на снижение административного давления на субъектов предпринимательства в связи со сложной внешнеэкономической обстановкой²⁶: Федеральными законами от 26.03.2022 № 70-ФЗ, от 14.07.2022 № 290-ФЗ снижен порог ответственности субъектов предпринимательства по результатам проведенных проверок органов государственного контроля, введена отсрочка и скидка для назначаемых штрафов.

Вместе с тем либерализация не коснулась административных составов, выявленных таможенными органами, т. е. всех правонарушений, объединенных в гл. 16 КоАП РФ. На наш взгляд, действие либерализующих новелл следует распространить и на составы таможенных правонарушений на период адаптации отечественной экономики и субъектов ВЭД к кризисным условиям, что соответствовало бы интересам правовой охраны внешнеэкономической деятельности, поскольку снизило бы административное давление таможенных органов на участников внешнеторговых сделок, сократило число необоснованно привлеченных к административной ответственности лиц и ослабило давление на бизнес.

Министерством финансов подготовлен проект федерального закона и размещен на портале проектов НПА²⁷. Проект содержит положения, касающиеся:

- снижения ответственности за административные правонарушения, отнесенные к компетенции таможенных органов (ст. 16.2, 16.4, 16.16, 19.7.13 КоАП РФ);
- дополнения санкций перечисленных составов предупреждением;

²⁴ Информационное письмо Южной транспортной прокуратуры о результатах работы по надзору за исполнением таможенного законодательства в первом полугодии 2024 года.

²⁵ Информационное письмо Приволжской транспортной прокуратуры о результатах работы по надзору за исполнением таможенного законодательства за 12 месяцев 2023 года.

²⁶ Бут Н. Д., Егулов Д. А. Защита прокурором прав предпринимателей в сфере административной юрисдикции // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 6. С. 36–45.

²⁷ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=140076> (дата обращения: 02.02.2025).

- изменения порядка назначения административного наказания юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям при совершении тождественных административных правонарушений, охватываемых одним составом правонарушения;
- применения «дисконта» при уплате штрафа.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, сделаем следующие выводы:

1. В современных условиях кризисной внешнеполитической обстановки усиливается роль государства и прокуратуры как органа государственного контроля по выявлению и пресечению правонарушений в сфере внешнеэкономической деятельности.

2. Деятельность прокуратуры в сфере ВЭД обладает двоякой спецификой: законодательно она является надзорной, при этом практически и теоретически (склоняемся к точке зрения отношения надзора к контролю как подвида к виду) показывает себя контрольной. В связи с этим полагаем верным рассматривать деятельность прокуратуры по защите ВЭД как деятельность органа по государственному контролю с возможным расширением доступных мер и способов прокурорского реагирования за деятельностью должностных лиц таможенных органов.

3. Специфика и актуальность внешнеэкономической деятельности как предмета государственного контроля подразделений транспортных прокуратур обуславливает необходимость приведения Закона о прокуратуре в соответствие с требованиями времени путем расширения предмета прокурорского надзора в п. 1 ст. 1 Закона, а также его дополнения разделом II.1. «Система и организация транспортных прокуратур Российской Федерации», где особое внимание необходимо уделить закреплению и усилению контроля за таможенной сферой.

4. Большую опасность для внешнеэкономической сферы деятельности государства представляет необоснованное применение таможенными органами административно-юрисдикционных средств, особенно в условиях кризиса отечественной экономики и сферы ВЭД, чем создается давление на субъектов внешней торговли, подрывается инвестиционный и деловой климат, а также создается излишняя нагрузка на органы прокуратуры ввиду высокого конфликтного потенциала. В связи с этим полагаем верным на период сложной внешнеэкономической ситуации провести либерализацию административных составов гл. 16 КоАП РФ «административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)».

Список источников

1. *Александрова Л. И.* Прокурорский надзор за исполнением законов о таможенном регулировании в условиях функционирования Евразийского экономического союза / Л. И. Александрова, Т. А. Диканова, Т. Ю. Изгагина [и др.]. М.: Проспект, 2022. 240 с. EDN: DJJZIR
2. *Беляев В. П.* Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 199–207 DOI: 10.17803/1994-1471.2017.77.4.199-207. EDN: YSRINZ
3. *Бессарабов В. Г.* Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 48 с. EDN: NLVSMJ
4. *Бут Н. Д.* Защита прокурором прав предпринимателей в сфере административной юрисдикции / Н. Д. Бут, Д. А. Егупов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 6. С. 36–45. EDN: NNNHLC
5. *Винокуров В. А.* Законодательство о публичной власти в России: проблемы понятия и содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 34–37. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-1-34-37. EDN: NJDGOS
6. *Дудин Н. П.* Актуальные проблемы исполнения законов о таможенном контроле // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 2 (82). С. 76–80. EDN: AOUFFD

7. Ерицян А. В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности // Государство и право. 2002. № 2. С. 103–108.
8. Изгагина Т. Ю. Роль решений суда для оценки состояния законности прокурорами в таможенной сфере // Современная наука. 2021. № 5. С. 12–16. DOI: 10.53039/2079-4401.2021.7.5.002. EDN: EPIIFR
9. Коршунова О. Н. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин [и др.]. М.: КноРус, 2019. 268 с. EDN: MNPSLM
10. Кудилинский М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности: к соотношению понятий «контроль» и «надзор» // Социология и право. 2015. № 1 (27). С. 38–49. EDN: TQAWVV
11. Ломовский В. Д. Прокурорско-надзорные правоотношения. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1987. 159 с.
12. Росляков А. А. Проблема осуществления прокурорского надзора за соблюдением таможенного законодательства органами Федеральной таможенной службы Российской Федерации // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 1-2. С. 421–424. DOI: 10.46554/ScienceXXI-2021.02-1.2-pp.421. EDN: WKXXUQ
13. Рубцова М. В. Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. Вып. 2 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; отв. ред. С. К. Лещенко. Минск: РИВШ, 2021. С. 358–367.
14. Субанова Н. В. Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2023. 400 с.

Об авторе:

Сухов Сергей Алексеевич, аспирант факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Российская Федерация; прокурор отдела ведомственной статистики и организационно-методической работы управления правовой статистики, информационных технологий и защиты информации, Прокуратура Нижегородской области, Нижний Новгород, Российская Федерация; ORCID: 0009-0009-7866-7896, e-mail: ssukhov@hse.ru

References

1. Aleksandrova, L. I., Dikanova, T. A., Izgagina, T. Yu. (2022) Prosecutor's supervision of the implementation of laws on customs regulation in the context of the functioning of the Eurasian Economic Union. *Prospekt*, 240 p. (In Russ.)
2. Belyaev, V. P. (2017) Monitoring and Supervision: the Problem of Distinguishing. *Actual Problems of Russian Law*, no. 4 (77), pp. 199–207. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2017.77.4.199-207
3. Bessarabov, V. G. (2001) The Prosecutor's Office in the system of state control of the Russian Federation. 48 p. (In Russ.)
4. Bout, N. D., Egupov, D. A. (2023) Prosecutor's Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Field of Administrative Jurisdiction. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, no. 6, pp. 36–45. (In Russ.) EDN: NNHILC
5. Vinokurov, V. A. (2023) Laws on Public Government in Russia: Problems of the Concept and Content. *Constitutional and Municipal Law*, no. 1, pp. 34–37. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3767-2023-1-34-37
6. Dudin, N. P. (2022) Current problems of enforcement of the laws on customs control. *Scientific Letters of Russian Customs Academy St. Petersburg Branch Named after Vladimir Bobkov*, no. 2 (82), pp. 76–80. (In Russ.)
7. Eritsyen, A. V. (2002) State Control over the Compliance with Legislation by Business Entities. *State and Law*, no. 2, pp. 103–108. (In Russ.)
8. Izgagina, T. Yu. (2021) The Role of Court Decisions for Assessing the State of Legality by Prosecutors in the Customs Sphere. *Modern Science*, no. 5, pp. 12–16. (In Russ.) DOI: 10.53039/2079-4401.2021.7.5.002

9. Korshunova, O. N., Lavrov, V. V., Nikitin, E. L. (2019) Instruments of Prosecutorial Activity: Problems of Theory and Practice. *Knorus*. 268 p. (In Russ.)
Kudilinskiy, M. N. (2015) Control as a Type of the State Governance: Correlation of the Terms “Control” and “Supervision”. *Sociology and Law*, no. 1 (27), pp. 38–46. (In Russ.)
10. Lomovskii, V.D. (1987) Prokurorsko-nadzornye pravootnosheniya. Rostov n/D: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 159 p. (In Russ.)
11. Roslyakov, A. A. (2021) The Problem of Implementation of the Prosecutor's Supervision Over Observance of the Customs Legislation of the Federal Customs Service of the Russian Federation. *Science of the XXI Century: Current Directions of Development*, no. 1 (2), pp. 421–424. (In Russ.) DOI: 10.46554/ScienceXXI-2021.02-1.2-pp.421
12. Rubtsova, M. V. (2021) The Activities of the Prosecutor's Office of Russia in the System of Ensuring Economic Security in the Implementation of Foreign Trade in Goods. *Justice and Law Enforcement Activities*, no. 2, pp. 358–367. (In Russ.)
13. Subanova, N.V. (2023) Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov vne ugovovno-pravovoi sfery: problemy teorii i praktiki: monografiya. *Prospekt*. 400 p. (In Russ.)

About the author:

Sergei A. Sukhov, postgraduate student of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Nizhny Novgorod, Russian Federation); prosecutor of the department of departmental statistics and organizational-methodical work of the department of legal statistics, information technologies and information protection, Prosecutor's Office of the Nizhny Novgorod Region (Nizhny Novgorod, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-7866-7896, e-mail: ssukhov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Основание построения системы принципов гражданского права: концепции социального назначения права и экономического анализа права

Волос А. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

E-mail: avolos@hse.ru

Аннотация

Введение: основание построения системы принципов гражданского права недостаточно изучено в современной науке. Ее разрешение играет не только сугубо доктринальную роль, но и имеет практическое значение: разрешение коллизий между отдельными принципами частного права, толкование норм, разрешение частных случаев при применении аналогии права со ссылкой на смысл гражданского законодательства. Именно путем обращения к основанию построения системы принципов следует интерпретировать логику высших судов, использующих основные начала при формировании своих правовых позиций. При первом приближении на роль оснований построения (то есть базовых концептуальных позиций) системы принципов гражданского права могут претендовать экономическая эффективность и социальное назначение, которые при внешнем предварительном изучении не в полной мере соотносятся друг с другом. Цель исследования заключается в установлении основания построения системы принципов гражданского права и определения возможности практического использования полученных выводов в связи с существованием концепций социального назначения права и экономического анализа права.

Методология: в качестве методов исследования использованы различные общенаучные (анализ, синтез, аналогия) и специально-юридические методы познания (сравнительно-правовой, догматический, методы анализа норм законодательства и судебной практики). Особую роль сыграли методы правового моделирования и системного анализа принципов гражданского права.

Результаты: экономическая эффективность и социальное назначение не противоречат друг другу, так как выполняют разные задачи, являясь разнопорядковыми. Иные подходы к основаниям построения системы принципов гражданского права при этом не заслуживают поддержки.

Выводы: в качестве основания построения системы принципов гражданского права выступает социальное назначение права, позволяющее разрешать коллизии между принципами для конкретных случаев. Однако социальное назначение само по себе принципом не является. Концепция экономического анализа права не должна рассматриваться в качестве основания построения системы принципов гражданского права, а является методологическим приемом толкования норм права, а также подходом к исследованию юридических конструкций, в том числе отдельных принципов гражданского права.

Ключевые слова: принципы гражданского права; социальное назначение права; экономический анализ права; слабая сторона; принцип справедливости; аналогия права; основание принципов; система принципов.

Для цитирования: Волос А. А. Основание построения системы принципов гражданского права: концепции социального назначения права и экономического анализа права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 150–160. EDN: ZDKXAM

The article was submitted: 09.12.2025

Last review received: 26.01.2026

The article accepted for publication: 20.02.2026

The Basis for Building a System of Principles of Civil Law: Concepts of Social Purpose of Law and Economic Analysis of Law

Aleksei A. Volos

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation

E-mail: avolos@hse.ru

Abstract

Introduction: the basis for building a system of principles of civil law is insufficiently studied in modern science. Its resolution plays not only a purely doctrinal role, but also has practical significance: resolving conflicts between individual principles of private law, interpreting norms, resolving special cases when applying the analogy of law with reference to the meaning of civil legislation. It is by referring to the basis for building a system of principles that the logic of the supreme courts should be interpreted, using the basic principles in forming their legal positions. At a first approximation, economic efficiency and social purpose, which do not fully correlate with each other during external preliminary study, can claim to be the foundations for building (that is, the basic conceptual positions) of the system of principles of civil law. The purpose of the study is to establish the basis for building a system of principles of civil law and to determine the possibility of practical use of the findings in connection with the existence of concepts of social purpose of law and economic analysis of law.

Methodology: various general scientific (analysis, synthesis, analogy) and special legal methods of cognition (comparative legal, dogmatic, methods of analysis of legislation and judicial practice) are used as research methods. A special role was played by the methods of legal modeling and system analysis of the principles of civil law.

Results: economic efficiency and social purpose do not contradict each other, as they perform different tasks, being of different orders. Other approaches to the foundations of building a system of principles of civil law do not deserve support.

Conclusions: the basis for building a system of principles of civil law is the social purpose of law, which allows resolving conflicts between principles for specific cases. However, social purpose is not a principle in itself. The concept of economic analysis of law should not be considered as the basis for building a system of principles of civil law, but is a methodological technique for interpreting legal norms, as well as an approach to the study of legal structures, including individual principles of civil law.

Keywords: civil law principles; social purpose of law; economic analysis of law; weak party; principle of equity; analogy of law; foundation of principles; system of principles.

For citation: Volos, A. A. (2026) The Basis for Building a System of Principles of Civil Law: Concepts of Social Purpose of Law and Economic Analysis of Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 150–160. (In Russ.)

1. Введение

Ученые, говоря о системе принципов гражданского права, традиционно обращаются к основным началам гражданского законодательства, закрепленным в ст. 1 ГК РФ. Так, данная статья устанавливает

принципы равенства, неприкосновенности собственности, недопустимости произвольного ограничения гражданских прав и вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав и пр. Однако формальное понимание системы принципов гражданского права, которое заключается в том, что система принципов приравнивается к перечню основных начал гражданского законодательства по ст. 1 ГК РФ, не соответствует содержанию законодательства. В частности, среди поименованных в законе принципов гражданского права отсутствуют начала, которые прямо постулируют требования к содержанию норм частного права или условиям гражданско-правовых договоров. Например, не зафиксированы в нормах принципы защиты слабой стороны гражданских правоотношений, экономической эффективности, соблюдения оптимального баланса интересов участников отношений, социальной справедливости, учета и защиты публичных и общественных интересов, рациональности и непротиворечивости правового регулирования.

Вместе с тем эти и другие принципы имманентно свойственны частному праву. Причем судебная практика выводит их из ст. 1 ГК РФ, что говорит о невозможности ее формального применения. В частности, в законе не установлен принцип защиты слабой стороны. Внешне может показаться, что он вообще противоречит основным началам гражданского законодательства: равенству и свободе договора. Однако, «исходя из конституционной свободы договора, законодатель не вправе ограничиваться формальным признанием юридического равенства сторон и должен предоставлять определенные преимущества экономически слабой и зависимой стороне»¹. Значит, принципы гражданского права и их перечень идут дальше того формального наполнения, который содержится в тексте ст. 1 ГК РФ. В целом, скажем, принцип защиты слабой стороны основан на принципе равенства, отражает суть последнего, возможность его ограничения, но формально из положений ст. 1 ГК РФ не следует.

Здесь логично следует вывод о том, что система принципов гражданского права базируется на каком-то едином основании, то есть базовых концептуальных позиций, которые позволяют правильно интерпретировать принципы в их совокупности². При первом приближении на роль таковых могут претендовать экономическая эффективность и социальное назначение, которые опять же при внешнем предварительном изучении не в полной мере соотносятся друг с другом. Так, нередко приходится слышать тезис о том, что социальное назначение права противопоставляется экономическому анализу права³. Вместе с тем не стоит жестко противопоставлять экономическую эффективность и социальное назначение. Как будет показано ниже, оба явления влияют на систему принципов гражданского права. Первый аспект такого взаимопроникновения проявляется в том, что, как представляется, авторы, критикующие экономический анализ права, на самом деле подчеркивают необходимость соблюдения баланса между социальным назначением и экономической эффективностью⁴, с чем спорить сложно. Вместе с тем разграничение обсуждаемых категорий более глубокое, чем может показаться на первый взгляд. Именно с этой гипотезы исходит автор настоящих строк. При этом очевидно, что полностью отказываться от экономических оснований права в контексте принципов не стоит.

В любом случае цивилистическая наука мало внимания уделила оценке системы принципов гражданского права с позиции их социального назначения. Одним из первых об этом писал А. Л. Маковский, по мнению которого, «главная проблема частного права — столкновение и сосуществование сугубо формального принципа равенства сторон гражданского правоотношения с принципом (принципами)

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

² С. В. Сарбаш, правда, предлагает иной вариант пояснения: возможно, существует основной (генеральный) принцип, который может быть положен в основу согласования нескольких принципов права при их коллизиях. См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статус, 2020. С. 43.

По нашему мнению, для разрешения коллизий между принципами гражданского права не следует искать один главный принцип частного права, каждый из которых формально может иметь ограничения. Правильным видится изучение оснований построения системы принципов гражданского права, которые выступают элементом категории «смысл гражданского законодательства», хоть и прямо в его нормах не закреплены.

³ См.: Емелькина И. А. Социальное назначение ограниченного вещного права пользования чужим имуществом // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / Отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М., 2020. С. 77.

⁴ См., напр.: Суханов Е. А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 6. С. 80–95.

справедливости»⁵. Говоря о конкретных принципах, «речь должна идти об усилении в частноправовом регулировании не только начал диспозитивности и юридического равенства участников, но и принципов добросовестности и справедливости, определяющих его развитие в социально ориентированном государстве»⁶.

Вместе с тем нельзя сказать, что концептуально принципы гражданского права понимаются в отрыве от социального назначения частного права. Как представляется, именно так и понимают принципы суды, когда прямо применяют именно основные начала. Так, Верховный Суд Российской Федерации по одному из дел написал в решении, что «из принципов равенства участников гражданских отношений, свободы договора, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав <...> следует, что перемена кредитора в обязательстве не должна ухудшать положение должника»⁷. Иная логика превратила бы должника в бесправное лицо, хотя, если толковать равенство и свободу договора излишне формально, то к такому выводу при большом желании прийти можно. Таким образом, основанием построения системы принципов гражданского права является социальное назначение права.

2. Методы и материалы

В качестве методов исследования использованы различные общенаучные (анализ, синтез, аналогия) и специально-юридические методы познания (сравнительно-правовой, догматический, методы анализа норм законодательства и судебной практики). Особую роль сыграл метод правового моделирования. Автор активно проанализировал отдельные положения отечественного гражданского законодательства, материалы практики высших судов, в которых нашли отражение принципы гражданского права. Также критически проанализированы доктринальные источники как советского, так и современного периодов развития цивилистики.

3. Результаты и обсуждение

Мысль о наличии социального основания в принципах частного права не нова. Некоторые авторы ограничиваются очевидным утверждением о том, что сущность правовых принципов вытекает из социального назначения права⁸. Другие исследователи идут дальше, раскрывая указанный фактор. Так, Т. С. Яценко, отстаивая подход о социальной функции в каждом институте гражданского права⁹, указывает, что целый ряд принципов своей целью имеет обеспечение автономии субъектов права, создание некоей сферы, в рамках которой они будут свободно осуществлять свою деятельность. Другие же принципы указывают на границы дозволенного поведения и предусматривают критерии социально полезного поведения, ожидаемого от участников гражданского оборота¹⁰. Получается, в принципах заложен своего рода механизм сдержек и противовесов, при котором балансом является достижение социальной справедливости.

Впрочем, чаще всего социальное назначение права ученые находят в отдельных принципах: добросовестности и недопустимости злоупотребления правом. При этом правильно было отмечено в научной литературе, что категория злоупотребления правом в действующей редакции ст. 10 ГК РФ является более широким понятием: она включает действия, которые не отвечают цели закона, а не только социаль-

⁵ Письмо А. Л. Маковского ответственным редакторам // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / Отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М., 2020. С. 8.

⁶ Суханов Е. А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / Отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М., 2020. С. 36.

⁷ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2015 № 307-ЭС15-6545 по делу № А13-1513/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См., напр.: Андреев Ю. Н. О соотношении правовых принципов и методов правового регулирования // Цивилист. 2023. № 3. С. 17. EDN: ZBHOEM

⁹ См.: Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 11–12. EDN: ZQCKZL

¹⁰ См. там же. С. 23–24.

ному назначению субъективного права¹¹. Таким образом, социальное назначение права не исчерпывается общим квалифицирующим признаком того или иного принципа. Не является оно и основанием для ограничения действия того или иного основополагающего начала. Значение куда более глубокое.

Верховный Суд РФ в свое время указал, что положения ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права, подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ¹². Таким образом, по мнению Верховного Суда РФ, принципы должны применяться в системе: правильное понимание норм гражданского права возможно лишь в их взаимосвязи именно с самой системой принципов, а не с отдельными началами гражданского законодательства. Как показано выше и будет показано в настоящей статье на конкретных практических примерах из судебных решений, основанием построения системы принципов гражданского права является идея справедливости и социального назначения права. Именно данные категории имеют правоприменительное значение в контексте применения принципов. Фактически, когда суды применяют систему принципов гражданского права для толкования норм, они исходят из их социального назначения. Иное происходит, когда для разрешения дела достаточно применения одного принципа. Правда, в последнем случае речь идет не о толковании норм гражданского законодательства в контексте системы принципов гражданского права, а о применении конкретной нормы.

Например, судами сформулирован подход к тому, что принцип свободы договора не нарушается обязанностью заключить основной договор на условиях предварительного договора¹³. Указанный вывод вполне вытекает из сущности принципа свободы договора, в том числе свободного принятия субъектом на себя обязанностей, установленных предварительным договором. Дополнительной аргументации, включающей обоснование с упором на социальное назначение права, не требуется. Однако в тех случаях, когда судами определяются разумные рамки ограничений свободы договора с учетом принципов равенства, пропорциональности, защиты слабой стороны и т. п., фактически суды толкуют нормы гражданского законодательства с учетом всей системы принципов гражданского права, социальное назначение которой наглядно проявляется. Иногда это прямо не написано в решении суда, но следует из его содержания, когда, в частности, Конституционный Суд Российской Федерации указывает на необходимость особой охраны граждан-потребителей¹⁴.

Остается тонкий вопрос о соотношении справедливости и социального назначения права. Понятно, что данные явления близки друг другу, хотя, видимо, имеют несколько разную содержательную характеристику. С позиции частного права справедливость выступает оценочной категорией, применяемой для отдельных категорий дел, к примеру, при оценке убытков (например, по п. 5 ст. 393 ГК РФ). Более того, законодатель формально «выводит» справедливость из категории смысла гражданского законодательства¹⁵. При буквальном толковании п. 2 ст. 6 ГК РФ следует разделять общие начала, смысл гражданского законодательства, требования добросовестности, разумности и справедливости. Впрочем, вряд ли такое «буквоедство» соответствует действительности, хотя бы потому, что требование добросовестности уже формально включено в основные начала гражданского законодательства. Следовательно, положения п. 2 ст. 6 ГК РФ следует понимать так, что «общие начала», «смысл гражданского законодательства», «требования добросовестности, разумности, справедливости» — это разные категории, выполняющие собственные функции¹⁶, но при этом допускающие взаимное пересечение.

¹¹ См.: *Ем В. С., Суханов Е. А.* О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19, № 4. С. 15. DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-4-7-21. EDN: UCEVAP

¹² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹³ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2011 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2011 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 9.

¹⁴ См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 28-П.

¹⁵ При этом, разумеется, смысл гражданского законодательства не исчерпывается справедливостью.

¹⁶ Конечно, нет смысла противопоставлять, например, основные начала и смысл гражданского законодательства. Вместе с тем нельзя даже при внешнем изучении вопроса найти в них определенные отличия. Так, основные начала гражданского законодательства могут быть прямо применены для разрешения дел в качестве конкретной нормы права без дополнительного использования иных положений.

Таким образом, не стоит строго противопоставлять идею справедливости и социальное назначение права, однако на роль основания построения системы принципов гражданского права и элемента категории «смысл гражданского законодательства» должно претендовать именно социальное назначение. Справедливость, являясь оценочной категорией, может выступать в качестве начала частного права или, если это прямо предусмотрено нормой закона, регулятором общественных отношений. Например, при определении размера убытков¹⁷ или судебной неустойки¹⁸ суд учитывает требования справедливости.

Подтвердив тот факт, что нормы законодательства и судебная практика видят в социальном назначении права функцию основания построения системы принципов гражданского права, перейдем к проблеме экономического анализа права. В трудах многих ученых встречается вывод о том, что принципы частного права в своей основе имеют экономическое содержание. В частности, подобный подход был характерен для советской цивилистики. Конечно, принципы гражданского права — это юридические явления, поэтому к ним нельзя относить экономические законы¹⁹. Однако принципом, как писал С. Н. Братусь, может стать специфическое выражение в гражданском праве экономических закономерностей развития общества²⁰.

Постсоветская цивилистика концептуально не смогла отказаться от взгляда на принципы частного права как на категории, имеющие экономическое основание. Например, В. И. Бородинский определил принципы гражданского права как «обусловленные объективными потребностями развития экономических отношений и закрепленные в законодательстве основные начала (идеи), определяющие сущность и содержание гражданско-правового регулирования»²¹.

Мы считаем, что в настоящий момент еще не в полной мере исчерпан потенциал экономического анализа права для целей применения отдельных принципов гражданского права. Например, в качестве перспективных направлений исследования принципов гражданского права с точки зрения экономики можно указать на установление содержания, выявление оснований ограничения, раскрытие предпосылок принципов гражданского права.

Так, экономический анализ может использоваться, например, при толковании принципа обеспечения восстановления нарушенных прав, когда выясняется объем ущерба, нанесенного нарушением договора²². Похожая ситуация связана с реализацией института гражданско-правовой ответственности: если издержки от мер по исполнению законодательства будут выше, чем размер ответственности, то субъекты при прочих равных условиях будут платить штрафы, но не соблюдать законодательство²³. Один из последних конкретных практических примеров: включение несправедливых условий в договор, заключаемый с потребителями на онлайн-ресурсах. Суд может подтвердить незаконность такого соглашения в части, однако владелец ресурса не обязательно откажется от него в дальнейшем. Главной причиной такого поведения является экономическая неэффективность действующих мер ответственности²⁴. Тем самым в приведенной ситуации на основании применения приемов экономического анализа права следует разработать систему частных и публичных мер, которые решили бы ситуацию.

Из сказанного возникает вопрос о соотношении социального назначения права и экономического базиса именно в рамках дискуссии об основаниях принципов гражданского права. Можно подумать, что в целом принципы имеют социально-экономический фундамент, а задача законодателя — найти баланс между социальной справедливостью и экономической эффективностью. О том, что принципы гражданского права в концентрированном виде отражают социально-экономическую сущность отноше-

¹⁷ См., например, абз. 2 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹⁸ См. ст. 308.3 ГК РФ.

¹⁹ См.: Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 136. EDN: RGFXTB

²⁰ См. там же. С. 138.

²¹ Бородинский В. И. Механизм взаимодействия принципов и норм гражданского права современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7. EDN: NMCBPL

²² См.: Bag S. Economic Analysis of Contract Law: Incomplete Contracts and Asymmetric Information. Palgrave Macmillan. 2018. P. 12.

²³ См.: Каранетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 61. EDN: YSGBPZ

²⁴ Более подробно об этом, см.: Савельев А. И. Договорно-правовые аспекты использования click-wrap соглашений в Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2025. Т. 2. № 2. С. 269. DOI: 10.24031/1992-2043-2025-25-2-266-290. EDN: HBXGJX

ний и экономической политики, писали многие ученые, в частности В. Ф. Яковлев²⁵. Теоретически с этим спорить сложно. При этом такой формальный подход позволит законодателю произвольно решать, как соотносятся цель социального назначения и экономические задачи. Принципы частного права по своим функциям, наоборот, должны гарантировать системность законодательства, исключая возможность произвольного внесения в него изменений, нарушающих основы права.

Нередко в цивилистической литературе встречаются попытки противопоставления экономического анализа права и социального назначения права. Так, Е. А. Суханов, критикуя тенденцию активного использования экономического анализа права для решения юридических задач, напоминает, что цель правового регулирования «состоит в достижении не обязательно экономически наиболее эффективного, но всегда социально справедливого результата, что обусловлено самой природой права как особого социального явления»²⁶. Тем самым делается попытка придать экономическому анализу права подчиненное положение по отношению к социальной справедливости, что спорно и требует обсуждения с позиции философии права. Предположим, что для цели разрешения частноправовых споров (именно этот момент интересует нас применительно к обсуждению оснований системы принципов гражданского права) приведенный вывод не всегда дает положительный эффект.

Говоря о системе принципов гражданского права, предполагаем, что разграничение экономических основ и социального назначения права более тонкое и сложное, чем иногда пытаются представить. Так, когда мы обсуждаем экономический анализ права применительно к принципам гражданского права, раскрытию подлежат отдельные начала, причем их конкретные проявления и составные части. В частности, в одной из наиболее популярных отечественных работ по экономическому анализу права подробно раскрывается вопрос о принципе свободы договора, его элементах, пределах²⁷. Аналогичным образом с методологической точки зрения допустимо раскрытие иных принципов, скажем, принципа юридического равенства и его ограничений в контексте антимонопольного законодательства, действия правил о принудительном заключении договора по требованию контрагента лица, занимающего доминирующее положение на рынке. Подобные и многие иные примеры рационально объясняются экономическим анализом права.

С другой стороны, экономический анализ права следует рассматривать лишь как один из методов изучения правовых конструкций, средством интерпретации правовых норм, в том числе принципов гражданского права. Окончательные выводы любого цивилистического исследования могут строиться лишь на основании совокупности методов. Более того, экономический анализ права не должен претендовать на роль первостепенного подхода к толкованию правовых норм. Его абсолютизация, как правильно отмечал С. А. Сеницын, несет серьезные риски, так как «представляемая им картина восприятия правом потребностей экономической жизни субъективна и не является истиной, предполагая критическое осмысление применимости полученного результата к конкретным сферам социально-экономической реальности»²⁸.

Если вернуться к социальному назначению права и вспомнить функции данной категории в частном праве (в том ракурсе, который обосновывается в настоящей работе), то станет ясно, что концептуальной проблемы его соотношения с экономическим анализом права нет. Данные явления не следуют противопоставлять, они просто выполняют разные задачи, то есть разнопорядковые. Экономический анализ права — это методологический прием толкования норм права, а также подход к исследованию юридических конструкций, в том числе отдельных принципов гражданского права. Социальное назначение права (и в этом смысле — идея о социальной справедливости) выступает основанием построения системы принципов гражданского права, позволяя разрешать коллизии между этими принципами для

²⁵ См.: Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2. Гражданское право: История и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. С. 667.

²⁶ Суханов Е. А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 6. С. 88.

²⁷ См.: Каранетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 242 и след.

²⁸ Сеницын С. А. Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 47. DOI: 10.12737/jrl.2022.005. EDN: MNHCKO

конкретных случаев. Сам по себе экономический анализ права, как и любой обособленно взятый метод интерпретации, на такую роль претендовать не может.

Несомненно, что для произвольно выбранных теоретических и практических казусов понимание частного права в целом и отдельных норм через его социальное назначение и экономический анализ могут как совпадать, так и вступать в противоречие. Так, ограничение принципа свободы договора в целях защиты интересов слабой стороны в предпринимательских отношениях, а равно применение к ним правил о несправедливых договорных условиях не в полной мере соответствуют идеям экономического анализа права. Несколько натянутыми выглядят объяснения необходимости защиты слабой стороны в B2B-сделках представителями указанной теории: «если условия договора с монополистом („сильным“ субъектом) будут излишне обременительными для „слабых сторон“, то такая ситуация приведет к неэффективно низкому уровню договорной деятельности, что негативно скажется на всей экономике»²⁹. Между тем предложенное обоснование ничего не говорит про охрану субъекта, находящегося в слабой переговорной позиции, но вступающего в отношения не с монополистом, а, в частности, со страховщиком, кредитной организацией, лизинговой компанией³⁰. В связи с этим принцип защиты слабой стороны гражданского правоотношения выглядит сомнительным с точки зрения экономического анализа права. Его обоснование через социальное назначение частного права выглядит более уместным.

Приведем обратный пример. Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях последовательно проводит принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности. В частности, утверждается, что «одним из элементов публичного порядка Российской Федерации является принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности, предполагающий восстановление нарушенного права, но не обогащение в результате защиты нарушенного (оспоренного) права»³¹. Сказанное вполне логично как ввиду применения экономического анализа права, так и идей социальной справедливости.

Подобных примеров множество, но, взятые в единой системе, они не говорят о концептуальном противоречии между экономическим анализом права и его социальным назначением. Различия существуют по функциям, выполняемым по отношению к системе принципов частного права. Социальное назначение права является базовым основанием построения системы принципов частного права, применимо в целях преодоления коллизий между ними. Таким образом оно играет существенную роль в правотворческой деятельности, а также в процессе формирования правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Экономический анализ права — методологический прием толкования норм права, в том числе отдельных принципов гражданского права. Имеется (и в полной мере не исчерпан к настоящему моменту в практике российских судов) его потенциал для разрешения некоторых споров. Общее для социального назначения права и экономического анализа: по ряду дел они могут быть использованы правоприменителем со ссылкой на аналогию права и смысл законодательства, если таковая будет релевантна и обоснована в решении.

Помимо социального назначения и экономического анализа права, и другие категории могут претендовать на статус оснований построения системы принципов гражданского права. В частности, одной из последних теорий в данной сфере является концепция, объясняющая основополагающие начала через внутренние убеждения субъектов. Так, А. В. Коновалов предлагает рассматривать гражданско-правовые принципы «не только с позиции текущих политических, экономических и социальных задач соответствующей общественно-политической формации, общепризнанных базовых дозволений и запретов, общих нравственных императивов, их позитивно-нормативистского понимания, но и на основе психосоматического, психофизического склада субъекта с учетом присущих ему ценностей»³². Автор

²⁹ Bag S. (2018) *Economic Analysis of Contract Law: Incomplete Contracts and Asymmetric Information*. Palgrave Macmillan. P. 45.

³⁰ В последние годы Верховный Суд Российской Федерации неоднократно признавал контрагента страховщика, кредитной организации, лизинговой компании слабой стороной. См., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2024 № 305-ЭС23-18327 по делу № А40-57939/2021 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³¹ Пункт 34 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 3, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³² Коновалов А. В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 16. EDN: VFVPC

обосновывает вывод о том, что процесс обустройства системы общественных балансов не может быть абсолютно оторванным от единой природы человека³³. Аргументация строится на основе базовых идей психологической теории права, ярким представителем которой был Л. И. Петражицкий, а также новейших достижений в области психологии и социологии³⁴, что придает такой интерпретации серьезную междотраслевую направленность.

С приведенными тезисами ученого спорить сложно, ведь все правовые принципы имеют в своем базисе определенные ценностные установки, а значит, коррелируют природе человека. Значимость сформированного А. В. Коноваловым подхода в настоящий момент возрастает. Так, Г. А. Гаджиев со ссылкой на Л. И. Петражицкого обращает внимание на необходимость учета состояния этической культуры при разработке гражданского законодательства как элемента правовой политики³⁵. Автор полагает, что сейчас ввиду определенных причин, связанных с переосмыслением ряда ценностей, произошла корректировка цивилистической культуры³⁶. Новые ориентиры в развитии частного права отражаются в первую очередь в понимании содержания и ограничении действий основополагающих начал.

Вместе с тем психосоматический или психофизический склад, являясь субъективным восприятием участником гражданского права явлений реального мира, может быть полезным для интерпретации отдельных принципов частного права (равно как и экономический анализ права), но выступать только в роли факультативного критерия, дополняющего социальное назначение права и политико-правовые соображения.

4. Выводы

Таким образом, для понимания оснований построения системы принципов гражданского права следует принять следующие выводы.

1. Основанием построения системы принципов гражданского права является социальное назначение права, которое, однако, само по себе принципом частного права не является, так как выполняет иную функцию. Основание построения системы принципов гражданского права — это элемент смысла гражданского законодательства, которое, наряду с иными (метод гражданско-правового регулирования, сущность и характеристика отношений, регулируемых гражданским правом, и пр.) используется для толкования принципов в самой системе, когда между ними имеется формальное противоречие и когда присутствует запрос на разрешение таких коллизий. В таком контексте социальное назначение права становится близким к идее справедливости, но является в большей степени практико-ориентированным, чем абстрактная идея справедливости.

2. Экономический анализ права — это методологический прием толкования норм права, в частности отдельных принципов гражданского права. Его потенциал, в том числе для решения практических задач и отдельных дел, раскрыт не в полной мере. Результаты, достигнутые экономическим анализом права, могут частично совпадать с тем, что презумирует социальное назначение права, например, в контексте ограничения принципа свободы договора для цели обеспечения конкуренции. Их противоречивость для ряда кейсов не должна означать теоретическую противопоставимость социального назначения права и экономического анализа права. Приведенные категории, являясь разноплоскостными, выполняют при правильном применении не совпадающие друг с другом функции.

3. В качестве практического выражения приведенных выводов возможно в дальнейшем закрепление на уровне ГК РФ социального назначения гражданского права в качестве его базового положения. В частности, в положениях ст. 1 могло бы быть закреплено правило о толковании принципов гражданского права в их системе с учетом социального назначения гражданского права.

³³ См. там же. С. 48.

³⁴ См. там же. С. 193 и след.

³⁵ См.: Гаджиев Г. А. Возрождение традиционной для России цивилистической культуры в Гражданском кодексе РФ 1994 г. // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 6. С. 81. DOI: 10.24031/1992-2043-2024-24-6-75-82. EDN: VFYNHL

³⁶ См. там же.

Список источников

1. Андреев Ю. Н. О соотношении правовых принципов и методов правового регулирования // *Цивилист*. 2023. № 3 (43). С. 17–22. EDN: ZBHOEM
2. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 197 с. EDN: RGFXMB
3. Бородянский В. И. Механизм взаимодействия принципов и норм гражданского права современной России: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: дис. ... канд. юрид. наук / Бородянский Владимир Игоревич. М., 2002. 155 с. EDN: NMCBPL
4. Гаджиев Г. А. Возрождение традиционной для России цивилистической культуры в Гражданском кодексе РФ 1994 г. // *Вестник гражданского права*. 2024. Т. 24. № 6. С. 75–82. DOI: 10.24031/1992-2043-2024-24-6-75-82. EDN: VFYNHL
5. Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / Отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. 480 с.
6. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с. EDN: YSGBPZ
7. Коновалов А. В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 1161 с. EDN: VFBVPC
8. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2020. 1104 с.
9. Савельев А. И. Договорно-правовые аспекты использования click-wrap соглашений в Российской Федерации // *Вестник гражданского права*. 2025. Т. 2. № 2. С. 266–290. DOI: 10.24031/1992-2043-2025-2-266-290. EDN: HBXGJX
10. Сеницын С. А. Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 1. С. 47–60. DOI: 10.12737/jrl.2022.005. EDN: MNHCKO
11. Суханов Е. А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2023. № 6. С. 80–95.
12. Ем В. С. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления / В. С. Ем, Е. А. Суханов // *Вестник гражданского права*. 2019. Т. 19, № 4. С. 7–21. DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-4-7-21. EDN: UCEVAR
13. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2. Гражданское право: История и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. 976 с.
14. Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 363 с. EDN: ZQCKZL
15. Bag, S. (2018) *Economic Analysis of Contract Law: Incomplete Contracts and Asymmetric Information*. Palgrave Macmillan, 203 pp.

Об авторе:

Волос Алексей Александрович, доцент департамента частного права, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент; ORCID: 0000-0001-5951-1479, e-mail: avolos@hse.ru

References

1. Andreev, Yu. N. (2023) On the Correlation Between Legal Principles and Methods of Legal Regulation. *Civilist*, no. 3 (43), pp. 17–22. (In Russ.)
2. Bratus, S. N. (1963) The Subject and the Method of the Soviet Civil Law. *Legal Literature*, 197 p. (In Russ.)

3. Borodyansky, V. I. (2002) Mechanism of interaction of principles and norms of civil law in modern Russia. Moscow. 155 p. (In Russ.)
4. Gadzhiev, G. A. (2024) The Revival of the Traditional Russian Civil Culture in the Civil Code of the Russian Federation of 1994. *Civil Law Review*, vol. 24, no. 6, pp. 75–82. (In Russ.) DOI: 10.24031/1992-2043-2024-24-6-75-82
5. Vitryanskiy, V. V., Sukhanov, E. A. (eds.) (2020) Civil Law of the Social State: A collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor Makovsky. *Statut*, 480 p. (In Russ.)
6. Karapetov, A. G. (2016) Economic Analysis of Law. *Statut*, 528 p. (In Russ.)
7. Konovalov, A. V. (2019) Principles of civil law: methodological and practical aspects of research. Moscow. 1161 p. (In Russ.)
8. Karapetov, A. G. (ed.) (2020) Basic Provisions of Civil Law: Article-by-article Commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Statut*, 1104 p. (In Russ.)
9. Saveliev, A. I. (2025) Contract Law Aspects of Using Click-Wrap Agreements in the Russian Federation. *Civil Law Review*, vol. 25, no. 2, pp. 266–290. (In Russ.) DOI: 10.24031/1992-2043-2025-25-2-266-290
10. Sinitsyn, S. A. (2022) Economic Analysis of Law: Opportunities and Limitations, Risks of Absolutizing the Approach. *Journal of Russian Law*, vol. 26, no. 1, pp. 47–60. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.005
11. Sukhanov, E. A. (2023) On the Interaction of Legal and Economic Approaches in the Study of Property Relations. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, no. 6, pp. 80–95. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-64-6-5
12. Em, V. S., Sukhanov, E. A. (2019) On Types of Subjective Civil Rights and The Limits of Their Implementation. *Civil Law Review*, vol. 19, no. 4, pp. 7–21. (In Russ.) DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-4-7-21
13. Iakovlev, V. F. (2012) Selected Works. Vol. 2: Civil Law: History and Modernity. Book 1. Moscow, 976 p. (In Russ.)
14. Yatsenko, T. S. (2016) Civil-law protection of public interests. 363 p. (In Russ.)
15. Bag, S. (2018) Economic Analysis of Contract Law: Incomplete Contracts and Asymmetric Information. *Palgrave Macmillan*, 203 pp.

About the author:

Aleksei A. Volos, Associate Professor of the School of Private Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; ORCID: 0000-0001-5951-1479, e-mail: avolos@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Особенности гражданско-правового регулирования договора поставки: актуальные вопросы и проблемы

Рашидова А. И.^{1,*}, Шубников Ю. Б.^{1,**}, Кузин Н. Н.^{1,2,***}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* E-mail: aselisa@mail.ru

** E-mail: shubnikovub@mail.ru

*** E-mail: nn.kuzin@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассмотрены вопросы, касающиеся проблем гражданско-правового регулирования договора поставки, которые предусматривает гражданское законодательство и выражает их решение в виде норм и правил, сосредоточенных в кодифицированных документах.

Методология и материалы: исследование основано на сравнительно-правовом анализе и системном подходе, которые развивают современные практикующие юристы и ученые-цивилисты (А. А. Амосов, В. А. Белов, А. В. Манкиева, Б. В. Аванесян, Д. В. Степанов и др.). К числу основных методов исследования относятся анализ и синтез предпринимательских договоров.

Результаты исследования и их обсуждение: авторы акцентировали внимание на спорах о возможности содержания в договоре иных прав поставщика, например по доставке товара. Отмечено, что одним из важных моментов гражданско-правового регулирования договора поставки является решение вопроса о его форме с соблюдением всех требований к ней. Рассмотрены вопросы арбитражной практики, которая дает подтверждение в ситуации, связанной с нарушением требований договора.

Выводы: сделаны соответствующие выводы и высказаны ограничения о том, что право на отказ от договора может быть предоставлено только той стороне, которая не ведет (не осуществляет) предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование; гражданское законодательство; споры; требования; исковое заявление; действия договора для обязательства; гарантийные обязательства сторон.

Для цитирования: Рашидова А. И., Шубников Ю. Б., Кузин Н. Н. Особенности гражданско-правового регулирования договора поставки: актуальные вопросы и проблемы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 161–172. EDN: ZGGWBZ

Features of Civil Law Regulation of Supply Contracts: Current Issues and Problems

Asel I. Rashidova^{1,*}, Yuriy B. Shubnikov^{1,**}, Nikolay N. Kuzin^{1,2,***}

¹ Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

* E-mail: aselisa@mail.ru

** E-mail: shubnikovub@mail.ru

*** E-mail: nn.kuzin@mail.ru

Abstract

Introduction: This article examines issues related to the civil regulation of supply contracts, as provided for by civil law and expressed in the form of norms and rules contained in codified documents.

Methodology and Materials: The study is based on comparative legal analysis and a systems approach, both developed by contemporary practicing lawyers and civil law scholars (A. A. Amosov, V. A. Belov, A. V. Mankieva, B. V. Avanesyan, D. V. Stepanov, and others). The primary research methods include the analysis and synthesis of business contracts.

Research results and discussion: The authors focus on disputes regarding the possibility of including other supplier rights in the contract, such as those related to delivery of goods. They note that one of the key aspects of civil law regulation of a supply contract is determining its form and ensuring compliance with all relevant requirements. Arbitration practice, which provides support in situations involving a breach of contractual requirements, is considered.

Conclusions: The corresponding conclusions and limitations are stated, stating that the right to withdraw from the contract may be granted only to the party that does not conduct (or does not carry out) entrepreneurial activity.

Keywords: civil law regulation; civil legislation; disputes; requirements; lawsuit (or claim); actions of the contract for obligation; warranty obligations of the parties.

For citation: Rashidova, A. I., Shubnikov, Y. B., Kuzin, N. N. (2026) Features of Civil Law Regulation of Supply Contracts: Current Issues and Problems. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 161–172. (In Russ.)

Введение

Исходя из условий, выраженных в основных правах и обязанностях по данному типу договора, необходимо отметить те права, которые относятся к ряду прав и обязанностей, однотипных с правами и обязанностями сторон по договору купли-продажи в силу их прямой однородности и требований. Такой подход предусматривает гражданское законодательство и выражает его в виде норм и правил, сосредоточенных в кодифицированных документах. Вместе с тем существует целый ряд отдельных прав и обязанностей, которые не называются в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ), и в связи с корреспондирующим их содержанием они соответствуют указанным в норме обязанностям другой стороны, что позволяет предусматривать в договоре поставки любые права и обязанности.

Методология и материалы

Таким образом, цель настоящей работы состоит в том, чтобы попытаться обосновать смысл устанавливаемых по договору прав и обязанностей. Договор должен соответствовать законам и не нарушать их, как в том числе не нарушать иные правовые акты, а в случае уже предписанных законами прав лица, заключающие договор поставки, имеют право диспозитивно изменять их и приступать к согласованию иных условий. Исходя из этих рассуждений, каждая сторона, предпочитающая заключать договор поставки, имеет свои основные обязанности и свои основные права.

Для достижения цели настоящего исследования решались следующие задачи: вопрос платы за односторонний отказ и статус сторон о невозможности требований платы за такой вид отказа; механизм согласования оснований для изменений договора поставки в одностороннем порядке и одностороннего отказа от договора; право на отказ от договора, которое может быть предоставлено только одной стороне.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Смысл договора поставки на современном торговом рынке

На современном торговом рынке ключевое значение имеет договор поставки товаров, который выделяют как отдельную разновидность договора купли-продажи. Однако стоит отметить, что поставка товаров имеет свою специфику и важные особенности, отличающие данный вид договоров от купли-продажи¹. Договор поставки определяет такие ключевые аспекты, как сроки и условия поставки, качество и количество товара, цену, а также порядок расчетов между сторонами². Он также может содержать положения о гарантиях, штрафах за нарушение условий и ответственности сторон. В части, касающейся прав и обязанностей, их дополнительное деление на основные не предусматривает деления на второстепенные в связи с четко выстроенной позицией законодателя в отношении свободы договора. Однако обязательными условиями о передаче товара покупателю можно считать условия с возможностью передачи товара третьему лицу, именуемому получателем. Причем сам процесс передачи должен осуществляться по критериям качества в порядке поставки, то есть надлежащим образом и с учетом всех требований договора поставки. Данные обязанности поставщика, выраженные в том числе и в обязательствах, должны соответствовать их правильному восприятию другой стороной, которая формирует свои основные обязанности, соответствующие оплате за товар в порядке, установленном договором, и качественной приемке по инструкции (П-6, П-7) или без таковой, но закрепленной в существенных условиях договора.

Учитывая наличие у поставщика права требования оплаты и принятия товара покупателем, в случае передачи его надлежащим образом мы не видим прямых указаний из тех положений ГК РФ, в которых бы эти права были регламентированы и названы, однако корреспондирующие обязанности покупателю подтверждают исполнение уплаты за полученный товар и его приемку.

Споры о возможности содержания в договоре иных прав поставщика, например по доставке товара, уместны, но даже если они там не содержатся, а содержатся в правовом акте, то вид транспорта, например, выбирает сам поставщик, а не покупатель, хотя иное может вытекать из обычаев делового оборота. Так, если в этих контрактах указано, что груз должен быть поставлен до конкретного срока, это означает, что его нужно только передать в распоряжение покупателя в пункте отправления, а не доставлять, как часто считается, к пункту назначения в согласованное время. После этого покупатель несет риск случайной гибели или повреждения товара на всем пути транспортировки со всеми вышеуказанными последствиями. Путаница в этих двух понятиях — «поставка» и «доставка» — одна из самых распространенных

¹ Амосов А. А., Наумова Т. Ю., Кононов А. Н. Общая характеристика видов договоров, заключаемых в торговом обороте // *Russian Studies in Law and Politics*. 2023. Т. 7, № 3. С. 62. DOI: 10.12731/2576-9634-2023-3-48-71. EDN: CQBVMT

² Аванесян Б. В., Степанов Д. В. Договор поставки // *Тенденции развития науки и образования*. 2024. № 110-8. С. 14. DOI: 10.18411/trnio-06-2024-390. EDN: NEOACR

ошибок в международной коммерческой практике, которая переходит, в частности, и в договоры с провайдерами логистических услуг³.

Судебная практика подтверждает предоставление права поставщику о привлечении покупателя к ответственности по закону, или такая ответственность предусматривается договором, со взысканием неустоек и отказе от исполнения договора. В данном контексте невыборка товаров по определению через уведомление об их готовности ведет к применению права поставщика отказаться от исполнения такого договора.

Требования же покупателя, относящиеся к его основным правам, также являются корреспондирующими и имеют одну главную позицию — это требование надлежащей передачи товара. Хотя и иные требования, которые являются актуальными, для каждого частного случая поставки также могут содержаться в договоре или в законе. Всё, что связано с указаниями поставщику по отгрузке товаров получателем, применении техники, грузоподъемных машин и механизмов по отгрузочным разнарядкам, также имеет место для отражения в договоре поставки⁴. И как следствие, просрочка товара — признак неустойки, которую покупатель вправе взыскать с поставщика. Неприменимость сроков по исправлению качества товара в период поставки также относится к прерогативе покупателя, который вправе отказаться в одностороннем порядке от исполнения договора.

Особое место занимают случаи, когда подпись ответственного лица на накладной сфальсифицирована, но товар передан в полном объеме, в надлежащем качестве и в срок, то есть все условия договора поставки выполнены. На этот случай существует две позиции судов, первая из которых гласит о непризнании такой накладной доказательством передачи товара⁵, а вторая признает ее доказательством передачи товара, если печать покупателя настоящая, а подписи сфальсифицированы⁶.

2. Пропагация и рамочность договора поставки

Как уже известно, все гражданско-правовые договоры заключаются в общем порядке. И в этом смысле договор поставки не является исключением, но требует согласованности существенных условий, предусмотренных специальными (требуемыми) формами для того, чтобы он считался заключенным на полных основаниях, и пропаганда которого может иметь рамочный смысл в системе договоров для долгосрочного сотрудничества. Рамочность договора поставки предполагает наличие особенностей, которые необходимо урегулировать при переговорах, предшествующих заключению договора. Отказ стороны от переговоров для снятия разногласий или составления протокола разногласий дает основание для уведомления другой стороны об отказе заключения такого договора. Тридцатидневный срок со дня получения предложения о переговорах по согласованию используется сторонами для решения вопроса о реальном заключении договора поставки. Однако нужно иметь в виду, что если в этот срок сторона не уведомляется о согласовании, то убытки подлежат возмещению ввиду уклонения от согласования разногласий.

Одним из важных моментов гражданско-правового регулирования договора поставки является решение вопроса о его форме с соблюдением к ней всех требований. Эта форма — простая письменная, но в некоторых случаях требующая нотариального удостоверения, что вполне соответствует нормам гражданского права⁷. Выходом из данной ситуации для сторон является составление договора поставки как единого документа с двусторонним подписанием, например счет-договор, который не требует выставления счета, ибо платежные банковские реквизиты, необходимые для платежа и исполнения сделки, в нем имеются.

³ Полянова Т. Н. Некоторые логистические аспекты термина «поставка» в международной коммерческой практике // Страховое дело. 2022. № 1 (346). С. 36. EDN: AGMBMG

⁴ Решение Арбитражного суда Московской области от 22.04.2004 по делу № А41-К1-16985/03.

⁵ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.10.2017 № Ф02-4301/2017 по делу № А19-92/2016.

⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.06.2016 № Ф07-3231/2016 по делу № А56-36076/2013.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49.

Данный договор может быть признан незаключенным без согласования предмета договора поставки. По нашему мнению, срок поставки и цена также должны относиться к существенным условиям ввиду того, что основная масса судебных споров проводится по цене товара и времени поставки (п. 1 ст. 432 ГК РФ). Однако такой подход регулятором не поддерживается, равно как и не поддерживается обязательность выделения в отдельный раздел договора прав и обязанностей сторон, что означает невозможность описания этих условий в тех тематических разделах договора поставки, которые будут уместными для подробных изложений действий сторон по реализации своих прав и обязанностей с дополнительными условиями (§ 1 и 3 гл. 30 ГК РФ).

За двухсотлетнюю историю договора поставки его разделы пересматривались множество раз, но в гражданско-правовом регулировании они получили элементарность по роду и виду и представляются как различные предметные основы. Этими предметными основами являются: предмет договора, качество товара и сроки поставки, тара и упаковка, порядок поставки, условия о товаре и порядок приемки, момент перехода права собственности и срок действия договора, расторжение и изменение договора.

Выбор составления договора купли-продажи или договора поставки зависит от рода товара и от того, в чем он поставляется и в какие сроки конкретно. Многооборотная тара — это, скорее всего, предвестник договора поставки, а отдельные партии товара, реализующиеся быстро во времени, — это все-таки свойства, близкие договору купли-продажи. Если говорить о заключении договора поставки в многооборотной таре, то его структура будет определяться видением сторон и тем, как стороны определяют условия, которые необходимо включать в этом случае, по той форме, которую они предполагают сами. Отражение характеристик упаковки и возвратной тары также предполагают действия стороны по ее возврату и срокам возврата в порядке, свойственном для многооборотной тары, поставщику.

О предмете поставки выражено много мнений⁸, однако типичные расхождения, как по точности, так и по качеству поставки, нами уже были рассмотрены через призму государственных нужд и предпринимательства как те существенные условия, которые требуется согласовывать сторонам с учетом структуры рисков рентабельности и фондоотдачи для поставщика и покупателя, во избежание признания договора незаключенным.

Аналогичность предмета договора поставки предмету договора купли-продажи содержит пользовательский принцип. В данном случае речь идет о согласованном договоре, причем согласованном не только по основным (существенным) условиям, но и по цене, которая к существенным условиям не относится, однако порождает множество споров, а это значит, что определение наименования и количества товара означает полное согласование договора (договор считается согласованным)⁹. О случаях незаключенности договора будет сказано ниже.

3. Способы поставки, оказывающие влияние на момент исполнения обязанностей поставщиком по передаче товара покупателю

В большинстве учебных работ по договору поставки¹⁰ достаточно подробно рассматриваются действия или порядок по передаче товара, который, по смыслу гражданского законодательства, сводится к выбору сторонами способов поставки, его маршрутов и транспорта, отгрузке получателю или передаче покупателю. Приведенные нормы указывают только на два способа поставки, в зависимости от предпо-

⁸ См.: Блинкова Е. В., Кошелюк Б. Е. Договор поставки товаров для государственных нужд. М.: Проспект, 2017. 136 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=468668> (дата обращения: 07.10.2024). ISBN 978-5-392-21884-4; Договоры коммерческого права. Договор продажи товаров: учеб. пособие для вузов / В. А. Белов [и др.]; отв. ред. В. А. Белов. М.: Юрайт, 2024. 350 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-13475-9. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/543719> (дата обращения: 07.10.2024); Белов В. А. Понятие и виды торговых договоров. Курс лекций: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. 502 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-00970-5. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/537669> (дата обращения: 07.10.2024); Управление государственной и муниципальной закупочной деятельностью: учебник для вузов / Г. М. Кадырова, С. Г. Еремин, А. И. Галкин; под ред. С. Е. Прокофьева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 392 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-15790-1. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/541906> (дата обращения: 07.10.2024).

⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 14.02.2012 № 12632/11 по делу № А12-19573/2010.

¹⁰ См.: Управление государственной и муниципальной закупочной деятельностью: учебник для вузов. С. 124.

читаемого транспорта, на условиях, кто будет исполнять эту функцию. Если доставка — то поставщик, если самовывоз (выборка) — то покупатель, что может привести к сепарации цены на определенном этапе исполнения договора, когда ценовые позиции по доставке значились за поставщиком, но по каким-то причинам покупателю самому пришлось вывозить свой товар из места нахождения поставщика. По нашему мнению, способы поставки в значительной степени оказывают влияние на момент исполнения обязанностей поставщиком по передаче товара покупателю. Способы поставки также являются показателями перехода рисков по утрате (непредвиденной гибели) товаров в процессе транспортировки или их повреждению в опасных условиях перемещения, перегрузки и т. д. В обратном случае, когда порядок не предусмотрен договором поставки, передача товара осуществляется по замыслу поставщика, который должен сам выбрать транспорт и маршрут и доставить товар покупателю, в том числе силами специально нанятой транспортной компании.

Итак, мы выяснили, что одним из существенных условий договора поставки является срок его действия, который отличается своей периодизацией с момента вступления его в силу и окончанием действия, что можно определить исключительно при внесении в договор этого момента, а также несколькими способами по гражданско-правовым правилам исчисления сроков, то есть календарной датой, истечением временных периодов (день, неделя, месяц), и в том случае, когда событие должно наступить и на него есть указание.

Пример в данном случае можно привести следующий. Допустим, что фрахтовый или бортовой коносамент судна большого водоизмещения является совокупностью договоров поставки, в маршруты которых входят устья больших рек и территориальные воды г. Владивостока в 2024 г., соответственно времени навигации. В этом случае мы видим, что способы исчисления сроков не дают возможности установить полное исполнение сторонами отдельного договора поставки обязательств по нему. Учитывая наличие критерия неизбежности (зависит от срока окончания навигации), здесь не существует реальной возможности согласования срока действия договора, то есть несогласованный срок действия договора будет соответствовать тем же последствиям, как и при согласовании. Критерий неизбежности для контрагентов, согласовывающих в таком договоре поставки неудачные формулировки, ведет к спорам, где камнем преткновения являются сроки.

Простыми словами: согласованы сроки по договору поставки или не согласованы, а сроки навигации, исходящие из стихии и погодных (природных) условий, могут завершиться раньше сроков, указанных в договоре, и, как следствие, привести к недоставке груза и товаров с введением дополнительных затрат на консервацию, сепарации цены по договору или смене транспорта доставки и маршрута. Нужно понимать, что в общем смысле действие договора по общим правилам определяется в тот момент, когда договор закончит полностью действовать, если срок поставки не указан.

С истечением срока действия договора для обязательства по поставке могут быть определенные юридические последствия, если в договоре не предусмотрено иное, так как поставлять недопоставленное, что является обязанностью поставщика, может прекратиться как его обязанность (п. 1 ст. 511 ГК РФ). Остальное — всё, что связано с истечением срока поставки и его последствиями, определяется по общим правилам. Здесь имеется в виду сохранение или прекращение иных обязательств.

Надо отметить, что существуют установленные законом рамки, которые позволяют определить за пределами срока действия поставки порядок исполнения обязательств, что ведет к изменению действующих по умолчанию последствий сохранения обязательств или их прекращения. Дело в том, что срок истечения договора в момент перевозки не означает отмену обязательств поставщика, а тем более возможность недоставки товара, его выборку или выгрузку. Это означает, что сторонам необходимо включать в условия договора пункт о непрекращении обязанностей поставщика в случае истечения срока поставки по прекратившемуся действию договора. Окончание срока действия договора поставки не означает возможность недопоставки товара и требует в этом смысле серьезной оговорки в тексте договора, в его существенных условиях, где должна быть закреплена обязанность о непрекращении поставки даже в случае истечения сроков договора поставки. Если такое существенное условие упущено в договоре поставки, то это означает серьезный риск для покупателя, который уже по факту не наделен правом тре-

бования от поставщика той допоставки и в том объеме, который изначально предполагал этот договор, и поставщик обязывается к возврату суммы (аванса, платежа за поставку) или предоплаты. Учитывая особенность к подходам указания сроков договоров в зависимости от выбора транспорта и маршрутов, на наш взгляд, необходимо делать оговорку о прекращении обязательств по окончании срока действия договора, в противном случае договор будет действовать до окончания их исполнения в определенном в нем моменте (п. 3 ст. 425 ГК РФ).

Необходимо учитывать, что стороны не освобождаются от ответственности за нарушения включенных в договор условий о прекращении обязательств. Речь идет об обязательствах, совершенных в период действия договора. Требуется специально оговорить иное, то есть внести ту запись, которая не прекратит такие обязательства (арбитражную оговорку, возврат аванса).

В системе расторжения и изменения договора поставки все эти моменты урегулированы гражданским законодательством, которое позволяет по соответствующим основаниям либо расторгнуть, либо изменить договор, как в судебном и внесудебном порядке, так и по соглашению сторон, а также с учетом установленных правил и ограничений проводить согласование наиболее подходящих условий для прекращения отношений. Существуют и некоторые проблемы, изложенные ниже.

В действующий сегодня Гражданский кодекс Российской Федерации были добавлены существенные, по сравнению с прошлой версией, новшества. Одно из наиболее значимых изменений — введение статьи 450.1, посвященной отказу одной из сторон от выполнения условий договора. В ней устанавливается, что одна из сторон, подписавшая документ о договорных отношениях, имеет право направить другой стороне уведомление о том, что она отказывается от дальнейшего выполнения договорных обязательств. В этом случае договор считается расторгнутым с того момента, когда вторая сторона получит такое уведомление¹¹. Дело в том, что возможности, заключающиеся в силе принципа свободы договора, стимулируют способности сторон заранее согласовать последствия, отличные от предусмотренных законом, а также стимулируют к согласованию сам момент изменения договора или момент, с которого договор поставки считается расторгнутым. Существуют разные примеры условий, они сводятся к тому, что поставщик обязан возвращать покупателю сумму авансированной предоплаты в случае расторжения договора с сепарацией обусловленной цены контракта (за вычетом стоимости поставленного товара), а также осуществлять возврат авансов и полных платежей (денежных средств) в установленные сроки с момента расторжения договора поставки, то есть в течение десяти дней. Так как изменения вступают в силу по истечении пяти дней со дня подписания сторонами соглашения, то необходимо соблюдение ограничений злоупотребления правом в отношении свободы договора¹².

4. Проблема отсутствия формы договора поставки и способы изменения его условий

На наш взгляд, требуется внести изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) по вопросам регулирования договора поставки, так как проблемы регулирования существуют, и одной из важных в этом вопросе является проблема отсутствия специальной нормы, содержащей функционирование и форму такого договора. Дело в том, что отношения по поставке, которые носят системный характер, регулируются договором поставки в отношении тех лиц, которые занимаются предпринимательской деятельностью. Однако договор поставки присущ не только форме отношений между частными лицами, но и отношениям между частными лицами и государством по направлению обеспечения государственных нужд. В этом смысле уклонение от письменной формы договора и обхождение лишь первичными бухгалтерскими документами не является элементом надлежащего исполнения договора, так как передаточный акт может являться актом, не раскрывающим всю достоверность информации о лице, сберегшем имущество за счет другого лица. Вопросы неосновательного обогащения имеют место, и, как следствие, договор поставки, заключаемый в простой письменной форме, требует конкретной

¹¹ Манкиева А. В. Гражданско-правовой договор: основания для расторжения или внесения изменений // Вестник экспертного совета. 2022. № 2 (29). С. 100. EDN: ADPQWC

¹² Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 (п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35).

формы, изложенной в специальной норме с обязательным указанием существенных условий договора не в приложениях, а по тексту. Данный подход влечет за собой соблюдение неукоснительных требований сторонами, что снизит количество случаев возникновения судебных споров о признании договоров поставки незаключенными, а также минимизирует потери и несение дополнительных издержек. Это решает первую проблему, то есть проблему отсутствия формы договора поставки, прямо закрепленной в ГК РФ. Как следствие, четко изложенная специальная норма, содержащая форму договора с его существенными условиями, обеспечит эффективную деятельность по поставкам для государственных и муниципальных нужд (ФЗ № 44-ФЗ).

Вторая проблема, которая интегрально сочетается с первой, — это способы изменения условий договора поставки, так как в данном случае, согласно требованиям института ценообразования предпринимательского права, зачастую возникают вопросы, связанные с сепарацией цены, в условиях, когда цена товара производителя была связана или включала перевозку, но товар был вывезен получателем (покупателем). Хотя и цена не является существенным условием договора в отношении порядка исполнения договора поставки, такие конклюдентные действия допустимы, но несут деструктивный характер по обусловленной цене, и значимость записи в договоре об изменениях исключительно путем письменных соглашений теряет свою силу, так как представители сторон сами изменяют договор своими конклюдентными действиями. Это действительно проблема, так как при реализации прав сторонами недопустимо изменение условий договора в одностороннем порядке¹³, когда одна из сторон не соблюдает требований договора по подписанию двустороннего соглашения. Для решения этой проблемы во избежание конфликтных ситуаций необходимо обращать внимание на все условия заключения договора, в том числе по всему спектру ценовой политики организации, чтобы позволить заключать договор поставки сторонам в свободной форме и соблюсти диспозицию на этапе его заключения.

Обратим внимание на некоторые размышления о гарантийных обязательствах сторон, которые также могут стать проблемой по договору поставки. Всем известны факты о гарантиях производителя, которыми пользуется потребитель (покупатель) в течение определенного срока. С точки зрения института ценообразования системы предпринимательского права у покупателя существует право требования по гарантии, но по воле производителя и без предусмотренной соответствующей нормы о прямом порядке предъявления такого требования в ГК РФ. Обращение с требованием к продавцу — это и есть, пожалуй, единственная возможность требования с отсутствием возможности требования к производителю. По нашему мнению, возможность исправления недостатков в товаре по гарантийным обязательствам поставщика нужно трактовать как обязательную при наличии недостатков у товара, купленного покупателем, который имеет соответствующие оправдательные документы, защищающие его уже как потребителя. Специальная квалификация неизбежна в части, касающейся передачи товара только по акту ввиду возникшего гражданско-правового обязательства, на том основании, что договор не был заключен в письменной форме и должник обязан оплатить приобретенный товар (п. 1 статьи 1105 ГК РФ).

Арбитражная практика дает подтверждение в ситуации, связанной с нарушением этого требования, и отмечает, что предприниматели без образования юридического лица обращаются в суды с исковыми заявлениями. Цель иска — взыскать бездоказательно полученные суммы с ответчика с указанием платежных поручений с наличием ссылок на договор поставки. Результат — суды признают незаключенным договор поставки. Причины разные: сроки¹⁴, обусловленные цены, сепарация цены поставщиков, периоды (длительность) поставки. Надо понимать, что в этом случае все финансовые ресурсы не могут быть признаны неосновательным обогащением, если не были целесообразно оформлены в письменном виде в рамках договора поставки. Дело в том, что договор поставки не является разовой сделкой купли-продажи, а отличается своей долгосрочностью, периодичностью, а также возобновляемостью, с определением существенных условий договора такого вида со своей спецификой и обязательствами сторон, что ведет к выводу о внесении изменений в нормативную базу, а именно в статью 12 ГК РФ.

¹³ Решение № 2-317/2024 2-317/2024(2-3692/2023;)*~М-3024/2023 2-3692/2023 М-3024/2023 от 20 февраля 2024 г. по делу № 2-317/2024.

¹⁴ Решение № 2-492/2024 2-492/2024(2-5502/2023;)*~М-2543/2023 2-5502/2023 М-2543/2023 от 19 февраля 2024 г. по делу № 2-492/2024.

Наиболее затруднительным, на наш взгляд, является согласование порядка расторжения и изменения договора, так как основная масса споров по договорам поставки, особенно для государственных и муниципальных нужд, разрешается в судебном порядке, в том числе и по вопросам согласования оснований для изменений и расторжений. Регламентируя отношения, сопряженные с изменением и расторжением гражданско-правовых договоров, законодатель прежде всего указывает на принципиальную возможность корректировки или прекращения договорной связи по соглашению сторон¹⁵. Это означает, что у сторон существует возможность закрепления случаев в договоре поставки, когда они вправе обратиться в суд с требованием расторжения договора или его изменения, в том числе и по тем случаям, которые могут быть не связаны с нарушением договора.

Еще одно существенное отличие договора поставки от договора купли-продажи состоит в том, что всё, что не связано с самим договором, но способно повлиять на договорные отношения, сложившиеся между сторонами, относится именно к этим случаям и может быть отражено в договоре. Согласование перечня существенных нарушений по договору, но не названных таковыми по закону, также может производиться и приниматься к исполнению сторонами в целях неприменения доказывания существенности допущенных нарушений (пп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ). Такой подход даст возможность, ссылаясь на согласованный перечень существенных нарушений, уйти от доказывания существенности этих нарушений, а сразу применять их в виде оснований для изменения или расторжения договора поставки. Указанная общая проблема регулирования является достаточно интересной и уже была рассмотрена судом исходя из тех условий, которые формирует гражданское законодательство по защите прав покупателя и поставщика, которые вправе обращаться в суд о расторжении договора по нарушениям сторон и взаимным претензиям, которые считаются существенными и были отражены в перечне существенных нарушений. Данный подход означает, что не подвергается запрету в силу принципа свободы договора включение в перечень конкретного нарушения, дающего право на мотивированный отказ одной из сторон договора. Вместе с тем гражданское законодательство (п. 4 ст. 421, п. 1 ст. 422 ГК РФ) указывает на то, что нельзя лишать права на односторонний отказ от договора в указанном выше случае, но допускает замену одностороннего отказа на расторжение договора в судебном порядке, так как договором нельзя совсем запретить отказ от договора.

Специальные нормы по расторжению договора в целом определяет гражданское законодательство во всей своей широте в статье 523 ГК РФ с предусмотренными возможностями для одной из сторон прекратить или изменить договор в одностороннем порядке, когда существенно нарушены его условия другой стороной. Несмотря на обыденный характер одностороннего расторжения, оно допускается в том случае, когда нарушение является значительным, а судебное решение необходимым. В данном случае поставщик — именно то лицо, которое вправе осуществить такой шаг по предъявленным фактам невыборки во множестве случаев (неоднократно), имеют место нарушения или задержки в платежах от покупателя (заказчика). В свою очередь и покупатель имеет право выразить свое мнение о некачественном товаре, поставленном ему, в том числе с нарушенными сроками. Данный подход уникален, так как наличие фактов поставки не требует судебных решений в связи с уведомлением другой стороны любым эффективным методом (момент получения) и считается внесением изменений в договор, что может привести к его расторжению. Согласование сторонами другого срока (10 дней) является важной особенностью, так как это считается основанием для расторжения договора в срок (или в определенный день), указанный в уведомлении¹⁶.

Проблема согласования изменения договора поставки на основании (п. 2 ст. 310 ГК РФ) условий одностороннего отказа также может быть решена по соответствующему предусмотрению в договоре, где односторонний отказ имеет свой порядок согласования и изменения.

¹⁵ Поваров Ю. С. Соглашение сторон как основание (способ) изменения или расторжения договора // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, № 2. С. 527. EDN: WEJDZV

¹⁶ См.: Верховец Е. С. Особенности договора поставки и его правовое регулирование в России // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 9 (78). С. 125. EDN: BDNQPK

Выводы

1. Вопрос платы за односторонний отказ является многоаспектным по сути изменения договора поставки или отказа от него, так как режим платежа можно обеспечить с обеих сторон, что позволяет контрагентам в определенном экономическом смысле компенсировать при прекращении договора непредвиденные затраты в виде расходов, вышедших из оборота организации, для стимулирования поиска нового контрагента или нового партнера, а также изменить систему доставки, логистику маршрутов и путей подвоза товаров, и даже разверстать упаковку в новый формат. Проблемой в этом случае остается статус сторон о невозможности требований платы за такой вид отказа от исполнения обязательства, если право предусмотрено императивной нормой, что означает невозможность включения в договор такого условия о плате за отказ¹⁷.

2. Еще одной существенной особенностью является механизм согласования оснований для изменения договора поставки в одностороннем порядке и одностороннего отказа от договора. Для решения таких проблемных вопросов, связанных с согласованием, необходимо учитывать существующие возможности предусмотрения в тексте договора и соответствующем разделе тех специальных оснований, которые будут соответствовать возможностям одностороннего отказа от него из-за определенных нарушений договора контрагентом. Примеры такого условия существуют, и в предусмотренных законодательством случаях от исполнения договора стороны вправе отказаться. Однако предметом таких отказов должны быть случаи существенных нарушений или нарушений, которые стороны сами считают существенными, и относятся к однократности и неоднократности нарушений сроков поставки и сроков оплаты или одновременно и тех и других нарушений. Одновременно с этим немотивированный односторонний отказ от договора можно предусматривать как право контрагента или сторон договора. Это касается также изменения договора поставки в одностороннем порядке, но относится только к тем случаям, если осуществление предпринимательской деятельности определено в договоре по отношению ко всем сторонам (п. 2 ст. 310 ГК РФ).

3. Кроме связанности договора всеми сторонами предпринимательской деятельности, необходимо учитывать, что право на отказ от договора может быть предоставлено только той стороне, которая не ведет (не осуществляет) предпринимательскую деятельность. Ограничением являются только те случаи, когда регулятор предусматривает возможность предоставления другой стороне такого права посредством законов и иных правовых актов.

Список источников

1. Аванесян Б. В. Договор поставки / Б. В. Аванесян, Д. В. Степанов // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110-8. С. 12–15. DOI: 10.18411/trnio-06-2024-390. EDN: NEOACR
2. Амосов А. А. Общая характеристика видов договоров, заключаемых в торговом обороте / А. А. Амосов, Т. Ю. Наумова, А. Н. Кононов // Russian Studies in Law and Politics. 2023. Т. 7, № 3. С. 48–71. DOI: 10.12731/2576-9634-2023-3-48-71. EDN: CQBVTM
3. Белов В. А. Понятие и виды торговых договоров. Курс лекций: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. 502 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-00970-5. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/537669>.
4. Блинкова Е. В. Договор поставки товаров для государственных нужд / Е. В. Блинкова, Б. Е. Кошелюк. М.: Проспект, 2017. 136 с.
5. Верховец Е. С. Особенности договора поставки и его правовое регулирование в России // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 9 (78). С. 112–128. EDN: BDNQPК
6. Договоры коммерческого права. Договор продажи товаров: учебное пособие для вузов / В. А. Белов [и др.]; отв. ред. В. А. Белов. М.: Юрайт, 2024. 350 с. (Высшее образование). Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/543719>

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 п. 15.

7. Манкиева А. В. Гражданско-правовой договор: основания для расторжения или внесения изменений // Вестник экспертного совета. 2022. № 2 (29). С. 97–105. EDN: ADPQWC
8. Поваров Ю. С. Соглашение сторон как основание (способ) изменения или расторжения договора // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, № 2. С. 527–536. EDN: WEJDZV
9. Полянова Т. Н. Некоторые логистические аспекты термина «поставка» в международной коммерческой практике // Страховое дело. 2022. № 1 (346). С. 34–42. EDN: AGMBMG
10. Управление государственной и муниципальной закупочной деятельностью: учебник для вузов / Г. М. Кадырова, С. Г. Еремин, А. И. Галкин; под ред. С. Е. Прокофьева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 392 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-15790-1. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/541906>

Об авторах:

Рашидова Асель Ибрагимовна; доцент кафедры гражданского права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), ORCID: 0000-0002-7634-864X; e-mail: aselisa@mail.ru

Шубников Юрий Борисович; заведующий кафедрой гражданского права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; ORCID: 0000-0001-5294-8598; e-mail: shubnikovub@mail.ru

Кузин Николай Николаевич; доцент кафедры гражданского права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация); доцент кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент; ORCID: 0000-0002-3458-576X; e-mail: nn.kuzin@mail.ru

References

1. Avanesyan, B. V., Stepanov, D. V. (2024) Supply agreement. *Trends in the development of science and education*, no. 110-8, pp. 12–15. DOI: 10.18411/trnio-06-2024-390. EDN: NEOACR. (In Russ.)
2. Amosov, A. A., Naumova, T. Yu., Kononov, A. N. (2023) General characteristics of the types of contracts concluded in trade. *Russian Studies in Law and Politics*, Vol. 7, no. 3, pp. 48–71. DOI: 10.12731/2576-9634-2023-3-48-71. EDN: CQVBTM. (In Russ.)
3. Belov, V. A. (2024) The concept and types of trade agreements. A course of lectures: a textbook for universities. Moscow: *Yurait Publishing House*. 502 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-00970-5. Text: electronic. Yurait educational platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/537669>. (In Russ.)
4. Blinkova, E. V., Koshelyuk, B. E. (2017) Contract for the supply of goods for state needs. Moscow: *Prospekt*. 136 p. (In Russ.)
5. Verkhovets, E. S. (2024) Features of the supply agreement and its legal regulation in Russia. *Bulletin of Science*, Vol. 4, no. 9 (78), pp. 112–128. EDN: BDNQPK. (In Russ.)
6. Belov, V. A. [et al.]; executive editor V. A. Belov. (2024) Commercial law contracts. The contract for the sale of goods: a textbook for universities. Moscow: *Yurait Publishing House*. 350 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-13475-9. Text: electronic. Yurait educational platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/543719>. (In Russ.)
7. Mankieva, A. V. (2022) Civil law contract: grounds for termination or amendment. *Bulletin of the Expert Council*, no. 2 (29), pp. 97–105. EDN: ADPQWC. (In Russ.)
8. Povarov, Yu. S. (2026) The agreement of the parties as the basis (method) for changing or terminating the contract. *Scientific notes of the Kazan University*. Series: Humanities. Vol. 158, no. 2, pp. 527–536. EDN: WEJDZV. (In Russ.)

9. Polyanova, T. N. (2022) Some logistical aspects of the term “delivery” in international commercial practice. *Insurance business*, no. 1 (346), pp. 34–42. EDN: AGMBMG. (In Russ.)
10. Kadyrova, G. M., Eremin, S. G., Galkin, A. I.; edited by S. E. Prokofiev (2024) Management of state and municipal procurement activities: textbook for universities. 3rd ed., reprint. and add. Moscow: *Yurait Publishing House*. 392 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-15790-1. Text: electronic. Yurayt educational platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/541906>. (In Russ.)

About the authors:

Asel I. Rashidova, Associate Professor of the Department of Civil Law, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7634-864X, e-mail: aselisa@mail.ru

Yurij B. Shubnikov, Head of the Department of Civil Law, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor; ORCID: 0000-0001-5294-8598, e-mail: shubnikovub@mail.ru

Nikolay N. Kuzin, Associate Professor of the Department of Civil Law, Herzen Russian State Pedagogical University; Associate Professor of the Departments of Economic Security, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Science, Associate Professor; ORCID: 0000-0002-3458-576X, e-mail: nn.kuzin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare that there is no conflict of interest.

Зонирование и вещные права на земельные участки: поиск баланса публичного и частного интересов

Майборода В. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: victormaioroda@yandex.ru

Аннотация

Введение: современное правовое регулирование территориальных зон в Российской Федерации характеризуется сложным переплетением публично-правовых и частноправовых элементов. Эволюция земельного законодательства последних десятилетий привела к формированию уникальной модели, сочетающей в себе элементы различных правовых систем и исторических традиций. В настоящей статье предпринимается попытка концептуального осмысления сложившейся системы через выдвигаемую концепцию трехэлементной модели правового режима территориальной зоны. Эта модель отражает переходное состояние российского земельного права, балансирующего между советским наследием и стремлением к рыночным отношениям.

Методология и материалы: исследование базируется на комплексном анализе законодательства, правоприменительной практики и историко-правовых традиций. В качестве методологической основы используется системный подход к изучению правового режима территориальных зон, включающий сопоставительный анализ элементов публичного и частного права. Особое внимание уделено концептуальному моделированию, позволяющему выявить ключевые компоненты и особенности функционирования правового режима в рамках трехэлементной модели.

Результаты исследования и их обсуждение: в ходе исследования выявлено, что правовой режим территориальной зоны состоит из трех взаимосвязанных элементов, каждый из которых отражает свою правовую природу и оказывает влияние на правовой статус территории. Эта модель демонстрирует сложное переплетение публично-правовых ограничений и частноправовых институтов, что объясняет уникальность российского подхода. Отмечена доминанта публичных интересов в регулировании земельной собственности, которая сохраняется в силу исторических и социально-правовых условий.

Выводы: для дальнейшего совершенствования правового регулирования территориальных зон необходимо признать особую природу земельной собственности в России, где публичные интересы традиционно преобладают над частными. Развитие правовой модели должно учитывать эту специфику, обеспечивая сбалансированное сочетание институтов и норм, отражающих переходное состояние земельного права. Понимание трехэлементной модели открывает новые возможности для системного реформирования законодательства с учетом исторических традиций и современных вызовов.

Ключевые слова: право собственности; право владения; право пользования; вещные права; земельные участки; территориальная зона; функциональное зонирование; цифровизация учета; недвижимое имущество.

Для цитирования: Майборода В. А. Зонирование и вещные права на земельные участки: поиск баланса публичного и частного интересов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 173–183. EDN: ZJVQXS

The article was submitted: 26.06.2025

Last review received: 04.10.2025

The article accepted for publication: 11.11.2025

Zoning and Proprietary Rights to Land Plots: Finding a Balance of Public and Private Interests

Viktor A. Mayboroda

Russian Presidential Academy of National and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: victormaiboroda@yandex.ru

Abstract

Introduction: The modern legal regulation of territorial zones in the Russian Federation is characterized by a complex interweaving of public and private law elements. The evolution of land legislation in recent decades has led to the formation of a unique model that combines elements of different legal systems and historical traditions. This article attempts to conceptually comprehend the existing system through the concept of a three-element model of the legal regime of a territorial zone. This model reflects the transitional state of Russian land law, balancing between the Soviet legacy and the desire for market relations.

Methodology and materials: The study is based on a comprehensive analysis of legislation, law enforcement practice and historical and legal traditions. As a methodological basis, a systematic approach to the study of the legal regime of territorial zones is used, including a comparative analysis of the elements of public and private law. Particular attention is paid to conceptual modeling, which enables to identify the key components and features of the functioning of the legal regime within the framework of the three-element model.

Research results and their discussion: In the course of the study, it is revealed that the legal regime of a territorial zone consists of three interrelated elements, each of which reflects its legal nature and affects the legal status of the territory. This model demonstrates a complex interweaving of public law restrictions and private law institutions, which explains the uniqueness of the Russian approach. The dominant of public interests in the regulation of land ownership, which is preserved due to historical and socio-legal conditions, is noted.

Conclusions: In order to further improve the legal regulation of territorial zones, it is necessary to recognize the special nature of land ownership in Russia, where public interests traditionally prevail over private ones. The development of the legal model should take into account this specificity, ensuring a balanced combination of institutions and norms reflecting the transitional state of land law. Understanding the three-element model opens up new opportunities for systemic reform of legislation, considering historical traditions and modern challenges.

Keywords: property rights; right of possession; right of use; proprietary rights; land plots; territorial zone; functional zoning; digitalization of records; real estate.

For citation: Mayboroda, V. A. (2026) Zoning and Proprietary Rights to Land Plots: Finding a Balance of Public and Private Interests. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 173–183. (In Russ.)

Введение

В современной России регулирование территориальных зон осуществляется на основе правовых норм, которые представляют собой сложное сочетание как публично-правовых, так и частноправовых

составных частей. Это переплетение становится порой настолько сложным, что путеводный принцип их разделения (*Jus publicum est quod ad statum rei Romanae spectat; privatum, quod ad singulorum utilitatem*)¹ бывает трудно применить на практике. Особое значение это обстоятельство стало приобретать в формировании норм и правил, регулирующих порядок использования, защиты и развития конкретных территорий. За последние десятилетия законодательство в области земельных отношений претерпело значительные изменения. Эти изменения стали результатом исторического развития, экономических и социальных трансформаций, что, в свою очередь, повлияло на создание весьма уникальной и многоаспектной модели регулирования.

Данная модель территориального правового режима объединяет в себе черты и принципы различных правовых систем, а также отражает особенности национальной исторической практики управления землей и территорией. Такое сочетание различных правовых традиций сформировало комплексный подход к регулированию земельных и территориальных отношений, который можно рассматривать как синтез, обеспечивающий гибкость и адаптивность законодательства в условиях современных вызовов.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка не просто описать существующее состояние правового регулирования, а концептуально осмыслить и проанализировать его структуру и особенности. Для достижения этой цели автор выдвигает и рассматривает новую теоретическую модель, именуемую трехэлементной моделью правового режима территориальной зоны. Эта модель позволяет систематизировать знания о правовом статусе территорий, выделить ключевые составляющие и понять взаимосвязи между ними, что способствует более глубокому пониманию и дальнейшему развитию правового регулирования в данной сфере.

Методология и материалы

Исследование основано на использовании комплексной методологии, сочетающей междисциплинарный подход, анализ действующего российского и зарубежного законодательства, а также правоприменительной практики в области вещных прав и территориального зонирования земельных участков. В качестве ключевых методов применялись системный анализ, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, а также элементы формально-юридического и телеологического (целевого) анализа законодательства и судебных решений. Особое внимание уделялось выявлению закономерностей формирования баланса публичных и частных интересов с учетом эволюции земельного права, особенностей российской государственно-правовой традиции и влияния на нее зарубежных правовых институтов (в том числе германского и англо-американского права).

В качестве эмпирической базы были использованы федеральные законы Российской Федерации, Градостроительный и Земельный кодексы РФ, официальная судебная практика судов, решения Конституционного Суда РФ, статистические и докладные материалы Росреестра, а также доктринальные публикации и монографии по российскому, римскому и зарубежному публичному и частному (вещному) праву. Анализ дел осуществлялся с использованием официальных картотек арбитражных и конституционных дел, открытых баз данных, а также научных работ по проблематике цифровизации учета недвижимости и прав на землю.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Право опосредованного владения публично-правовым субъектом: пределы и гарантии

Норма пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации о давностном владении открывает возможность к пониманию института владения как возможного к расщеплению — владению непосредственному и владению опосредованному. Непосредственный владелец — это тот, кто открыто

¹ Дигесты Юстиниана. Т. 2 / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. 2-е изд. М.: Статут, 2008. С. 83.

и добросовестно владеет, а опосредованный — тот, кто имеет регистрацию права, в состав которого входит и право владения. Такого рода рассуждения сформированы вследствие несостоявшейся реформы права владения в 2012 году, законопроект которой исходил из неделимости владения. Но практика правоприменения всё равно рецептировала деление владения на непосредственное и опосредованное. Например, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11 сентября 2023 года № А63-1743/2022, в котором этот институт выступил мотивировочной частью².

Классическое римское право видело владение в качестве господства над вещью, при этом юристы различали цивильное владение (*possessio civilis*), оно же — титульное, и посредственное владение, то есть владение вещью посредниками, без воли владеть ею как собственной (*tenere*). В более поздний период была сформулирована возможность владения правом *juris quasi possessio* (как бы владение). Его предметом было право, которым пользовался владелец в отношении вещи, не принадлежащей ему на праве собственности. Именно это отступление от материалистичности понимания владения (*non potest duobus sedere super uno*) и выступило причиной для понимания владения уже в новое время³. При этом считается, что воспринятым в отечественную гражданскую доктрину является положение германской правовой системы⁴. Фактически это не так. Опосредованное владение земельным участком есть институт древнего иудейского права, так называемого права Моисея, согласно которому земли Ханаанские были распределены между коленами Израилевыми (исключение составило колено Израилево кохеним, колено Коинов), а в «юбилейный год будет это для вас, и возвратитесь вы каждый к своему владению» (Левит 25:13, 27:17-24, Числа 36:4)⁵. Предписание закрепляло возврат из любого чужого владения земель, закрепленных за соответствующим коленом в его фактическое владение в 50-й (юбилейный) год. Поразительно, но норма в российском земельном законе о максимальном сроке аренды земель публичной собственности в 49 лет (пп. 2, 11 и 17 п. 8. ст. 39.8 Земельного кодекса Российской Федерации) — это рецептированная норма древнего иудейского права, что собственно и является основанием для выдвинутого в настоящей работе утверждения.

Вновь указывая на несостоявшуюся реформу владения в отечественной цивилистике, отметим, что п. 1.5 разд. IV Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации очень кратко: «Нет необходимости закреплять в ГК так называемое двойное владение — опосредованное и непосредственное <...> Отказ от опосредованного владения и держания позволит упростить применение владельческой защиты»⁶.

При этом не будем забывать, что из специального закона (*lex specialis derogat generali*), а именно из п. 2 ст. 9, 10 и 11 Земельного кодекса Российской Федерации следует, что правомочия публичного собственника указаны как «управление и распоряжение земельными участками, находящимися в <...>» соответствующей публичной собственности. Эти правомочия не эквивалентны классической триаде владения, пользования и распоряжения. Говоря прямо — у публично-правового собственника в отношении земель и земельных участков вообще нет правомочия владения. Ни непосредственного, ни опосредованного. Оно заменено на управленческое, публичное, административное по своей природе правомочие.

При изложенных обстоятельствах сложившийся институт опосредованного владения и его правоприменительная практика, основанная на позиции судейского нормотворчества, нуждается в дальнейшем совершенствовании, которое может быть реализовано в закреплении разделенного владения в строго определенных случаях в материальном законе, регулирующем данные правоотношения.

² Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d725475e-bc15-4948-9e08-8c465d51ad1a> (дата обращения: 26.06.2025).

³ Разуваев Н. В. Римское частное право: история и система: учебник. М.: Директ-Медиа, 2025. С. 189–190.

⁴ Синицын С. А. К проблеме владения правом в российском, германском и австрийском гражданском праве // Законодательство. 2010. № 10. С. 74. EDN: TAMJGX

⁵ Цит. по: Ресурс «Библия онлайн». URL: <https://bible.by/tsk/3/25/13/> (дата обращения: 18.06.2025).

⁶ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

2. Публично-правовые предписания как основа зонирования (на примере градостроительных регламентов в правилах землепользования и застройки)

С 01 марта 2026 года вступят в силу положения Федерального закона от 31.07.2025 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Эти положения универсализируют институт зонирования, а вид разрешенного использования как имманентная юридическая характеристика объекта гражданского оборота — земельного участка — интегрируется непосредственно в земельное законодательство. Ранее данная характеристика носила только градостроительный характер.

Влияние зонирования на правовой режим земельных участков следует рассматривать как ограничение субъективного права пользования земельным участком. Законодательство Российской Федерации пошло по пути построения классификаторов видов использования, что находит свое отражение в системе видов разрешенного использования земельных участков (далее — ВРИ). Возникновение этих ограничений осуществляется на стадии территориального планирования и далее правовое закрепление получает в градостроительном регламенте. Устойчивая правовая связь между планированием территориального развития и следующим за планированием установлением правового режима земельных участков и объектов недвижимости на них выявлена Верховным Судом Российской Федерации в телеологическом осмыслении материально-правового регулирования данных отношений⁷. В последующем законодатель имплементировал новеллу статьи 28.1. Градостроительного кодекса Российской Федерации, которой смысловое единство территориального планирования и градостроительного зонирования трансформировано уже в единство нормативно-правовое.

Градостроительный регламент, согласно ст. 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации, устанавливает основные, условно разрешенные и вспомогательные виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства, а также предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства.

Определение назначения использования территории функциональных зон с учетом взаимосвязей функциональных, территориальных зон и видов разрешенного использования земельных участков отражено в приложении № 6 к Методическим рекомендациям по разработке проектов схем территориального планирования муниципальных районов, генеральных планов городских округов, муниципальных округов, городских и сельских поселений. Данный документ представляет собой так называемую «кросс-таблицу», устанавливающую соответствие между функциональными зонами, определяемыми в документах территориального планирования, и территориальными зонами с установленными для них видами разрешенного использования.

Однако классификатор ВРИ земельных участков использует подход экономический, то есть принимает во внимание вид экономической деятельности, но теряет из вида деление земель согласно целевому назначению, то есть делению на категории. Ярким примером такого явления могут служить земли аграрных вузов страны, имеющие в составе своих территорий опытно-учебные земли, то есть те земли, на которых происходит обучение будущих агрономов и животноводов. Такого рода вузов в стране по подсчетам автора — 15, учебных земель за ними закреплено (право постоянного бессрочного пользования) — порядка 25,5 тыс. га⁸. А такого ВРИ как «опытно-производственных подразделений научных организаций и учебно-опытных подразделений образовательных организаций высшего образования» (п. 4 ст. 79 Земельного кодекса Российской Федерации) Приказ Федеральной службы государственной

⁷ Пункт 57 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г. Доступ из ИПП «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72005026/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁸ Майборода В. А., Майборода Э. Т. Статус земель аграрных учебных заведений России // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 193. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_192. EDN: PNEHTE

регистрации, кадастра и картографии от 10 ноября 2020 г. № П/0412 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» не предусматривает.

Устранение такого рода противоречий между двумя укладами (советским с делением на категории и рыночным с зонированием) происходит за счет института условно разрешенного вида использования земельных участков. Процедура получения разрешения на условно разрешенный вид использования, предусмотренная ст. 39 Градостроительного кодекса Российской Федерации, включает проведение общественных обсуждений или публичных слушаний, что создает дополнительные административные барьеры для правообладателей. Классификатор ВРИ земельных участков содержит 155 видов разрешенного использования, сгруппированных в 14 разделов. При этом каждый вид имеет свое описание, которое не всегда однозначно трактуется правоприменителем. Например, вид «Магазины» (код 4.4) включает размещение объектов капитального строительства, предназначенных для продажи товаров, торговая площадь которых составляет до 5000 кв. м. Именно в таком случае и работает институт условно разрешенного ВРИ.

Градостроительное зонирование как инструмент регулирования использования территории имеет свои корни в американской практике начала XX века. Знаковым стало дело *Village of Euclid v. Ambler Realty Co.* (1926), в котором Верховный Суд США признал конституционность зонирования как реализацию административного полномочия государства⁹. В российской практике градостроительное зонирование получило развитие с принятием Градостроительного кодекса Российской Федерации в 2004 г. Однако заимствование зарубежного опыта без учета особенностей российской правовой системы и традиций землепользования привело к многочисленным коллизиям. Проблема усугубляется тем, что градостроительный регламент не учитывает динамику экономического развития территории. Установленные виды использования могут устареть еще до окончания расчетного срока генерального плана. Например, развитие цифровой экономики породило новые форматы использования недвижимости: коворкинги, дата-центры, фулфилмент-центры, которые отсутствуют в приведенном классификаторе ВРИ, а типологизация таких объектов в качестве общественных или мест приложения труда, или какого-либо иного свойства является открытым вопросом, решение которого влияет на распределение функционального зонирования территории, правовым следствием которого выступает градостроительный регламент.

Еще одной проблемой является несоответствие между функциональным зонированием, устанавливаемым генеральным планом, и территориальным зонированием в правилах землепользования и застройки. Методические рекомендации пытаются решить эту проблему через «кросс-таблицу», но на практике возникают ситуации, когда один и тот же земельный участок попадает в разные функциональные зоны по генеральному плану и имеет иное назначение по правилам землепользования и застройки.

Судебная практика демонстрирует многочисленные споры, связанные с фактической несовместимостью деления земель по целевому назначению и одновременному использованию зонирования. Свежим примером выступает сложное дело, разрешенное в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона „О государственной регистрации недвижимости“ в связи с жалобами граждан Н. И. Гришиной, Н. З. Гулордавы и других». Предметом спора выступают земельные участки, правообладателями которых являются граждане, но расположены эти участки в землях Национального парка Сочи либо в составе земель лесного фонда. Данное целевое назначение априорно исключает частное правообладание, которое тем не менее имеет место быть, да еще в зарегистрированном виде.

Очевидно, что ограничение пользования земельным участком посредством прямого предписания видов разрешенного использования нуждается в дальнейшем совершенствовании, основанном на честном признании отсутствия права частной собственности на природный ресурс — землю, используемую для целей застройки. Фактически через механизм градостроительного регулирования происходит соци-

⁹ Legal information institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/272/365> (дата обращения: 18.06.2025).

ализация земельной собственности, когда формально частный собственник может использовать свой участок только в рамках, установленных публичной властью.

При этом возможность установления частной собственности на землю как средство сельскохозяйственного производства также нуждается в дальнейшем обсуждении. Парадоксально, но земли сельскохозяйственного назначения, которые должны были бы иметь более жесткое регулирование в силу их особой ценности, на практике имеют более либеральный режим использования по сравнению с землями населенных пунктов.

Изложенное в настоящем разделе означает, что правомочие пользования, входящее в состав права собственности благодаря используемым механизмам градостроительных регламентов, является иллюзорным. У правообладателя на самом деле нет права пользования, поставленного в зависимость от автономии его воли. У правообладателя есть лишь возможность выбрать вид использования из перечня, предоставляемого публичной властью в регламенте. Возможность такого выбора нельзя признавать участием в обороте, основанном на имущественной самостоятельности субъекта и на наличии у него автономии воли (п. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации). Следовательно, участие правообладателей земельных участков в территориальных зонах, в границах которых действует градостроительный регламент, в обороте не может рассматриваться в качестве частнопроводного участия.

3. Субстантивные правомочия правообладателей: содержание и ограничения

В условиях сформировавшейся системы расщепленного права владения на непосредственное и опосредованное, при наличии императивного ограничения прав пользования земельным участком градостроительным регламентом возникает вопрос о содержании оставшихся правомочий правообладателей земельных участков.

Классическая триада правомочий собственника — владение, пользование и распоряжение¹⁰ — в отношении земельных участков подвергается существенной трансформации. Как было показано выше, владение расщепляется на непосредственное (у правообладателя) и опосредованное (сохраняемое публично-правовым образованием). Пользование ограничено градостроительным регламентом и видами разрешенного использования.

Распоряжение земельным участком также имеет свои особенности. Согласно ст. 37 Земельного кодекса Российской Федерации, объектом купли-продажи могут быть только земельные участки, прошедшие государственный кадастровый учет. При этом покупатель должен соблюдать установленное разрешенное использование земельного участка. Изменение вида разрешенного использования требует соблюдения процедур, установленных градостроительным законодательством.

Системный анализ законоположений правомочий собственника позволяет заключить, что правообладатель земельного участка сохраняет следующие субстантивные правомочия:

1. Право на извлечение доходов от использования земельного участка в рамках установленного вида разрешенного использования. Это может быть арендная плата, доходы от предпринимательской деятельности, осуществляемой на участке.
2. Право на улучшение земельного участка путем строительства объектов капитального строительства в соответствии с градостроительным регламентом. При этом параметры строительства (этажность, плотность застройки, отступы от границ участка) жестко регламентированы.
3. Право на защиту от неправомерных посягательств третьих лиц. Это включает виндикационный иск, негаторный иск, иск о признании права.
4. Право на отчуждение земельного участка путем продажи, дарения, передачи по наследству. Однако это право может быть ограничено преимущественным правом покупки (например, у участников долевой собственности), запретом на отчуждение земель сельскохозяйственного назначения, приграничных земель иностранным гражданам.

¹⁰ Гражданское право: учебник: в 3 т. / Е. Н. Абрамова [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. М.: Велби, 2013. Т. 1. С. 620–621.

5. Право на раздел и объединение земельных участков при соблюдении требований земельного и градостроительного законодательства. Образованные земельные участки должны соответствовать требованиям к предельным размерам, установленным для данной территориальной зоны.

При этом нельзя забывать, что система регулирования также предполагает иные ограничения, которые также ограничивают вещные права на земли:

- Публичный сервитут для отдельных целей (глава V.7 Земельного кодекса Российской Федерации) может быть установлен для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения без изъятия земельного участка. Собственник обязан обеспечить возможность использования участка в целях, для которых установлен сервитут.
- Зоны с особыми условиями использования территорий (ЗООУИТ) устанавливаются дополнительные ограничения применительно к праву пользования. Например, в водоохранной зоне запрещается размещение кладбищ, скотомогильников, объектов размещения отходов. В санитарно-защитной зоне промышленных предприятий не допускается размещение жилой застройки.
- Резервирование земель для государственных или муниципальных нужд (ст. 70.1 Земельного кодекса Российской Федерации) ограничивает возможности по изменению вида разрешенного использования и строительству капитальных объектов.
- Специальный правовой режим имеют земельные участки, расположенные в границах особо охраняемых природных территорий, территорий объектов культурного наследия. Здесь действуют дополнительные ограничения, установленные специальным законодательством.

В приведенной связи мнение Конституционного Суда Российской Федерации, высказанное в отношении ЗООУИТ в Определении от 6 октября 2015 г. № 2318-О о том, что «<...> ограничения права собственности могут вводиться федеральным законом, если только они необходимы для защиты других конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности), носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо данного конституционного права» выглядит прекрасным пожеланием, не имеющим непосредственной связи с приведенным выше регулированием содержания права собственности и иных вещных прав на земельные участки.

Таким образом, субстантивные правомочия правообладателей земельных участков представляют собой сложную систему прав и корреспондирующих им обязанностей, содержание которых определяется не только гражданским законодательством, но и нормами земельного, градостроительного, природоохранного права. Фактически мы имеем дело не с классическим правом собственности, а с особым правовым режимом, который можно охарактеризовать как «обусловленную собственность» или «функциональную собственность», где права правообладателя поставлены в зависимость от соблюдения публичных интересов.

4. Механизмы трансформации правового режима в условиях цифровизации ЕГРН

Цифровая трансформация системы учета и регистрации прав на недвижимое имущество открывает новые возможности для совершенствования правового режима территориальных зон. Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), функционирующий в электронной форме с 2017 г., создает технологическую основу для перехода к новой модели регулирования земельных отношений.

Современное состояние цифровизации ЕГРН характеризуется следующими достижениями:

1. Интеграция кадастрового учета и регистрации прав в единой информационной системе, что позволяет получить комплексную информацию об объекте недвижимости, включая его характеристики и правовой статус.
2. Электронные сервисы предоставления сведений из ЕГРН, позволяющие получить информацию в режиме реального времени. По данным Росреестра, в 2023 году более 70 % запросов о предоставлении сведений из ЕГРН поступило в электронной форме¹¹.

¹¹ Итоговый доклад Росреестра за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: <https://rosreestr.gov.ru/about/kolleg/kollegiya-rosreestra/zasedaniya-kollegii/arkhiv-zasedaniya-kollegii/arkhiv-materialy-zasedaniy-kollegii/2023-god/> (дата обращения: 18.06.2025).

3. Пространственные данные о границах земельных участков, территориальных зон, зон с особыми условиями использования территорий представлены в цифровом виде и доступны через публичную кадастровую карту.

Однако потенциал цифровизации используется не в полной мере. Предлагается развитие следующих направлений цифровой трансформации вещных прав на землю:

I. Смарт-контракты для земельных отношений. Технология блокчейн позволяет создать систему автоматического исполнения условий договоров, связанных с земельными участками. Например, договор аренды земельного участка может автоматически прекращаться при нарушении арендатором вида разрешенного использования, фиксируемого через систему дистанционного мониторинга¹².

II. Динамическое зонирование на основе анализа больших данных. Вместо статичных градостроительных регламентов, пересматриваемых раз в несколько лет, возможно создание системы, которая будет анализировать фактическое использование территории, экономические показатели, транспортные потоки и предлагать оптимальные виды использования для каждого участка.

III. Цифровые двойники территорий — создание виртуальных моделей территориальных зон, позволяющих моделировать последствия изменения видов разрешенного использования, параметров застройки, проведения инженерных коммуникаций. Это позволит принимать более обоснованные решения в сфере территориального планирования¹³.

IV. Токенизация прав на землю. Создание цифровых токенов, представляющих права на земельные участки или доли в них, может революционизировать рынок недвижимости. Это особенно актуально для земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в общей долевой собственности, где токенизация может решить проблему управления множественными мелкими долями.

V. Искусственный интеллект в кадастровой оценке. Использование алгоритмов машинного обучения для определения кадастровой стоимости земельных участков с учетом множества факторов: местоположения, вида использования, инфраструктурной обеспеченности, экологической ситуации.

VI. Автоматизированный контроль соблюдения земельного законодательства. Использование данных дистанционного зондирования Земли, анализируемых с помощью искусственного интеллекта, для выявления нарушений: неосвоение земельного участка, самовольное строительство, использование не по целевому назначению/неиспользование по целевому назначению¹⁴.

Важным аспектом цифровой трансформации является изменение самой парадигмы правового регулирования. Вместо жестких предписаний возможен переход к адаптивному регулированию, когда параметры использования земельного участка определяются на основе анализа множества факторов в режиме реального времени.

Примером может служить концепция «умного города», где виды использования земельных участков могут изменяться в зависимости от времени суток, дня недели, сезона. Парковка в дневное время может трансформироваться в рекреационную зону вечером, офисные здания — предоставлять помещения для образовательных целей в выходные дни.

Правовые вызовы цифровизации включают:

1. Обеспечение юридической значимости электронных данных. Необходимо законодательное закрепление статуса цифровых данных ЕГРН как единственного достоверного источника информации о правах на недвижимость. Существующая на сегодняшний день возможность опровержения презумпции достоверности сведений ЕГРН в декларируемом порядке должна быть вытеснена и заменена на исключительно судебную процедуру опровержения такой презумпции.

2. Межведомственное взаимодействие. Данные ЕГРН должны быть интегрированы с информационными системами налоговых органов, органов социальной защиты, правоохранительных органов.

¹² Краснов И. Д. Проведение сделок с недвижимостью с использованием смарт-контрактов // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2020. № 3. С. 537.

¹³ Цыпкин Ю. А., Кудряшов Ю. Н. Применение блокчейн-технологий в информационных системах в сфере кадастрового учета и регистрации прав на недвижимое имущество // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2018. № 4 (159). С. 39. EDN: XPBHWP

¹⁴ Землякова Г. Л. Проблемы цифровизации государственных учетно-регистрационных услуг в отношении земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 7 (250). С. 94. EDN: FGBCGY

3. Трансграничное взаимодействие в рамках ЕАЭС для создания единого рынка недвижимости.

4. Важным направлением является создание цифровых платформ для вовлечения граждан в процессы территориального планирования. Вместо формальных публичных слушаний возможна организация постоянного диалога между властью, бизнесом и обществом через цифровые каналы. Попытки к такому взаимодействию формируются, но, к сожалению, не имеют нормативно-правовой основы¹⁵.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в России фактически сформировалась трехэлементная модель правового режима территориальной зоны, которая существенно отличается от классических представлений о праве собственности на землю.

Первый элемент — публично-правовое предписание вида разрешенного использования из ограниченного диапазона видов использования, установленного градостроительным регламентом. Этот элемент представляет собой императивное ограничение права пользования, которое собственник не может преодолеть в одностороннем порядке. Фактически происходит подмена частноправового регулирования публично-правовым, когда содержание права собственности определяется не волей собственника, а решением органов публичной власти.

Второй элемент — все вещные права на земельные участки являются производными от права собственности публично-правового образования, и эта производность сохраняет опосредованное владение у публично-правового образования. Это означает в том числе право негативной защиты исходного права публично-правового образования, сохраняющего опосредованное владение. Несмотря на отсутствие прямого законодательного закрепления института опосредованного владения, судебная практика *de facto* признает его существование, что создает дополнительные возможности для защиты публичных интересов.

Третий элемент — самостоятельные полномочия правообладателя, фактически означающие прямо классифицируемые правомочия, чья цифровизация приводит к тому, что вид использования земельного участка в территориальной зоне есть индивидуализация зоны, а не правомочие правообладателя. В условиях цифровизации эти полномочия всё больше приобретают характер технических параметров, заданных в информационной системе, а не субъективных прав в классическом понимании.

Данная модель отражает особенности российского правового порядка, сформировавшегося в результате некритичного заимствования элементов различных правовых систем без учета исторических традиций и социально-экономических реалий. Попытки заимствования институтов германского, нидерландского, американского права в отечественное регулирование, обремененное ресентиментом имущественного передела 1990-х гг., привели к созданию эклектичной системы, внутренне противоречивой и сложной в применении.

Трехэлементная модель правового режима территориальной зоны является отражением переходного состояния российского земельного права, балансирующего между советским наследием и стремлением к рыночным отношениям. Для дальнейшего развития этой модели представляется необходимым честно признать особую природу земельной собственности в России, где публичные интересы традиционно доминируют над частными, и дальнейшее развитие правового регулирования осуществлять с учетом этой специфики.

Список источников

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. / Е. Н. Абрамова [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. М.: Велби, 2013. 1040 с.
2. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с.

¹⁵ Паспорт федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» (Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, 2024 г.). URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/140232/> (дата обращения: 10.02.2026).

3. Землякова Г. Л. Проблемы цифровизации государственных учетно-регистрационных услуг в отношении земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 7 (250). С. 93–100. EDN: KCATFE
4. Краснов И. Д. Проведение сделок с недвижимостью с использованием смарт-контрактов // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2020. № 3. С. 537–540. EDN: FGBCGY
5. Майборода В. А. Статус земель аграрных учебных заведений России / В. А. Майборода, Э. Т. Майборода // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 192–194. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_192. EDN: PNEHTE
6. Разуваев Н. В. Римское частное право: история и система: учебник. М.: Директ-Медиа, 2025. 396 с.
7. Синицын С. А. К проблеме владения правом в российском, германском и австрийском гражданском праве // Законодательство. 2010. № 10. С. 73–79. EDN: TAMJGX

Об авторе:

Майборода Виктор Александрович, доктор юридических наук, судья областного суда в отставке, доцент кафедры гражданского и трудового права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3439-1244, e-mail: victormaiboroda@yandex.ru

References

1. Abramova, E. N. (2013) Civil law. *Velbi*. 1040 p.
2. Kofanov, L. L. (ed.) (2002) Digests of Justinian. *Statut Publ*. 584 p. (In Russ.)
3. Zemlyakova G. L. (2022) Problems of digitalization of state accounting and registration services in relation to land plots. *Property relations in the Russian Federation*, no. 7 (250), pp. 93–100.
4. Krasnov, I. D. (2020) Conducting real estate transactions using smart-contracts. *International Journal of Applied Sciences and Technology Integral*, no. 3, pp. 537–539.
5. Mayboroda, V. A., Mayboroda, E. T. (2025) Status of Lands of Agricultural Educational Institutions of Russia. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, no. 3, pp. 192–194. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_192
6. Razuvaev, N. V. (2025) Roman Private Law: History and System. *Direct-Media Publ*. 396 p. (In Russ.)
7. Sinitsyn, S. A. (2010) The Issue of Possession in Russian, German and Austrian Civil Law. *Zakonodatelstvo*, no. 10, pp. 73–79. (In Russ.).

About the author:

Viktor A. Mayboroda, Doctor of Science (Jurisprudence), Associate Professor of the Department of Civil and Labour Law, Russian Presidential Academy of National and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-3439-1244, e-mail: victormaiboroda@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Влияние судебной практики на правовое регулирование криптовалют и майнинга в Российской Федерации и Великобритании

Хусаинов Г. Э.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

E-mail: ghusainov@hse.ru

Аннотация

Введение: динамичное развитие блокчейн-технологий опережает формирование комплексного законодательного регулирования. В условиях нормативных пробелов ключевую роль в определении правового режима криптовалют и майнинга играет судебная практика, что обуславливает актуальность сравнительного анализа ее влияния в различных правовых системах.

Материалы и методы: исследование основано на сравнительно-правовом и формально-юридическом методах. Материалами послужили ключевые судебные прецеденты Российской Федерации и Великобритании, а также нормативно-правовые акты этих стран, регулирующие обращение цифровых валют и майнинга.

Результаты и обсуждение: выявлено, что в РФ суды в условиях фрагментарного законодательства активно формируют правовые подходы, признавая криптовалюты имуществом, а майнинг — предпринимательской деятельностью. В Великобритании, в рамках гибкого прецедентного права, суды уделяют первостепенное внимание защите прав потребителей и борьбе с мошенничеством, адаптируя традиционные правовые институты к новым реалиям. Установлены фундаментальные различия: ограничительная и осторожная позиция российских судов против адаптивного и сбалансированного подхода британских.

Выводы: сделан вывод о том, что судебная практика в обеих юрисдикциях выполняет компенсаторную функцию, восполняя пробелы в законодательстве. Однако для обеспечения правовой определенности и стимулирования инноваций в Российской Федерации необходима гармонизация и детализация законодательства о цифровых активах, с учетом как национальных интересов, так и международных тенденций, на что указывает опыт Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания, Российская Федерация, правовое регулирование, Высокий суд Англии и Уэльса, Верховный Суд Российской Федерации, блокчейн, майнинг, цифровая валюта, криптовалюта.

Для цитирования: Хусаинов Г. Э. Влияние судебной практики на правовое регулирование криптовалют и майнинга в Российской Федерации и Великобритании // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 184–197. EDN: ZKVJEE

The Impact of Judicial Practice on the Legal Framework of Cryptocurrencies and Mining in the Russian Federation and the United Kingdom

Grigory E. Khusainov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

E-mail: ghusainov@hse.ru

Abstract

Introduction: The swift evolution of digital asset technologies continues to outpace the development of comprehensive regulatory frameworks. In this context of legislative gaps, court rulings play a pivotal role in shaping the legal status of cryptocurrencies and mining, underscoring the relevance of a comparative analysis of their impact across different legal systems.

Methodology and materials: This study employs comparative legal and formal legal methods. Its analytical foundation comprises landmark court precedents from the Russian Federation and the United Kingdom, alongside relevant regulatory acts from both jurisdictions concerning digital assets.

Results of the study and their discussion: The analysis reveals that in Russia, amidst a fragmented legislative landscape, courts are actively formulating legal doctrines by classifying cryptocurrencies as property under the Civil Code and recognizing mining as an entrepreneurial activity. Conversely, in the UK, leveraging its flexible common law system, courts focus primarily on consumer protection and anti-fraud measures, adapting traditional legal concepts such as injunctive relief to new digital realities. The study identifies a fundamental divergence: a restrictive and cautious judicial stance in Russia contrasts with a more adaptive and balanced approach in British jurisprudence.

Conclusions: The study concludes that judicial practice in both jurisdictions serves a compensatory role, addressing legislative voids. However, to foster legal certainty and encourage innovation, Russia requires more harmonized and detailed legislation on digital assets. The UK's experience offers a valuable reference point in this regard, highlighting the need to align regulatory development with both national priorities and international trends.

Keywords: United Kingdom, Russian Federation, legal framework, High Court of England and Wales, Supreme Court of the Russian Federation, blockchain, mining, digital currency, cryptocurrency.

For citation: Khusainov, G. E. (2026) The Impact of Judicial Practice on the Legal Framework of Cryptocurrencies and Mining in the Russian Federation and the United Kingdom. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 184–197. (In Russ.)

Введение

Стремительное распространение криптовалют как средства обмена, инструмента инвестирования и элемента международных расчетов и развитие технологий создало беспрецедентные предпосылки и условия их разнофункционального применения во всех сферах социально-экономических отношений¹.

Актуальность настоящего исследования обусловлена наличием существенных пробелов в законодательном регулировании цифровых валют и майнинга в большинстве юрисдикций, включая Российскую

¹ См.: Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: Научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев [и др.]. М.: Норма, 2022. 376 с. DOI: 10.12737/1839690. EDN: AGWXNX

Федерацию. Несмотря на принятие в 2020 г. закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах»², установившего базовые понятия «цифровой валюты» и «цифровых финансовых активов», правовой режим криптовалют остается фрагментарным и противоречивым. Последующие законодательные изменения, в частности запрет использования цифровых валют в качестве платежного средства (2022 г.), еще более усложнили их правовой режим, создав почву для многочисленных правоприменительных коллизий. В целом необходимо признать, что принятие закона № 259-ФЗ не привело к созданию полноценной системы правового регулирования обращения цифровых валют: его положения носят фрагментарный и подчас спорный характер³.

В этих условиях именно судебная практика приобретает роль ключевого инструмента формирования фактического правового режима цифровых валют. Анализ судебных решений позволяет не только прогнозировать векторы развития законодательного регулирования, но и вырабатывать эффективные механизмы минимизации рисков, связанных с оборотом криптовалют, включая противодействие легализации преступных доходов и защиту прав добросовестных участников рынка.

Особую значимость представляет сравнительно-правовой анализ судебной практики различных юрисдикций, позволяющий выявить универсальные тенденции и национальные особенности правового регулирования. Динамика развития рынка подтверждает актуальность такого анализа. По прогнозам компании Quinlan & Associates, к 2030 г. глобальный объем торгов токенами ценными бумагами вырастет до 162,7 трлн долл. США, а общий объем выпуска токенов ценных бумаг составит более 4 трлн долл. США. Рынок растет, и, следовательно, возникают вопросы о необходимости правового регулирования новых правоотношений, возникающих на крипторынке⁴, что обуславливает важность исследования формирующихся правовых подходов, в том числе через анализ судебной практики. Сопоставление подходов стран с континентальной (Российская Федерация) и прецедентной (Великобритания) правовыми системами демонстрирует различные модели адаптации традиционных правовых институтов к новым реалиям динамичного развития цифровых технологий. При этом важно учитывать, что сама история криптовалютного движения представляет собой уникальный пример системного отрицания традиционных правовых и финансовых институтов, что создает дополнительный вызов для правового регулирования в условиях изначального правового нигилизма криптосообщества⁵.

Целью исследования является комплексный сравнительно-правовой анализ судебной практики и ее влияния на формирование правового режима криптовалют и майнинга в Российской Федерации и Великобритании.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявить и систематизировать ключевые судебные прецеденты, определяющие правовой режим криптовалют и майнинга в России и Великобритании; проанализировать особенности применения традиционных правовых институтов к отношениям, связанным с цифровыми валютами; оценить эффективность судебных механизмов защиты прав участников рынка криптовалют; разработать прогноз развития правового регулирования цифровых валют на основе анализа судебной практики.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой первое в отечественной научной литературе комплексное сравнительно-правовое исследование, посвященное анализу компенсаторной функции судебной практики в формировании правового режима криптовалют и майнинга⁶.

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056> (дата обращения: 05.07.2025).

³ См.: Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 103–113. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113 EDN: DVIDFY

⁴ См.: Гурич М. Г., Ермохин И. С., Левашенко А. Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-07. EDN: EZBFHO

⁵ См.: Хусаинов Г. Э. Правовой нигилизм в криптосообществе и пути его преодоления // Юридическая наука. 2025. № 8. С. 300–306. EDN: LZISQX

⁶ Кырлан М. Правовой режим цифровой валюты через призму судебной практики // ПРЭД. 2023. № 4. С. 96–101; Латынин А. О. Свобода договора и цифровые валюты: правовые вызовы и их решение в судебной практике // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 352–355. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_352 EDN: CCVZQD; Бабина К. И., Яшина Д. И., Юанова А. А., Самойлова В. Д. Роль судебной практики в правовом регулировании применения криптовалют // Основы экономики, управления и права. 2022. № 1 (32). С. 9–11. DOI: 10.51608/23058641_2022_1_9

В отличие от работ, сфокусированных преимущественно на анализе национальной судебной практики и внутригосударственных правовых коллизий в Российской Федерации⁷, настоящее исследование осуществляет системное сопоставление формирующихся судебных доктрин в двух контрастных правовых системах — континентальной (Российская Федерация) и прецедентной (Великобритания). Это позволяет выявить и концептуализировать принципиально разные модели судебного реагирования на технологические и регуляторные вызовы: «ограничительный и осторожный» подход российских судов, действующих в условиях фрагментарного законодательства, против «адаптивного и сбалансированного» подхода британских судов, опирающихся на гибкость общего права. Новизна также заключается в анализе новейшего пласта судебных решений (2021–2025 гг.), включая прецеденты, еще не получившие широкого освещения в научных публикациях (например, дела, связанные с применением антикоррупционного и избирательного законодательства к цифровым валютам в России⁸, а также споры об NFT и авторских правах в Великобритании). Кроме того, исследование расширяет традиционный предмет анализа, выходя за рамки вопросов квалификации имущества и процедур банкротства⁹, и предлагает системный подход к классификации судебных доктрин, оценивая их как инструмент «судебного правотворчества», что формирует основу для выявления тенденций развития правового регулирования в обеих юрисдикциях.

Методология и материалы

Настоящее исследование базируется на комплексной методологической основе, сочетающей традиционные юридические подходы со специализированными методами анализа цифровых валют. Ведущим методом выступил сравнительно-правовой анализ, позволяющий не только сопоставить правовые подходы различных юрисдикций, но и выявить универсальные тенденции судебного реагирования на технологические вызовы. В качестве вспомогательных исследовательских инструментов использовались:

1. Формально-юридический метод, направленный на догматический анализ судебных решений, выявление применяемых правовых конструкций и их соответствия действующему законодательству. Особое внимание уделялось анализу юридической аргументации судов при квалификации цифровых явлений. Примечательно, что специалисты Банка Англии определяют блокчейн как «технология, которая позволяет людям, не знающим друг друга, доверенно использовать вместе запись событий»¹⁰. Данное определение отражает ключевую характеристику технологии — создание доверия без необходимости привлечения центрального доверенного посредника, которая и порождает основные правовые вызовы, рассматриваемые в настоящем исследовании.

2. Конкретно-социологический метод, включающий анализ судебной статистики и правоприменительной практики, позволил выявить частотность определенных категорий дел и проследить эволюцию судебных подходов.

3. Метод юридической герменевтики применялся для интерпретации скрытых смыслов и ценностных ориентиров, содержащихся в текстах судебных решений, что особенно важно при анализе дел, связанных с технологиями, опережающими нормативное регулирование.

Эмпирическую базу исследования составили судебные решения российских и британских судов за период 2021–2025 гг., отобранных по критерию прецедентной значимости и влияния на формирование правовой доктрины. Исследование российской практики включает решения арбитражных судов различных инстанций, постановления Верховного Суда РФ и определения Конституционного Суда РФ, де-

EDN: GKHNKN; *Лепшаков К. И.* Анализ правового регулирования криптовалют в России. Судебная практика учета виртуальных денег при банкротстве // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 1–17. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.7.43593 EDN: TWFWD5

⁷ См., в частности: *Кырлан М.* Указ. соч.; *Латынин А. О.* Указ. соч.; *Лепшаков К. И.* Указ. соч.

⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации 10.04.2024 № 66-ИКАД24-2-А5. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10042024-n-66-ikad24-2-a5/?ysclid=mltmo7r569553456852> (дата обращения: 05.07.2025).

⁹ См., напр.: *Кырлан М.* Указ. соч. С. 97–98; *Лепшаков К. И.* Указ. соч. С. 9–12.

¹⁰ См.: *Арзуманова Л. Л., Грачева Е. Ю., Чернобровкина Е. Б., Ситник А. А., Ткаченко Р. В.* (ред). Актуальные проблемы блокчейн-технологий в финансовом праве. М.: Норма, 2023. С. 11.

монстрирующие формирование многоуровневой системы подходов к регулированию цифровых валют и майнинга.

Британская практика представлена решениями Высокого суда Англии и Уэльса, Апелляционного суда и специализированных коммерческих судов, отражающими адаптацию системы общего права к вызовам цифровой экономики. Особую ценность представляют дела, в которых впервые применялись традиционные правовые институты (трасты, обеспечительные меры) к отношениям в сфере блокчейн-технологий.

Нормативную основу исследования составили не только профильные законодательные акты (Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», Financial Services and Markets Act 2000), но и правовые позиции регуляторов и международные стандарты FATF, позволяющие оценить соответствие национальных подходов глобальным трендам регулирования.

Отбор судебных актов осуществлялся с использованием метода целевой выборки, при котором предпочтение отдавалось делам, содержащим принципиально новые правовые позиции или демонстрирующим изменение сложившейся судебной практики. Каждый прецедент анализировался по следующим параметрам: предмет спора, применяемые нормы права, юридическая квалификация цифровых валют и майнинга, аргументация суда и правовые последствия решения. Данный комплексный методологический подход позволяет обеспечить репрезентативность исследования и достоверность выводов о тенденциях судебного правотворчества в сфере правового регулирования цифровых валют.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Влияние судебной практики на правовое регулирование цифровых валют и майнинга в Российской Федерации

В российской судебной практике уже накоплен значительный массив решений, касающихся цифровых валют, которые постепенно формируют правовой режим цифровых валют и майнинга.

В сфере майнинга криптовалют особого внимания заслуживает дело № А19-20482/2021, рассмотренное Арбитражным судом Иркутской области. Данный кейс является уникальным прецедентом в формировании правового регулирования майнинга криптовалют в России. В рамках этого спора энергосбытовая компания пыталась признать недействительным договор энергоснабжения с майнинговой фермой, аргументируя это нецелевым использованием электроэнергии. Однако суд занял принципиально важную позицию, отказав в удовлетворении данного требования и тем самым фактически легализовав майнинговую деятельность в правовом поле. В своем решении суд четко указал, что действующее российское законодательство не содержит прямых запретов на использование электроэнергии для добычи криптовалют, а сам по себе майнинг не противоречит целям энергоснабжения. При этом суд обязал майнинговую компанию погасить задолженность за потребленную электроэнергию, подчеркнув, что коммерческое использование энергоресурсов должно надлежащим образом оплачиваться независимо от целей их использования¹¹.

Особую значимость этому делу придает тот факт, что суд косвенно признал майнинг предпринимательской деятельностью, поскольку ответчик использовал промышленные мощности для систематического получения дохода. Данная правовая позиция имеет далеко идущие последствия, так как влечет за собой необходимость соблюдения майнерами всего комплекса требований, предъявляемых к коммерческой деятельности, включая налоговые обязательства. Фактически решение создало прецедент, согласно которому доходы от майнинга должны декларироваться и облагаться налогами в установленном порядке, что впоследствии нашло отражение в правоприменительной практике ФНС России. Решение продемонстрировало необходимость специального законодательного регулирования майнинга, что в конечном итоге способствовало разработке и принятию соответствующих поправок в законодатель-

¹¹ См.: Решение АС Иркутской области 21.04.2022 по делу № А19-20482/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GA7KWSqYzc5p/?ysclid=mltmkj3f88527951055> (дата обращения: 15.07.2025).

ство. Кроме того, оно обозначило ключевые проблемы во взаимоотношениях майнеров и энергокомпаний, включая вопросы тарифообразования и технических ограничений энергосетей, которые стали предметом последующих судебных разбирательств.

В настоящее время это судебное решение продолжает оставаться актуальным и регулярно цитируется в новых делах, связанных с майнингом, включая споры о банкротстве майнинговых ферм, налоговых проверках и расторжении договоров энергоснабжения. При этом решение оставило открытым ряд вопросов, таких как правовой режим добытых криптовалют, особенности налогообложения майнинга и технические требования к майнинговому оборудованию, что обусловило необходимость дальнейшего развития правового регулирования в этой сфере.

Из актуальной практики стоит отметить определение восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 апреля 2025 г. по делу о взыскании неосновательного обогащения за бездоговорное потребление электроэнергии в целях майнинга криптовалют, которое представляет собой важный прецедент в практике регулирования цифровых валют в России¹². Суд кассационной инстанции отменил апелляционное определение, отказавшее во взыскании 16,5 млн рублей с владельца майнинг-фермы, и направил дело на новое рассмотрение, указав на существенные нарушения норм материального и процессуального права. Значимость данного решения заключается в том, что оно фактически легитимизирует практику взыскания затрат на электроэнергию с владельцев криптовалютных ферм даже при опосредованном подключении к сетям, подтверждая правомерность применения института неосновательного обогащения к подобным случаям. Суд кассационной инстанции подчеркнул, что самовольное подключение энергоемкого оборудования без заключения договора энергоснабжения недопустимо, даже если часть электроэнергии формально оплачивалась через третьих лиц. Это создает серьезные правовые риски для владельцев криптоферм, фактически обязывая их оформлять подключение в установленном законом порядке. При этом суд кассационной инстанции корректно разграничил вопросы технологического присоединения и договорных отношений, указав, что наличие первого не исключает ответственность за бездоговорное потребление при отсутствии второго. Суд принял во внимание специфику энергопотребления майнингового оборудования, оценил возможность параллельного существования легальной и нелегальной схем электропитания и установил критерии определения зоны ответственности за незаконное подключение.

Таким образом, определение формирует важные ориентиры для разрешения споров, связанных с промышленным майнингом, и подчеркивает необходимость правовой легализации этой деятельности, особенно в части энергопотребления. Ожидаемо, что это повлияет на практику рассмотрения аналогичных дел и может стимулировать разработку специальных правил подключения майнингового оборудования, что в конечном итоге будет способствовать формированию более прозрачного и предсказуемого правового поля для участников крипторынка в России.

Особый интерес для развития правового регулирования криптовалют в России представляет рассматриваемое дело А65-18296/2021, поскольку впервые на уровне арбитражного суда был рассмотрен вопрос о правовой природе цифровых валют в контексте обязательственных отношений. Суд установил, что криптовалюта (в данном случае — биткоин) может признаваться объектом гражданских прав в соответствии со статьей 128 ГК РФ, несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования на момент вынесения решения¹³. При этом следует отметить, что в научной среде существуют мнения о квалификации криптовалют как новой формы частных денег ввиду выполнения ими денежных функций¹⁴.

Этот вывод имеет принципиальное значение для всей практики работы с цифровыми валютами в России, так как создает важный прецедент признания криптовалют имуществом, что влечет за собой возможность защиты прав владельцев через механизмы гражданского законодательства. Однако важ-

¹² См.: Определение восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2025 по делу № 88-4599/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=160314&ysclid=mltmi7if3v642117624#tC5ggBVK5scY2uy5> (дата обращения: 12.07.2025).

¹³ См.: Определение АС республики Татарстан 19.12.2022 по делу № А65-18296/2021.

¹⁴ См.: *Ефимова Л. Г.* Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // Юрист. 2019. № 3. С. 12–19. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-3-12-19 EDN: ZARCWL

но подчеркнуть, что законодательство о цифровых финансовых активах устанавливает, что защита прав держателей криптовалют в судебном порядке возможна лишь при условии их официального декларирования. Ввиду отсутствия специальных налоговых норм, регулирующих обращение криптовалют, применяются общие положения главы 23 НК РФ, касающиеся налогообложения доходов физических лиц. В деле рассматривался спор о взыскании долга, выраженного в биткоинах, где суд признал правомерность требования о возврате цифровых валют, установив при этом механизм определения их стоимости через биржевые котировки на момент исполнения обязательства. Такой подход создает правовую определенность для участников крипторынка и может служить ориентиром для разрешения аналогичных споров.

Принципиальное значение имеет позиция суда относительно доказательств владения криптовалютой. В решении указано, что подтверждением права собственности на цифровые валюты могут служить выписки из блокчейна, скриншоты кошельков и другие цифровые следы, что особенно важно в условиях анонимности криптовалютных операций, учитывая, что сама криптовалюта была куплена через чат-бот мессенджера Telegram. При рассмотрении споров, связанных с защитой прав владельцев криптовалют, суды сталкиваются с парадоксом блокчейн-технологии, которая предоставляет возможность установления баланса между транспарентностью и анонимностью для клиентов¹⁵. Это обуславливает необходимость разработки специальных подходов к подтверждению права собственности на цифровые валюты.

Дело также важно с точки зрения налогового регулирования, так как суд косвенно подтвердил необходимость налогообложения операций с криптовалютами, признав их экономическую ценность. В перспективе это может повлиять на практику налоговых органов и формирование судебной практики по вопросам налогообложения криптоактивов.

В отличие от арбитражной практики, которая часто касается узких коммерческих споров, решения Верховного и Конституционного судов затрагивают основы гражданских, административных и даже уголовных правоотношений. Таким образом, их роль выходит далеко за пределы отдельных судебных дел, формируя фундаментальные принципы правового регулирования в России.

Верховный Суд РФ в своем кассационном определении от 10 апреля 2024 года по делу № 66-ИКАД24-2-А5 рассмотрел важный спор, связанный с применением избирательного законодательства в отношении кандидатов, владеющих криптовалютными активами. Предметом спора стала законность отмены регистрации кандидата в депутаты Законодательного Собрания Иркутской области М. А. Прокофьева из-за нарушения им требований законодательства о запрете владения иностранными финансовыми инструментами. Истец — Региональное отделение «Российской партии свободы и справедливости» — требовал отменить регистрацию кандидата, ссылаясь на то, что М. А. Прокофьев не выполнил требование об отчуждении принадлежавших ему иностранных финансовых инструментов, включая криптовалюту биткоин¹⁶.

Суды трех инстанций, включая Верховный Суд, единогласно подтвердили правомерность отмены регистрации кандидата. При этом Верховный Суд дал важные разъяснения относительно правового режима криптовалют. В своем решении суд указал, что криптовалюты (в данном случае биткоин) подпадают под понятие «иностранные финансовые инструменты» в соответствии с пунктом 7 части 2 статьи 1 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 79-ФЗ. Суд отметил, что цифровые финансовые активы, выпущенные в информационных системах, организованных в соответствии с иностранным правом, а также цифровая валюта относятся к иностранным финансовым инструментам, независимо от их децентрализованного характера и отсутствия привязки к конкретной государственной юрисдикции. Понятие «децентрализация» является фундаментальным для блокчейн-систем, однако его общепринятое значение остается крайне расплывчатым и неопределенным¹⁷. Суд отверг доводы от-

¹⁵ См.: Кинсбургская В. А. Требования ФАТФ по регулированию криптовалют: проблемы имплементации в национальное законодательство // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 4. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.4.33856 EDN: CRGKHS

¹⁶ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации 10.04.2024 № 66-ИКАД24-2-А5. URL: <https://apkrf.kod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10042024-n-66-ikad24-2-a5/?ysclid=mltmodcmz2369435691> (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁷ См.: Walch A. Deconstructing “Decentralization”: Exploring the Core Claim of Crypto Systems. *Crypto Assets: Legal & Monetary Perspectives* (OUP, Forthcoming). 2019.

ветчика о невозможности отнесения биткойна к иностранным финансовым инструментам, подчеркнув, что законодатель прямо включил цифровые валюты в соответствующий перечень. Это решение имеет принципиальное значение для правоприменительной практики, так как создает прецедентный подход к регулированию криптовалют в контексте избирательного и антикоррупционного законодательства. Оно устанавливает важные ориентиры для участников избирательного процесса, обязывая их учитывать криптовалютные активы при соблюдении требований о декларировании и отчуждении иностранных финансовых инструментов. При этом решение подчеркивает, что технические особенности криптовалют (такие как их трансграничный характер) не освобождают владельцев от необходимости соблюдения установленных законодательных ограничений. Кроме того, решение подчеркивает, что суды не принимают во внимание доводы о «невозможности» отчуждения криптовалют из-за их трансграничной природы — законодательство обязывает кандидатов избавляться от таких активов независимо от технических сложностей.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 1984-О, несмотря на формальный отказ в принятии жалобы к рассмотрению, представляет значительный интерес для правоприменительной практики в сфере регулирования криптовалютных операций. В данном случае Конституционный Суд, рассматривая жалобу гражданина В. Е. Ткаченко на статью 1109 Гражданского кодекса РФ, косвенно подтвердил правомерность применения общих норм гражданского законодательства к отношениям, возникающим при операциях с криптовалютой¹⁸. Особую важность имеет тот факт, что суд апелляционной инстанции, чье решение стало предметом обжалования, установил наличие договоренности между сторонами о покупке криптовалюты, что свидетельствует о признании судами подобных сделок объектом гражданско-правового регулирования. Принципиальное значение данного определения заключается в том, что Конституционный Суд, не найдя оснований для проверки конституционности статьи 1109 ГК РФ, тем самым санкционировал применение общего гражданско-правового механизма возврата неосновательного обогащения к отношениям, связанным с оборотом криптовалют. Таким образом, рассматриваемое определение важно для правового регулирования криптовалют по следующим причинам: во-первых, оно подтверждает применимость общего гражданского законодательства к отношениям, возникающим при операциях с цифровыми валютами; во-вторых, демонстрирует подход судебной системы, при котором криптовалютные сделки признаются гражданско-правовыми отношениями, подпадающими под действие норм ГК РФ; в-третьих, подчеркивает необходимость доказывания фактических обстоятельств сделки по общим правилам гражданского судопроизводства.

Проблема защиты прав владельцев цифровых валют выходит далеко за рамки частных споров и приобретает системный характер, ставя под вопрос соблюдение базовых конституционных принципов. В этом контексте инициатива адвоката Марата Аманлиева по оспариванию положений закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» в Конституционном Суде РФ представляет особый интерес. Его действия имеют принципиальное значение для развития правового регулирования криптовалют в России¹⁹. Суть проблемы заключается в том, что текущая редакция закона делает судебную защиту прав владельцев цифровых валют зависимой от предварительного уведомления ФНС о владении криптовалютой, при этом сам порядок такого уведомления до сих пор не установлен. Возникает правовая коллизия: граждане де-факто лишены судебной защиты ввиду отсутствия законодательно установленного механизма выполнения обязательного предварительного условия, что прямо противоречит конституционным принципам равенства перед законом, неприкосновенности собственности и гарантиям судебной защиты. С практической точки зрения инициатива важна, поскольку она вскрывает системную проблему законодательного регулирования: закон содержит отсылочную норму к несуществующему порядку уведомления, что делает его положения фактически неработающими. В сложившихся условиях требование

¹⁸ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации 20.07.2023 № 1984-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20072023-n-1984-o/?ysclid=mltn61eu9d22270766> (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁹ См.: Кузьмичева А. В Конституционном Суде оспорят отказы в исках по криптовалютным делам. [Интернет-песчур]. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/680f3b889a79471372f59363> (дата обращения: 20.04.2025).

о предварительном уведомлении является юридически несостоятельным, порождает правовую неопределенность и действительно подпадает под признаки антиконституционности²⁰.

2. Влияние судебной практики на правовое регулирование криптовалют в Великобритании

Анализ зарубежной практики показывает, что судебные дела, связанные с технологией блокчейн, немногочисленны и в основном касаются споров, возникающих из операций с криптовалютами. Несмотря на ограниченное количество судебных дел, формирующаяся практика в юрисдикциях общего права демонстрирует готовность судов рассматривать блокчейн-споры и устанавливать прецеденты. Как отмечают исследователи, данные дела подтверждают, что блокчейн-технологии должны функционировать в рамках существующего права, а суды не станут уклоняться от юрисдикции из-за недостатка технических знаний²¹.

Отдельные персоналии пытаются в судебном порядке доказать свои авторские права на создание криптовалют: 20 июля 2023 г. Апелляционный суд в Англии удовлетворил жалобу самопровозглашенного создателя биткоина Крейга Райта в адрес одного из старейших биткоин-кошельков BTC Core, программное обеспечение которого впервые было опубликовано от анонимного создателя биткоина — Сатоши Накамото²². Во многом именно благодаря популярности биткоина возник научный и практический интерес к исследованию проблем правового регулирования технологии блокчейн в целом²³. Ответчиками являлись компании, опубликовавшие «белую книгу» биткоина на своих ресурсах, а также лица, принимавшие участие в разработке программного обеспечения для BTC Core и внесшие вклад в разработку блокчейна биткоин: Майкл Домбровский, Питер Тодд, Block inc., Blockstream inc., Chaincode Labs и др. В данном споре рассматривался вопрос действия авторских прав на формат файла биткоин, используемый в блокчейне, и на так называемую «белую книгу» сети биткоина. Истец утверждал, что он создатель блокчейна и ходатайствовал об отмене постановления Высокого суда Англии и Уэльса. В дальнейшем суд выявил фальсификацию значительного количества документов, предоставленных в качестве доказательств: эксперты-свидетели группы ответчиков заявили, что обнаружили следы правок, внесенных задним числом, созданных или измененных с использованием версий программного обеспечения, которые не существовали на момент предположительного создания документов, включая случай, когда один из документов содержал следы участия ChatGPT.

Знаковым является решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу Payward Ltd (онлайн-биржа Kraken) против гражданина России Максима Чечёткина²⁴. Payward Ltd — британское юридическое лицо, управляющая компания Kraken — одна из крупнейших и старейших криптовалютных бирж в мире. Kraken позволяет пользователям покупать, продавать и обменивать различные криптовалюты, такие как Bitcoin, Ethereum и Litecoin, используя фиатные деньги или другие криптовалюты. Кроме того, Kraken предоставляет кастодиальные услуги, то есть хранит криптовалюты пользователей в своих кошельках. Максим Чечёткин заявил, что стал жертвой мошенничества с участием Kraken. В деле Payward против Чечёткина Высокий суд Англии и Уэльса отказал в иске о принудительном исполнении арбитражного решения, вынесенного судом в США. Суд постановил, что исполнение решения противоречит публичному порядку, поскольку нарушает ключевые положения Закона о правах потребителей (CRA) и Закона о финансовых услугах и рынках (FSMA). Чечёткин утверждал, что деятельность Payward в Великобритании подпадала под регулируемые финансовые операции, для которых у компании не было лицензии. Согласно ст. 26 FSMA, такие соглашения не имеют юриди-

²⁰ См.: Инвестировать можно, но не платить: ГД приняла законопроект о криптовалюте // РАПСИ. 2020. 22 июля. URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20200722/306066733.html (дата обращения: 17.10.2025).

²¹ См.: Chaisse, J., Kirkwood, J. Beyond Disruption: Blockchain Technology and the New Financial Ethics. *Banking & Finance Law Review*, 2024, no. 41 (1), pp. 47–74.

²² См.: In the court of appeal (civil division) on appeal from the high court of justice, business and property courts of England and Wales, intellectual property list (ChD) Mr Justice Mellor, 20.07.2023, Case № CA-2023-000404, Wright v. BTC and others.

²³ См.: Ситник А. А. Технология блокчейн в платежных системах // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 42–54. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.042-054. EDN: DFYYU

²⁴ См.: In the high court of justice king's bench division business and property courts of England and Wales commercial court, 14.07.2023, case № cl-2023-000029, Payward Ltd v. Chechetkin.

ческой силы. Пользовательское соглашение Payward включало арбитражную оговорку, требующую разрешать споры в юрисдикции США, в штате Калифорния, по правилам JAMS. В соответствии с этим положением Payward инициировала арбитражное разбирательство в США. Арбитр вынес решение в пользу Payward, отказав Чечёткину в возмещении убытков и запретив ему обращаться в суды других юрисдикций (включая Великобританию). Payward потребовала от судов британской юрисдикции принудительного исполнения арбитражного решения согласно ст. 101 Закона об арбитраже. Чечёткин возражал, ссылаясь на ст. 103(3) Закона об арбитраже: исполнение решения противоречит публичному порядку, поскольку арбитраж в Калифорнии несправедлив к потребителю (согласно CRA), и данное решение лишает его возможности оспорить нарушение FSMA. В мотивировочной части решения, отказывая в требовании принудительного исполнения решения суда США, суд подчеркнул, что действовал вне своей профессиональной деятельности, а значит, подпадает под определение потребителя (CRA, ст. 2(3)). Более того, суд признал, что арбитраж в США не подходит для споров, затрагивающих британское правовое регулирование. В заключительной части решения суд подчеркивает, что исполнение решения было бы несправедливым: арбитражная оговорка создавала дисбаланс для ответчика (CRA, ст. 62(4)). Это решение усиливает тренд на ограничение действия решений арбитражных судов в потребительских спорах и подчеркивает важность соблюдения локальных законов в криптоиндустрии.

Рассмотренные прецеденты демонстрируют, что в финансово-правовом поле архиважным является установление требования прозрачности операций к любым инициативам в финтех-области, что невозможно без процедур идентификации, принципа управления риском легализации и финансирования терроризма (а это невозможно без мониторинга операций и сделок) и получения доступа к таким операциям по требованию регулятора²⁵. Именно этим обусловлена строгая позиция британских судов в вопросах соблюдения антиотмывочного законодательства и защиты прав потребителей. Дело Payward против Чечёткина стало одним из первых прецедентов в Англии, касающихся криптовалютных операций и применения к ним принципа экстерриториальности, в рамках которого был установлен субъективный характер юрисдикционных оговорок в криптовалютных спорах и императивность принципа равенства сторон. В данном случае пользователю необходимо обратить внимание не только на указанную в пользовательском соглашении юрисдикцию разрешения споров, но и на юрисдикцию самой компании.

В деле Осборн против неизвестных был затронут вопрос мошенничества, связанного с таким явлением, как NFT²⁶. NFT (Non-Fungible Token) — это уникальный цифровой токен, подтверждающий право владения каким-либо цифровым (или даже физическим) активом. В отличие от обычных криптовалют (например, Bitcoin или Ethereum), которые взаимозаменяемы (1 BTC = 1 BTC), NFT не взаимозаменяемы — каждый токен уникален и существует в единственном экземпляре. Истец утверждала, что произошел взлом ее кошельков на платформе управления криптоактивами MetaMask и хищение двух NFT (на сумму от 3000 до 5000 фунтов), а также внесение на эти кошельки 150 фунтов в криптовалюту Ethereum. Когда истец обнаружила пропажу NFT, она наняла специалиста для отслеживания двух цифровых сертификатов, которые были обнаружены в двух разных кошельках, принадлежащих неустановленным лицам, после чего был получен судебный запрет (injunction) против хакеров. Разрешение на вручение документов первым ответчикам («неизвестным лицам») за пределами юрисдикции было предоставлено альтернативным способом — путем отправки электронных писем на адреса OpenSea, поскольку целевые кошельки были связаны с этой NFT-платформой. Судья также вынес приказ о раскрытии информации по типу Bankers Trust в отношении OpenSea. OpenSea предоставила некоторые email-адреса, но истец не получила ответов на отправленные письма. Позже один из NFT был снова перемещен и связан с идентифицируемым третьим лицом — Тембани Дубе, который выставил его на аукцион. Истец подала ходатайство о разрешении изменить исковое заявление и добавить третьих ответчиков, указав в качестве основания иска требование о признании права собственности. На сегодняшний день дело не завершено окончательно, но суд поддержал истца в ряде поданных ходатайств: заморозил активы, установил личности хакеров, взыскал убытки. Этот кейс важен, так как показывает,

²⁵ См.: Цинделиани И. А. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики. М.: Проспект. 2019. 453 с. DOI: 10.31085/9785392288380-2019-320 EDN: IUQQRB

²⁶ См.: High Court of Justice, Kings bench division, 22.02.2023, Case № KB-2022-001266, Osborne v. Persons Unknown.

что английские суды готовы применять традиционные правовые механизмы к делам о криптовалютах и NFT, даже если преступники неизвестны.

В деле *Солеймани против Nifty Gateway LLC* рассматривался вопрос правомерности арбитражной оговорки в пользовательских условиях платформы для обмена NFT и подпадает ли аукцион по продаже NFT под юрисдикцию английского суда²⁷. Истец участвовал в аукционе на онлайн-платформе ответчика с 30 апреля по 2 мая 2021 года, где сделал ставку на NFT, связанный с работой художника Beeple под названием *Abundance*. Солеймани жил в Англии, платформа (*Nifty Gateway*) базировалась в США, но обслуживала пользователей по всему миру. Причиной подачи иска в суд стали технические сбои: во время аукциона за NFT *Beeple Abundance* (май 2021 г.) на платформе возникли ошибки, из-за которых Солеймани, по его утверждению, не смог корректно участвовать в торгах. Суть в том, что система не отображала его ставки в реальном времени, а также он полагал, что его последняя ставка в размере \$650,000 была зарегистрирована, но платформа якобы «проигнорировала» ее, и NFT продали другому участнику. В дальнейшем *Nifty Gateway* не предоставила четких объяснений, почему ставки Солеймани не были учтены, что вызвало подозрения в манипуляциях или сбоях системы. Истец пытался урегулировать конфликт через поддержку *Nifty Gateway*, но компания отказалась от пересмотра результатов аукциона. Вместо этого платформа сослалась на свои условия обслуживания, где было зафиксировано, что все споры должны решаться в юрисдикции США. Суд признал, что арбитражная оговорка не была достаточно ясной для Солеймани, а также признал, что дело может рассматриваться в английском суде, так как истец — британский резидент, а аукцион по продаже NFT затрагивал его права как потребителя. Решение по данному делу установило новые правовые требования для операторов платформ, торгующих NFT: платформы теперь должны четко прописывать арбитражные условия, особенно для пользователей из ЕС/Великобритании; потребители получили право оспаривать NFT-сделки в национальных судах, если условия платформы несправедливы.

В деле *Crypton Digital Assets Ltd. против Blockchain Luxembourg SA* компания-истец разработала «ценную, индивидуальную, институциональную высокочастотную торговую платформу с низкой задержкой (латентностью) на основе ИИ, ориентированную на цифровые валюты (платформа *Crypton*), предназначенную для функционирования в качестве управляющего цифровыми валютами/фондами»²⁸. Юристы истца утверждали, что вместо того, чтобы довести переговоры с *Crypton* до завершения сделки, компания *Blockchain* вступила в незаконный сговор с гражданами Джонсом, Кумпасом и Кёртисом, в результате чего эти лица уволились из *Crypton* и почти сразу были приняты на работу в *Blockchain*. Затем *Blockchain* и индивидуальные ответчики начали переманивать других ключевых сотрудников *Crypton*, а также истец предполагает, что *Blockchain* использует платформу *Crypton*, ее интеллектуальную собственность и/или пытается воссоздать эту платформу, используя идеи, концепции, навыки, экспертизу и ноу-хау сотрудников и подрядчиков, участвовавших в ее разработке.

Blockchain Luxembourg пыталась добиться прекращения дела, утверждая, что исковые требования «недостаточно конкретны». Суд отверг этот аргумент, посчитав, что *Crypton* предоставила достаточно доказательств для рассмотрения дела по существу, а также оставил в силе наложенные ограничения на использование спорных технологий и данных, пока дело не будет разрешено окончательно. Суд отметил, что доказательства незаконного присвоения интеллектуальной собственности и нарушения контрактов бывшими сотрудниками выглядят убедительно. Дело, вероятно, завершилось мировым соглашением, так как публичных финальных решений нет. *Blockchain Luxembourg*, судя по открытым данным, изменила структуру продукта, чтобы избежать дальнейших исков.

Подводя итоги анализа данного дела, следует отметить, что даже при отсутствии окончательного вердикта кейс демонстрирует готовность английских судов блокировать подозрительную деятельность через удовлетворение обеспечительных мер и требовать доказательств добросовестности от компаний,

²⁷ См.: *Hill Ch. Soleymani v Nifty Gateway LLC (competition and markets authority intervening)* [2022] EWCA Civ 1297. [Интернет-ресурс]. URL: <https://www.penningtonslaw.com/news-publications> (дата обращения: 20.04.2025).

²⁸ См.: *In the high court of justice business and property courts of England and Wales chancery appeals (chd)*, 29.11.2021, Case № CH-2021-000164, *Crypton Digital Assets Ltd. v Blockchain Luxembourg SA*.

обвиняемых в краже технологий. При этом появляются риски для сотрудников высокотехнологичных компаний ввиду того, что переход на работу к конкурентам с последующим доступом к конфиденциальной информации может привести к личной ответственности.

Выводы

Проведенный анализ судебной практики России и Великобритании демонстрирует принципиально разные подходы к правовому регулированию цифровых валют и майнинга, сформировавшиеся под влиянием национальных правовых традиций и экономических приоритетов. Формирование правовой базы, адаптация правовых систем к цифровым инновациям, в частности к явлениям в сфере блокчейн-технологий, представляют собой сложный и многогранный процесс, требующий согласованных усилий законодателей, регуляторов и правоприменителей. Этот процесс осложняется принципиально новым характером возникающих правоотношений, которые не всегда укладываются в традиционные правовые конструкции. В Российской Федерации мы наблюдаем осторожный и во многом ограничительный подход, где суды, в условиях отсутствия комплексного законодательного регулирования, вынуждены адаптировать существующие нормы гражданского, налогового и уголовного права к новым цифровым реалиям. Ключевые прецеденты, такие как признание криптовалют имуществом, разрешение взыскания цифровых валют в исполнительном производстве и квалификация майнинга как предпринимательской деятельности, создают фрагментарную, но постепенно складывающуюся систему правовых ориентиров. При этом российская практика отличается значительной непоследовательностью, особенно в вопросах налогообложения и регулирования майнинга, где решения зачастую противоречат друг другу.

Однако с 1 января 2025 года в России вступили в силу новые нормы налогового регулирования майнинга криптовалют, устанавливающие комплексную систему учета и налогообложения данной деятельности. Законодательные изменения закрепили правовой режим цифровых валют как объекта имущественных прав и ввели четкий регламент для участников рынка. Согласно новым правилам, майнинг официально признан видом экономической деятельности, что повлекло за собой установление специальных требований к его осуществлению. Для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, занимающихся добычей криптовалют, введена обязательная регистрация в специальном реестре Федеральной налоговой службы через электронный сервис «МайнингРеестр». Физические лица сохраняют возможность заниматься майнингом без регистрации при условии, что их энергопотребление не превышает установленный лимит в 6000 кВт·ч в месяц. Введенные изменения направлены на создание прозрачных условий функционирования криптоиндустрии, однако одновременно значительно увеличивают административную нагрузку на участников рынка, требуя от них строгого соблюдения установленных правил и своевременного выполнения всех обязательств перед налоговыми органами.

Английские суды, опираясь на принципы прецедентного права, сформировали более четкие критерии квалификации цифровых валют, особенно в вопросах их признания имуществом и применения традиционных правовых институтов к смарт-контрактам. Регуляторная позиция FCA, подкрепленная судебными решениями, обеспечивает баланс между инновационным развитием рынка и защитой прав потребителей. Однако стоит отметить, что в Великобритании отсутствует нормативное закрепление понятий, связанных с майнингом, а также не существует прецедентов в этой области. При этом обе юрисдикции сталкиваются с аналогичными вызовами — необходимостью правовой квалификации DeFi-платформ, регулированием NFT и интеграцией цифровых валют центральных банков (CBDC) в финансовую систему.

Перспективы развития регулирования в обеих странах будут определяться взаимодействием трех факторов: дальнейшей эволюцией судебной практики, реакцией законодателей на технологические вызовы и международной гармонизацией подходов к цифровым валютам. Опыт Великобритании показывает, что гибкое прецедентное право может быть эффективным инструментом регулирования новых

технологий, тогда как российская практика свидетельствует о необходимости скорейшего принятия комплексного, обособленного от существующих нормативных правовых актов закона о цифровых валютах, который снимет существующие противоречия и создаст предсказуемые условия для участников рынка.

Список источников

1. Арзуманова Л. Л. Актуальные проблемы блокчейн-технологий в финансовом праве / Л. Л. Арзуманова, Е. Ю. Грачева, Е. Б. Чернобровкина и др. М.: Норма, 2023. С. 11.
2. Бабина К. И. Роль судебной практики в правовом регулировании применения криптовалют / К. И. Бабина, Д. И. Яшина, А. А. Юанова и др. // Основы экономики, управления и права. 2022. № 1 (32). С. 9–11. DOI: 10.51608/23058641_2022_1_9 EDN: GKHNKN
3. Гирич М. Г. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах / М. Г. Гирич, И. С. Ермохин, А. Д. Левашенко // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-07. EDN: EZBFHO
4. Ефимова Л. Г. Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // Юрист. 2019. № 3. С. 12–19. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-3-12-19 EDN: ZARCWL
5. Кинсбургская В. А. Требования ФАТФ по регулированию криптовалют: проблемы имплементации в национальное законодательство // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 4. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.4.33856. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33856. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.4.33856 EDN: CRGKHS
6. Кырлан М. К. Правовой режим цифровой валюты через призму судебной практики // ПРЭД. 2023. № 4. С. 96–101.
7. Латынин А. О. Свобода договора и цифровые валюты: правовые вызовы и их решение в судебной практике // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 352–355. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_352 EDN: CCVZQD
8. Лепшаков К. И. Анализ правового регулирования криптовалют в России. Судебная практика учета виртуальных денег при банкротстве // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 1–17. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.7.43593 EDN: TWFWDS
9. Ситник А. А. Технология блокчейн в платежных системах // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 42–54. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.042-054. EDN: DFYYIJ
10. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 103–113. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113 EDN: DVJDFY
11. Хусаинов Г. Э. Правовой нигилизм в криптосообществе и пути его преодоления // Юридическая наука. 2025. № 8. С. 300–306. EDN: LZISQX
12. Цинделиани И. А. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики. М.: Проспект. 2019. 453 с. DOI: 10.31085/9785392288380-2019-320 EDN: IUQQRB
13. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: Научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев [и др.]. М.: Норма, 2022. 376 с. DOI: 10.12737/1839690. EDN: AGWXNX
14. Chaisse, J., Kirkwood, J. (2024) Beyond Disruption: Blockchain Technology and the New Financial Ethics. *Banking & Finance Law Review*, no. 41 (1), pp. 47–74.
15. Walch, A. (2019). Deconstructing “Decentralization”: Exploring the Core Claim of Crypto Systems. *Crypto Assets: Legal & Monetary Perspectives* (OUP, Forthcoming).

Об авторе:

Григорий Э. Хусаинов, приглашенный преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ORCID: 0009-0006-4312-980X, e-mail: ghusainov@hse.ru

References

1. Arzumanova, L. L., Gracheva, E. Yu., Chernobrovkina, E. B., Sitnik, A. A., & Tkachenko, R. V. (Eds.) (2023) Current Issues of Blockchain Technology in Financial Law. Moscow: *Norma*. P. 11. (In Russ.)
2. Babina, K. I., Yashina, D. I., Yuanova, A. A., Samoilova, V. D. (2022) The role of judicial practice in the legal regulation of the use of cryptocurrencies. *Economy, Governance and Law Basis*, no. 1 (32), pp. 9–11. DOI: 10.51608/23058641_2022_1_9. (In Russ.)
3. Girich, M. G., Ermokhin, I. S., Levashenko, A. D. (2022) Comparative Analysis of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Other Countries. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 176–192. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-07
4. Efimova, L. G. (2019) Some aspects of the legal nature of cryptocurrencies. *Lawyer*, no. 3, pp. 12–19. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3929-2019-3-12-19
5. Kinsburskaya, V. A. (2020) FATF requirements on regulation of cryptocurrencies: problems of implementation into national legislation. *National Security / Nota Bene*, no. 4. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.4.33856. (In Russ.)
6. Kyrilan, M. (2023) Legal regime of digital currency through the prism of judicial practice. *PRED*, no. 4, pp. 96–101. (In Russ.)
7. Latynin, A. O. (2025) Freedom of contract and digital currencies: legal challenges and their solution in judicial practice. *Agrarian and Land Law*, no. 2, pp. 352–355. (In Russ.)
8. Lepshakov, K. I. (2023) Analysis of the legal regulation of cryptocurrencies in Russia. Judicial practice of accounting for virtual money in bankruptcy. *Legal Studies*, no. 7, pp. 82–98. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7136.2023.7.43593
9. Sitnik, A. A. (2021). Blockchain technology in payment systems. *Actual Problems of Russian Law*, vol. 16, no. 5 (126), pp. 42–54. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.042-054
10. Sitnik, A. A. (2020). Digital currencies: problems of legal regulation. *Actual Problems of Russian Law*, no 11, pp. 1–20. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994- 1471.2020.120.11.103-113
11. Khusainov, G. E. (2025). Legal nihilism in the crypto community and ways to overcome it. *Legal Science*, no. 8, pp. 300–306. (In Russ.)
12. Tsindeliani, I. A. (Ed.). (2019) Financial Law in the Conditions of the Development of the Digital Economy. *Limited Liability Company Prospekt*, 320 p. (In Russ.) DOI: 10.31085/9785392288380-2019-320
13. Dyakonova, M. O., Yefremov, A. A., Zaytsev, O. A. [at al.] (2022) Digital economy: current directions of legal regulation. Moscow: *Norma*, 376 p. (In Russ.). DOI: 10.12737/1839690
14. Chaisse, J., Kirkwood, J. (2024) Beyond Disruption: Blockchain Technology and the New Financial Ethics. *Banking & Finance Law Review*, no. 41 (1), pp. 47–74.
15. Walch, A. (2019) Deconstructing “Decentralization”: Exploring the Core Claim of Crypto Systems. *Crypto Assets: Legal & Monetary Perspectives* (OUP, Forthcoming).

About the author:

Grigory E. Khusainov, Visiting Lecturer at the School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics”; ORCID: 0009-0006-4312-980X, e-mail: ghusainov@hse.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

«Взаимодействие публичного и частного в современном правовом порядке»: обзор Международной научной конференции «Седьмые Баскинские чтения»

(Санкт-Петербург, 29 октября 2025 г.)

Тонков Е. Н.^{1, *}, Ложкин М. А.^{1, **}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* E-mail: e.tonkov@mail.ru

** E-mail: mikhail_lozhkin_01@mail.ru

Аннотация

Введение: участники Седьмых Баскинских чтений отразили состояние публичного и частного права в современном правовом порядке, определили направления новых исследований. Публично-правовые институты призваны формировать и охранять институциональную среду, в которой реализуются частные интересы. Взаимопроникновение рассматриваемых правовых начал проявляется в новых направлениях деятельности: это государственно-частное партнерство, приватизация государственного имущества частными лицами, заключение и исполнение государственных (публичных) контрактов и др. Указанное взаимодействие частных и публичных субъектов в последние годы порождает новые риски и может привести к росту недоверия между публичной властью и частными инвесторами. Ограничение публичного интереса частной автономией и снятие противоречий между частными и публичными методами правового регулирования возможны только на фундаментальной научной основе. Подготовленный обзор выступлений поможет ознакомиться с новейшими исследованиями российских и зарубежных ученых, способствующих гармонизации взаимодействия публичных и частных лиц.

Методология и материалы: компаративный подход предуготовлен самой темой конференции, сравнение публичного и частного элементов права позволило раскрыть новые грани нормативности. Публичное право основано на императивных методах регулирования, иерархичности предписаний, разрешительных паттернах поведения акторов. Частное право строится на диспозитивности, равенстве прав сторон, конвенциональности, предпринимательской инициативе и иных алгоритмах, способствующих поиску оптимальных условий удовлетворения интереса и получения прибыли. Онтологический конфликт рассматриваемых методологий рассмотрен авторами с применением классических методов правовых исследований: анализа, синтеза, индукции, дедукции. Герменевтический метод и метод правового моделирования позволили создать релевантные описания идей, высказанных учеными с учетом их профессиональных аффилиаций и предложенных тезисов. Авторы охарактеризовали Седьмые Баскинские чтения, изложили ответственные слова и доклады на пленарном заседании, представили результаты выступлений участников секций.

Результаты исследования и их обсуждение: результаты исследования демонстрируют необходимость переосмысления традиционного деления права на публичное и частное с учетом трансформации классических представлений о правовых семьях и структуре правового порядка.

На конференции, объединившей представителей 10 стран и 30 ведущих вузов, выступило более 35 исследователей, отразивших ключевые тенденции развития нормативных систем. О востребованности обмена научными мнениями между частными и публичными лицами свидетельствует активное участие в конференции представителей всех ветвей власти, в том числе судей национальной и международной юрисдикций. Исследование подтверждает важность надотраслевого подхода к изучению взаимодействия публичного и частного права, актуальность дальнейших междисциплинарных коммуникаций.

Выводы: участники конференции отметили необходимость переосмысления традиционного деления права на публичное и частное в условиях современных вызовов, включая цифровизацию и глобализацию. Анализ выступлений свидетельствует о существовании разрыва между частным и публичным правом в условиях постсоветской научной парадигмы. Сформулирован запрос на переосмысление догматических представлений, унаследованных от советской структуры права и репродуцируемых в учебном процессе. Очевидна необходимость развития интегративного подхода к отраслевому делению права и переход от трехчленной структуры права «отрасль – институт – норма» к более сложному конструкту, который соответствует реальному правопорядку.

Ключевые слова: право, правопорядок, структура права, правовой реализм, правотворчество, публичное право, частное право.

Для цитирования: Тонков Е. Н., Ложкин М. А. «Взаимодействие публичного и частного в современном правопорядке»: обзор Международной научной конференции «Седьмые Баскинские чтения» // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 198–211. EDN: YJlQCY

The article was submitted: 24.12.2025

The article accepted for publication: 25.02.2026

“Interaction of the public and private in the modern legal order”: review of the International Scientific Conference “Seventh Baskin Readings” (St. Petersburg, October 29, 2025)

Evgenii N. Tonkov^{1,*}, Mikhail A. Lozhkin^{1,}**

¹ Russian Presidential Academy of National and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

* E-mail: e.tonkov@mail.ru

** E-mail: mikhail_lozhkin_01@mail.ru

Abstract

Introduction: Participants in the Seventh Baskin Readings reflected on the state of public and private law in the modern legal order and identified areas for new research. Public law institutions are called upon to shape and protect the institutional environment in which private interests are realized. The interpenetration of these legal principles is manifested in new areas: public-private partnerships, the privatization of state property by private entities, the conclusion and execution of state (public) contracts, etc. This interaction between private and public entities has in recent years generated new risks and may lead to increased mistrust between public authorities and private investors. Limiting public interest to private autonomy and resolving contradictions between private and public methods of legal regulation are possible only on a fundamental scientific basis. This overview of the presentations will help you become familiar with the latest research by Russian and international scholars, promoting the harmonization of interactions between public and private entities.

Methodology and materials: The comparative approach is predetermined by the conference theme itself; comparing public and private law allowed for the discovery of new facets of normativity. Public law is based on imperative regulatory methods, a hierarchical structure of regulations, and permissive patterns of behavior. Private law is built on discretion, equality of rights between parties, conventionality, entrepreneurial initiative, and other algorithms that facilitate the search for optimal conditions for satisfying interests and generating profit. The authors examined the ontological conflict between the methodologies under consideration using classical methods of legal research: analysis, synthesis, induction, and deduction. The hermeneutic method and legal modeling allowed for the creation of relevant descriptions of the ideas expressed by scholars, taking into account their professional affiliations and proposed theses. The authors described the Seventh Baskin Readings, presented welcoming remarks and papers at the plenary session, and presented the results of the section participants' presentations.

Research Results and Discussion: The results demonstrate the need to rethink the traditional division of law into public and private, taking into account the transformation of classical notions of legal families and the structure of the legal order. At the conference, which brought together representatives from 10 countries and 30 leading universities, over 35 researchers presented, reflecting on key trends in the development of regulatory systems. The active participation of representatives from all branches of government, including judges from national and international jurisdictions, demonstrates the importance of exchanging scholarly opinions between private and public figures. The study confirms the importance of an cross-sectoral approach to studying the interaction of public and private law and the relevance of further interdisciplinary communication.

Conclusions: Conference participants noted the need to rethink the traditional division of law into public and private in the face of modern challenges, including digitalization and globalization. An analysis of the presentations demonstrates the existence of a gap between private and public law in the post-Soviet academic paradigm. A call was made to rethink the dogmatic notions inherited from the Soviet legal structure and reproduced in the educational process. There is a clear need to develop an integrative approach to the sectoral division of law and a transition from the tripartite legal structure of "sector – institution – norm" to a more complex construct that corresponds to the real legal order.

Keywords: law, legal order, legal structure, legal realism, lawmaking, public law, private law.

For citation: Tonkov, E. N., Lozhkin, M. A. (2026) "Interaction of the public and private in the modern legal order": review of the International Scientific Conference "Seventh Baskin Readings" (St. Petersburg, October 29, 2025). *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 198–211. (In Russ.)

1. Пленарное заседание

29 октября 2025 года в стенах Юридического факультета СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ прошла Международная научная конференция «Седьмые Баскинские чтения» на тему «Взаимодействие публичного и частного в современном правовом порядке».

Юрий Яковлевич Баскин (1921–2006) — выдающийся деятель российской науки, теоретик и философ права, труды которого повлияли на отечественную юридическую науку, профессор-консультант Северо-Западной академии государственной службы. Отзывы о его деятельности свидетельствуют о незаурядных педагогических и научных талантах: «наставляя учеников, читая лекции, он заслужил уважение преподавателей и студентов: им подготовлено 5 докторов, более 30 кандидатов наук, и без преувеличения можно сказать, что по всей стране можно найти его благодарных учеников. Тщательно исследовав научные концепции российских (Новгородцева и других) и зарубежных (Гроция, Томазия, Канта и других) ученых, а также изучив важнейшие проблемы теории и философии права, насущные вопросы международного права, Юрий Яковлевич написал более 150 работ, из которых наиболее известны его десять монографий, два учебных пособия, пять научно-популяр-

ных брошюр»¹. По мнению К. К. Лебедева, «Юрий Яковлевич обогатил юридическую науку, три ее отрасли — международное право, историю политических и правовых учений и философию права. Юрий Яковлевич собрал и систематизировал богатый материал, который может быть использован современными теоретиками права в своих исследованиях. Юриспруденция не стоит на месте, она находится в динамике, все время развивается и делает это благодаря трудам ученых-юристов, своих подвижников, которые отдают юридической науке все силы, знания и время»².

Конференция состояла из пленарного заседания и двух дискуссионных секций: «Публичное и частное право: традиция и современность» и «Российская правовая система глазами молодых ученых». В конференции приняли участие представители различных институтов публичной власти: Суда Евразийского экономического союза, Конституционного Суда Российской Федерации, Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Межпарламентской ассамблеи Союза независимых государств и др. Представители 10 иностранных государств подали заявки на участие в Баскинских чтениях, в том числе Беларусь, Армения, Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Китай, Германия и Испания. В конференции приняли участие ученые из более 20 городов и 30 ведущих вузов России и других стран.

2. Пленарное заседание

Пленарное заседание началось с приветственного слова декана юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, доктора юридических наук, профессора **Сергея Львовича Сергеевича**. Он отметил значимость Баскинских чтений, которые каждый год привлекают значительное количество представителей юридического мира России, иностранных коллег, друзей юридического факультета, как теоретиков, так и практиков, что подтверждает единство теории и практики.

Среди вопросов, исследуемых на конференции, Сергей Львович отметил актуальность герменевтического метода в сфере частного и публичного права, тенденцию к конвергенции двух рассматриваемых правовых феноменов, особенно в сфере правоприменения. С. Л. Сергеевич обратил внимание на практикоориентированность Академии, проявляющуюся в сотрудничестве Юридического факультета со значительным числом органов публичной власти, в том числе с правоохранительными органами, судами, законодательными органами, которые являются потенциальными местами трудоустройства выпускников. Успешные студенты СЗИУ РАНХиГС привлекаются к экспертной работе и подготовке законопроектов, проходят практику в органах государственной власти федерального значения. По итогам Баскинских чтений началось плодотворное сотрудничество с Судом Евразийского экономического союза, предоставляющее возможность для углубленного изучения публичного права на международном уровне.

В докладе **Сергея Тихоновича Сазина**³ раскрыто соотношение публичных и частных интересов на примере истории с долевым строительством в Ленинградской области. По его мнению, частное право характеризуется динамическим развитием, оно включает основополагающие вопросы теории гражданского права. Публичное право регулирует деятельность государства, регламентирует соотношение прав личности и государства. Частное право не может существовать без публичного, так как последнее служит целям защиты первого. С. Т. Сазин акцентуализировал внимание на публичных правах государства, на способах решения частных проблем во внесудебном порядке. Характеризуя практический срез заявленной темы, докладчик предположил, что трудно сделать однозначный вывод о том, преобладает ли публичное право над частным или частное право преобладает над публичным.

¹ Памяти Юрия Яковлевича Баскина // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 255.

² Лебедев К. К. Значение трудов профессора Ю. Я. Баскина для развития юридической науки в России // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4. С. 94.

³ Руководитель следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области, генерал-лейтенант юстиции, кандидат юридических наук, доцент.

Араик Георгиевич Тунян⁴ обратил внимание на то, что в современных условиях интеграция становится важным элементом развития общества, особое значение приобретает право ЕАЭС, действующее на территории пяти стран. Однако в процессе его применения возникают серьезные вопросы, связанные с правоприменением и судебным контролем. Национальные суды применяют интеграционное право, но существует неопределенность относительно их полномочий по оценке нормативных актов наднациональных органов. Суд Евразийского экономического союза играет ключевую роль в обеспечении единообразия правоприменения, хотя не является вышестоящей инстанцией по отношению к национальным судам. Возникает проблема соотношения интеграционного права с конституционным правопорядком государств-участников, важным аспектом является то, что Суд ЕАЭС учитывает конституционные положения всех пяти государств при вынесении решений. Особую актуальность приобретает вопрос о защите прав физических лиц в рамках интеграционного права. Например, существует проблема, когда физические лица привлекаются к ответственности за нарушение трансграничных правил конкуренции, но не имеют возможности эффективно обжаловать решения в Суде ЕАЭС. Нормативные источники ЕАЭС содержат как нормы публичного права, так и элементы частного права, включая антимонопольное законодательство и право интеллектуальной собственности.

Сергей Дмитриевич Князев⁵ в докладе подчеркнул, что в современном правопонимании особое внимание уделяется соотношению публичного и частного права. Согласно конституционным положениям, приоритет отдается правам и свободам человека, что закреплено в статье 2 Конституции РФ, определяющей человека, его права и свободы как высшую ценность государства. Конституционный подход к соотношению частного и публичного выражается в том, что вся деятельность органов публичной власти должна быть направлена на реализацию и защиту прав граждан. Докладчик отметил, что в нормативных актах Российской Федерации отсутствует понятие «сильное государство», а основной задачей государственных органов является формирование доверия граждан к власти. Особую актуальность приобретает баланс между публичными и частными интересами в контексте правоприменительной практики. Показательным примером служит проблема повышения государственных пошлин, которая может ограничивать доступ отдельных категорий граждан к правосудию, что противоречит конституционному принципу равного доступа к судебной защите. Конституционный Суд РФ уделяет особое внимание защите прав граждан, подчеркивая необходимость соблюдения баланса между публичными и частными интересами в правовом государстве.

Доклад **Алексея Ивановича Александрова**⁶ имел уголовно-правовую направленность. В ходе выступления он напомнил о деятельности выдающихся ленинградских правоведов и социологов: А. Г. Здравомыслова, Ю. Л. Цапкина, Л. С. Лопухова, Г. И. Петрова и, конечно же, Ю. Я. Баскина. Докладчик отметил, что в современном российском обществе недооценена роль юриста, назрела необходимость переосмысления роли юридической профессии, особенно в контексте борьбы с преступностью. Докладчик обозначил две ключевые проблемы: внешнюю — защиту суверенитета и государственной безопасности и внутреннюю — снижение уровня преступности как угрозы правовой цивилизации. Преступность рассматривается докладчиком в двух аспектах: юридическом (как совокупность деяний, запрещенных уголовным законом) и философско-криминологическом (как явление, основанное на человеческих пороках и противоречащее духовно-нравственным идеалам). Особое внимание в докладе было уделено кризису идеологических ценностей, когда идеалы справедливости и добра заменяются культом быстрого обогащения. Среди основных направлений преступности докладчиком выделены: коррупция, государственная измена, терроризм, наркобизнес и киберпреступность. В контексте уголовной политики А. И. Александров предложил вернуться к традиционным ценностям и пересмотреть подходы к правопониманию. В уголовной политике он выделил шесть

⁴ Судья Суда Евразийского экономического союза, кандидат юридических наук, доцент, почетный профессор Российско-армянского университета.

⁵ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор.

⁶ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, экс-председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, доктор юридических наук, профессор.

ключевых направлений: уголовно-правовое, уголовно-превентивное, уголовно-розыскное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и уголовно-организационное. В заключении доклада подчеркнута необходимость восстановления баланса между функциями обвинения, защиты и разрешения дела в предварительном расследовании, а также внедрения новых технологий в работу правоохранительных органов.

3. Секция «Публичное и частное право: традиция и современность»

Модераторы: **Разуваев Николай Викторович**, главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор; **Алексеев Георгий Валерьевич**, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.

Екатерина Геннадьевна Бабелюк⁷ отметила активное развитие различных форм государственно-частного взаимодействия для привлечения инвестиций в сферы публичного управления. Публичный субъект использует договорные конструкции, когда невозможно выстроить традиционные субординационные отношения для решения задач по развитию территорий и обеспечению национальной безопасности. Основными правовыми инструментами такого взаимодействия выступают: концессионные соглашения, специальные инвестиционные контракты, соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о защите и поощрении капиталовложений, а также соглашения в рамках особых экономических зон, территорий опережающего развития и промышленных кластеров. Все эти механизмы регулируются специальными федеральными законами и опираются на нормы гражданского законодательства. Наблюдается тенденция к усилению роли публичного регулирования в частноправовых отношениях. В частности, докладчик обратила внимание на то, что специальные инвестиционные законы вводят собственные императивные правила заключения, изменения и исполнения соглашений, которые могут противоречить базовым гражданско-правовым принципам. При этом управляющие компании в различных правовых режимах получают значительные публичные полномочия, включая право определять правила деятельности на территориях и контролировать выполнение соглашений, что создает определенные риски для частных инвесторов.

Алексей Сергеевич Карцов⁸ в ходе выступления напомнил, что в 2026 году исполняется 1600 лет (с 426 года), когда трудам римского юриста Ульпиана была придана обязательная юридическая сила, что стало поворотным моментом в развитии правовой мысли. Именно Ульпиан предложил фундаментальное деление права на частное и публичное, которое на протяжении веков оставалось основой правовой доктрины. Им были сформулированы три основополагающих принципа права: жить честно, не вредить другим и каждому воздавать своё. В современной юридической науке классическое деление подвергается переосмыслению. А. С. Карцов актуализировал вопрос о релевантности дихотомии частного и публичного права в XXI веке. В научной литературе встречаются радикальные мнения о том, что такое разделение является ошибкой в понимании континентальной правовой семьи. Особенно это стало заметно после Вестфальского мира и в XIX веке, когда сформировалась концепция государства как «ночного сторожа», где границы между частным и публичным правом стали размываться. Современные правовые системы демонстрируют тенденцию к синтезу частного и публичного права, что особенно ярко проявляется в правовых системах, не основанных на европейской традиции, например, в японском праве, которое исторически развивалось во взаимодействии с китайскими правовыми концепциями. Докладчик предложил переосмыслить традиционное дихотомическое деление права, трансформировав его в ценностное основание, где частное и публичное насыщаются общими ценностями и объединяются в единую систему.

⁷ Доцент кафедры административного права МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент.

⁸ Советник Конституционного Суда РФ, профессор кафедры теории и истории права и государства СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор.

Марина Геннадьевна Смирнова⁹ рассказала о различных взглядах на понимание правопорядка в современной юридической науке, о том, что отсутствует его единая дефиниция. На ее взгляд, наиболее удачным является понимание правопорядка, данное М. И. Байтиным в монографии «Сущность права» (2001), как порядка в общественных отношениях, регулируемых правом, при котором гарантируется реализация субъектных прав и юридических обязанностей участников правоотношений, обеспечивается их правомерное поведение, осуществление законности. Данное определение наилучшим образом показывает сочетание публичного и частного в современном правопорядке, поскольку основная задача правового регулирования заключается в эффективной реализации субъективных прав и исполнении обязанностей участниками правоотношений. В процессе правоприменительной деятельности суды, осуществляя защиту прав отдельных участников (индивидов, социальных групп и других субъектов), должны выносить законные и обоснованные решения, соблюдая баланс публичных и частных интересов. Особое место занимают дела, связанные с нормоконтролем судов по правилам КАС РФ и АПК РФ. Предметом таких споров выступает законность нормативно-правового акта, его соответствие законодательству, которое имеет высокую юридическую силу. Такие решения судов имеют важное значение, поскольку суд, признавая акт недействующим, по сути, отменяет этот акт и тем самым вносит изменения в правовое регулирование общественных отношений. Налицо защита публичных интересов, однако поводом для обращения в суд выступает нарушение прав частного лица, которые нарушены оспариваемым актом.

Игорь Вячеславович Левакин¹⁰ обратил внимание на то, что правопонимание является теоретическим представлением о сущности права. Разнообразие типов правопонимания объясняется различиями в базовых предпосылках: мировоззрении исследователей, целеполагании, задачах, методах выявления сущности права. Докладчик выделил материальные и идеальные факторы, влияющие на формирование типа правопонимания. Необходимо, чтобы оригинальная концепция овладела умами не только академической общественности, но и была воспринята правотворчеством, правоприменением, правосознанием. Конституция РФ после поправок 2020 г. по-прежнему содержит атавизмы юснатурализма, данные формулировки с 1993 г. мало затронули господствующую модель правопонимания. Отношение к естественным правам, политическим свободам в отечественной правоприменительной практике и в «массах» скорее отрицательное или нигилистическое. Процессы преобразования (модернизации или деградации), смены типа правопонимания (например, ввиду его несоответствия изменившимся социально-экономическим отношениями) могут быть смоделированы по следующей логической формуле: *тезис антитезис синтез*. Долгое время в умах философов права господствовал юснатурализм (тезис), в качестве его противоположности был сформирован позитивистский взгляд на право (антитезис); сегодня многие конституции позитивировали естественные права, как бы «сняв» противоречия между юснатурализмом и позитивизмом (синтез). Даже длительная интервенция или колонизация порой не могут изменить национальную правовую традицию (например, обычное право народов Центральной Африки). Революционные преобразования в социально-экономической сфере также не всегда и не обязательно ведут к смене типа правопонимания.

В ходе выступления **Елена Владимировна Гриценко**¹¹ обратила внимание на то, что традиционно управление территориями и предоставление публичных услуг считаются прерогативой государственных и муниципальных органов, действующих в рамках публичного права на основании конституционных принципов народовластия. Однако современная практика показывает, что публичный субъект может и должен использовать частноправовые формы управления, включая привлечение частных компаний к выполнению публичных функций через механизмы государственно-частного партнерства.

Частноправовые формы управления территориями реализуются через различные механизмы: от простого привлечения частных компаний к оказанию публичных услуг до создания специальных управляющих компаний в форме акционерных обществ, которым передаются значительные государственные

⁹ Профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им В. М. Лебедева, доктор юридических наук, адвокат.

¹⁰ Профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор.

¹¹ Профессор кафедры конституционного права СПбГУ, доктор юридических наук, профессор.

полномочия. При этом возникает особый тип субъектов — квазипубличные образования, сочетающие черты частных и публичных структур. Особенно ярко это проявляется в практике управляющих компаний, которые, получая властные полномочия от государства, остаются частными субъектами права.

В мировой практике существуют примеры более радикальных форм частного управления территориями, включая создание частных городов и особых экономических зон с автономным управлением. Однако такие эксперименты требуют тщательного правового регулирования, поскольку существует риск нарушения прав граждан и подмены их участия в управлении территориями. Важно сохранять баланс между эффективностью управления и обеспечением публичных интересов, не допуская превращения граждан из субъектов управления в пассивные объекты административного воздействия.

Ольга Владимировна Кадышева¹² обратила внимание на то, что с момента создания ООН и закрепления в ее Уставе положения о достоинстве и ценности человеческой личности индивид постепенно стал входить в поле зрения международного права. Хотя традиционно считалось, что человек не может быть полноценным субъектом международного права из-за отсутствия права на участие в создании международных норм, в последние десятилетия его роль существенно эволюционировала. Это особенно заметно в таких отраслях, как международное право прав человека, международное уголовное право и международное инвестиционное право, где частные лица получили определенные материальные и процессуальные права. В этих сферах индивиды могут напрямую обращаться в контрольные механизмы и даже нести ответственность. Особого внимания заслуживает опыт региональных объединений, например, Евразийского экономического союза, где частные лица получили ряд конкретных прав: свободное перемещение товаров, оказание услуг, занятие трудовой деятельностью, защиту прав потребителей. Хотя классическое понимание международного права не признает за частными лицами полной международной правосубъектности, современные реалии показывают, что государства, участники региональных объединений, самостоятельно наделяют частных лиц определенными правами и обязанностями в рамках этих объединений. В ЕАЭС частные лица даже получили право на обращение в постоянно действующий суд, хотя и с определенными ограничениями.

Дмитрий Юрьевич Полдников¹³ в своем докладе указал на то, что в современных условиях актуализируется вопрос о разделении права на публичное и частное, что связано с утратой доверия населения к формальным правовым нормам. Одним из способов восстановления этого доверия является переосмысление ценностных оснований такого разделения. Общее благо выступает материальной основой разграничения публичного и частного права. Исследования в этой области показывают эволюцию концепции общего блага от античных представлений Аристотеля, видевшего в нем счастье и процветание сообщества, до средневековых идей о роли суверена. Докладчик формулирует ключевой вопрос о субъекте, определяющем содержание общего блага в современных условиях. Профессор Ю. Я. Баскин подчеркивал необходимость сочетания абстрактного с конкретным, публичного с частным в правовом регулировании. Однако попытки прямого возрождения средневековых традиций в современном контексте сталкиваются с определенными сложностями, что требует разработки новых подходов к пониманию соотношения публичного и частного интересов в праве XXI века.

Ольга Владимировна Подкорытова¹⁴ отметила, что Межпарламентская ассамблея СНГ (МПА) активно участвует в формировании правовой базы государств-участников, создавая модельные законы, которые изначально предназначались для национальных законодателей. Однако практика показала, что эти документы востребованы не только законодателями, но и правоприменителями: российские суды регулярно ссылаются на модельные законы при вынесении решений. Только за последний год было верифицировано шесть постановлений арбитражных судов и пять постановлений высших судов общей юрисдикции, использующих нормы модельных законов. Особую значимость приобрела роль МПА

¹² Заведующий кафедрой международного права МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент.

¹³ Профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (МГИМО) Министерства иностранных дел РФ, доктор юридических наук, доцент.

¹⁴ Советник отдела правовой экспертизы Секретариата Совета МПА СНГ, доцент кафедры гражданского и трудового права РАНХиГС Санкт-Петербург, кандидат юридических наук, доцент.

в регулировании сложных общественных отношений, находящихся на стыке различных отраслей права. Ярким примером успешного применения модельных законов стал закон о медиации, разработанный МПА и получивший широкое применение как в национальном законодательстве, так и в практике работы центров медиации. Сейчас ассамблея активно работает над новым документом в сфере разграниченной несостоятельности и банкротства. Примечательно, что МПА начинает выходить за рамки исключительно государственного регулирования, участвуя в формировании частноправовых норм. Это проявляется в создании документов, которые находят применение в негосударственной сфере, где представители государственной власти участвуют в разработке правил, востребованных в частноправовой деятельности. Такая тенденция свидетельствует о расширении роли МПА в правовом пространстве СНГ.

Георгий Викторович Цепов¹⁵ отметил, что в современной России корпоративное законодательство развивается уже более 30 лет, настало время для создания единой комплексной теории хозяйственных обществ. Это особенно важно, поскольку хозяйственные общества выступают ключевыми центрами, аккумулирующими крупнейшие промышленные активы и являющимися основными двигателями экономики как в России, так и во всем мире. Автор подчеркнул необходимость избежать двух крайностей в регулировании внутренней деятельности корпораций. Первая — это тотальная свобода, которая не позволяет эффективно регулировать отношения собственности и защищать интересы кредиторов и миноритарных акционеров. Вторая — чрезмерное государственное регулирование, которое, как показал опыт СССР, препятствует развитию инвестиционного потенциала и конкуренции. Оптимальным подходом является предоставление органам хозяйственных обществ широкой дискреции при принятии деловых решений, но с определенными внешними ограничениями. Важно внедрить правила, предупреждающие злоупотребления и чрезмерные риски, а также использовать стандарты добросовестности и разумности. Особое значение имеет применение договорного регулирования в тех случаях, когда возможно трансформировать неопределенные отношения в срочные. При этом поиск эффективных методов правового регулирования требует значительных усилий и комплексного подхода.

Арсений Александрович Краевский¹⁶ посвятил доклад правилу *lex specialis derogat generali*¹⁷, которое в классическом понимании предполагает иерархическое отношение между двумя нормами — общей и специальной. Соотношение общей и специальной нормы основано на логическом родовидовом отношении их гипотез: общая норма связывает последствия с некоторым родовым случаем, а специальная — с видовым. Докладчик назвал две теории коллизий — холистическую (характерную для частного права) и реалистическую (характерную для публичного права, в частности, конституционной и административной юстиции). Альтернативная трактовка правила *lex specialis* — принцип предметной иерархии, согласно которому каждый нормативно-правовой акт (далее — НПА) имеет определенный предмет своего регулирования, который отличает его от других НПА. В конкретном случае можно установить, к предмету регулирования какого НПА относится спорное общественное отношение и, исходя из ответа на данный вопрос, определить, норма какого НПА должна его регулировать. Выражение *lex specialis* понимается не как специальная норма, а как специальный закон или закон, специально предназначенный для регулирования данных общественных отношений. Проблемы, связанные с принципом «предметной иерархии»: 1) непоследовательность Конституционного Суда РФ в выборе одной из трактовок правила *lex specialis*; 2) применение кодексов и других законов, устанавливающих собственный приоритет; 3) проблема разделения предмета правового регулирования разных НПА. Докладчик рассмотрел правило *lex specialis derogat generali* и частичную двустороннюю коллизию. Проблема применения правила *lex specialis* к частичным двусторонним коллизиям такова: строго говоря, оно неприменимо ввиду отсутствия родовидовых отношений между гипотезами конфликтующих норм, однако на практике нередко используется для обоснования решений. Гармонизация норм как стратегия разрешения коллизий: 1) выделялась многими классиками теории толкования права; 2) основана на предметном разделении сфер,

¹⁵ Доцент кафедры гражданского права СПбГУ, кандидат юридических наук, адвокат.

¹⁶ Доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, кандидат юридических наук.

¹⁷ Специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон (лат.).

к которым применимы конфликтующие правила; 3) базируется на телеологическом толковании права; 4) позволяет рационализировать идею предметно-иерархической интерпретации правила *lex specialis*.

В выступлении **Евгения Леонидовича Поцелуева**¹⁸ была рассмотрена концепция ретроспективной юридической ответственности как подсистемы правопорядка. Ученый признает существование перспективной (позитивной) ответственности, понимаемой как поощрительная, и разделяет юридическую ответственность на публично-правовую и частноправовую в соответствии с традиционным делением права. По его мнению, ретроспективная ответственность представляет собой обязанность деликтоспособного лица претерпевать различные ограничения за совершенное правонарушение. Юридическая ответственность рассматривается автором как комплексный межотраслевой институт, влияющий на состояние законности и правопорядка. Докладчик подчеркнул необходимость классификации юридической ответственности по различным основаниям на внутригосударственную и международно-правовую, а также отметил важность реализации норм и принципов института юридической ответственности для обеспечения законности и правопорядка. Правопорядок понимается как сложная социально-правовая структура с множеством взаимодействующих элементов. В заключении Е. Л. Поцелуев сформулировал основные выводы: необходимость разделения юридической ответственности на различные виды обусловлена разными нормативными основаниями и видами правонарушений; современные реалии требуют адаптации системы юридической ответственности к новым отраслям права и вызовам, связанным с развитием информационных технологий и использованием искусственного интеллекта.

В выступлении **Нatalьи Владимировны Малиновской**¹⁹ исследован баланс публичных и частных интересов в сфере адвокатской деятельности. Адвокатская деятельность представлена как особая форма оказания юридической помощи, находящаяся на стыке публичных и частных интересов общества. Особое внимание уделяется роли Министерства юстиции как государственного органа, осуществляющего контроль за адвокатской деятельностью. В последние годы наблюдается усиление публичного регулирования адвокатской сферы, что проявляется в расширении полномочий Минюста по контролю за деятельностью региональных адвокатских палат и адвокатами. Докладчик подчеркнула, что внесение изменений Минюст объясняет защитой конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи. В выступлении обращено внимание на качество юридических услуг на рынке, отмечено наличие недобросовестных юристов, работающих без статуса адвоката, подчеркнута необходимость соблюдения баланса между публичными и частными интересами. Адвокатское сообщество призвано сохранять доверие граждан к правовой системе, обеспечивая оказание юридической помощи в соответствии с профессиональными и этическими стандартами.

Дарья Геннадьевна Алова²⁰ затронула идеи правовой гносеологии. Юридическое объяснение представляет собой ключевой концепт в правовой гносеологии — теории познания права. Эта тема приобретает особую актуальность в контексте междисциплинарных исследований, где участвуют не только юристы, но и социологи, экономисты, философы. До сих пор сохраняется проблема отсутствия единой системы познания права, правовое обоснование рассматривается как способ убеждения в истинности правовых положений, действий или теорий. В современной теории выделяются два основных вида убеждения: рациональное (основанное на логических аргументах) и интуитивное (базирующееся на внутреннем восприятии). По методам обоснования различают универсализирующую (использующую дедуктивный подход) и конкретизирующую (основанную на индукции) формы. В структуру правового обоснования помимо юридического объяснения входят доказательство, аргументация, определение и подтверждение. Само объяснение может осуществляться через различные подходы: функциональный, познавательный, нравственный и эстетический. Особое внимание заслуживает эстетический аспект, связанный с вопросами правовой

¹⁸ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета Ивановского государственного университета.

¹⁹ Доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, адвокат.

²⁰ Преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук.

эстетики и искусства в праве. В методологии юридического объяснения выделяют широкий подход (как этап познавательной деятельности) и узкий (как метод уяснения юридических фактов и явлений).

Выступление **Йоханна Шнайдера**²¹ было посвящено судебному правотворчеству, которое представляет собой особую форму взаимодействия частного и публичного права в современном правовом порядке, где судебные решения выступают важным источником права наряду с законом и обычаем. Докладчик использовал теорию Фридриха Мюллера, которая предлагает иной взгляд на процесс правотворчества, отвергая традиционное понимание судебного нормотворчества как «простого расширения» правовых норм. Согласно концепции Ф. Мюллера, правовая норма не содержится непосредственно в тексте закона, а формируется в процессе методически регулируемой конкретизации. В этом процессе «нормотекст» выступает лишь исходным материалом, который перерабатывается при рассмотрении определенных дел. Процесс конкретизации проходит три уровня: от «нормотекста» к правовой норме и далее к директивной норме, которая является наиболее конкретным элементом, привязанным к индивидуальному случаю. В судебной практике происходит уникальное взаимодействие публичного и частного: публичный элемент задает формальные рамки (язык, процедуры, критерии легитимности), а частное наполняет их конкретным социальным содержанием. Суд не нарушает законодательную монополию, а реализует естественный механизм развития права, где стабильность достигается не за счет статичности норм, а через динамическое равновесие публичного и частного начал. Судебное создание норм через структурированную конкретизацию становится не исключением, а нормальным состоянием современного правового порядка.

Завершающее выступление **Евгения Никандровича Тонкова**²² было посвящено взаимодействию публичного и частного элементов в правовом порядке с позиции российского правового реализма. По его мнению, концепция трехчленной структуры права (нормы – институты – отрасли), сформированная в середине прошлого века, не соответствует современному правовому порядку, структура которого становится более сложной: публично-правовые нормы переплетаются с частноправовыми. Необходимо выделять следующие элементы в праве с учетом механизмов его реализации: 1) «право в книгах» — нормативно-правовые акты, текстуализированные в разнообразных источниках, обязательные к применению для всех лиц, находящихся под юрисдикцией государства; 2) юридическая практика («право в жизни») — совокупность правоприменительных актов, вынесенных уполномоченными субъектами. Это один из базовых элементов структуры правового порядка, значение которого недооценено советскими теоретиками; 3) правотворческие и правоприменительные институты, являющиеся самостоятельным элементом правового порядка. Нет сомнений в важности функционирования указанных органов публичной власти, оказывающих прямое воздействие на публичную и частную сферы жизни; 4) межведомственные (межличностные) системные взаимосвязи субъектов публичной власти, которые актуализируют легальные и экстралегальные возможности правотворцев и правоприменителей; 5) юридические образовательные учреждения, включающие весь объем обучающих материалов, преподавательский и управленческий состав, а также здания, оборудование и другие материальные объекты; 6) академическая юридическая наука, включающая ученых и их научные труды, профильные учреждения с руководством и другими сотрудниками.

Докладчик обратил внимание на то, что догматически устоявшаяся конструкция (норма – институт – отрасль) содержится в каждом элементе правового порядка. С учетом роста надотраслевых сущностей (например, спортивное право, медицинское право, военное право) и формирования новых комплексных институтов, регулируемых как нормами публичного, так и частного характера, в XXI веке следует подробнее разрабатывать концепцию конвергенции публичного и частного права. Нам всем необходимо принимать во внимание детерминированность советских теоретических положений условиями той эпохи, включая планы строительства социализма (коммунизма) в отдельно взятой стране и примат государственных интересов над правами личности.

В завершение основной секции «Публичное и частное право: традиция и современность» Н. В. Разуваев поблагодарил всех участников конференции за плодотворную работу, указал на важность Баскинских чтений не только как памяти выдающегося отечественного правоведа, но и как возможности междисциплинарного диалога, который формирует постклассическую юриспруденцию на современном этапе.

²¹ Магистрант юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

²² Доцент кафедры теории и истории права и государства РАНХиГС Санкт-Петербург, кандидат юридических наук, адвокат.

4. Молодежная секция «Российская правовая система глазами молодых ученых»

Модераторы: **Дорский Георгий Юрьевич**, заместитель декана Юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент; **Шварц Лариса Владимировна**, доцент кафедры гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.

На секции молодых исследователей основные тематические блоки докладов были структурированы по следующим направлениям:

1. **Цифровая трансформация права и новые объекты правового регулирования.** Исследовались вопросы правовой природы цифровых активов, цифровых прав на недвижимость, споры о праве на интеллектуальные продукты, произведенные с использованием искусственного интеллекта, результаты применения искусственного интеллекта в юридической практике Китайской Народной Республики и Российской Федерации.
2. **Актуальные проблемы частного права: корпоративные конфликты, банкротство, ответственность.** Рассматривались особенности регулирования корпоративных конфликтов на теоретическом и практическом уровнях, перспективы изменения законодательства о банкротстве и субсидиарной ответственности недобросовестных руководителей, механизмы реализации прав на дивиденды участников коммерческих обществ.
3. **Взаимодействие частного и публичного.** Обсуждались институты государственно-частного партнерства, защиты прав потребителей, взыскания морального вреда, причиненного действиями должностных лиц и субъектов публичной власти. Рассматривались примеры, в которых частные и публичные нормы были настолько взаимосвязаны, что возникли идеи о неразделимости этих элементов права.
4. **Специальные области права.** Затронуты вопросы интеллектуальной собственности, спортивного права (в том числе коллизии в футбольных трансферах), международного права. Пришли к выводу о том, что существуют институты (например, в спортивном праве), формируемые как частными, так и публичными элементами права. Отраслевая принадлежность таких институтов не укладывается в классическую концепцию «норма – институт – отрасль».
5. **Историко-правовые и сравнительно-правовые исследования.** Представлены исторические и сравнительно-правовые работы по судебному процессу и материальной ответственности. Докладчики доказали, что исторический и компаративный анализ правотворчества, а также синтез моделей реализации права способствует углубленному пониманию особенностей правопорядка национальных юрисдикций.

Секция молодых исследователей Седьмых Баскинских чтений оказалась продуктивной площадкой для диалога между начинающими учеными, исследования которых показали взаимодействие публичного и частного в современном праве. Представленные работы отличались актуальностью, практической ориентированностью и глубоким погружением в материал. Молодые юристы продемонстрировали умение анализировать комплексные правовые явления на пересечении частного и публичного, традиционного и цифрового, национального и международного. Доклады и дискуссии внесли вклад в итоги прошедшей конференции, стали частью процесса формирования кадрового потенциала для будущего отечественной правовой системы.

Следует отметить как успешные выступления С. М. Буровой, В. А. Истоминой, Е. Р. Минажевой, М. Д. Ковалевской, Чжан Хуни, Д. Ф. Замятина, Н. Р. Огия, И. К. Кириллова, А. Л. Густауса, Ж. Ш. Кодирова, А. Е. Куц, А. Е. Николаенко, О. О. Махмудовой, Е. И. Латашко, А. В. Пастущика, П. Д. Новикова, Л. С. Тачанской, В. Д. Пелевина. Активное участие студентов СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург) свидетельствует о сложившейся сильной научной школе. Своих представителей делегировали Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургская юридическая академия, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Орловский государственный университет, Российский государственный университет правосудия, а также академия из Кыргызстана, что подчеркивает межвузовский и международный формат секции.

5. Итоги

Седьмые Баскинские чтения продемонстрировали высокий уровень научной дискуссии по вопросам взаимодействия публичного и частного права в современном правовом порядке. Конференция, собравшая представителей 10 стран и 30 ведущих вузов, подтвердила актуальность исследования баланса между публичными и частными интересами в праве. Публичное и частное право — это не изолированные нормативные системы, а взаимосвязанные способы согласования воли разнородных индивидуальных и групповых субъектов, эволюционирующих в состоянии динамического равновесия. Законодателям следует глубже изучать результаты правоприменительной деятельности — для понимания того, что изменения в публичной сфере (например, увеличение количества и качества ответственности в уголовном и административном праве) с неизбежностью отразятся на функционировании частного права. Последствия вводимых нормативно-правовых актов необходимо прогнозировать заранее, увеличение количества законодательных новаций не всегда приводит к качественному улучшению правового порядка. История права имеет много примеров, демонстрирующих результаты «перегибов» в сторону максимального удовлетворения интересов государства. При оценке соотношения публичного и частного следует использовать исторический и сравнительный методы; чтобы эффективно конструировать правовой порядок будущего, необходимо понимать прошлое и реально оценивать геополитические условия настоящего.

В ходе конференции были выявлены ключевые тенденции развития правовой системы: усиление роли публичного регулирования в частноправовых отношениях, изменения в механизмах управления государственно-частным партнерством, снижение роли международного права в регулировании национальных юрисдикций. Особое внимание уделено особенностям правоприменения в условиях интеграции (на примере Суда Евразийского экономического союза), способам судебной защиты прав граждан и роли Конституционного Суда в обеспечении баланса частных и публичных интересов.

Участники конференции отметили необходимость переосмысления традиционного деления права на публичное и частное в условиях современных вызовов, включая цифровизацию и глобализацию. Было подчеркнуто, что частное право не может существовать без публичного, а публичное служит защитой первого.

Значимым результатом стало обсуждение практических аспектов взаимодействия индивидуальных и коллективных субъектов права, включая особенности правоприменения, судебной защиты и правотворчества. Актуализирована роль судов в обеспечении стабильной деятельности юридических лиц и защиты прав граждан, выявлено новое исследовательское направление, связанное с развитием форм правового регулирования в условиях изменяющихся нормативных систем транзитивного общества.

Конференция подтвердила важность междисциплинарного и системного подхода к исследованию правовых явлений, необходимость углубленных разработок взаимосвязанности публичного и частного права в контексте современных вызовов и эволютивных тенденций правовых систем.

Список источников / References

1. Лебедев К. К. Значение трудов профессора Ю. Я. Баскина для развития юридической науки в России // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4 (14). С. 90–96. DOI: 10.22394/2686-7834-2022-4-90-96. EDN: FZFRNQ / Lebedev, K. K. (2022) The significance of the works of professor Yu. Ya. Baskin for the development of legal science in Russia. *Theoretical and Applied Law*, no. 4 (14), pp. 90–96. (In Russ.) DOI: 10.22394/2686-7834-2022-4-90-96
2. Памяти Юрия Яковлевича Баскина // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2 (6). С. 254–255. EDN: MWBDAB / Rubkina, M. V., Romashov, R. A. (eds.) (2006) Pamyati Yuriya Yakovlevicha Baskina. *Leningrad Legal Journal*, no. 2 (6), pp. 254–255. (In Russ.)

Об авторах:

Тонков Евгений Никандрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6968-5624, e-mail: e.tonkov@mail.ru

Ложкин Михаил Александрович, преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-5579-8974, e-mail: mikhail_lozhkin_01@mail.ru

About the authors:

Evgenii N. Tonkov, PhD in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6968-5624, e-mail: e.tonkov@mail.ru

Mikhail A. Lozhkin, Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-5579-8974, e-mail: mikhail_lozhkin_01@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare that there is no conflict of interest.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2026. № 1 (27)

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Ответственный редактор
И. Е. ВИЛЬМАН
Корректор
М. П. КУЛИКОВА
Верстка
Т. П. ОЛОНОВА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Н. В. Разуваев, доктор юридических наук

УЧРЕДИТЕЛЬ
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ИЗДАТЕЛЬ
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС 77-77212 от 08.11.2019

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки; входит в Единый государственный перечень научных изданий (Белый список).

Журнал распространяется бесплатно.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Теоретическая и прикладная юриспруденция» обязательна.

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ:
119571 Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
199004 Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
199178 Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 57/43

Выход в свет 26.03.2026.

Сайт журнала: <https://www.taljournal.ru>.

16+

Макет подготовлен издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.
Тел. (812) 335-94-97

THEORETICAL AND APPLIED LAW

2026. No. 1 (27)

Chief of the publishing and printing centre

KNYAZEV E. YU.

Publishing editor

VILMAN I. E.

Proofreader

KULIKOVA M. P.

Layout designer

OLONOVA T. P.

Chief Editor

RAZUVAEV N. V., Doctor of Science (Jurisprudence)

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

PUBLISHER

North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Certificate of registration in the mass media

ЭЛ № ФС 77-77212 at 08.11.2019

The magazine is distributed free.

Editorial opinion may not coincide with the point of the view of the authors of published materials.

When reprinting, a reference to the journal "Theoretical and Applied Law" is required.

ADDRESS OF THE FOUNDER:

119571 Moscow, internal territory of the city, municipal district Troparevo-Nikulino, Vernadsky Ave., 82, building 1

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

199004 St. Petersburg, Vasilievsky Island, 8th Line, 61

ADDRESS OF THE PUBLISHER:

199178 St. Petersburg, Vasilievsky Island, Sredny Prospekt, 57/43

Publication date 26.03.2026.

Website: <https://www.taljournal.ru>.

16+